

П. А. Зайончковский

ПРОВЕДЕНИЕ
В ЖИЗНЬ
КРЕСТЬЯНСКОЙ
РЕФОРМЫ
1861 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1958

Настоящая книга профессора Московского университета П. А. Зайончковского посвящена проведению в жизнь крестьянской реформы с 1861 по 1870 г. На основе изучения широкого круга исторических источников автор характеризует реализацию реформы и ее результаты в различных экономических районах России, в том числе на Украине, в Белоруссии и Литве. Книга является также ценным пособием для изучения положения крестьянства в пореформенный период. Вместе с тем, работа представляет большой интерес для анализа экономических предпосылок буржуазно-демократической революции в России, конкретизируя тезис В. И. Ленина о том что условия отмены крепостного права породили революционные события 1905—1907 гг.

Книга рассчитана на студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов, пропагандистов сети партийного просвещения, историков, экономистов, а также широкие круги советской интеллигенции, интересующейся историей нашей Родины.

ОТ АВТОРА

Падение крепостного права в 1861 г., открывшее новую эпоху — эпоху капитализма, представляет собою одну из наиболее значительных проблем истории России XIX в. Важнейшей стороной этой проблемы является вопрос о проведении в жизнь реформы 19 февраля 1861 г., определившей в значительной степени условия пореформенного развития русской деревни. Изучение этого вопроса имеет исключительно большое значение для понимания экономических предпосылок первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. Однако вопрос о проведении в жизнь реформы 1861 г. не являлся предметом специального научного исследования в масштабе всей России. Дореволюционные историки, в большинстве своем, вовсе игнорировали его, сосредоточивая свое внимание только на вопросах подготовки реформы. Советские историки много сделали для изучения крестьянского движения этого периода, изучение же реализации реформы на основе анализа уставных грамот выпадало обычно из их поля зрения. Лишь в последние годы написан ряд работ, посвященных реализации реформы в губернском масштабе (Московская и частично Владимирская, Смоленская и Тульская губернии).

Настоящая работа, посвященная проведению реформы в жизнь, является продолжением и дальнейшим развитием нашей книги «Отмена крепостного права в России», вышедшей в свет в 1954 г.

Автор поставил своей задачей в данной работе исследовать первый 9-летний период реализации реформы, вплоть

до 1870 г., сконцентрировав свое основное внимание на содержании уставных грамот и на том, как они составлялись. Эти вопросы являются центральной проблемой исследования. С этой целью нами были подвергнуты изучению 2457 уставных грамот 16 различных уездов, относящихся к 11 губерниям Европейской России. Кроме того, мы использовали данные четырех уездов, обработанные нашими учениками — исследователями реформы в отдельных губерниях: Д. И. Будаевым — Ельнинский уезд, Смоленской губернии (568 грамот); В. Г. Зиминной — Покровский и Юрьевский уезды, Владимирской губернии (774 грамоты); А. Г. Каревской — Бугурусланский уезд, Самарской губернии (101 грамота).

Все эти 20 уездов находились в различных районах России. При их выборе мы исходили из ленинского принципа экономического районирования, данного им в «Развитии капитализма в России». Руководствуясь этим принципом районирования и особенностями Положений 19 февраля, мы определили три экономических района: центральный нечерноземный, центральный черноземный и окраинный¹. Первый район подразделяется на две подгруппы: непромышленных и промышленных губерний; второй — также на две: центральных черноземных губерний и левобережных украинских.

Первая подгруппа центральных нечерноземных губерний представлена Старорусским уездом, Новгородской губернии, и Краснинским и Ельнинским, Смоленской губернии; вторая подгруппа промышленных губерний — двумя уездами Владимирской губернии: Юрьевским и Покровским. Кроме того, для характеристики этой подгруппы губерний мы использовали данные диссертации Б. Г. Литвака «Уставные грамоты Московской губернии как источник по истории реализации «Положений 19 февраля 1861 года», обработавшего совместно с С. С. Филипповой и Г. Ильиным 3025 уставных грамот по всем 13 уездам Московской губернии. Наиболее полные сведения содержатся в данных по девяти уездам, обработанным Б. Г. Литваком.

Первая подгруппа черноземного центра представлена пятью уездами: Новосильским, Тульской губернии, Сенгилеевским, Симбирской губернии, Нижнедевицким, Ново-

¹ Вопрос о реализации реформы в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине рассматривается нами отдельно.

хоперским и Валуйским, Воронежской губернии. Кроме того, мы использовали данные 352 грамот по Веневскому уезду, обработанных по нашему принципу В. И. Крутиковым — автором книги «Отмена крепостного права в Тульской губернии», а также данные 307 уставных грамот по Кирсановскому уезду, Тамбовской губернии, изученных К. Ф. Максимовой.

Вторая подгруппа этого района представлена уставными грамотами трех уездов: Миргородского и Гадячского, Полтавской губернии, и Нежинского, Черниговской губернии.

Наконец, окраины, являвшиеся районами внутренней колонизации, представлены семью уездами: Бугурусланским, Самарским и Новоузенским, Самарской губернии, Александровским — Екатеринославской, Елизаветградским — Херсонской, Тотемским и Никольским, Вологодской губернии.

Общее число использованных нами грамот равняется 7244, что составляет примерно 9—10% общего числа уставных грамот, заключенных во внутренних губерниях¹. Ясно отдавая себе отчет, что изучение указанных грамот все же недостаточно для каких-либо общих выводов, мы тем не менее полагаем, что наша работа может послужить исходным моментом для дальнейших исследований в масштабе либо губернии, либо того или иного экономического района.

Наряду с уставными грамотами мы изучили также данные 2896 выкупных сделок, а вместе с учениками — 3655 выкупных сделок, относящихся к 20 уездам 13 губерний.

Специальная глава посвящена реформе 1863 г. в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине, проведенной правительством в связи с польским восстанием. Исследование вопроса о реализации этой реформы дается нами на основе работы Д. Г. Рихтера «Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго-и северо-западных губерниях России», а также обработки 300 выкупных актов, взятых выборочно.

Не ставя своей задачей исследование классовой борьбы в деревне в рассматриваемый нами период, мы освещали ее лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания рассматриваемых нами событий. Такова проблематика исследования.

¹ Исключая уставные грамоты Белоруссии, Литвы и Правобережной Украины, замененные в 1863 г. выкупными актами

В приложении приводятся сведения о количестве помещичьей и крестьянской надельной земли по всем губерниям, на которые распространены Положения 19 февраля 1861 г.

Эти сведения приводятся на основе данных 1877—1878 гг.

Ряд важных вопросов, связанных с проведением в жизнь крестьянской реформы, не нашел отражение в нашей книге. К ним относятся: реализация реформы в 70-е годы, получившая после прошествия 9-летнего срока некоторые новые черты; революционные события конца 70 — начала 80-х годов, заставившие правительство пойти на ряд изменений Положений 19 февраля 1861 г.; ход выкупной операции, ее анализ и ряд других.

Автор выражает глубокую благодарность Д. И. Будаеву, В. Г. Зиминой, А. Г. Каревской, В. И. Крутикову, Б. Г. Литваку, любезно предоставившим в его распоряжение материалы своих исследований. Автор благодарит также всех лиц, принимавших участие в обсуждении его рукописи как на историческом факультете Московского университета, так и в Комиссии по истории сельского хозяйства Института истории Академии наук СССР.

ВВЕДЕНИЕ

Отмена крепостного права в 1861 г. была следствием экономического развития страны, нашедшего свое выражение в кризисе феодально-крепостнической системы. Кризис этот был вызван тем, что господствовавшие в то время феодальные производственные отношения превратились в оковы, задерживавшие дальнейшее экономическое развитие России.

Во второй четверти XIX в. в России начинается промышленный переворот. Особенно ярко он проявился в новой отрасли промышленности — хлопчатобумажном производстве, которое стало быстро развиваться. В меньшей степени он затронул те отрасли производства, которые базировались на крепостном труде.

Однако и там, где производительные силы имели относительно большую свободу для развития, распространение новых производственных отношений не могло носить массовый характер. Развитие капитализма, как указывал К. Маркс, невозможно без наличия «свободного» (в двойном смысле этого слова) рабочего. Господство крепостного права исключало это условие, так как вольнонаемные промышленные рабочие в подавляющей своей части являлись крепостными, отпущенными своими владельцами на оброк.

В сельском хозяйстве производительные силы имели еще меньшие возможности для своего развития. Причиной этого являлся подневольный, малопродуктивный крепостной

труд. Переход к новым, улучшенным методам полеводства (распространение плодопеременной системы), внедрение отдельных несложных сельскохозяйственных машин, посе́вы трудоемких технических культур — все это могло получить лишь весьма ограниченное применение. Господствовавшие феодально-крепостнические производственные отношения делали невозможным дальнейший прогресс.

Вопрос о крепостном праве и его ликвидации стоял в середине XIX в. в центре общественно-идейной борьбы. «Все общественные вопросы, — писал В. И. Ленин, — сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»¹.

Ликвидация крепостного права в России могла произойти либо путем революционного свержения царизма и полной ликвидации феодальной формации, либо путем реформы, означавшей сохранение помещичьего землевладения, т. е. феодально-крепостнических пережитков. Первый путь, называемый В. И. Лениным американским, обеспечивал быстрое развитие капитализма в сельском хозяйстве, не сдерживаемое какими бы то ни было остатками феодализма. Второй путь — развитие капитализма в условиях сохранения феодальных форм землевладения — означал медленную эволюцию сельского хозяйства по капиталистическому пути — прусскому, как именовал его В. И. Ленин. Этот второй путь был весьма мучителен для крестьянства: он обрекал его в кабалу не только к помещику, но и к кулаку. Таким образом, крестьянство в условиях прусского пути развития капитализма страдало под двойным гнетом: феодальным и капиталистическим.

Борьба крестьянства против помещиков объективно означала борьбу за первый путь развития капитализма, за революционное решение вопроса об отмене крепостного права. Выразителями интересов крестьянства выступали революционные демократы. Однако класса, способного возглавить эту борьбу, в тот период в России еще не существовало, и это было причиной того, что революционная ситуация не смогла перерасти в революцию.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 473.

Сторонниками второго пути являлись либералы, выражавшие интересы нарождавшейся российской буржуазии и той части дворянства, которая оказалась вовлеченной в орбиту новых, капиталистических отношений.

Характеризуя причины отмены крепостного права, В. И. Ленин писал: «Какая же сила заставила их (господствующие классы. — П. Э.) взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*»¹.

Действительно, нарастание революционной ситуации, исходным пунктом которой явилась Крымская война, заставило правительство стать на путь отмены крепостного права. В 1857 г. был создан Секретный комитет по крестьянскому делу, положивший начало подготовке отмены крепостного права, что обуславливалось страхом перед нараставшим крестьянским движением. Правительственная программа отмены крепостного права, изложенная в рескриптах, претерпела позднее, в конце 1858 г., в результате дальнейшего назревания революционной ситуации известные изменения (установление выкупа крестьянами земель, создание органов крестьянского общественного управления и др.). Подготовка реформы проходила в условиях обостренной классовой борьбы. С одной стороны, выступало крестьянство, выразителем интересов которого являлись революционные демократы, с другой — господствующие классы. Либералы и крепостники, несмотря на существовавшие между ними серьезные разногласия, выступали единым лагерем. Борьба между ними являлась, как говорил В. И. Ленин, «борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок»².

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 95.

² Там же, стр. 96.

Вопрос о реализации «крестьянской реформы» не являлся предметом специального исследования в дореволюционной буржуазной историографии. Однако в некоторой степени он освещался в ряде работ. В начале 1877 г. вышла в свет книга известного либерального экономиста Ю. Э. Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и повинностях». На основе большого статистического материала, собранного двумя правительственными комиссиями (Комиссией для исследования сельского хозяйства и сельскохозяйственной производительности в России, в просторечии называвшейся «валуевской», и Податной комиссией), а также материалов земских управ профессор Янсон подверг исследованию вопрос об обеспеченности крестьян землей и о соответствии крестьянских платежей, в первую очередь выкупных, с доходностью их хозяйств. Анализируя этот вопрос по отдельным экономическим районам страны, он буквально на первых страницах своего исследования писал: «Мы начинаем смутно чувствовать, что крестьянское хозяйство находится далеко не в том положении, которое питало бы розовые надежды на будущее»¹. Янсон пришел к выводу, что как в нечерноземной и черноземной полосах, так и в юго-западных и северо-западных губерниях крестьянские наделы не могли обеспечить минимальных потребностей крестьян. «Мы прошли.., — писал Янсон, — по всем 12 губерниям нечерноземной великорусской полосы и выносим тот общий факт, что, за редкими исключениями, не только наделы, но и вся обрабатываемая крестьянами земля в иных случаях может только прокормить их, не покрывая других потребностей крестьянского хозяйства, в большинстве же и прокормить их не в состоянии»². Аналогичный вывод сделал Янсон и при анализе наделов крестьян черноземной полосы. «Если стать исключительно на точку зрения материальной обеспеченности, то едва ли, впрочем, не всем помещичьим крестьянам черноземной трехпольной полосы, — писал он, — было легче, в среднем выводе, при крепостном праве»³.

¹ Ю. Э. Янсон, Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, Спб. 1881, стр. 5.

² Там же, стр. 28.

³ Там же, стр. 73

Результаты изучения вопроса о крестьянских платежах, в которых выкупные платежи занимали господствующее место, также были не менее пессимистичны. Не говоря уже о нечерноземной полосе, где несоответствие выкупной цены за землю было значительно выше, чем в черноземной, в этой последней «...платежи бывших государственных крестьян, — писал Янсон, — составляют от 30 до 148⁰/₀ доходности... а у бывших помещичьих превосходят ее от 24 до 124⁰/₀ при среднем наделе и до 200⁰/₀ при низшем»¹. В нечерноземных губерниях это несоответствие было еще большим, составляя для Тверской губернии в среднем 252⁰/₀ доходности земли, а для Владимирской — 276⁰/₀².

Все эти данные автора не вызывают каких-либо сомнений. Если негативная часть исследования, таким образом, вполне научно обоснована, то выводы Янсона, т. е. его позитивная программа, крайне умеренны, что целиком соответствовало политическим идеалам российского либерала. Не ставя ни в какой форме вопроса о помещичьем землевладении, Янсон в заключении книги изложил следующую программу: «Есть, — писал он, — достаточно поводов к понижению поземельных платежей для уравнивания их со средствами крестьян и теми хозяйственными отношениями, какие определились 20-летним опытом; вопрос о переселениях и направлении их ждет разрешения, сообразного с потребностями народа и выгодами государства; предоставление дешевого кредита для приобретения тех земель, которые в будущем придется снимать за дорогую цену, сходное с выкупною операциею; самый пересмотр выкупной операции в видах возможного понижения выкупных платежей; наконец, столь желанное и давно ожидаемое преобразование податной системы: вот те громадной важности задачи, на которых не может не остановить своего внимания и правительство, и общество»³.

Программа Янсона ничем не отличалась от проекта, предложенного Лорис-Меликовым Александру II и осуществленного в начале 80-х годов. Однако книга Янсона при всей умеренности ее программы вызвала яростные нападки в реакционно-дворянском лагере. В конце 1880 г. на страницах реакционно-аристократической газеты «Русь»

¹ Ю. Э. Янсон, Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, стр. 86

² См. там же, стр. 36.

³ Там же, стр. 165—166

Д. Ф. Самарин выступил против Янсона и, руководствуясь «теорией недостаточности наделов», приписал ему стремление обезземелить дворянство.

Следующей работой, посвященной крестьянской реформе в целом, явилось исследование доцента политической экономии Санкт-Петербургского лесного института Л. В. Ходского «Земля и землевладелец», изданное в 1891 г.

В первом томе своего труда автор рассматривает общетеоретические вопросы и историю развития поземельных отношений в других странах. Вторым том посвящается характеристике Положений 19 февраля 1861 г. и их осуществлению. Здесь же рассматривается реформа в отношении удельных и государственных крестьян. Однако все эти вопросы освещаются автором в весьма общей форме. Так, глава «Фактическое осуществление и развитие Положений 19 февраля 1861 года» излагается автором всего лишь на 31 странице. Более подробно останавливается автор на выкупной операции, отмечая, так же как и Янсон, несоответствие выкупных платежей с действительной стоимостью земли.

Книга в целом носит ярко выраженный апологетический характер. «На реформу, — писал в заключении Ходский, — нельзя смотреть как на результат одних «постоянных» причин — постепенного изменения взглядов общества и народа. Причины «случайные» здесь играли огромную роль. Личный душевный склад могущественного инициатора и его ближайших соподвижников из царствующего дома был той «случайной» благодетельной причиной, которая глубоко всколыхнула общественное сознание и дала возможность овладеть им благородным, самоотверженным стремлением лучшей части русского образованного общества. Известное мнение, — продолжал он, — не раз повторявшееся в обществе и литературе, что если бы реформа не была произведена сверху, то она была бы вызвана снизу, мы считаем справедливым только отчасти...»

«...Если даже допустить, что тягости крепостного состояния в конце концов подняли бы народные массы под знаменем освобождения, то вопрос еще — когда бы это было. И сколько страшных несправедливостей и страданий было бы вызвано этим»¹.

¹ Л. В. Ходский, Земля и землевладелец, т. II, Спб. 1891, стр. 312.

Эту классически либеральную характеристику реформы мы встречаем у всех дореволюционных историков (Иванюков, Джаншиев, Корнилов и др.), занимавшихся исследованием отмены крепостного права. Недостатки книги Л. В. Ходского заключаются не только в методологической концепции ее автора. Стремясь доказать «благодетельные» результаты реформы, автор прибегает к «своеобразным» статистико-экономическим методам. За величину, обеспечивающую крестьянина землей, Ходский принимает надел государственных крестьян. Руководствуясь этим методом, он приходит к следующему заключению¹:

	Процент получивших землю в надел		
	Щедро	Достаточно	Недостаточно
Государственные и удельные крестьяне	50,7	35,6	13,7
Помещичьи крестьяне	13,9	43,5	42,6
Всего	32,6	39,7	27,7

Эти данные находятся в вопиющем противоречии с действительностью, если учесть, что надел свыше 6 десятин, обеспечивавший прожиточный минимум крестьянина, получили, согласно данным «Статистики поземельной собственности», лишь 4,8% всех помещичьих крестьян². Все это говорит, что научная ценность работы Ходского весьма невелика.

В 1900 г. в № 39 «Вестника финансов, промышленности и торговли» были опубликованы статистические данные с обстоятельной вводной статьей Д. Г. Рихтера под названием «Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России». Работа эта основана на изучении материалов Государственного банка и архива Главного выкупного учреждения. Задачи данного исследования, как это формулировалось самим автором, заключались в установлении

¹ См. Л. В. Ходский, Земля и землевладелец, т. II, стр. 243.

² См. П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России. М 1954, стр. 277.

Количества наделной земли, полученной крестьянами этих губерний, в рассмотрении вопроса о сервитутах, а также определении «отношения платежей, лежавших на земле за право пользования ею при крепостном праве, к установленным выкупным платежам после получения крестьянами надела»¹. Данные Рихтера подробно освещают указанные выше вопросы, и статистические выводы автора не вызывают сомнений. Однако при сопоставлении данных исследования Рихтера с материалами «Статистики поземельной собственности и населенных мест Европейской России» мы встречаем некоторую, весьма небольшую разницу в определении количества земли, полученной в надел крестьянами.

Так, по губерниям Правобережной Украины это выглядит следующим образом:

	<i>По данным Рихтера</i> ²	<i>По данным «Статистики»</i> ³
Киевская губерния	1 379 312 дес.	1 426 758 дес.
Воынская »	1 649 894 »	1 639 700 »
Подольская »	1 205 367 »	1 216 496 »

Таким образом, по Киевской и Подольской губерниям данные Рихтера несколько ниже сведений «Статистики» (от 3,5 до 0,75%). Данные же по Воынской губернии превосходят сведения «Статистики» на 10 194 десятины, или на 0,65%. Это незначительное расхождение могло быть результатом недостаточно точного определения земли по выкупным актам, которые являлись основным источником Д. Г. Рихтера.

В 1906 г. демократически настроенный экономист А. Е. Лосицкий издал брошюру «Выкупная операция». Издание этой брошюры преследовало сугубо политические цели — доказать незаконность взимания выкупных платежей в 1906 г.

Однако значение этой брошюры весьма велико и с точки зрения ее научной ценности. В основу ее был положен доклад «О выкупной операции», прочтенный автором 24 ноября 1904 г. в Крестьянской комиссии Воыного экономического общества. Доклад этот и приложенные к нему таб-

¹ «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 584.

² См. там же, стр. 596.

³ См. «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», вып. III, Спб. 1884, стр. 144, 179, 213

лицы представляют собою весьма сжатое изложение хода выкупной операции и явились плодом серьезного исследования этого вопроса автором. Работа Лосицкого до сих пор является лучшей работой, посвященной выкупной операции.

В том же 1906 г. Лосицкий опубликовал в ноябрьской книжке демократического журнала «Образование», издававшегося при ближайшем участии А. В. Луначарского, статью «Хозяйственные отношения при падении крепостного права»¹. Центральной задачей этой статьи является выяснение количества отрезанной у крестьян земли. Автор совершенно правильно указывает на несовершенство данных Редакционных комиссий о величине крестьянского дореформенного землепользования. Как правило, эти данные помещиками занижались, дабы уменьшить норму надела, устанавливаемого для той или иной местности. При этом автор приводит данные земского статистика Серебрякова, производившего подсчет уставных грамот по Саратовской губернии. Эти данные дают для Саратовской губернии увеличение процента сокращения общего количества земли, находившейся в пользовании крестьян до и после реформы, на 4,30%. Руководствуясь этим, Лосицкий пытается установить процент уменьшения крестьянского землепользования путем механического перенесения данных об увеличении отрезков в Саратовской губернии на 4,30% на все губернии². С подобным методом, естественно, согласиться нельзя; данные Лосицкого, на наш взгляд, приняты быть не могут.

Перечисленные выше работы — это все, что дала дореволюционная историография по затронутой нами проблеме.

* *

*

Новый этап в изучении падения крепостного права вообще и проведения реформы в частности связан с работами В. И. Ленина. Вопросам отмены крепостного права В. И. Ленин уделяет внимание уже в своих ранних работах,

¹ «Образование» № 11а, 1906 г., стр. 192—220.

² См. там же, стр. 210. Нам представляется, что понятие «отрезки» в нашей исторической литературе определяется неверно. Имея в виду, что в каждом уезде наряду с отрезкой производилась также и прирезка, разность между дореформенным наделом и пореформенным будет означать не величину отрезанной земли, а общее уменьшение земельной площади, находившейся в пользовании крестьян.

в которых он полемизировал с народниками по вопросу о капиталистическом развитии России. Большое значение для понимания экономических результатов отмены крепостного права имеет ленинское исследование «Развитие капитализма в России». В этом произведении В. И. Ленин на основе скрупулезного исследования различных статистических материалов, и в первую очередь земских, характеризует пореформенную обстановку в русской деревне и дает ключ к пониманию важнейших экономических процессов, происходивших в России во второй половине XIX в. Именно здесь В. И. Ленин весьма подробно останавливается на экономических результатах реформы, заключавшихся в сохранении феодальных форм эксплуатации крестьян. «Крестьянское хозяйство, — писал он, — не было вполне отделено от хозяйства помещиков, так как в руках последних остались весьма существенные части крестьянских наделов: «отрезные земли», леса, луга, водоемы, выгоны и пр. Без этих земель (или сервитутов) крестьяне совершенно не в состоянии были вести самостоятельного хозяйства, и помещики имели таким образом возможность продолжать старую систему хозяйства в форме отработков. Возможность «внеэкономического принуждения» тоже оставалась: временно-обязанное состояние, круговая порука, телесное наказание крестьянина, отдача его на общественные работы и т. д.»¹

Не менее важное значение для понимания положения пореформенной деревни имеет другая ленинская работа — «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», — написанная им для Энциклопедического словаря, издававшегося товариществом братьев Гранат. В этой обстоятельной статье также дается характеристика экономического положения пореформенной деревни и приводится ряд новых статистических данных. Большое внимание уделяется здесь влиянию феодально-крепостнических пережитков на процесс развития капитализма в сельском хозяйстве. В заключении статьи В. И. Ленин писал: «Аграрный вопрос в России к концу XIX века поставил на разрешение общественным классам задачу: покончить с крепостнической стариной и очистить землевладение, очистить всю дорогу для капитализма, для роста производительных сил, для свободной и открытой борьбы классов. И эта же борьба классов, — про-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 160

должал В. И. Ленин, — определит, каким образом будет решена эта задача»¹.

Непосредственно падению крепостного права В. И. Ленин посвятил три статьи: «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», «По поводу юбилея», «Пятидесятилетие падения крепостного права». Все они написаны в 1911 г. в связи с празднованием 50-летнего юбилея отмены крепостного права. В статьях разоблачались официальные правительственные, а также либеральные и народнические воззрения на реформу. Вместе с тем в них В. И. Ленин останавливается на основных вопросах реформы и ее результатах. Так, характеризуя наделы крестьян по Положениям 19 февраля 1861 г., Ленин в статье «По поводу юбилея» писал: «В действительности «наделы» 1861 года означали в большинстве случаев создание не свободного самостоятельного земледельца, а прикрепление к земле кабального арендатора, фактически вынужденного отбывать ту же барщину в форме обработки своим инвентарем помещичьей земли за выпас, за выгон, за луга, за необходимую пахотную землю и т. п.»²

Наиболее подробно все важнейшие вопросы, связанные с оценкой реформы, характеристикой причин, вызвавших ее, расстановкой классовых сил в период подготовки реформы и т. п., нашли свое отражение в статье «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция». Здесь же В. И. Ленин определяет и влияние реформы на дальнейшее развитие революционного движения в России. «1861-ый год породил 1905-ый, — писал он. — Крепостнический характер первой «великой» буржуазной реформы затруднил развитие, обрек крестьян на тысячи худших и горших мучений, но не изменил направление развития, не предотвратил буржуазной революции 1905-го года. Реформа 61-го года, — продолжал В. И. Ленин, — отсрочила развязку, открыв известный клапан, дав некоторый прирост капитализму, но она не устранила неизбежной развязки, которая к 1905-му году разыгралась на поприще несравненно более широком, в натиске масс на самодержавие царя и крепостников-помещиков»³

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 125.

² В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 86.

³ Там же, стр. 99.

Вопрос об изучении результатов реформы на основе анализа уставных грамот впервые был поставлен советскими историками в середине 20-х годов, точнее в 1926 г. Пионерами в этом были профессора Ярославского педагогического института И. И. Полосин и В. И. Бочкарев, организовавшие обработку грамот студентами этого института. Аналогичная работа начала проводиться также и в Тверском и Нижегородском педагогических институтах. Однако ее результаты в подавляющей части не увидели света. Была опубликована лишь статья Н. П. Синотова «Аграрная реформа 19 февраля 1861 г. в Ярославской губернии (Бурмакинская волость Ярославского уезда)», основанная на изучении 27 уставных грамот¹, а также статья И. И. Полосина «Шуваловщина 1858—78 гг.», представляющая собою анализ 32 уставных грамот имения графа П. И. Шувалова в Вышгородской волости Верейского уезда Московской губернии².

Большую роль в деле разработки с марксистско-ленинских позиций проблемы отмены крепостного права в целом сыграл крупный советский историк профессор Е. А. Мороховец. Его перу принадлежит ряд статей, весьма ценных публикаций, а также научно-популярный очерк «Крестьянская реформа 1861 года», изданный в 1937 г. В нем впервые была изложена история отмены крепостного права с марксистско-ленинских позиций. Работа Е. А. Мороховца содержит и ряд недостатков, не умаляющих, однако, ее большого положительного значения. Весьма жаль, что Е. А. Мороховец не осветил в ней реализацию реформы.

Особое внимание на историю падения крепостного права было обращено советскими историками после Великой Отечественной войны. За истекший после ее окончания 10-летний период написано значительное число диссертаций, посвященных, преимущественно, крестьянскому движению в годы отмены крепостного права. Не останавливаясь подробно на анализе этих работ, необходимо отметить, что наиболее общим недостатком их является исследование крестьянского движения в известном отрыве от конкретного

¹ См. «Труды Ярославского педагогического института», т. III, вып. IV, Ярославль 1929.

² См. «Труды общества изучения Московской области», вып. 6. Московский край в его прошлом, ч. 2, М. 1930.

хода реализации реформы, а также в отсутствии обобщенных данных о его размерах.

Инициатива в организации обработки уставных грамот в послевоенный период принадлежит профессору В. К. Яцунскому, организовавшему эту работу в своем специальном семинаре в Историко-архивном институте. Результатом этого явился ряд дипломных работ, а затем кандидатских диссертаций по реализации реформы в Московской губернии.

Наряду с этим местные историки занимались изучением истории отмены крепостного права и, в частности, реализации реформы в масштабе той или иной губернии.

Обратимся к работам, посвященным в той или иной степени реализации реформы. Все эти исследования, представляющие собою диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, посвящены крестьянской реформе 1861 г., главным образом в масштабе той или иной губернии. Казалось бы, что в известной части эти исследования должны освещать реализацию реформы. К сожалению, большая часть этих работ не вносит ничего нового в изучение этого вопроса, так как в них нет анализа ни уставных грамот, ни выкупных актов.

В качестве примера остановимся на работе М. Б. Фридман «Крестьянская реформа» 1861 г. в Минской губернии¹, являющейся диссертацией, защищенной автором в Белорусском государственном университете. Автор исследования не подверг анализу выкупные акты ни по одному уезду, а результаты реформы, т. е. обеспечение крестьян землей, рассматриваются им по данным Ходского, с подразделением групп на три категории, а именно: получивших надел «щедро», «достаточно» и «недостаточно». При этом автор дает следующее примечание: «Щедро наделенными землею считаются хозяйства, имеющие свыше 25 десятин, достаточно — от 20 до 25 десятин и недостаточно — менее 20 десятин»².

Ссылаясь на Ходского, автор исследования утверждает, что 37% крестьян Минской губернии получили «щедрое» наделы, а 63% — «недостаточные»³. Следовательно, 37%

¹ Часть этой работы опубликована под тем же названием в «Ученых записках Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина», вып. 16, Минск 1953, стр. 137—164.

² Там же, стр. 163.

³ «Ученые записки Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина», вып. 16, 1953 г., стр. 163.

крестьян Минской губернии, иначе говоря, около 10⁵ тыс ревизских душ, получили надел свыше 25 десятин на двор. Подобное заключение абсолютно неверно. Чтобы убедиться в этом, обратимся к данным «Статистики поземельной собственности». В Минской губернии насчитывалось 87712 дворов с 286054 ревизскими душами¹. Следовательно, на один двор (хозяйство) приходилось в среднем 3,2 ревизской души. Условимся считать надел «свыше 25 десятин» в 25,5 десятины. Разделив 25,5 на 3,2, мы получим 7,96 десятины, что и должно было составлять надел на ревизскую душу. Мы полагаем возможным округлить эту цифру и считать душевой надел в 8 десятин. Исходя из данных М. Б. Фридман, получается, что подобный надел получили 105 тыс. ревизских душ. По данным же «Статистики поземельной собственности», надел свыше 7 десятин в Минской губернии получили 44760 ревизских душ, а свыше 8 десятин — 32101 душа².

Рассмотрим диссертацию М. И. Белан «Крестьянская реформа 1861 года и крестьянское движение в Черниговской губернии», защищенной ею в 1952 г. в Киевском государственном университете имени Т. Г. Шевченко³.

Этот автор также не уделяет фактически никакого внимания проведению реформы, хотя значительная часть одной из глав и посвящена данному вопросу. В отличие от М. Б. Фридман М. И. Белан ознакомилась все же с двумя уставными грамотами из общего числа свыше 2 тыс., заключенных в Черниговской губернии. Характеризуя наделение крестьян землей в результате составления уставных грамот, автор пишет: «По неточным данным царской статистики, в Черниговской губернии были произведены отрезки в 125 имениях. Во всех этих имениях во время отрезки от крестьян отняли земля в количестве 38566 десятин»⁴. При

¹ См. «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», вып. V, Спб. 1882, стр. 103.

² См. там же.

³ См. М. И. Белан, Крестьянская реформа 1861 года и крестьянское движение в Черниговской губернии, диссертация, Киев 1952.

⁴ Там же, стр. 151. К тому же надо заметить, что, даже «по неточным данным царской статистики», в Черниговской губернии было отрезано не 38566 десятин, а более 200 тыс. (см. П. А. Зайончковский, Отмена крепостного права в России, стр. 207)

этом автор не делает даже ссылки на источник, откуда им заимствованы эти сведения.

Аналогичной по своему характеру является и диссертация А. Г. Короткевича «Отмена крепостного права в Витебской губернии».

Все это говорит о том, что многие наши историки, не преодолев еще традиции, присущей либеральной историографии, основное свое внимание обращают на освещение подготовки реформы, игнорируя изучение ее результатов.

Обратимся к работам, в которых в какой-то степени использованы данные уставных грамот. К таким работам необходимо отнести книгу В. С. Орлова «Отмена крепостного права в Смоленской губернии»¹, представляющую собою в несколько переработанном виде его кандидатскую диссертацию². В главе «Реформа и ее результаты в Смоленской губернии» В. С. Орлов коснулся вопроса о реализации реформы. Автор, изучив 140 уставных грамот Краснинского уезда, приводит весьма интересные примеры, характеризующие формы и методы закабаления крестьян. Однако научный анализ этих грамот отсутствует. Так, остается неизвестным, какое количество крестьян охватывали эти уставные грамоты. Отмечая отрезку земли, автор вовсе не анализирует причины ее, не говоря уже о том, что он вовсе игнорирует данные о прирезке земли, имевшей место в Краснинском уезде. Таким образом, работа Орлова не решает проблемы реализации реформы в Смоленской губернии. Попытку автора сделать обобщающие выводы по губернии на основе анализа некоторой части уставных грамот по одному из 12 уездов губернии нельзя считать удачной, а ее результаты — заслуживающими внимания.

В работе И. Н. Кунтикова «Крестьянская реформа в Нижегородской губернии»³ автор в главе «Проведение реформы и обострение классовой борьбы в Нижегородской губернии» анализирует 2063 уставные грамоты, находящиеся в фонде Главного выкупного учреждения (ЦГИАЛ).

¹ Книга издана Смоленским краеведческим научно-исследовательским институтом в 1947 г.

² Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук защищена в Московском государственном университете в 1944 г.

³ Диссертация защищена в 1955 г. в Московском историко-архивном институте.

Однако этот анализ проведен по весьма упрощенному методу. Автор указывает лишь число грамот, по которым проведена отрезка земли, и количество отрезанной по ним земли; то же сделано и в отношении прирезки. Голая констатация факта, без объяснения причин как отрезки, так и прирезки, явно недостаточна. К тому же анализ уставных грамот нельзя сводить только к математическим расчетам в отношении прирезки и отрезки земель. Для всестороннего освещения результатов реформы необходимы и другие данные (разверстание угодий, перенесение усадеб и т. д.).

Исследование Г. С. Койстинен «Проведение крестьянской реформы 1861 года в Петербургской губернии»¹ посвящено целиком изучаемой нами проблеме. Однако автор далеко не полно приводит данные о результатах реформы. Используя статистические материалы 80-х годов XIX столетия, она дает сведения о количестве отрезанной у крестьян земли, но данные о прирезках отсутствуют (сообщается лишь число селений, в которых они имели место). Так же остается совершенно неизвестным, каков удельный вес обработанных грамот по отношению к общему числу их, какое количество крестьян охватывают собой эти грамоты. Этих сведений мы не находим ни в источниковедческом очерке, ни в тексте соответствующей главы. В силу этого данные об отрезках по отдельным имениям, приводимые автором в конце работы, представляют весьма небольшую ценность.

Положительную в целом оценку заслуживает исследование К. Ф. Максимовой «Крестьянская реформа в 1861 году в Тамбовской губернии»². Около ста страниц этой работы посвящено анализу реализации реформы. Автор подверг детальному изучению уставные грамоты по одному из крупных уездов губернии — Кирсановскому. К. Ф. Максимова не только фиксирует результаты отрезки и прирезки земли, но и подробно останавливается на причинах этого. Вместе с тем автор рассматривает и другие стороны реализации реформы (условия разграничения угодий, перенесения усадеб и т. д.). Однако и эта работа содержит в себе ряд крупных недостатков. Во-первых, автор кладет в основу своего исследования имение, соответствующее грамоте, не указывая

¹ Диссертация защищена в 1953 г. в Ленинградском государственном университете.

² Диссертация защищена в Московском городском педагогическом институте в 1954 г.

при этом числа ревизских душ. Вследствие этого данные об отрезке или прирезке земли по тому или иному числу имений сами по себе ничего не выражают.

Вторым недостатком указанной работы является попытка автора делать вывод для всей губернии лишь на основе анализа уставных грамот по одному уезду. Это, на наш взгляд, весьма рискованно. Тем более, что автор, следуя за Лосицким, определяет общий процент отрезков путем увеличения известных ранее данных на 4,30%.

В 1956 г. в Историко-архивном институте защищена Б. Г. Литваком диссертация на тему «Уставные грамоты Московской губернии как источник по истории реализации «Положений 19 февраля 1861 года»». Эта работа, широко использованная нами, представляет собой весьма серьезное исследование и основана на углубленном и всестороннем анализе уставных грамот девяти уездов Московской губернии. В исследовании изучаются не только причины отрезков и прирезков, но и делается попытка определить закономерность отрезки в тех или иных группах имений. Большое внимание автор уделяет анализу повинностей и сопоставлению величины их до и после реформы. Такой же характер носит и диссертация В. Г. Зиминой «Крестьянская реформа во Владимирской губернии», защищенная в 1956 г. в Московском государственном университете. В. Г. Зиминая подвергает детальному анализу уставные грамоты двух уездов: Покровского и Юрьевского, а также использует общие данные по всем уездам, касающиеся происшедших изменений в землепользовании крестьян.

В заключение необходимо остановиться на статье Ф. С. Горюмова «О причинах задержки обнародования манифеста 19 февраля 1861 г.», помещенной в пятом номере журнала «Вопросы истории» за 1952 г. В этой статье автор, полемизируя с Е. А. Мороховцом, совершенно справедливо указывает, что день 19 февраля в 1861 г. приходился не на масленую неделю. Однако концепция автора статьи о причинах опубликования манифеста и Положений не в феврале, а в марте, на наш взгляд, неправильна. Резюмируя свои выводы, он пишет: «Обобщая все вышесказанное, мы приходим к выводу, что не масленица заставила царское правительство задержать объявление манифеста, а общая неподготовленность царизма к предотвращению и подавлению крестьянских волнений» (стр. 102). Дело обстояло несколько иначе. Причина задержки опубли-

ликования манифеста действительно заключалась в стремлении предотвратить крестьянские волнения, но обуславливалась она все же не общей неподготовленностью, а приближением масленицы, начинавшейся в 1861 г. с 26 февраля. Ф. С. Горовому остался неизвестным ряд важных документов, связанных с мерами, которые предприняло правительство для предотвращения крестьянских волнений.

В целях «обеспечения спокойствия» правительство считало наиболее целесообразным опубликовать манифест и Положения великим постом, о чем министр внутренних дел Ланской сообщил на места специальной секретной телеграммой 12 февраля.

Вопрос о дислокации войск для подавления крестьянского движения был рассмотрен в Совете Министров 26 января 1861 г. Никаких существенных изменений в размещении воинских частей произведено не было. Что же касается печатания Положений и манифеста, а также выезда на места флигель-адъютантов и свитских генералов, то это могло бы быть осуществлено и ранее, так как сама дата подписания манифеста и Положений — 19 февраля (день вступления на престол Александра II) — имела символическое значение.

Таким образом, обнародование Положений и манифеста в марте месяце было вызвано именно тем, что наиболее удобным временем для этого правительство считало период великого поста.

* *
*

Использованные в настоящей работе источники можно подразделить на следующие основные группы: 1) официально-документальные материалы, или, как их принято называть, материалы официального делопроизводства; 2) статистические материалы; 3) мемуары, дневники; 4) эпистолярные материалы; 5) публицистика.

Наибольший удельный вес занимают источники первой группы — официально-документальные материалы, которые в свою очередь можно подразделить на две подгруппы: а) уставные грамоты и выкупные сделки, являющиеся наиболее важным для нас источником; б) прочие документальные материалы: различного рода доклады и донесе-

ния о ходе реализации реформы, журналы заседаний Главного комитета об устройстве сельского состояния и т. д.

Использованные нами уставные грамоты и выкупные сделки хранятся в фонде Главного выкупного учреждения в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде. При переходе крестьян на выкуп вся документация, связанная с ним, направлялась в Главное выкупное учреждение для окончательного утверждения размера выкупной ссуды. К этой документации, состоявшей из копий подлинных документов, хранившихся в губернском по крестьянским делам присутствии, относились уставная грамота¹, акт проверки ее мировым посредником, различные дополнительные соглашения крестьян с помещиком, мирские приговоры, связанные с изменением размера надела после составления уставной грамоты (отказ от добавочных участков в украинских губерниях Левобережья, отказ от надела после 1870 г. и т. д.), объявление помещика о выкупе (при выкупе по требованию помещика), мирской приговор о размере выкупаемого надела, выкупной договор (если выкуп производился по добровольному соглашению), решение губернского по крестьянским делам присутствия о переходе крестьян на выкуп, выкупной акт, если выкупная сделка заключена после 1881 г., и, наконец, составленная Главным выкупным учреждением «Докладная записка о выкупе земли временно обязанными крестьянами у помещика». Эта «Докладная записка», представленная в деле черновым экземпляром, содержит в себе все сведения, касающиеся размера надела² и повинностей как в дореформенный, так и в пореформенный период.

Помимо этого, в делах содержатся расчеты Главного выкупного учреждения о размерах выдаваемой ссуды и

¹ В некоторых делах уставная грамота отсутствует, что, впрочем, встречается весьма и весьма редко. Из изученных нами около 2500 дел это имело место не более чем в 20 случаях. Исключение представляют собою дела так называемых северо-западных губерний, в которых был введен обязательный выкуп в 1863 г. При анализе 100 выкупных актов Виленского уезда и губернии и 50 актов Игуменского уезда, Минской губернии, мы не обнаружили в указанных делах ни одной уставной грамоты. В юго-западных же губерниях наряду с выкупными актами имеются и уставные грамоты.

² Форма «Докладной записки» несколько видоизменилась. Так, сведения о количестве земли, находившейся в пользовании крестьян до реформы, включаются лишь с середины 60-х годов, когда в «Докладную записку» была введена специальная графа о размере дореформенного надела.

ордера Государственному банку на ее выдачу. Эти документы представлены также в черновых экземплярах.

Таким образом, как уставная грамота, так и данные выкупных сделок, а также вся связанная с ними документация представлены в фонде Главного выкупного учреждения в копиях (а в некоторых случаях — и в копиях с копий). В делах Главного выкупного учреждения отсутствуют планы отводимой крестьянам в надел земли, которые весьма часто бывают приложены к уставным грамотам, хранящимся в фонде того или иного губернского по крестьянским делам присутствия.

Преимущество изучения уставных грамот по фонду Главного выкупного учреждения заключается в том, что здесь содержатся сведения о выкупе, вследствие чего возможен одновременный анализ как данных грамот, так и выкупных сделок. К тому же во многих местных архивах уставные грамоты либо вовсе не сохранились, либо сохранились в весьма небольшом количестве¹, в силу чего копии их, находящиеся в фонде Главного выкупного учреждения, являются единственным источником.

Однако в фонде представлены все же не все грамоты, составленные в том или ином уезде или губернии. Здесь находятся лишь те уставные грамоты, по которым при переходе крестьян в разряд собственников помещики получали выкупные платежи. По тем же сделкам, по которым эти платежи им не причитались, уставные грамоты в деле отсутствуют. К таким сделкам относятся дарственные о предоставлении крестьянам «четвертного» надела согласно ст. 123 Великороссийского местного положения или ст. 116 малороссийского. Сюда же надо отнести выкупные сделки, заключенные «без содействия правительства», и, наконец, сделки по мелкопоместным именьям, которые передавались в казну.

При анализе уставных грамот по каждому уезду мы сопоставляем число крестьян, числящихся по этим грамотам, с данными материалов Редакционных комиссий.

Обратимся к характеристике уставных грамот как исторического источника. Необходимо прежде всего сказать, что, несмотря на то что для изучения проблемы реализации реформы наиболее важным и вместе с тем наиболее

¹ Почти не сохранилось уставных грамот в районах, подвергшихся оккупации в годы Великой Отечественной войны.

достоверным источником являются уставные грамоты, нельзя рассматривать сведения, приводимые в них, как абсолютно точные. Это относится в первую очередь к определению размера земельного надела. Анализ грамот показывает, что нередко при инструментальном измерении наблюдалась некоторая разница (как в ту, так и в другую сторону) между действительным количеством земли, находившейся в пользовании крестьян, и данными уставных грамот. Иногда помещики зачисляли в разряд удобных земель земли неудобные, что весьма часто происходило в Виленской и Минской губерниях. Весьма часто имело место определение дореформенного надела крестьян «на глазок». В степной полосе крестьяне, как правило, не имели постоянного надела и обрабатывали землю «по мере сил своих». В уставных грамотах Екатеринославской губернии не имеется вовсе графы о дореформенном наделе. В значительной части уставных грамот Елизаветградского уезда, Херсонской губернии, и Новоузенского уезда, Самарской губернии, либо вовсе не указывается размер дореформенного надела, либо он определяется с помощью предлогов «около», «до» и т. д. Следовательно, данные о дореформенном землепользовании крестьян, по крайней мере по Херсонской и Екатеринославской губерниям и части Самарской губернии, сообщавшиеся помещиками в Редакционные комиссии, в большинстве своем не соответствуют действительности.

Весьма трудным и запутанным является вопрос о том, подписана ли данная грамота крестьянами или нет. В некоторых грамотах подпись крестьян отсутствует, а приписка мирового посредника свидетельствует, что грамота заключена по добровольному соглашению. В некоторых грамотах вместо крестьян «за их неграмотностью» подписывается то или иное административное лицо. Иногда здесь имел место прямой подлог. Так, уставная грамота на имение помещика Дорогобужского уезда, Смоленской губернии, Д. П. Василевского была подписана «за крестьян». Впоследствии же крестьяне этого имения заявили, что уставную грамоту они «не подписывали и никого за себя не просили, а кем она подписана, по чьему приказанию — им неизвестно, так как она была составлена без их участия»¹.

¹ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. Главного выкупного учреждения. № 577, оп. 37, д. 1253.

Все это говорит о том, что данные уставных грамот требуют к себе весьма критического отношения.

Рассмотрим методику обработки уставных грамот и данных выкупных сделок. Как уже говорилось выше, нам представляется необходимым изучение всего содержания уставных грамот, а не только механический подсчет количества отрезанных и прирезанных земель. Вследствие этого обработка грамот велась нами по следующей схеме¹:

1. Название селения и фамилия его владельца.
2. Число ревизских душ².
3. Количество земли у крестьян:
 - а) до реформы,
 - б) получено ими по уставным грамотам.
4. Норма высшего надела³.
5. Количество земли по выкупу.
6. Разверстание угодий.
7. Перенесение усадеб.
8. Подпись грамоты крестьянами.
9. Выкуп по добровольному соглашению.
10. Примечание.

Особое значение имеют примечания, где отражается целый ряд сведений, как-то: причина отрезки или прирезки земли (если это не вытекает из данных, указанных выше граф), отказ крестьян от земли, дополнительные соглашения, условия разверстания и перенесения усадеб, условия уплаты дополнительного платежа (если выкуп совершается по добровольному соглашению с помещиком) и др. Увеличение или уменьшение суммы оброка по сравнению с установленной нормой также должно фиксироваться в примечаниях. Таким образом, в основу анализа резуль-

¹ В связи со спецификой отдельных губерний в означенную схему вносятся некоторые изменения. Так, в левобережных украинских губерниях наряду с числом ревизских душ указывается число тягловых, пеших и огородников и т. д. При обработке итоговых данных как уставных грамот, так и выкупных актов мы, за исключением сведений по Полтавской и Черниговской губерниям, квадратные сажени до 1200 отбрасывали, от 1200 принимали за десятину.

² В числителе дается число душ, значившихся по уставной грамоте, в знаменателе — по выкупной сделке.

³ Введение графы «Норма высшего надела» имеет большое значение для обработки этих данных, помогая определению причин отрезки и прирезки земли.

татов реформы нами положена уставная грамота, при обработке которой, однако, привлекаются и некоторые данные выкупных сделок¹.

При анализе результатов реформы в белорусских, литовских и правобережных губерниях Украины в основу изучения положена не уставная грамота, а выкупной акт, фиксирующий изменение размера надела и повинностей в связи с законами 1863 г.

Перейдем к характеристике второй подгруппы источников, к которой, как указывалось выше, относятся прочие документальные материалы. К ним, во-первых, надо отнести различного рода донесения, рапорты и доклады об опубликовании Положений и ходе реализации реформы. Значительное место среди этих документов занимают донесения флигель-адъютантов, свитских генералов и генерал-адъютантов «об обнародовании Положений 19 февраля 1861 года и событиях, сопровождавших введение на местах сих Положений». Эти донесения, хранящиеся в фонде № 1180 Секретного и Главного комитета по крестьянскому делу (ЦГИАЛ), были опубликованы в 1949 г. в сборнике «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», подготовленном к печати профессором Е. А. Мороховцом и отредактированным ныне академиком Н. М. Дружининым. В этот сборник, снабженный большим научно-справочным аппаратом, включены также сохранившиеся в этом фонде донесения губернских прокуроров и уездных стряпчих, которые содержат сведения о крестьянском движении весной 1861 г. Документы, включенные в сборник, представляют собою весьма важный источник для изучения истории опубликования Положений и крестьянского движения в марте — мае 1861 г.

К этим документам непосредственно примыкают еженедельные записки министра внутренних дел о ходе реализации реформы, представлявшиеся им Александру II с марта 1861 г. по конец 1863 г.² Эти доклады хранятся в ЦГИАЛ в фонде Земского отдела³ и в копиях — в фонде Главного

¹ Иногда на одну уставную грамоту, составленную на несколько сельских обществ, заключалось несколько выкупных сделок. В других случаях на несколько уставных грамот составлялась одна выкупная сделка.

² В конце 1863 г. еженедельные доклады сменяются месячными.

³ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела Министерства внутренних дел, № 1291, оп. 1, д. 505—507.

комитета об устройстве сельского состояния¹. Доклады за 1861—1862 гг. опубликованы в сборнике «Отмена крепостного права», подготовленном научными сотрудниками ЦГИАЛ В. М. Меламедовой и Г. М. Дейч под редакцией профессора С. Н. Валка и изданном в 1951 г. Институтом истории Академии наук СССР совместно с Центральным государственным историческим архивом в Ленинграде. Эти доклады, несмотря на их тенденциозность, все же являются весьма ценным источником для изучения хода составления уставных грамот, создания органов крестьянского общественного управления, а также классовой борьбы в деревне в период с 1861 по 1863 г. Весьма жаль, что доклады за 1863 г. еще не увидели света.

Источником, на основе которого составлялись доклады министра внутренних дел, являлись еженедельные доклады губернаторов «о ходе крестьянского дела». Они хранятся также в фонде Главного комитета об устройстве сельского состояния². Вполне естественно, что эти доклады дают наиболее полное представление о реализации реформы в тех или иных губерниях. Докладам губернаторов непосредственно предшествуют их сообщения о ходе опубликования манифеста и Положений 19 февраля 1861 г., которые хранятся в фонде № 1291 Земского отдела Министерства внутренних дел³.

Качество как тех, так и других донесений весьма различно и определялось данными как самих губернаторов, так и других руководящих чиновников их аппарата. В некоторых докладах события описываются схематично, при этом обнаруживаются весьма невысокие качества губернаторского ума⁴. Другие же, наоборот, стремились анализировать описываемые явления, разумеется с определенных классовых позиций. Наиболее обстоятельными являются доне-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1861 г., д. 166; 1862 г., д. 145; 1863 г., д. 181.

² ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, д. 15—17.

³ Оп. 1, 1861 г., д. 20.

⁴ Так, архангельский губернатор Арандаренко в донесении об опубликовании манифеста сообщал, что им были даны указания о приводе в кафедральный собор арестантов, содержащихся в губернской тюрьме, которые должны были, по-видимому, изображать представителей народа.

сения из Самарской губернии, довольно подробно освещающие проведение в ней реформы. В этом же фонде Главного комитета об устройстве сельского состояния хранятся и губернаторские отчеты «о ходе крестьянского дела» за последующие годы — с 1864 по 1880 г. включительно¹. С каждым годом эти отчеты все более приобретают характер сухих статистических сводок, представляя собою уже не самостоятельные отчеты, а извлечения из общего годового отчета по губернии сведений «о ходе крестьянского дела».

Надо сказать, что полнота этих статистических данных различна, да и точность их весьма относительна. Вообще сведения статистического характера, сообщаемые в губернаторских отчетах, требуют к себе сугубо критического отношения. В качестве примера неточности этих данных приведем ряд фактов. По данным Главного комитета об устройстве сельского состояния, составленным на основе сведений, поступивших из губернских по крестьянским делам присутствий, в Самарской губернии на 1 января 1881 г. перешло в разряд крестьян-собственников без содействия правительства 38 773 души², а по данным Самарского губернского по крестьянским делам присутствия, составленным также на 1881 г., это количество равнялось 33 795 душам³. Для характеристики же степени точности изложения тех или иных вопросов в губернаторских отчетах приведем сведения об отказах крестьян от надела, заимствованные из отчета курского губернатора за 1880 г. «Случаев, чтобы крестьяне массами заявляли желание выселиться из Курской губернии в многоземельные губернии, в 1880 году не было, — сообщал губернатор, — но были отдельные ходатайства крестьян, вынужденных малоземельем переселиться в ту или иную из этих губерний»⁴. Определить число душ, отказавшихся от надела, руководствуясь подобными данными, довольно трудно.

К документальным материалам, освещающим проведение реформы в целом, необходимо, помимо губернаторских

¹ Оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, д. 18—30.

² ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1881 г., д. 104, ч. 1, л. 231.

³ ЦГИАЛ, ф. ревизии сенатора Шамшина, № 1391, оп. 1, д. 73, л. 72—111.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, д. 30, л. 29

отчетов, отнести доклад министра внутренних дел царю «О положении крестьянского дела», датированный 15 сентября 1861 г. В этом докладе, сохранившемся в ЦГИАЛе в фонде департамента общих дел Министерства внутренних дел¹, дается весьма откровенная оценка положения в деревне в первые полгода после опубликования Положений. Более подробная, но вместе с тем не столь откровенная характеристика реализации реформы на протяжении 1861—1863 гг. содержится в «Обзоре действий Министерства внутренних дел по крестьянскому делу с января 1861 года по 19 февраля 1864 года», изданном в 1864 г. В нем приводятся и обобщенные, однако явно преуменьшенные данные о крестьянских волнениях в эти годы. Наконец, сюда же надо отнести и «Отчет по Главному комитету об устройстве сельского состояния за девятилетие, с 19 февраля 1861 года по 19 февраля 1870 года» (Спб. 1870). Отчет содержит ряд данных о результатах проведения реформы.

Помимо официально-документальных материалов, освещающих реализацию реформы в целом, в фондах Главного комитета об устройстве сельского состояния содержится весьма много различных документальных материалов, освещающих отдельные стороны реформы. Большой интерес представляют материалы о стремлении крестьян Самарской губернии получить дарственный надел и о противодействиях этому помещиков². Весьма интересно также дело об отказе крестьян Полтавской губернии от наделов, являвшемся следствием резкого падения существующих арендных цен в результате массового перехода крестьян с барщины на оброк³, и ряд других.

В том же фонде содержатся журналы Главного комитета об устройстве сельского состояния⁴, представляющие несомненный интерес для изучения отдельных вопросов реализации реформы, в частности в Литве, в Белоруссии и на Правобережной Украине⁵.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, оп. 241, д. 185.

² ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1867 г., д. 36.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1879 г., д. 49.

⁴ Оп. 2.

⁵ Журналы заседаний за 1861/62 г. изданы (см. «Журналы Главного комитета об устройстве сельского состояния», т. 1, с 5 марта 1861 г. по 28 декабря 1862 г., Пгр 1918).

Большую ценность для изучаемого нами вопроса представляет фонд Земского отдела. Наиболее важные материалы находятся в первых четырех делопроизводствах этого отдела (оп. 3, 33, 36, 52). В первом, втором и третьем делопроизводствах содержатся различные документы, касающиеся реализации реформы (о разверстании угодий и перенесении крестьянских усадеб, о ходе поверочных работ в северо-западных и юго-западных губерниях, о сервитутах, дела «по устройству помещичьих крестьян» в различных губерниях, циркуляры министра внутренних дел и т. д.) В четвертом делопроизводстве сосредоточены материалы по крестьянскому движению.

Наконец, весьма ценным источником для изучения реализации реформы являются различные правительственные распоряжения по тем или иным вопросам жизни крестьян, которые содержатся в «Сборнике правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости» (с 1 января 1857 г. по 1 января 1873 г.)¹.

Особую группу составляют материалы, освещающие подготовительные меры, которые предпринимались правительством для предотвращения крестьянских волнений, а также «беспорядков» в столицах. Это в первую очередь дело из личного фонда петербургского генерал-губернатора А. А. Суворова, озаглавленное «Вызов войск на случай беспорядков». В нем весьма детально разработаны меры подавления народного восстания в Петербурге². Непосредственно к ним примыкают две записки командира Отдельного гвардейского корпуса генерала Плаутина, также касающиеся мер для предупреждения и подавления «беспорядков» в столице³.

Аналогичные меры, предпринимавшиеся в Москве, нашли свое отражение в специальной записке московского генерал-губернатора Тучкова, составленной в сентябре 1860 г. и озаглавленной «О мерах, необходимых для сохранения спокойствия в губернии при окончательном разрешении

¹ Т. 1—13, Спб. 1861—1876.

² Филиал Центрального государственного военно-исторического архива в Ленинграде (Филиал ЦГВИАЛ), ф. А. А. Суворова, № 109, д. 10.

³ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), коллекция 410, д. 84.

вопроса об изменениях быта помещичьих крестьян»¹, а также в диспозиции войск московского гарнизона на случай «тревоги»².

К этой же группе источников относится и пятитомное дело Департамента Генерального штаба Военного министерства, озаглавленное «О размещении и передвижении различных частей войск по случаю предположенных мер относительно обязанностей крестьян»³. В нем содержатся данные о мерах, предпринимавшихся Военным министерством для подавления войсками ожидавшихся в связи с опубликованием Положений 19 февраля 1861 г. крестьянских волнений, а также рапорты командиров отдельных соединений войск об участии вверенных им частей в подавлении «крестьянских беспорядков». Данные эти, несмотря на их неполноту, являются весьма ценным источником для определения размаха крестьянского движения.

Ко второй группе исторических источников относятся статистические материалы: «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России» и сборник «Дарственное надельное землевладение крестьян».

«Статистика поземельной собственности», содержащая данные о различных формах землевладения, в том числе и надельного, представляет собой результат предпринятого Центральным статистическим комитетом в 1877/78 г. обследования. Во главе Центрального статистического комитета стоял в тот период выдающийся русский географ и статистик П. П. Семенов-Тяньшанский, ввиду чего это обследование было разработано и проведено весьма тщательно. В мае 1877 г. был разослан специальный бланк, заполнение которого возлагалось по общественным землям на волостные правления, по частновладельческим — на землевладельцев. Затем этот бланк поступал для предварительной проверки в уездную земскую управу, а для окончательной — в губернский статистический комитет. Обработка же материалов производилась в Петербурге в Центральном статистическом комитете. Все это определило высокое качество статистических данных. В результате обследования было издано за период с 1880 по 1885 г. восемь выпусков «Ста-

¹ Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. Мраморного дворца, оп. 1, д. 120.

² ЦГВИА, коллекция 410, д. 85.

³ ЦГВИА, ф. Канцелярии Департамента Генерального штаба, № 38, оп. 18/276, д. 175, ч. I—V.

тики поземельной собственности», содержащих поездные данные о землевладении с подразделением на частновладельческое и надельное (по отдельным категориям крестьян: бывших помещичьих, государственных и удельных). В них приводятся также сведения о распределении надельной земли на одну ревизскую душу. Данные эти имеют исключительно важное значение для изучаемой нами проблемы. Некоторым из выпусков (I, II и IV) предпосланы весьма обстоятельные статьи П. П. Семенова-Тяньшанского.

Указывая на весьма высокое достоинство данных «Статистики поземельной собственности», нельзя не отметить и наличие ряда неточностей. В некоторых случаях итоговые данные по губернии не совпадают полностью с итогами по отдельным графам, составляющими эти губернские данные. Так, общее число ревизских душ государственных крестьян в Киевской губернии в губернских данных составляет 131 433, а общий итог по отдельным графам равняется 131 463 душам. По Подольской губернии по государственным крестьянам губернские данные составляют 121 339 душ, а по отдельным графам — 121 239. Небольшое расхождение мы имеем и по итоговым губернским данным о количестве бывших помещичьих крестьян в Орловской губернии. Наиболее крупной из обнаруженных нами неточностей является определение числа ревизских душ бывших помещичьих крестьян Валуйского уезда Воронежской губернии. По данным X ревизии, приводимым Тройницким, число ревизских душ помещичьих крестьян составляло 13 734¹, по данным Земского отдела Министерства внутренних дел, представленным в Редакционные комиссии, — 13 664², а по материалам «Статистики поземельной собственности» — 26 581³. Надо при этом заметить, что никаких изменений в территориальных границах Валуйского уезда за период с 1858 по 1880 г. не происходило⁴.

¹ А. Тройницкий, Крепостное население в России по 10 народной переписи, Спб. 1861, стр. 30.

² Ведомость о числе оброчных и издольных крестьян и о повинностях их в помещичьих имениях. Составлена в Земском отделе Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, цит. по кн.: Скрбицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, Бонн на Рейне 1865/66, стр. 1236.

³ «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», вып. I, Спб. 1880, стр. 161.

⁴ «Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 г.», Спб. 1887; Статистический вестник Российской империи, серия III, вып. XIX.

Нам представляется, что наиболее точными являлись данные Тройницкого и Земского отдела, принимая во внимание незначительное расхождение между ними. Таким образом, данные «Статистики поземельной собственности» требуют к себе известного критического отношения.

Ценным источником является также и статистический сборник «Дарственное надельное землевладение крестьян». Он составлен в результате обследования, предпринятого в 1907 г. Отделом сельской экономии и сельскохозяйственной статистики Главного управления земледелия и землеустройства. Сборник содержит сведения не только о числе дарственников в данной губернии и уезде, но и перечень дарственных сделок по тем или иным селениям. Данные же о дарственных сделках содержат сведения о числе ревизских и наличных душ, количестве земли, полученной в надел и купчей. В сводной таблице сообщаются подробные данные о надельной, купчей и арендной землях. При этом купчие и арендные земли подразделяются на приобретенные и арендуемые целым обществом, товариществом или отдельными домохозяевами. Все это представляет несомненный интерес при изучении дальнейшей судьбы крестьян-дарственников. Сведения эти были добыты путем рассылки по волостям особого бланка, содержавшего ряд вопросов, ответы на которые обязаны были давать земские начальники.

Это обследование, предпринятое по 32 губерниям Европейской России, определило число дарственников в 461 244 ревизские души¹. Однако данные о числе дарственников, как и другие показатели, не могут претендовать на точность: спустя более 40 лет после издания Положений 19 февраля ответы на поставленные в бланке вопросы не могли быть абсолютно точными. По данным Главного комитета об устройстве сельского состояния, количество ревизских душ, перешедших в разряд крестьян-собственников без содействия правительства, равнялось 643 815². Число же выкупивших свои наделы без содействия правительства в полном смысле этого слова вместе с частью горнозаводских крестьян, ошибочно отнесенной к этой категории (преимущественно в Пермской губернии), было несколько менее разности этих

¹ «Дарственное надельное землевладение крестьян (по обследованию 1907 года)», Спб. 1908, стр. V.

² ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1881 г., д. 104, ч. 1, л. 229—232.

двух цифр (643 815—461 244). Общее число крестьян-дарственников, таким образом, превышало указанную в данном сборнике цифру. Это подтверждает и сопоставление числа крестьян-дарственников по Саратовской и Самарской губерниям по данным губернских по крестьянским делам присутствий со сведениями настоящего сборника. По сведениям сборника, в Самарской губернии общее число дарственников составляло 22 667 ревизских душ¹, а по данным губернского по крестьянским делам присутствия, в 1880 г. их числилось 30 176², в Саратовской губернии — соответственно 98 104³ и 107 920⁴.

При всем этом статистический сборник «Дарственное надельное землевладение крестьян» представляет большую ценность.

Третью группу источников составляют дневники и мемуары. В числе первых большой интерес имеют дневники министра внутренних дел П. А. Валуева, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве в Москве.

Для характеристики настроений Александра II как в день подписания им манифеста и Положений 19 февраля, так и в день их опубликования в Петербурге и Москве 5 марта, огромный интерес представляют его памятные книжки. Памятные книжки, которые Александр II вел на протяжении всего своего царствования, хранятся в его фонде в Центральном государственном историческом архиве в Москве.

Большую трудность представляет дешифровка этих записей, сделанных мелким, буквально бисерным почерком и с большими сокращениями слов⁵.

Помимо указанных источников, нами использованы также воспоминания Д. А. Милютина и дневник М. П. Погодина, хранящиеся в отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

Особое место в источниках этой группы занимают записки отставного чиновника Эраста Петровича Перцова,

¹ «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 28.

² ЦГИАЛ, ф. ревизии сенатора Шамшина, № 1391, оп. 1, д. 73, л. 81—111.

³ «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 30.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, оп. 37, д. 376, л. 365

⁵ Так, запись, сделанную Александром II в ночь с 18 на 19 февраля, нам дешифровать не удалось.

являвшегося одним из корреспондентов «Колокола» и принадлежавшего к демократическому лагерю. До нас дошли две записки Перцова: «Ночь с 18 на 19 февраля» и «5 марта». Эти записки в результате его ареста оказались в делах III отделения и были опубликованы в «Красном архиве»¹. Перцов был, по-видимому, весьма осведомленным человеком, так как сообщаемые им сведения о мерах, предпринятых 19 февраля, полностью совпадают с тем, о чем говорит в своей записке Александру II командир отдельного гвардейского корпуса Плаутин.

Четвертая группа исторических источников — эпистолярная — весьма немногочисленна. К ней относятся в первую очередь выписки из писем различных лиц, перлюстрированных III отделением, которые хранятся в фонде этого учреждения в Центральном государственном историческом архиве в Москве. Выписки представляют несомненный интерес, так как освещают ряд вопросов, связанных с реализацией реформы. Наиболее подробно освещается в этих письмах обстановка опубликования манифеста и Положений 19 февраля 1861 г. Так, например, большой интерес представляет письмо П. В. Анненкова И. С. Тургеневу в Париж от 6 марта 1861 г., в котором подробно рассказывается об опубликовании манифеста в Петербурге.

Для изучения положения в деревне в первые месяцы после отмены крепостного права несомненный интерес представляют письма Ю. Ф. Самарина, хранящиеся в его фонде в отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

Остановимся на характеристике последней группы исторических источников — публицистики. К этой группе необходимо в первую очередь отнести «Колокол», на страницах которого давалась революционно-демократическая оценка реформы и подробно освещалось крестьянское движение в 1861 г. В противоположность «Колоколу» «Современник» почти не содержит материалов по рассматриваемой нами проблеме, так как он совершенно игнорировал реформу. Елисеев опубликовал в мартовской книжке журнала за 1861 г. по этому поводу специальное обращение к читателям.

К категории революционно-демократической публицистики относятся прокламация Н. Г. Чернышевского «Бар-

¹ «Красный архив», т. 3(16), М — Л 1928.

ским крестьянам от их доброжелателей поклон», написанная в начале 1861 г., и его роман «Пролог».

Освещение хода реализации реформы с либеральных позиций достаточно подробно дается в газете «День», издававшейся И. С. Аксаковым, и в журнале «Мировой посредник». Характеристику же реформы с реакционных позиций можно найти на страницах аристократической газеты «Весть», которую издавал Скарятин.

Из публицистических работ, освещающих пореформенную деревню, а вместе с тем и отдельные стороны ее жизни, связанные с проведением в жизнь реформы, необходимо назвать «Письма из деревни» народника 70-х годов А. Н. Энгельгардта, а также полупублицистическое полухудожественное произведение С. Н. Терпигорева-Атава «Оскудение, — Очерки помещичьего разорения», представляющее собою зарисовку помещичьего быта в Кирсановском уезде Тамбовской губернии.

Несмотря на то что эти очерки написаны сквозь дымку прощальной слезы по уходившему дворянскому быту, они представляют несомненный интерес для характеристики пореформенной деревенской жизни.

Такова краткая характеристика использованных нами источников.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБНАРОДОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ 19 ФЕВРАЛЯ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЕСНОЙ 1861 г.

Условия разработанной правительством грабительской реформы, естественно, не могли удовлетворить чаяний крестьянства. Правительство прекрасно отдавало себе в этом отчет и испытывало огромный страх при мысли о возможности крестьянского восстания. «Само правительство, — рассказывал в своих «Воспоминаниях» военный министр Александра II Д. А. Милютин, — не чуждо было тревожного ожидания того момента, когда вдруг снимется узда с многих миллионов поработанного народа. Поэтому заранее обсуждались и принимались всякие меры к предупреждению и укрощению ожидаемых беспорядков и волнений, были даже сделаны некоторые перемены в дислокации войск в тех видах, чтобы повсеместно имелась под рукой военная сила. Местным начальствам даны были заблаговременно инструкции на случай нарушения спокойствия и порядка»¹.

Уже после опубликования рескриптов были даны секретные инструкции войскам на случай возникновения крестьянских волнений. Так, 15 марта 1858 г. командир Отдельного гренадерского корпуса генерал-адъютант Рамзай направил секретное циркулярное письмо на имя начальников дивизий. «При предстоящем преобразовании экономического быта крестьян, — писал он, — могут возникнуть в губерниях беспорядки и неповиновения местным властям и помещикам, тем более что достоверно известно, что небла-

¹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, воспоминания за 1861 г., картон 13/4, стр. 60.

гонамеренные люди стараются распускать нелепые слухи и противопоставлять крестьян против дворян. Известно также, что в случае каких-либо волнений в народе многие бес-срочно отпускные нижние чины готовы пристать к недо-вольным и действовать на молодых солдат, находящихся в рядах действующих войск»¹. Далее указывалось, что, так как войска данной дивизии предназначаются «для действия против непокорных в случае народного волнения», они долж-ны показать себя «достойными защитниками порядка и законной власти». Вместе с тем командир корпуса рекомен-довал принять ряд «мер осторожности» и правил в деле борьбы с крестьянами. В частности, параграф 9 этих правил рекомендовал «передовой части при приближении к толпе возмущившегося народа остановиться на расстоянии верного выстрела... и тотчас же развертываться для составления густой цепи, предварительно зарядив ружья боевыми пат-ронами»². Вслед за этим командир войсковой части дол-жен выехать обязательно верхом вперед к толпе и прика-зать немедленно разойтись, заявив, что в противном слу-чае «откроет огонь, не щадя ничьей жизни»³. Если же толпа не повинуется, то штаб-офицер, «строго избегая всех лишних переговоров»⁴, отъезжает к отряду и дает сигнал стрелять, в то же время он должен «взять резерв и вести оной с барабанным боем на толпу для разогнания оной штыками; при этом не давать войскам останавливаться, а вести их смело, быстро и дружным натиском опрокинуть и разогнать возмущившихся»⁵. Дальнейшие действия возлага-лись на усмотрение командиров, при этом им рекомендова-лось «забрать под стражу сколь возможно более людей»⁶, а если необходимо, «то даже скрыть до основания жилища возмущившихся»⁷.

Эта программа столь «решительных боевых действий» была положена в основу секретных инструкций, составляв-шихся начальниками дивизий для полковых и батальонных командиров⁸.

¹ ЦГВИА, коллекция 410, д 85, л 49

² Там же, л 51.

³ Там же

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 51.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

В заключительный период подготовки реформы Военным министерством были приняты и другие меры. В конце декабря 1860 г. генерал-квартирмейстер генерал-адъютант Ливен представил специальную записку «Об обеспечении войсками мер для подавления крестьянских беспорядков», в которой он анализировал существующую дислокацию войск с точки зрения возникновения необходимости подавления крестьянских волнений. Рассмотрев подробно этот вопрос, он приходил к выводу, что расположение войск, существовавшее тогда, в целом обеспечивает возможность подавления могущих возникнуть волнений. «Из всего вышеизложенного, — писал он, — явствует, что по причине предстоящего введения новых отношений между помещиками и поселенными на их землях крестьянами ни общих передвижений или перемещений войск, ни сборов частей с целью предупреждения каких-либо беспорядков производить не нужно, а достаточно оставлять оные в местах нынешнего их расположения»¹. Вместе с тем Ливен считал необходимым точно определить заблаговременно, какие части войск должны будут привлекаться для подавления крестьянских волнений в той или иной губернии.

Эта записка, одобренная Александром II, обсуждалась по его указанию в конце января 1861 г. в Совете Министров. Помимо подробного расписания в целях «обеспечения порядка в некоторых губерниях, где не располагается достаточно пехоты и кавалерии, заблаговременным назначением из соседственных губерний частей войск... для подавления каких-либо беспорядков»² Александр II предложил произвести частичную передислокацию войск. Так, из Черниговской и Могилевской губерний должны были быть переведены в Смоленскую два батальона пехоты; в Пермскую и Уфимскую губернии предлагалось командировать в распоряжение губернаторов и начальника горных заводов Уральского хребта несколько сотен оренбургских и уральских казаков и т. д.³

¹ ЦГВИА, ф. Канцелярии Департамента Генерального штаба, № 38, оп. 18/272, св. 651, д. 175, ч. 1, л. 20.

² ЦГВИА, ф. Канцелярии Департамента Генерального штаба, № 38, оп. 18/272, св. 651, д. 175, ч. 1, л. 26.

³ Помимо этого, еще 22 декабря 1860 г. согласно указаниям военного министра должны были быть командированы с Дона четыре казачьих полка в Одессу, Киев, Житомир, Вильно, куда они обязаны были прийти в начале мая 1861 г.

На основе этого решения в первой половине февраля Военным министерством были направлены главнокомандующему 1-й армией, командирам отдельных корпусов и другим представителям командования специальные секретные предписания. В них предлагалось «в видах охранения порядка во время предстоящего изменения крестьянского быта»¹ направлять воинские части для подавления крестьянских волнений в те или иные губернии в соответствии с ведомостью, приложенной к предписаниям. Согласно ведомости части 1-й кавалерийской дивизии предназначались для подавления «беспорядков» в Ковенской губернии, Калужский полк 2-й пехотной дивизии — в Минской, Либавский и Ревельский — в Виленской, Эстляндский пехотный полк — в Виленской и Новоградском уезде Минской губернии².

12 февраля 1861 г. управляющий Военным министерством Д. А. Милютин довел до сведения министра внутренних дел о сделанных распоряжениях, а также препроводил ему четыре ведомости под литерами А, Б, В и Г, в которых излагалось указанное выше расписание войск.

Боязнь крестьянских восстаний в связи с опубликованием Положений 19 февраля 1861 г. вызывала в военных кругах стремление изменить несколько принципы расквартирования войск. Как известно, подавляющая часть войск в те времена размещалась не в казарменных помещениях, а в деревнях на так называемых обывательских квартирах. В связи с этим в октябре 1860 г. генерал-адъютант Глинка II представил в Военное министерство специальную секретную записку, озаглавленную «О квартирном расположении армии в виду предстоящего разрешения крестьянского вопроса». В этой записке Глинка считал необходимым изменить квартирное расположение войск, дабы они не были застигнуты врасплох в случае крестьянского восстания. «По моему убеждению, — писал он, — в виду случайностей, какие могут проявиться в будущем, квартирование пехоты по деревням должно быть основано на сборах оной поротно»³

¹ ЦГВИА, ф. Канцелярии Департамента Генерального штаба, № 38, оп. 18/272, св. 651, д. 175, ч. 1, л. 26.

² Там же, л. 96.

³ Там же, л. 5.

Все это достаточно убедительно свидетельствовало о боязни господствующих классов массового крестьянского восстания в связи с отменой крепостного права.

Правительство не только опасалось крестьянских восстаний, но не исключало возможности революционного взрыва в самом Петербурге. Свидетельством тому являются детально разработанные меры для подавления восстания в столице, которые изложены в одном из дел, хранящихся в филиале Центрального военно-исторического архива в Ленинграде¹. В этом деле, озаглавленном «Вызов войск на случай беспорядков», имеются заранее заготовленные и подписанные петербургским генерал-губернатором графом Игнатьевым предписания ряду представителей как высшей административной власти, так и военного командования, которые должны были быть немедленно разосланы в случае начала восстания. В заготовленном также заблаговременно распоряжении управляющему канцелярией петербургского губернатора говорилось: «Вследствие возникшего в столице беспорядка .. возлагаю на личную ответственность Вашу следующее: 1) немедленно... разослать по адресам с несколькими самыми надежными посланными... конверты при сем влагаемые, которому сдать под заготовленные расписки к каждому конверту приложенные. Тотчас каждый конверт вскрыть, означить на бумаге год, месяц и число и внимательно запечатать, чтобы не смешивать, имея в виду важность не только *ошибки*, но и *каждой минуты промедления*... отпусков сохранять не должно»². Далее следовало изложение задач, возлагавшихся на отдельных должностных лиц управления (адъютантов, чиновников особых поручений) в связи с происходившими событиями.

Упомянутые выше конверты с предписаниями должны были быть разосланы следующим 16 лицам: петербургскому коменданту, обер-полицмейстеру, коменданту Петропавловской крепости, дежурному офицеру по главной конюшне, военному министру, командиру отдельного гвардейского корпуса, начальнику штаба отдельного гвардейского корпуса, командиру Санкт-Петербургского гарнизонного батальона, главному управляющему путями сообщения и публичных зданий, министру внутренних дел, директору почтового департамента, директору инспекторского депар-

¹ Филиал ЦГВИАЛ, ф А А Суворова, № 109, д 10

² Там же, л 4.

тамента Морского министерства, второму санкт-петербургскому коменданту, санкт-петербургскому гражданскому губернатору, министру народного просвещения, главному начальнику III отделения собственной его императорского величества канцелярии.

Все эти предписания имели совершенно стереотипное начало: «По случаю возникшего в столице беспорядка, к прекращению коего принять должны меры, государь император высочайше повелеть соизволил»¹. Далее указывалось на задачи, которые возлагались на то или иное начальствующее лицо. Так, командиру гвардейского корпуса предлагалось: «1) Принять безотлагательно надлежащие меры к восстановлению общественного спокойствия. 2) Собрать на сборные места войска, составляющие гарнизон столицы, на точном основании диспозиции, одобренной его величеством»². Эта диспозиция предусматривала в первую очередь оборону Зимнего дворца и охрану важнейших правительственных учреждений, железной дороги, телеграфной станции и т. д. На площади Зимнего дворца должны были быть сосредоточены 4 батальона пехоты, 24 орудия и 6 с половиной эскадронов кавалерии³. «Батальон л.-гв. Преображенского полка, — указывалось в предписании санкт-петербургскому коменданту, — строится в колонну на главном большом дворе. Одна рота сего батальона располагается в главных воротах, против монументов. В воротах ставятся два первые прибывшие орудия гвардейской пешей артиллерии»⁴. Далее излагалась диспозиция Семеновского полка, отдельные подразделения которого должны были занять подъезды дворца и Эрмитажа. Командование этими войсками возлагалось на начальника 1-й пехотной гвардейской дивизии. Общее руководство войсками поручалось командиру гвардейского корпуса.

Гарнизон Петропавловской крепости должен был быть усилен лейб-гвардейским гренадерским полком, стрелковыми ротами лейб-гвардейского Финляндского полка и войсками, которые должны были прибыть из «загородного расположения». Коменданту крепости предлагалось усилить надзор за заключенными, установить охрану казначейства,

¹ Филиал ЦГВИАЛ ф 109, д. 10, л. 9.

² Там же, л. 61.

³ Там же, л. 33.

⁴ Там же, л. 48.

государственных фондов и монетного двора. «Для наступательных действий, — указывалось в предписании коменданту крепости, — ожидать приказа высшего начальства. До получения такового употребление оружия, преимущественно штыка, дозволяется исключительно в оборонительных видах»¹. Далее указывалось, что это не относится «к случаю покушения вломиться в крепость вооруженною рукою. Несомненным ручательством к сопровождению всякого преступного посягательства, — говорилось в предписании, — служат: сорок орудий готовых на бастионах, имеющаяся под рукою картечь и военная опытность и доблесть коменданта»². Согласно «Распоряжению по войскам на случай тревоги»³ всего должно было быть сосредоточено на сборных пунктах (помимо войск, которые должны были прибыть из Царского Села) 19 с половиной батальонов пехоты, 5 батарей полевой артиллерии и 17 эскадронов кавалерии. «Все отряды, — указывалось в расписании, — придя на сборные пункты, строятся в предположении, что опорный пункт их на Дворцовой площади»⁴.

Предписания начальствующим лицам содержали в себе ряд указаний, направленных на то, чтобы обеспечить подавление восстания. Шефу жандармов предписывалось «задерживать всех подозрительных людей и никого не впускать ни в город, ни из города без особых мер предосторожности... Поезда железных дорог, ожидаемые в столицу, останавливать на последних перед оною станциях, те же поезда, которые отсюда назначены будут к отправлению, задерживать по возможности»⁵.

Министру народного просвещения предписывалось учредить наблюдение за редакциями газет и журналов, а также типографиями и литографиями, «с тем чтобы никакие объявления и статьи, имеющие отношение к нынешним обстоятельствам, не были печатаемы и публикуемы без... особого разрешения высшего цензурного начальства»⁶.

В конце ноября 1860 г. было решено образовать в губернских городах специальные временные комиссии по крестьянскому делу, которые предполагалось в дальнейшем

¹ Филиал ЦГВИАЛ, ф. 109, д. 10, л. 42.

² Там же.

³ Там же, л. 31—42.

⁴ Там же, л. 38.

⁵ Там же, л. 9.

⁶ Там же, л. 58.

преобразовать в губернские по крестьянским делам присутствия. Главный комитет по крестьянскому делу 30 ноября 1860 г. принял в связи с этим следующее решение: «...образовать в губерниях временные комиссии в том составе, как предположены постоянные губернские присутствия, и сделать тотчас все распоряжения к выбору их членов из дворян-помещиков и к тому, чтобы они, временные комиссии, были в полном составе и даже открыты к тому времени, когда получатся в губернии новые Положения. Тотчас по получении их такие временные комиссии можно будет обратиться в те учреждения, какие будут образованы на основании Положений, окончательно утвержденных»¹.

В целях предупреждения революционной пропаганды среди крестьян в тех губерниях, где было много ссыльных, 12 февраля 1861 г. последовало по предложению управляющего Министерством юстиции Замятина «высочайшее повеление», по которому замеченные в пропаганде крестьяне подлежали высылке в Сибирь.

«Предоставить, — указывалось в «повелении» — начальникам губерний: Пермской, Вятской, Вологодской — в виде временной меры тех из состоящих там под надзором полиции лиц, высланных туда из других губерний по судебным решениям и административным распоряжениям, кои будут замечены в предосудительных действиях по подстрекательству крестьян к неповиновениям... немедленно отправлять установленным порядком в Тобольскую губернию под надзор полиции»².

Принимал меры к предотвращению крестьянских выступлений также и Синод. В ноябре 1860 г. министр юстиции и председатель Редакционных комиссий граф В. П. Панин обратился с конфиденциальным письмом к обер-прокурору Синода графу А. П. Толстому по вопросу об использовании духовенства в целях предотвращения крестьянских волнений в период обнародования положения об улучшении быта помещичьих крестьян. «Я имею честь, — писал он, — обратиться к вашему сиятельству, не угодно ли будет сообщить, до какой степени было бы полезно вменить в обязанность через епархиальное начальство приходским по губерниям священникам, чтобы они, не давая поручению вида исполнения предписания начальства... при каждом

¹ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, оп. 1, д. 18, л. 7—8.

² ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, 1861 г., оп. 52, д. 6, л. 1

удобном случае внушали бы крестьянам, чтобы они и впредь усердно и постоянно исполняли свои обязанности в отношении к государю и установленным от него властям, объясняя при том, что дарованные крестьянам права и льготы упрочат их благоденствие лишь при постоянном их трудолюбии, нравственном поведении и точном исполнении облегченных повинностей в отношении к владельцам земли...»¹ Далее Панин указывал на необходимость приходским священникам обратить особое внимание на церковнослужителей, т. е. причт, чрезвычайно близкий крестьянской среде.

В соответствии с указаниями, содержащимися в этом письме, 17 февраля 1861 г. было направлено из Синода циркулярное предписание во все епархии. Текст этого циркуляра, так же как и манифеста, был составлен московским митрополитом Филаретом Дроздовым и лишь несколько сокращен и отредактирован в канцелярии Синода.

Священникам рекомендовалось как в церковных поучениях, так и в специальных беседах разъяснять крестьянам необходимость добросовестного исполнения ими обязанностей по отношению к помещикам. Вместе с тем они должны были поучать крестьян, чтобы те в случае каких-либо недоразумений с помещиками добивались «защиты и облегчения... законным путем, не распространяя беспокойства в обществе, и с терпением ожидали от начальства подлежащих распоряжений и действий правосудия»². Далее в циркуляре подчеркивалось, что данное правительственное указание должно сохраняться в тайне, а священники должны проводить это как повседневную обязанность — «учить прихожан сколько благочестию, столько же и добрым делам как в нравственном, так и в гражданском отношении»³.

В отдельных губерниях архиереями были составлены специальные «поучения», которые предлагалось произнести священникам до и после опубликования манифеста. Так, в специальном «поучении», составленном вологодским епископом Христофором, говорилось: «Одни только люди недобрые, т. е. возмутительные, могут сеять злые слухи, что-де пришла воля царская, да не сказывают... Ждите его

¹ ЦГИАЛ, ф. Канцелярии обер-прокурора св. Синода, № 797, 1860 г., оп. 30, д. 278, л. 2.

² Там же, л. 33. Это предписание опубликовано в журнале «Киевская старина» № 3, отд. II, 1901 г.

³ Там же.

воли, а когда придет, то с благодарностью примите все его распоряжения об вас. Не нам устава писать, сами знаете. Нам господь бог велел повиноваться царю, как божией воле над нами, тогда мы и православные, тогда и христиане, тогда и церковь — наша мать, и бог — наш отец»¹.

В целях успешной реализации циркулярного предписания обер-прокурора Синода вологодский архипастырь, разрабатывая меры для предотвращения крестьянских выступлений, пытался даже координировать свои действия с местными жандармскими органами. Это трогательное единение нашло свое выражение в ряде секретных совещаний главы епархии с штаб-офицером корпуса жандармов, о чем он не преминул довести до сведения обер-прокурора².

Не лишено интереса также и послание архиепископа Полоцкого и Витебского Василия к духовенству по поводу циркулярного предписания Синода: «Постарайтесь внушить и уяснить им (крестьянам. — П. З.) истинное евангельское и единственное здравое и законное понятие о свободе человеческой, то, что в высшем своем проявлении она равносильна необходимости и полнейшему подчинению божественным и гражданским законам, что она состоит в исполнении требований человеческой природы и общественного порядка, а не требований плоти и страстей»³. Все это достаточно убедительно характеризует служебную роль церкви, являвшейся по существу одним из органов правительственной власти, призванных обеспечивать интересы самодержавного дворянского государства.

* * *

*

Вопрос о времени опубликования Положений 19 февраля был решен правительством в начале февраля. 12 февраля, т. е. за неделю до окончательного утверждения Положений, министр внутренних дел Ланской сообщил в секретной телеграмме всем губернаторам об опубликовании их великим постом (который в 1861 г. наступал с 6 марта). Мы не располагали непосредственно текстом этой телеграммы,

¹ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 1861 г., 1-е делопр, д. 20, л. 181—182

² ЦГИАЛ, ф. Канцелярии Синода, № 796, 1861 г., оп 142, д. 381, л. 1—2.

³ ЦГИАЛ, ф. Канцелярии обер-прокурора Синода, № 797, 1860 г., оп. 30, д. 278, л. 86.

по-видимому не сохранившейся в фондах Министерства внутренних дел, однако ссылки на нее мы встречаем неоднократно¹. О времени опубликования Положений сообщал Ланской 13 февраля и военному министру, когда писал о необходимости передвижения войск в Новгородскую губернию. «Самое обнародование манифеста по крестьянскому делу, — указывал он, — как Вам известно, последует в наступающем великом посту»². Наконец, об этом говорят и современники в своих воспоминаниях. Так, Д. А. Милютин прямо указывает, что опубликование Положений было намечено на 6 марта, т. е. на понедельник первой недели великого поста³. Все это говорит о том, что правительство определенно решило обнародовать Положения великим постом⁴. Чем же объяснялось это? Основная причина подобного решения заключалась, на наш взгляд, в стремлении правительства обнародовать Положения 19 февраля в наиболее благоприятный для себя период времени. Этим временем являлся наступавший вскоре после утверждения Положений великий пост, когда недовольство крестьянства реформой (неизбежность чего прекрасно понимало правительство) могло быть в некоторой степени парализовано наступлением периода, когда верующие должны особенно тщательно выполнять нормы христианского поведения, готовясь к «отпущению грехов» и исповеди. Нормы же поведения требовали, как известно, в первую очередь повино-

¹ В фонде Земского отдела Мин. вн. дел в деле, содержащем в себе переписку с губернаторами по поводу опубликования Положений, мы встречаем ряд прямых указаний на эту телеграмму. Так, пермский губернатор в своем сообщении министру внутренних дел от 10 марта 1861 г. за № 35 писал: «Получил 2-го числа сего месяца в Ирбите предложение Вашего высокопревосходительства от 12 февраля за № 27, коим изволили предварить меня, что манифест и Положения о крестьянах будут обнародованы в течение великого поста» (оп. 1, д. 20, л. 276). В этом же деле имеется выписка из журнала Херсонской временной комиссии по крестьянскому делу от 12 марта 1861 г., в которой говорится следующее: «Слушали: 1) Секретный телеграмм г. министра внутренних дел от 12 февраля, которым его высокопревосходительство известил г. начальника губернии, что высочайший манифест и Положения о крестьянах будут обнародованы в течение великого поста» (там же, л. 472).

² ЦГВИА, ф. Канцелярии Департамента Генерального штаба, № 38, оп. 18/272, св. 651, д. 175, ч. 1, л. 207. Подчеркнуто мною. — П. З.

³ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, картон 13/4, воспоминания за 1861 г., стр. 60—61.

⁴ Великий пост в 1861 г. продолжался с 6 марта по 24 апреля.

вения «властям предержащим», а также христианского «долготерпения». «Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения, любви даруй ми, рабу твоему», — говорилось в великопостной молитве «Господи, владыко живота моего», читавшейся ежедневно и утром и вечером.

Вследствие этого закон об отмене крепостного права должен был быть опубликован во время великого поста. Печатаение Положений было начато в середине февраля, а манифеста — в конце февраля. Остановимся на истории печатания этих документов.

Набор текста Положений, как это следует из отчета руководившего этой работой статского советника Митькова, производился в типографии II отделения собственной его императорского величества канцелярии, в которой и происходила читка всех корректур. Печатались же Положения в 14 петербургских типографиях¹.

Печатаение Положений продолжалось до 17 марта². За это время было напечатано 68 454 полных экземпляра, заключающих в себе манифест, указы и все Положения как общие, так и местные, 20 658 экземпляров, содержащих в себе манифест, указы и все общие Положения и одно из местных Положений. Кроме того, было напечатано 30 тыс. экземпляров положений о дворовых людях³.

Печатаение Положений производилось в глубокой тайне. «Для предупреждения преждевременного оглашения точного содержания Положений, — сообщал в своем отчете Митьков, — кроме чиновников, наблюдавших, чтобы из типографии не были выносимы экземпляры печатных Положений, было принято за правило не отдавать печатать в одну типографию подряд листы одного и того же Положения, а старались раздавать листы эти в возможно большее число типографий...»⁴

¹ ЦГИАЛ, Гос. совет, ф. Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу № 1180, оп. т. XV, 1861 г., д. 70, л. 3. Точной даты начала печатания Положений в деле не приводится. Однако, по косвенным данным, набор начал производиться примерно 10—12 февраля, так как согласно приложенной к делу ведомости о числе фургонов и лошадей, отпущенных с главной конюшни для перевозки отпечатанных листов Положений, первые лошади были затребованы 14 февраля (там же, л. 22).

² Вследствие дополнительных требований из губернии печатание Положений было возобновлено 26-го и продолжалось до 30 марта.

³ ЦГИАЛ, Гос. совет ф. Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу № 1180, оп. т. XV, 1861 г., д. 70, л. 6.

⁴ Там же, л. 4.

Печатание манифеста было начато 24 февраля и окончено 5 марта, при этом было изготовлено 280 тыс. отдельных экземпляров¹.

Только 3 и 4 марта из Петербурга выехали командированные в губернии с чрезвычайно широкими полномочиями чины императорской свиты (флигель-адъютанты, свитские генералы и генерал-адъютанты) для обеспечения на местах «спокойствия и порядка» в период обнародования Положений. Каждому из командированных был вручен в Государственной канцелярии специальный чемодан с известным количеством экземпляров Положений и манифеста.

Надо еще раз подчеркнуть, что печатание Положений и манифеста не могло явиться причиной задержки опубликования закона об отмене крепостного права. Даже при условии изготовления этих документов в указанные сроки обнародование их могло быть произведено по крайней мере на неделю раньше. Чины императорской свиты могли выехать из Петербурга на 6—8 дней раньше, так как то количество экземпляров Положений и манифеста, которое им было передано, могло быть изготовлено по крайней мере не позднее 25—26 февраля², и обнародование их могло, следовательно, начаться в конце февраля.

Между тем жажда народа ознакомиться как можно скорее с «дарованной ему волей» была чрезвычайно велика. Общая молва утверждала, что обнародование ее произойдет 19 февраля, в день восшествия на престол Александра II. Эти слухи достигли таких огромных размеров, что 17 февраля петербургский военный генерал-губернатор вынужден был опубликовать в газетах специальное извещение о том, что «19 февраля никаких правительственных распоряжений по крестьянскому делу обнародовано не будет»³. Дело доходило до серьезных недоразумений. Так, в одном из перлюстрированных писем из Москвы сообщалось, что 13 февраля крестьяне подмосковного села Архангельского в церкви во время обедни поколотили священника за то, что он «не объявляет им вольной», после чего, как говорилось

¹ ЦГИАЛ, Гос совет, ф. Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу № 1180, об т. XV, 1861 г., д. 70.

² Общее количество направленных с чинами свиты экземпляров Положений составляло 1055, манифеста — 43 852 (там же, л. 11).

³ «Северная пчела», 17 февраля 1861 г.

в письме, священник вынужден был даже обратиться к врачу¹.

Правительство, да и сам Александр II находились 19 февраля в величайшем страхе, опасаясь народного возмущения. Незадолго до этого дня командир отдельного гвардейского корпуса генерал-адъютант Плаутин представил Александру II перечень мер, которые он намеревался осуществить 19 февраля. Этот документ начинается следующим обращением к царю: «Если ваше величество изволите одобрить, то вот приказания, которые я предполагаю отдать на 19-е число»². Эти предположения содержали в себе следующее: 1) собрать 18 февраля всех командиров полков и приказать им: а) не увольнять из казарм солдат в течение 19 февраля «за исключением не более пяти человек с роты самых надежных»³; б) помимо имеющихся для караула по 10 боевых патронов на каждого солдата, «иметь под рукою» еще дополнительные патроны, дабы выдать солдатам в случае необходимости; в) ротным командирам в течение 19 февраля не отлучаться от своих рот; г) артиллерийским частям иметь наготове боевые снаряды. Кроме этого, предлагалось направить к 7 часам утра во все съезжие дома (полицейские участки) в распоряжение петербургского обер-полицмейстера Паткуля команды по 30—50 человек для рассылки их патрулями по городу. Далее указывалось на необходимость усиления на 19 февраля караула на Петровской (т. е. Сенатской) площади. Вывод войск на улицы для подавления народных волнений предполагалось осуществить лишь по приказанию самого царя.

В том же деле находится и второй документ, непосредственно примыкающий к первому, но составленный, по-видимому, значительно раньше. Документ озаглавлен «Распоряжения по войскам в случае тревоги». Он написан также рукою Плаутина и содержит исправления, внесенные Александром II. В этом распоряжении вначале излагаются обязанности военного генерал-губернатора и корпусного командира и содержатся общие соображения о подавлении «народного возмущения». «Петербург, — говорится в этом документе, — во время лета, когда каналы не замерзли,

¹ ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, секретный архив, оп 3, д 2104, л. 7.

² ЦГВИА, коллекция 410, д. 84, л. 1.

³ Там же.

представляет много удобства к действию против народного возмущения. Заняв мосты на Неве и каналах, можно тотчас прекратить сообщение между разными частями города и запереть возмущившихся. Но, с другой стороны, — говорилось далее, — есть и большая невыгода для защитников порядка, а именно: чрезвычайно разбросанное положение как казарм, так и всех государственных заведений... так что если бы кто захотел предостеречь от покушений возмущившейся толпы все сии заведения, то надобно бы было разбросать по частицам все войска, так что не осталось бы их для действия...»¹. Исходя из этого и были намечены сборные пункты войск, причем «за центр действий» был принят Зимний дворец. Расписание войск в основном (с некоторыми изменениями) воспроизводило рассмотренную нами выше диспозицию, хранящуюся в фонде А. А. Суворова.

Мероприятия, намеченные Плаутиным на 19 февраля и изложенные в первом документе, по-видимому, были полностью реализованы. Об этом рассказывает в своей записке «Ночь с 18 на 19 февраля 1861 года»² упоминавшийся выше Э. П. Перцов. Войскам, писал Перцов, были выданы боевые патроны, офицерам было запрещено отлучаться из казарм. С наступлением сумерек 18 февраля были установлены военные патрули, особенно в тех частях города, в которых жили мастеровые и рабочие. Во внутренних двориках Зимнего дворца были расставлены команды солдат, которым было выдано по шесть боевых патронов. Кроме того, в каждый съезжий дом была введена рота солдат, командиру которой было предложено выполнять все указания полицейского начальства. Полиция созвала дворников и приказала им наблюдать, чтобы на улицах и во дворах не собиралось более трех человек и «чтобы они подслушивали, не говорит ли кто об освобождении крестьян, а также присматривались бы, не окажется ли у кого гостей более трех человек.. и обо всем этом немедленно давали бы знать надзирателю своего квартала»³. В каждый съезжий дом было привезено по несколько возов розог.

Все рассказанное Перцовым находит свое подтверждение также и в записи самого Александра II в его памятной

¹ ЦГВИА, коллекция 410, д. 84, л. 2—3

² «Красный архив», т. 3(16), М. — Л. 1928

³ Там же, стр. 127

книжке, а также в упоминании о 19 февраля в дневнике П. А. Валуева. В памятной книжке царя за этот день содержится следующая фраза: «День совер[шенно] spok[ойный], несмотря на все опасения. Особ[ые] меры предосторож[ности] по войск[ам] и полиц[ии]»¹.

В дневнике Валуева за 20 февраля мы находим следующую запись: «Здесь были приняты вчера странные меры. Не только комплектовали войска или часть войск в казармах и командировали по полувзводу в каждую полицейскую часть, но роздали боевые патроны и держали наготове артиллерию. Кроме того, оба Адлерберга (министр императорского двора и его сын. — П. З.) и кн. Долгоруков (шеф жандармов. — П. З.) будто бы оба ночевали во дворце и.. имели готовых лошадей для Г[осу]д[а]ря!² Придворная прислуга даже рассказывает, будто бы Г[осу]д[а]рь не почивал в своих апартаментах, но перешел на ночь на половину вел. кн. Ольги Николаевны (его сестры. — П. З.)»³

Таким образом, боязнь народного восстания в правительстве была чрезвычайно велика.

Подобный панический страх испытывало и поместное дворянство. По мере того как близилась к концу подготовка реформы, этот страх приобретал все большие и большие размеры. «...наиболее трусливые помещики, — рассказывает автор «Литературных воспоминаний» Скабичевский, — в паническом страхе стекались в города, а то бежали и за границу»⁴.

¹ ЦГИАМ, ф. Александра II, № 678, оп. 1, д. 49, запись 19 февраля 1861 г.

² Действительно, в заготовленном на случай восстания в Петербурге предписании военного генерал-губернатора на имя дежурного офицера по главной конюшне указывалось, «чтобы немедленно по получении сего были отправлены для него верховая лошадь к комендантскому подъезду Зимнего дворца и другая заводная на случай надобности. Верховые лошади, для него назначенные, суть Баязет серый и Адрас бурый. Сие требуется для исполнения высочайшего повеления» (Филиал ЦГВИАЛ, ф. А. А. Суворова, № 109, д. 10, л. 50).

³ ЦГИАМ, ф. Валуева, оп. 1, д. 1, л. 99. Как утверждает в своей записке Перцов, помимо Адлербергов и Долгорукого, вечером 18 февраля во дворец явились Игнатьев, Сухезант и Чевкин, дабы «охранять особу царя и царское семейство» («Красный архив», т. 3(16), стр. 129).

⁴ А. М. Скабичевский, Литературные воспоминания, М. — Л. 1928, стр. 141.

Обнародование Положений 19 февраля производилось по всей России, как и было заранее намечено, в период великого поста — с 7 марта (Владимир) по 2 апреля (Кишинев). Исключение представляют лишь Петербург и Москва, где это произошло в последний день масленой недели, в так называемое «прощенное» воскресенье, 5 марта. Объявление населению о «дарованной крестьянам воле» производилось путем чтения манифеста, подписанного царем также 19 февраля. В нем излагалось основное содержание реформы.

Этот манифест, автором которого был известный крепостник — московский митрополит Филарет Дроздов, ставил своей задачей разъяснить «справедливость» реформы, подчеркивая при этом, что дворянство пошло на «серьезные жертвы» во имя «блага крестьян. «Крепостные люди, — говорилось в манифесте, — при открывающейся для них новой будущности поймут и с благодарностью примут важное пожертвование, сделанное благородным дворянством для улучшения их быта»¹.

Основная мысль, которая проводилась в манифесте, заключалась в стремлении доказать, что уплата крестьянами повинностей в пользу помещиков за пользование своей собственной землей вполне справедлива. Для подтверждения этого аргумента Филарет счел необходимым сослаться на религию, в частности на авторитет мифического апостола Павла. «Некоторые, — говорилось в манифесте, — думали о свободе и забывали об обязанностях. Но общий здравый смысл не поколебался в том убеждении, что и по естественному рассуждению свободно пользующийся благами общества взаимно должен служить благу общества исполнением некоторых обязанностей и по закону христианскому *всякая душа должна повиноваться властям предержащим... воздавать всем должное и в особенности кому должно: урок, дань, страх, честь...* что законно приобретенные помещиками права не могут быть взяты от них без приличного вознаграждения или добровольной уступки, что было бы противно всякой справедливости пользоваться от помещика землею и не нести за сие соответственной повинности»².

¹ «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ), 2-е собрание, т. XXXVI, № 36650.

² Там же.

Таким образом, задача манифеста заключалась в том, чтобы доказать, что ограбление крестьян является актом «величайшей справедливости», вследствие чего они безропотно должны выполнять свои повинности помещику.

Известный общественный деятель либерального направления Ю. Ф. Самарин в своем письме к тульскому помещику князю Черкасскому именно так и оценивал значение манифеста. Критикуя с либеральных позиций манифест, от которого, по его словам, «веет скорбью по крепостному праву», он вместе с тем указывал, что если бы Манифест был написан иначе, то едва ли «народ легко перешел на барщину, хотя и облегченную»¹.

Итак, обнародование манифеста в Петербурге и в Москве было произведено 5 марта. Это решение было принято внезапно, не раньше 3 марта. Даже III отделение не было заранее уведомлено о намерении царя. В очередном донесении по поводу обнародования манифеста в Петербурге, хранящемся в секретном архиве III отделения, говорится, что это «совершилось совершенно неожиданно»². Действительно, только накануне, 4 марта, решение об обнародовании манифеста стало известно весьма близким ко двору лицам. Так, Валуев 4 марта заносит в свой дневник следующее: «Завтра манифест об отмене крепостного состояния читается в здешних и в московских церквях»³. М. П. Погодин, находившийся в эти дни в Петербурге на юбилее князя П. А. Вяземского и возвращавшийся в придворных кругах, пишет в своем дневнике 4 марта: «Завтра объявление. Решил было остаться, но на жел[езной] дороге узнал, что и в Москве объ[явление]»⁴.

О внезапности обнародования манифеста содержатся сведения и в перлюстрированных письмах, хранящихся также в секретном архиве III отделения. «5 марта совершенно неожиданно вышел манифест об освобождении крестьян, — сообщает в письме к Серно-Соловьевичу от 9 марта некий Мер. — Боялись ли какой-нибудь мани-

¹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Самарина № 39/2, копия письма от 23 марта 1861 г., л. 3.

² ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, секретный архив, оп. 3, д. 2044, л. 11.

³ ЦГИАМ, ф. Валуева, № 544, оп. 1, д. 1, л. 106.

⁴ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Погодина, карт. 1, д. 35, дневник 1853—1866 гг., л. 96.

фестации или по другим неизвестным причинам, но накануне никто почти не подозревал, что окончание так близко»¹.

Наконец, о внезапности этой меры достаточно убедительно свидетельствует донесение шефу жандармов князю Долгорукову жандармского подполковника Восейкова III из Москвы. «В дополнение отправленной к вашему сиятельству телеграмме, — писал он 6 марта, — имею честь почтительнейше донести, что внезапным объявлением высочайшего манифеста все жители столицы чрезвычайно были удивлены... По сему случаю к ген.-майору Потапову² 4 сего марта в 11 часов вечера съехались полицмейстеры и частные приставы за получением приказаний»³.

Бесспорно, что в Москве распоряжение об обнародовании манифеста было получено не раньше 4 марта. Мы располагаем лишь одним свидетельством о том, что решение Александра II обнародовать манифест 5 марта было известно за два дня, т. е. 3-го. Оно содержится в перлюстрированном III отделением письме П. В. Анненкова к Ивану Сергеевичу Тургеневу в Париж, датированном 6 марта и подписанном инициалами П. А. «Вообразите, — писал Анненков, — Иван Сергеевич, штуку, сыгранную русским народом города Петербурга с образованной публикой: в день объявления манифеста проклятый народ сей не имел никакой физиономии, кроме обыкновенной масляничной. Правда и то, что по обыкновению ему сделали сюрприз или неприятный обман, которые вообще мало удаются, как известно. В величайшем секрете заготовили манифест и объявление... да вдруг, едва проснулся народ, отуманенный с вечера качелями и чайками, — ему и бухнули в церквах и с будок: вот-де ты вчера лег крепостным, а сегодня просыпаешься свободным гражданином. Я был у Владимирской, послав Макарова к Исаакию, братьев — в Казанскую и разных других приятелей — в разные другие церкви, потому что мы были в секрете и о сюрпризе осведомились за два дня до совершения его»⁴.

¹ ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, секретный архив, оп. 3, д. 2045, л. 1.

² Потапов являлся московским обер-полицмейстером.

³ ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, IV экспедиция, 1861 г., д. 215, л. 3.

⁴ ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, секретный архив, оп. 3, д. 2045, л. 17. Это письмо хранится в отделе рукописей ГБЛ,

Осведомленность Анненкова не вызывает удивления, так как его брат Иван Васильевич был начальником первого округа жандармов, в состав которого входил Петербург. Вполне понятно, что он должен был одним из первых узнать о принятом решении обнародовать манифест 5 марта.

Наконец, о внезапности опубликования манифеста говорит в своей записке «5 марта» Э. Перцов. «По всему видимому, — пишет он, — обнародование манифеста 5 марта было неожиданностью даже и для членов императорской фамилии. Государь, напуганный ожиданием бунта, как видно, долго колебался в выборе дня для обнародования мнимой воли и, наконец, выбрал такой день, в который всего менее этого ожидали»¹. И далее Перцов рассказывает, что обнародование манифеста было якобы неожиданностью даже для великой княгини Елены Павловны, которая, узнав об этом, воскликнула: «Вот неожиданная новость!»².

Таким образом, все эти данные свидетельствуют о том, что решение обнародовать манифест 5 марта было принято внезапно.

Обнародование манифеста вызывало большой страх со стороны правительства и дворянства, в силу чего был принят ряд специальных мер.

Как рассказывает Э. Перцов в цитированной выше записке «5 марта», в этот день были приняты те же меры, что и 19 февраля. «Повторились, — пишет он, — те же усиленные военные патрули, расстановка солдат с заряженными ружьями в съезжих домах и двориках Зимнего дворца, заряджение пушек, запрещение офицерам отлучаться от команд и из квартир, непуск в город и невыпуск в Шлиссельбергскую заставу и т. д.»³

Были приняты меры и по линии III отделения. В цитированном нами выше агентурном донесении в III отделение об обнародовании манифеста в Петербурге указывалось, что «всем агентам приказано было находиться у обедни в

М. 8320/3. Опубликовано в «Трудах Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. III, М. 1939, стр. 117—118. В публикации вместо инициалов ошибочно поставлена полная подпись.

¹ «Красный архив», т. 3(16), М. — Л. 1926, стр. 150. Нам представляются весьма убедительными эти соображения Перцова. По-видимому, стремление опубликовать манифест неожиданно и заставило Александра II избрать для обнародования его «прощенное воскресенье».

² Там же.

³ Там же, стр. 149.

разных церквах, а немедленно после обедни — на Дворцовой площади, близ Сенатской типографии на Сенной...»¹ Как рассказывает автор воспоминаний «Из памятных замечток старого гвардейца», «накануне (т. е. 4 марта. — П. З.) во все полки разослана была печатная инструкция от с.-петербургского генерал-губернатора с подробным обозначением, в какие именно части города отряжать солдат и как им поступать при первых признаках уличного смятения»².

Во дворце в этот день было беспокойно и тревожно. Тот же автор, будучи 5 марта, как свитский генерал, дежурным во дворце, писал: «Лица, собравшиеся туда (в Зимний дворец. — П. З.), ожидавшие Государева выхода были, очевидно, беспокойны. Послышался какой-то глухой гул, как бы выстрел. Генерал-губернатор посылает узнать, что такое, и ему докладывают, что это глыба снега скинута с дворцовой крыши... Через несколько времени послышался колокольный звон; опять опрометью скачет фельдъегерь и, возвратившись, докладывает, что звонили у Исаакия по поводу похорон какого-то священника»³.

Обстановка была чрезвычайно напряженной, возможность народного возмущения была весьма реальна. В этом отношении большой интерес представляет рассказ революционного деятеля второй половины 60-х годов М. П. Сажина (Арман Росс), являвшегося в 1861 г. учеником технологического института. Сажин рассказывает, что в день обнародования манифеста он и его товарищи — 15—16-летние мальчики — провели весь день на улицах в ожидании восстания, к которому они намеревались пристать⁴.

Вечером 5 марта Александр II после дня, наполненного тревожными ожиданиями, с удовлетворением записывает в свою памятную книжку: «...на улиц[ах] все спокойно, порядок... все спокойно из Москвы по телег[рафу] ...3/4 6...»⁵

¹ ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, секретный архив, оп. 3, д. 2044, л. 11.

² «Русский архив», кн. 1, 1892, стр. 139. Нельзя согласиться с автором «Материалов для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II», утверждавшим, что «к сохранению спокойствия в столице, по-видимому, ко всеобщему удивлению, не принято никаких особенных мер» (вып. IV, стр. 190).

³ «Русский архив», кн. 1, 1892, стр. 139—140.

⁴ Об этом М. П. Сажин рассказывал Б. П. Козьмину (см «Литературное наследство», т. 62, стр. 520).

⁵ ЦГИАМ, ф. Александра II, № 678. оп. 1, д. 1, запись 5 марта.

В Москве обнародование манифеста не вызвало каких-либо эксцессов. «Из Москвы, — записывает в своем дневнике Валуев, — тамошнее начальство телеграфировало, что все обошлось благополучно благодаря принятым мерам»¹. Действительно, эти меры были приняты заблаговременно. Московский генерал-губернатор Тучков еще в сентябре 1860 г. составил специальную записку по вопросу «о мерах, необходимых для сохранения спокойствия в губернии при окончательном разрешении вопроса об изменениях быта помещичьих крестьян». В этой записке он указывал на необходимость принятия ряда необходимых мер, в особенности в связи с наличием в Москве и губернии большого количества рабочих. «Рабочий народ, — писал он, — которого до 140 т[ыс.] в губернии вообще составляет класс людей менее нравственных, и потому полицейские меры должны быть обращены на этот предмет с особенным вниманием»².

Помимо этого, еще в 1858 г. была составлена секретная инструкция о порядке сбора войск, расположенных в Москве. Эта инструкция, несколько измененная в 1861 г., содержала план размещения войск в случае тревоги, объявление которой возлагалось на московского генерал-губернатора. Согласно инструкции основная часть войск с артиллерией должна была быть сосредоточена в Кремле и на Театральной площади, Ростовский гренадерский полк — у Мясницких ворот и на Мясницком бульваре, Перновский гренадерский полк — на Садовой, в районе спасских казарм, 2-й резервный стрелковый батальон — на станции железной дороги и т. д.³

Мы не располагаем, к сожалению, данными о мерах, принятых Тучковым и обер-полицмейстером Потаповым 5 марта, так как ни в фонде московского генерал-губернатора, ни в фонде обер-полицмейстера не сохранилось материалов, связанных с обнародованием манифеста в Москве. Как утверждает автор «Материалов для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян», по Москве 5 марта «ходили по улицам и даже по трактирам патрули конные и пешие с заряженными ружьями, обнаженными

¹ ЦГИАМ, ф. Валуева, № 544, оп. 1, д. 1, л. 107.

² ЦГИАМ, ф. Мраморного дворца, оп. 1, д. 321, л. 6.

³ ЦГВИА, коллекция 410, д. 85, л. 61—65. Данные приводятся по Положению о сборе войск московского гарнизона, составленному в 1860 г. 22 марта 1863 г. это Положение было еще более конкретизировано (см. там же).

саблями»¹. Подобные свидетельства мы находим и в одном из перлюстрированных III отделением писем из Москвы².

Характеризуя обстановку опубликования манифеста в Москве, некий Новиков писал своему знакомому А. Н. Бахметьеву в Саранск следующее: «Выбор минуты для объявления был счастлив, как нельзя более: наплыва рабочих не бывает в это время в Москве. Расчет на неожиданность и внезапность также отлично удался... Ловкость исполнителей так изумительна, что, казалось, сама тайна была заодно с ними...»³

Во всех остальных местах манифест был обнародован в период великого поста. Первоначально согласно указанию Синода это должно было производиться в церквях в первый воскресный день после получения манифеста и Положений. Однако затем последовало указание обнародовать манифест сразу же по получении его, не ожидая воскресного дня. Обнародование должно было производиться в церквях перед специальным по этому поводу благодарственным молебном. Начиная с 9 марта министр внутренних дел представлял царю ежедневные сводки о ходе обнародования Положений.

Обнародование манифеста в сельских местностях той или другой губернии было осуществлено в течение 5—7 дней с момента опубликования его в губернском городе⁴.

По единодушным свидетельствам современников, крестьяне встретили объявление «воли» нерадостно, царили всеобщее уныние, разочарование. Даже Валуев, говоря об обнародовании манифеста в Петербурге, принужден был отметить это. «Он не произвел, — записывает он 5 марта, — сильного впечатления в народе и по содержанию своему даже не мог произвести этого впечатления. Воображение слышавших и читавших преимущественно остановилось на *двухгодичном сроке*, определенном для окончательного введения уставных грамот и окончательного освобождения дворовых. «Так еще два года!» или «Так только через два

¹ «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II», т. III, вып. 6, Берлин 1862, стр. 190.

² ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, секретный архив, оп. 3, д. 2104, л. 1.

³ Там же, л. 5.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1290, оп. 1, 1861 г., д. 20.

года!» — слышалось большею частью и в церквях и на улицах»¹.

Один из современников — сельский священник — в своих воспоминаниях приводит интересный рассказ о реагировании крестьян на чтение манифеста. «Перекрестившись, — пишет он, — священник начал читать. Как только прочел он слова манифеста: «Добрые отношения помещиков к крестьянам ослабевали и открывался путь к произволу...», народ зашумел... Исправник обратился к народу, тихо и протяжно сказал тсс! Все разом умолкли. Священник прочел: «Самому дворянству предоставили мы, по собственному вызову его, составить предположение о новом устройстве быта крестьян». Народ загудел опять. Исправник остановил опять. При словах: «...Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют крестьянам за установленные повинности... усадебную оседлость»... крестьяне зашумели опять. Исправник опять остановил их. Когда прочтено было: «Пользуясь сим поземельным наделом, крестьяне за сие обязаны исполнять в пользу помещиков определенные в Положении повинности..., крестьяне, видимо, были огорчены и повесили головы. А один из стоявших впереди крестьян сказал вслух: «Да какая же это воля?» Но становой пристав дернул его за рукав, и он замолчал. Когда прочтено было «Как новое устройство не может быть произведено вдруг и потребует для сего время, примерно не менее двух лет...», народ зашумел опять. А этот же крестьянин... сказал: «Да, господа-то в два года-то все животы наши вымотают». Но порядок тотчас же был восстановлен. Священник прочел: «До истечения сего срока крестьянам и дворовым людям пребывать в прежнем повиновении помещикам и беспрекословно исполнять прежние их обязанности». Крестьяне зашумели не на шутку. Поднялся ропот и крик до того, что священник должен был остановиться чтением»².

Приведенный рассказ чрезвычайно характерен. «Манифесту никто не обрадовался, — пишет в своем дневнике сельский конторщик из Владимирской губернии, — от крестьян ни слова, ни звука радости. Народ понял одно: оставаться ему, дескать, два года крепостным, да и шабаш,

¹ ЦГИАМ, ф. Валуева, № 544, оп. 1, д. 1, л. 107.

² «Русская старина» № 1, 1880 г., стр. 42—44.

а льгот никаких нет. Снова уныло повесил он голову... Мне тяжело»¹.

Об этом же сообщает из Самарской губернии Ю. Ф. Самарин в своем письме к князю Черкасскому от 23 марта 1861 г. «Манифест, — пишет он, — нигде не произвел сильного впечатления... Больше всего выдалась та тема, в течение двух лет все остается по-старому. В толпе слышались отзвывы: «Ну, не того мы ждали, не за что и благодарить, нас надули» и т. п.»² «Первое впечатление, произведенное манифестом и Положениями, — сообщал в своем докладе министру внутренних дел самарский губернатор А. А. Арцимович, — может быть выражено несколькими словами: первоначальная бессознательная минутная радость, потом тяжелое недоумение и грустное разочарование... Народ вынес из церкви впечатление, что надежды его не сбылись. Он ожидал полной чистой воли и в придачу бесплатного отвода земли, которую, по словам крестьян, они успели *выслужить* долговременным отбыванием повинности. С этой надеждой народ расставался так неохотно, что он сперва готов был допустить обман или подлог, чем мысль отказаться от любимой мечты»³.

Все это достаточно убедительно свидетельствовало о настроениях крестьян, об их отношении к «дарованной воле».

Обнародование Положений сразу же вызвало мощный подъем крестьянского движения. Сохраняя наивную веру в царя, крестьяне отказывались верить в подлинность манифеста и Положений, утверждая, что царь дал «настоящую волю», а дворянство и чиновники либо ее подменили, либо истолковывают в своих корыстных целях. Среди крестьян появлялись люди, пытавшиеся истолковать Положения с точки зрения крестьянских интересов. «После обнародования Манифеста об освобождении 19 февраля (3 марта) 1861 г., — писал К. Маркс, — общее волнение и бунты среди крестьян; они считали его сфабрикованным, поддельным документом»⁴.

¹ «Русский архив» № 9, 1897 г., стр. 134. Из дневника и частного письма сельского конторщика.

² Отдел рукописей ГБЛ, ф. Самариных, № 33/е.

³ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, оп. 1, д. 47, л. 77.

⁴ «Архив Маркса и Энгельса», т. XII, 1952, стр. 3.

На первых порах крестьянское движение проявилось главным образом в отказе от выполнения барщины и уплаты оброка. Объективно оно означало борьбу за ликвидацию феодально-крепостнических отношений¹. В марте, по далеко не полным данным Министерства внутренних дел, волнения крестьян происходили в восьми губерниях (Волынской, Черниговской, Калужской, Могилевской, Гродненской, Витебской, Ковенской и Петербургской)². В апреле, по тем же данным, «случаи неисполнения и сопротивления крестьян закону» имели место уже в 28 губерниях, в мае — в 32. Это был период наибольшего подъема крестьянского движения. Как указывал П. А. Валуев в своей записке «О положении крестьянского дела в начале сентября 1861 года», «промежуток времени между обнародованием Положений и введением в действие мировых посредников (т. е. с марта по начало июня. — П. З.) был самым критическим моментом дела»³.

Для того чтобы представить себе размах, который приняло движение в тот период, необходимо остановиться на вопросе о количестве войск, привлекавшихся к подавлению крестьянских волнений. На основе обработки нами данных Департамента Генерального штаба, состоящих из донесений в Военное министерство как командиров частей и соединений, так и местной администрации⁴, помимо войск внутренней стражи (губернских батальонов, уездных инвалидных команд), с марта по конец мая, т. е. в течение двух месяцев, в подавлении крестьянского движения принимали участие подразделения 64 пехотных, 16 кавалерийских полков и 7 отдельных батальонов. По этим данным, непосредственно участвовали в подавлении крестьянского движения 47 батальонов⁵, 187 рот пехоты, 38 с половиной эскадронов кавалерии и 3 сотни казаков. И все-таки эта весьма внушительная цифра, составлявшая существенную часть

¹ Крестьянское движение в 1861—1863 гг. подробно освещается в монографии М. Е. Найденова «Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.)», М. 1955.

² Все данные о крестьянском движении заимствовались из еженедельных докладов царю министра внутренних дел (см. «Отмена крепостного права», стр. 9—10).

³ ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, № 1284, оп. 241, д. 185, л. 2.

⁴ ЦГВИА, ф. Департамента Генерального штаба, № 38, оп. 18/272, св. 651, д. 175, ч. I—III.

⁵ Батальон состоял из 5 рот.

общего количества полевых войск, является далеко не полной. По-видимому, часть донесений либо вовсе не сохранилась, либо находится в других фондах, так как донесения писались на имя разных лиц (императора, военного министра, генерал-квартирмейстера)¹.

Наибольший размах весной 1861 г. крестьянское движение получило в Казанской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской, Черниговской, Виленской, Ковенской и Смоленской губерниях.

В первой половине апреля произошло крупное выступление крестьян в селе Бездна, Спасского уезда, Казанской губернии.

В этом выступлении чрезвычайно ярко обнаруживаются стремления и чаяния крестьянства — жажда подлинной воли, которая в их сознании неразрывно связывалась с правом на землю. В начале апреля в селе Бездна один из местных жителей — Антон Петров начал толковать Положения в духе крестьянских чаяний. Как утверждал Петров, крестьяне согласно Положениям получали немедленно волю и не должны были выполнять по отношению к помещикам никаких повинностей. Почти вся помещичья земля должна также принадлежать крестьянству: «помещику земли — горы да доли, овраги да дороги, и песок да камыш, лесу им ни прута. Переступит он шаг с своей земли — гони добрым

¹ В качестве примера можно привести следующие факты. В деле не содержится вовсе донесений о подавлении крестьянского движения в Курской губернии. В то же время в донесении флигель-адъютанта Корсакова Александру II указывается о подавлении крестьянского движения в Грайворонском уезде эскадронам Лубенского гусарского полка, а в Рыльском и Путивльском уездах — эскадронами Вознесенского уланского полка (см. «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», ч. I и II, М. — Л. 1949, стр. 109, 111). Не содержится в обработанных нами донесениях сведений о привлечении войск к подавлению крестьянских волнений в Оренбургской губернии, о чем сообщал в своем рапорте Александру II флигель-адъютант Кригер (см. там же, стр. 133). Кроме того, те данные, которые содержались в донесениях, в какой-то степени приуменьшены при обработке и нами. В донесениях не всегда точно указывались подразделения той или иной части войск. Например: «9 рот Азовского пехотного полка»; в другом донесении указывалось «10 рот первого и третьего батальонов» того же полка. Вследствие того, что нередко было трудно определить, являлись ли 9 из 10 рот упомянутыми уже выше, либо другими, составлявшими 2-й и 4-й батальоны, мы, боясь преувеличения, принимали в расчет данные лишь одного донесения. Подобные случаи были довольно часты.

словом, не послушался — секи ему голову, получишь от царя награду»¹.

Агитация Антона Петрова имела огромный успех и получила широкое распространение. Крестьяне различных деревень стекались в Бездну, чтобы услышать о «настоящей воле». В безднинских волнениях принимали участие крестьяне 75 населенных пунктов Спасского уезда. Среди крестьян наблюдались массовые отказы от выполнения барщины, распространялись разговоры о необходимости расправиться с дворянами. «Некоторые мужики, — сообщал в своем письме к помещице Ермоловой ее управляющий Крылов, — представили мне в лицах, как из Бездны прогнали исправника и предводителя, говорили, что предводителя сожгут, и что царь велел дворян не миловать, а головы рубить»². Все стремления арестовать Антона Петрова оканчивались неудачей, так как его охраняли крестьяне, и приезжавшее в Бездну местное начальство, пытавшееся восстановить спокойствие, не достигало никаких результатов.

События в Бездне вызвали беспокойство и растерянность местных властей. «В имении Бездна, Спасского уезда, — телеграфировал казанский губернатор Козлянинов министру внутренних дел, — полное неповиновение властям. Раскольник, выдавший себя за пророка и посланника царского, Антон Петров, увлек всех. Со всех почти имений уезда народ собирается в Бездну; там объявляется настоящая воля, готовится для народа пища, увещания все бесплодны, уверены в полной свободе, вся земля их, власть одна царская, передаваемая Антоном Петровым, все остальные куплены помещиками... Помещиков и чиновников не трогают, но Бездна окружена мужиками верхом, не пропускающими в нее никого, в Бездне уже вчера более 2000 народа»³. В телеграмме говорилось, что в Бездну направился свитский генерал-майор граф Апраксин с войсками для подавления волнения. Туда было двинуто 12 рот пехоты с двумя 3-фунтовыми орудиями⁴.

¹ «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», ч I и II, стр 63

² Там же.

³ «Безднинское восстание 1861 года», сборник документов, Казань 1948 стр 24

⁴ ЦГИАЛ, ф Канцелярии министра внутренних дел, № 1282, оп. 1, 1861 г., д. 6, л. 7.

Эта телеграмма достаточно убедительно свидетельствует о паническом настроении губернских властей.

Прибыв 11 апреля в Бездну, Апраксин требовал выдать Антона Петрова. Это, однако, успеха не имело. На другой день, 12 апреля, Апраксин снова вернулся в Бездну с двумя ротами резервного батальона Тарутинского пехотного полка и повторил требование. Как указывал Апраксин в своем рапорте царю, к этому времени в Бездне собралось около 4 тыс. крестьян, среди которых были и приехавшие из Самарской и Симбирской губерний¹. Не достигнув своей цели, Апраксин отдал приказ о расстреле безоружной толпы. Крестьяне держали себя стойко, и только после нескольких залпов толпа дрогнула, а Антон Петров вышел к войску, неся на своей голове Положения. По сообщению спасского исправника, общее количество убитых составляло 61 человек, умерших от ран — 41 и раненых — 71 человек.

Как рассказывает в своих воспоминаниях адъютант казанского военного губернатора поручик Половцев, «по счету доктора, приехавшего на другой день из Казани и лечившего пострадавших в течение слишком двух месяцев, всех жертв было более 350 человек². Однако число жертв не могло быть определено точно и лечащим врачом, так как, разойдясь по домам далеко, не все крестьяне обращались к врачебной помощи, боясь обвинения их в причастности к безденским событиям.

Расправа, учиненная Апраксиным, была настолько дикой и к тому же лишенной каких-либо оснований, что встретила порицание даже со стороны казанского военного губернатора Козлянинова. В своем донесении от 22 апреля министру внутренних дел Ланскому он, осуждая поступок Апраксина, писал: «Самое дурное последствие его (поступка Апраксина. — П. З.) состоит в том, что числом жертвы он вызвал здесь негодование многих, тем более, что, кроме непреклонного упорства в ложном толковании и невыдаче Петрова, крестьяне не буйствовали, ни вреда сделать никому не успели и были 12 числа совершенно безоружны»³.

¹ По данным Козлянинова, приведенным им в цитированном выше донесении министру внутренних дел, число крестьян, собравшихся в Бездне, достигало 8 тыс. человек

² «Исторический вестник» № 11, 1907 г., стр. 475.

³ ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, № 1282, оп. 1, 1861 г., д. 6, л. 25.

По приговору военно-полевого суда Антон Петров был расстрелян, а большое количество крестьян было наказано розгами и сослано.

События в Бездне оказали большое влияние на рост крестьянских волнений не только в Казанской губернии, но и во всем Среднем Поволжье. Безднинские события характеризовали собой силу и в то же самое время слабость крестьянского движения. Они продемонстрировали неудержимое стремление крестьян к борьбе за волю и землю, что и определило массовость движения. Вместе с тем обнаружилась стихийность и неорганизованность этого движения, его царистский характер, вера крестьян в «доброе» царя.

Казанское дворянство бурно выражало свой восторг действиями Апраксина, «мужественно» и «решительно» расправившегося с волновавшимися крестьянами. «Радости их, — писал в письме адъютант казанского губернатора Половцев, — при получении известия о стрельбе не было конца; те, которые поумнее, старались скрыть ее, а глупые и того не делали; многие публично пили шампанское и поздравляли друг друга с успехом; мало того, слабые женщины и те выказывали свою радость и жалели только о том, что убитых было слишком мало. Апраксина — дурака, человека без сердца и ни к чему не способного — провозглашают усмирителем и спасителем края»¹.

«13 апреля, — писал Герцену один из его корреспондентов, — Воскресенская улица (главная улица Казани. — П. З.) в 1 часу утра представляла вид необыкновенный. По ней катились коляски, дрожки и тарантасы с веселыми лицами помещиков, едущих к губернатору. Только что получено было известие «о победе графа»².

Если дворянство всячески восторгалось кровавыми подвигами Апраксина, то передовая часть казанского общества отнеслась к событиям в Бездне иначе. 16 апреля демократически настроенные студенты университета и духовной академии организовали в Кладбищенской (так называемой Куртинной) церкви панихиду по «в смятении за свободу убиенным» крестьянам села Бездна. Панихиде предшествовал сбор студентами денег в пользу осиротевших крестьянских семейств. На панихиде, явившейся открытой демонстрацией протеста, присутствовало до 150 студентов.

¹ «Красный архив» т 1(74), 1936 г., стр. 28.

² «Колокол», л 100

причем служили ее, помимо кладбищенского причта, двое монахов — студентов Казанской духовной академии. Преподаватель истории Казанского университета А. П. Шапов произнес волнующую речь. «Вы первые, — говорил Шапов, обращаясь к погибшим, — нарушили наш сон, разрушили своей инициативой наше несправедливое сомнение, будто народ наш не способен к инициативе политических движений... Земля, которую вы возделывали, плодами которой питали нас, которую теперь желали приобрести в собственность и которая приняла Вас мучениками в свои недра, — эта земля воззовет народ к восстанию и свободе. Мир праху Вашему и вечная историческая память Вашему самоотверженному подвигу. Да здравствует демократическая конституция»¹.

Получив сообщение о казанской панихиде, Александр II наложил следующую резолюцию: «Шапова необходимо арестовать, а 2 монахов заключить в Соловецкий монастырь»².

Желая усугубить вину студентов, Апраксин в своем рапорте царю 14 мая писал: «Студенты университета и Духовной академии произвели демонстрацию по улицам и на площадях, они собирали народ, превратно толковали ему происшедшее в Спасском уезде, а потом толпой пошли на городское кладбище...»³ Однако эти сведения о демонстрации лишены, по-видимому, основания, так как ни в сообщениях Козлянинова, ни в донесении специально командированного в Казань для расследования событий в Бездне чиновника особых поручений Министерства внутренних дел статского советника Сабещанского, ни в других каких-либо документах мы не находим упоминаний об этом.

Значение панихиды, как определенного политического акта, прекрасно понимал сам Шапов. В любезно представленном нам редакцией «Литературного наследства» письме Шапова к исполнявшему должность попечителя казанского учебного округа князю П. П. Вяземскому, находившемуся в софийской коллекции бумаг Герцена и Огарева, он прямо говорил об этом. «Куртинная панихида за кровь и свободу крестьян, совершенная молодым поколением, — писал он, — была погребальной панихидой старой России, император-

¹ Цит. по кн. П. А. Зайончковский, Отмена крепостного права, стр. 155

² ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, № 282, оп. 1, 1861 г., д. 6, л. 7.

³ ЦГИАЛ, Гос совет, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181. оп. т. XV, 1861 г., д. 51, л. 85.

ской, княжески-помещичьей, народограбительской, народозатмительской... Собрание молодого поколения в церкви, отрицающего византийскую церковь, вместе с народной беспоповщиной, купеческой, крестьянско-мещанской и бегло солдатской, вместе с бегунами Никитами Семеновыми, Евфимиями, крестьянскими Радищевыми, Рылеевыми, Искандерами — это собрание молодого поколения... было просветом, пророчеством, прообразом нашего общедемократического, союзного, федеративного земского народосветия, накануне которого мы живем». И далее, характеризуя свои взгляды, Шапов писал: «Я не гонюсь за благами дворянства, а гонюсь за голытьбою кабацкою Стенок Разиных, Радищевых»¹.

Бездненские события оказали большое влияние на революционно настроенную разночинную молодежь. Есть основания предполагать, что со стороны последней были стремления установить связи с безднинскими крестьянами. Так, известно, что вскоре после расстрела крестьян двое студентов университета — Клаус и Эльпидин — посетили Бездну, где и были задержаны². Об этом сообщил царю Апраксин в своем рапорте от 14 мая³.

Безднинские события получили известность не только в России, но и за границей и нашли свое отражение в «Колоколе».

Наиболее крупным событием в крестьянском движении весной 1861 г. явилось восстание крестьян в Чембарском и Керенском уездах, Пензенской губернии, распространившееся также и на соседние уезды Тамбовской губернии. Одним из главных организаторов движения был крестьянин села Высокого Леонтий Васильевич Егорцев. Кроме Егорцева, активную роль играли временно и бессрочно отпускные солдаты Андрей Елизаров, Василий Горячев, Николай Шорин, Ферапонт Дмитриев, Василий Шебуняев, Алексей Мартышев.

В марте, тотчас по объявлении манифеста, начались волнения среди крепостных крестьян. Положение крепостных

¹ Это письмо, относящееся к октябрю 1861 г., находится в составе софийской коллекции бумаг Герцена — Огарева в отделе рукописей ГБЛ в фонде № 69.

² «Безднинское восстание 1861 года», сборник документов, стр. 35.

³ ЦГИАЛ, Гос. совет, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, оп т. XV, д. 51, 1861 г., л. 3.

в этой губернии было исключительно тяжелым. Свитский генерал-майор Дренякин, командированный царем в эту губернию, в своем рапорте указывал, что «Пензенская же губерния по многоземелью своему легкостью барщины и подводною повинностью в пользу помещика похвалиться не может»¹.

Один из участников карательной экспедиции Дренякина — подпоручик Худеков — в своих воспоминаниях, оценивая обстановку, сложившуюся в Пензенской губернии, писал: «Нужна была только одна искра; почва для пожара была уже давно готова»². Такой искрой и явилось опубликование манифеста.

Движение крестьян в Пензенской губернии отличалось как своей массовостью, так и активными формами борьбы. Крестьяне либо не хотели верить в подлинность манифеста и Положений, либо пытались найти в них иное содержание, объявлявшее настоящую волю.

Волнения начались 1 апреля в селе Студенки, Чембарского уезда, где демократически настроенный священник Федор Померанцев заявил крестьянам, ссылаясь на Положения, что работать им на помещика не следует. Вполне естественно, что подобная интерпретация манифеста, совпадавшая с чаяниями крестьян, получила сразу же широкую известность.

2 апреля в соседнем селе — Высоком состоялась большая сходка, на которой толкование царского манифеста не имело ничего общего с его подлинным содержанием. «Государь император, — заявляли организаторы сходки, — прислал всем «бывшим помещичьим крестьянам о совершенной их вольности бумагу... в коей государь написал, что, даруя вольность крестьянам, запретил им ходить на барщину, но помещики бумагу ту задерживают и что государю от помещиков за это выходит плохо, то государь приказал: всем крестьянам выбиваться от помещиков на волю силой, и, если кто из крестьян до св. пасхи не отобьется, тот будет, анафема, проклят»³.

6 апреля несколько сот крестьян собрались в селе Покровском, потребовали у священника «воли», заявив при этом: «...ни дня, ни минуты барину не будем работать, по-

¹ «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», ч. I и II, стр. 145.

² «Исторический вестник» № 12, 1881 г., стр. 774.

³ «Красный архив», т. 1(92), 1939 г., стр. 94.

дате́й с нас ца́рь не бу́дет тре́бовать 20 лет, зе́мля вся нам, ле́са, лу́га, го́сподские стро́ения — все наше, а ба́рину нет ни́чего, го́спод, по́пов бе́й, ду́ши»¹. Как сообщи́л свяще́нник се́ла По́кровского, кре́стьяне тут же нача́ли ре́ализовывать свою́ програ́мму, разо́брав с «го́сподского двора́» весь рога́тый ско́т.

С 9 а́преля це́нтром кре́стьянского дви́жения ста́новится се́ло Че́рнога́й, того́ же Че́мбарского уе́зда, в кото́ром собра́лись кре́стьяне 26 дере́вень о́бщей численно́стью до 3 тыс. че́ловек. Кре́стьяне захвати́ли че́мбарского испра́вника и упра́вляющего и́мением гра́фа Ува́рова, били их и, зако́вав в це́пи, поса́дили под охра́ну сво́его кара́ула. Вы́званная в Че́рнога́й ро́та Та́рутинского пе́хотного по́лка была́ атако́вана восста́вшими, воору́женными ко́льями и ви́лами, и при́нуждена́ была́ отсту́пить. При э́том о́дин у́нтер-офи́цер и ря́довой бы́ли взяты́ в пле́н.

Узна́в, что в Че́рнога́й напра́влены две ро́ты пе́хоты, восста́вшие пере́ходят в се́ло Ка́ндеевку, Ке́ренского уе́зда, куда́ и пере́носятся це́нтр восста́ния. Восста́ние полу́чает все бо́льшее и бо́льшее ра́спростране́ние. В Ка́ндеевке собира́ется до 10 тыс. кре́стьян из че́тырех сосе́дних уе́здов Пе́нзенской и Та́мбовской губе́рний. «Кре́стьяне, — писа́л в сво́ем ра́порте сви́тский ге́нерал Дре́някин, — с кри́ками: «Во́ля! Во́ля!» разво́зят по се́лениям красное́ зна́мя, оскорбля́ют свяще́нников, бьют ста́ршин и со́тских, угро́жая сде́лать то́ же самое́ с упра́вляющими́ и с гра́жданскими́, и с во́енными́ нача́льниками́, разъезды́ и пикеты́ их пере́хватывают ра́ссыльных и, не́смотря ни на че́и уве́щевания́, кри́чат: «Зе́мля вся наша́! На о́брок не хо́тим, рабо́тать на поме́щика не ста́нем»².

Все по́пытки Дре́някина́ угово́рить с помо́щью угро́з кре́стьян подчи́ниться поме́щичье́й власти́ и отбыва́ть ба́рщину́ ни к че́му не привели́. После́ э́того Дре́някин, и́мее в сво́ем ра́споря́жении де́вять ро́т пе́хоты, оку́жил Ка́ндеевку и 18 а́преля о́тдал при́каз о ра́сстреле́ кре́стьян. «Кре́стьяне бе́зропно́тно умира́ли, не изда́вая ни о́дного во́пля, — ра́ска́зывает подпо́ручник Худе́ков. — Ра́неные не сто́нали, как бы́ созна́вая, что они́ принима́ют му́ченический ве́нец»³. После́ тре́хкратного́ залпа́ Дре́някин пре́дприя́л внеза́пную ата́ку.

¹ «Кре́стьянское дви́жение в 1861 го́ду после́ отмене́ крепо́стного пра́ва», ч. I и II, стр. 142.

² Там же, стр. 145.

³ «И́сторический ве́стник» № 12, 1881 г., стр. 789.

8 человек было убито, 27 ранено и 410 человек захвачено. После этого крестьяне отступили в деревню, часть же побежала в поле. Дренякин, боясь столкновения, не преследовал бегущих. Ночью значительная часть восставших разошлась по своим селениям. Большинство раненых вскоре умерло, а над захваченными была учинена расправа. Согласно ведомости, составленной самим Дренякиным, наказанию подверглись 172 человека, 28 из них были наказаны шпицрутенами, прогнаны сквозь строй в 100 человек от 4 до 7 раз и затем сосланы на каторжные работы сроком от 4 до 15 лет; 80 человек прогнаны сквозь строй от 2 до 4 раз и сосланы на поселение в Сибирь, 3 человека наказаны шпицрутенами и направлены на службу в линейные батальоны, 3 человека заключены в тюрьму на срок от 1 года до 2 лет, 58 человек наказаны розгами с последующим освобождением¹. Кроме того, 7 отставных и отпускных солдат, участвовавших в восстании, также были приговорены к различным наказаниям. В числе этих семи был сослан в Сибирь 72-летний старик Елизаров. Наконец, жестоко наказан был и священник Федор Померанцев, заключенный пожизненно в Соловецкий монастырь. Помимо указанных лиц, по данным, приводимым Герценом в «Колоколе», до 200 человек были подвергнуты наказанию шпицрутенами и 700 человек — розгами².

Как рассказывает в своих воспоминаниях Худеков, крестьяне проявляли даже после экзекуции упорство и отказывались идти на барщину. ««Ну, что? Каешься ли? Пойдешь ли теперь на работу?» — спросят мужичка, спина которого представляла одну бесформенную массу, из которой торчали куски прутьев, врезавшихся в тело. Несчастный во время приостановки только вздохнет как будто посвободнее и произнесет: «На работу не пойду! Дорезывайте меня»»³.

Кандеевское восстание было одним из самых ярких проявлений борьбы крестьянства за землю и волю весной 1861 г.

Больших размеров достигло крестьянское движение в Виленской и Смоленской губерниях. В Виленской губернии крестьянское движение получило распространение особенно

¹ «Русская старина», кн. 4, 1885, стр. 157.

² «Колокол», л. 103.

³ «Исторический вестник» № 12, 1881 г., стр. 792.

в трех уездах: Свенцянском, Ошмянском и Дисненском. В Дисненском уезде около 6 тыс. крестьян отказалось от выполнения барщины. Волнения крестьян были ликвидированы в результате применения воинской силы — двух рот Муромского и одной роты Софийского пехотных полков. Как сообщал в рапорте царю флигель-адъютант граф Олсуфьев, 30 человек были арестованы и значительное число крестьян наказано розгами¹.

Крупные волнения крестьян произошли в конце марта — начале апреля в местечке Ивье, Ошмянского уезда. Крестьяне десяти имений Ошмянского уезда и одного имения Минской губернии, собравшись на базарной площади, избивали палками представителей местной администрации². Вызванные властями войска в составе четырех рот пехоты окружили 2-тысячную толпу крестьян, которые, невзирая на это, продолжали упорно отказываться подчиняться. Только в результате массовой порки местным властям удалось привести крестьян в повиновение.

В Ковенской губернии после обнародования Положений в 35 имениях крестьяне отказались от исполнения повинностей и были усмирены только посредством военной экзекуции³.

В Смоленской губернии крестьянским движением были охвачены все уезды. Наиболее активными были крестьянские выступления в селе Самуйлове, имении князя Голицына (Гжатский уезд). Несмотря на наличие в селе воинской команды в несколько сот человек, все попытки местных властей и флигель-адъютанта полковника Слепцова заставить крестьян выйти на барщину окончились неудачей. Даже после того, как один из руководителей движения — Дорофей Федоров был подвергнут наказанию шпицрутенами и солдатам был отдан приказ зарядить ружья боевыми патронами, 2-тысячная толпа крестьян отказалась выдать зачинщиков и повиноваться властям.

«Видя такое бессознательное (? — П. З.) упорство, — писал в своем рапорте царю флигель-адъютант полковник

¹ «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», ч. I и II, стр. 21.

² ЦГИА Литовской ССР, ф. Канцелярии виленского генерал-губернатора, д. 909, л. 115. Материалы архива любезно представлены нам доцентом Вильнюсского университета В. И. Неупокоевым.

³ ЦГИА Литовской ССР, ф. Канцелярии виленского генерал-губернатора, д. 908, л. 168.

Слепцов, — всем бывшим воинским чинам приказано было окружить толпу цепью, и когда это было исполнено, то команда, взяв ружья на руку, атаковала со всех сторон толпу, тогда бунтовщики с неистовым энтузиазмом бросились на солдат, обнаружив намерение отнять у них ружья, почему цепь сдвинула эту ожесточенную толпу в тесный кружок и употребила в дело приклады»¹. В результате 22 человека были задавлены насмерть, 23 ушиблены, 125 человек наказаны розгами. Есть основания предполагать, что число жертв было большим. В перлюстрированном письме некоего К. Б. М. из Можайска от 2 июня князю Николаю Николаевичу Мещерскому в Москву мы находим следующие строки: «У Голицина в Самуйлове было ужаснейшее побоище: убили сто человек, был сам губерн[атор], все присутствие и ничего не могли сделать»².

Значительный размах получили крестьянские волнения и в Черниговской губернии. В Новгород-Северском уезде крестьяне слободы Каменской не только отказались выполнять барщину, но и препятствовали производить работу на помещичьих полях вольнонаемным рабочим. «Пример каменских крестьян, — указывалось в обзоре Министерства внутренних дел, — увлек к беспорядкам 25 селений с населением до 9000 душ»³.

В Нежинском уезде, той же губернии, в селе Безугловке, крестьянские волнения приобрели такую силу, что для подавления их потребовалось три батальона пехоты.

Крупные волнения происходили также в Пермской губернии среди крестьян и крепостных рабочих⁴.

По данным Министерства внутренних дел, в апреле — июне 1861 г. крестьянским движением были охвачены 42 губернии из 43, на которые распространялись Положения⁵. Наибольшего размаха крестьянское движение достигло в апреле — мае. Только с апреля по июль, по далеко не полным

¹ «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», ч. I и II, стр. 223—224.

² ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, секретный архив, оп. 3, д. 2104, л. 27.

³ «Обзор действий Министерства внутренних дел по крестьянскому делу с января 1861 г. по 19 февраля 1864 г.» Спб. 1864, стр. 3.

⁴ См. Ф. С. Горовой, Волнения крестьян Пермского Предуралья в 60-х годах XIX века, Молотов 1951.

⁵ По данным этого же «Обзора», крупных крестьянских волнений не наблюдалось только в Олонецкой губернии, стр. 9.

данным, приводимым в обзоре Министерства внутренних дел, произошло 647 случаев выступлений крестьян. «Само собой разумеется, — говорилось в обзоре, — что приведенные выше цифры не могут быть признаны безусловно верными, так как не представляется никакой возможности подвести выразившееся в волнениях народное движение в тесные рамки числовых данных»¹. Действительно, определить число крестьянских выступлений весьма трудно, так как в той или иной форме протестовало все крестьянство.

Размах крестьянского движения в той или иной губернии определялся рядом местных условий: степенью эксплуатации крестьян помещиками, масштабами ограбления их в период подготовки реформы, наличием местных вожаков и, наконец, степенью концентрации самих помещичьих крестьян. Так, в Самарской губернии, как указывал в своем рапорте царю флигель-адъютант Гурко, «почти везде помещики в эти 2 последние года... изменили существовавший дотоль поземельный быт крестьян, отняв у них лучшие земли»². Хотя в Самарской губернии за этот период была значительно увеличена барщина и имелся толкователь Положений в духе крестьянских чаяний Модест Сурков, движение там не приняло широких размеров. О причинах этого исполнявший обязанности самарского губернатора А. Арцимович писал: «По самому свойству местности, по огромности расстояний, разобщенности помещичьих имений, редко представляющих сплошные группы и большею частью перебитых имениями казенными и удельными, не могло быть со стороны крестьян единства в действиях, ни даже стачек. Беспорядки в одном имении не могли действовать заразительно на массу»³.

Крестьянское движение весной 1861 г. характеризовало собой новый и наивысший этап революционной ситуации. Начиная с июня наблюдается спад. Если в мае, по данным Министерства внутренних дел, крестьянским движением были охвачены 32 губернии, то в июне — только 16, а в июле — 12⁴.

¹ «Обзор действий Министерства внутренних дел по крестьянскому делу с января 1861 г. по 19 февраля 1864 г.», стр. 6, 10.

² «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», ч. I и II, стр. 197.

³ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, оп. 1, 1861 г., д. 47, л. 79.

⁴ «Отмена крепостного права», М. — Л. 1950.

Как правило, движение подавлялось вооруженной силой. Значительная часть войск находилась в непрерывном движении, переходя для экзекуции из одних населенных пунктов в другие. Определить количество деревень, в которых волнения были подавлены войсками, также не представляется возможным. Сплошь и рядом то или иное подразделение сажали на «обывательские», т. е. крестьянские, подводы и направляли по уезду согласно маршруту, данному земским исправником. Телесные наказания при этом получали массовое распространение. «В Симбирской губернии, — сообщал В. Балибин в письме в Петербург на имя Г. Е. Благовестова, которое было перлюстрировано III отделением, — дело покуда кончалось все розгами; зато здешний флигель-адъютант едва успевает сечь, несмотря на содействие земской и даже городской полиции, он почти постоянно переезжает из одного уезда в другой. Недавно в Буинском уезде должен был пересечь целую деревню поголовно. Всем взрослым дано по 200 розог, и только после этого они выдали зачинщиков. Этим последним дано еще по 300 сверхштатных розог. Военные команды беспрестанно переходят с места на место»¹.

Привлечение для этой цели полевых войск получило такое широкое распространение, что даже военный министр Д. А. Милютин в своем докладе царю в начале 1862 г., касаясь вопроса о сокращении армии, довольно цинично писал, что «значительные сокращения могут оказаться возможными... лишь только крестьяне ознакомятся со всеми благами даруемой им свободы»².

Однако настроение войск, посылавшихся на подавление крестьянских волнений, вызывало большую тревогу у господствующих классов. «Появление воинских команд в деревнях, — писал шефу жандармов командир отдельного корпуса внутренней стражи генерал фон дер Лауниц, — сначала всегда производит более или менее сильное впечатление на обывателей, но впоследствии, при продолжительном пребывании одной и той же команды в деревне, крестьяне сближаются с нижними чинами, угощают их, приглашают к содействию при своих работах и приучаются видеть в них

¹ ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, секретный архив, оп. 3, д. 2092, л. 18.

² ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, № 1/л, оп. 2, д. 1, л. 9, 10.

расположенных к ним друзей...»¹ Лауниц рекомендовал не задерживать тех или иных команд в одной деревне свыше 10 дней, а также размещать солдат изолированно от крестьян.

О ненадежности войск записывает в своем дневнике и Валуев. «Мы опираемся на войско, — отмечал он, — а войско уже рассуждает и находит, что на него опираться не следует»².

Если открытого неповиновения солдат во время подавления крестьянских движений и не наблюдалось вследствие силы действия дисциплины в строю³, то вне строя солдаты не только обнаруживали свое сочувствие крестьянам, но иногда и возглавляли движение. В ряде мест, как например в Кандеевке, временно отпускные и отставные солдаты играли активную роль в движении. «По словам помещиков, — говорилось в агентурном донесении в III отделение, — к серьезным этим неповиновениям крестьян много способствовали отставные и бессрочно отпускные нижние военные чины»⁴. Наблюдались случаи, когда призыв к солдатам не принимать участия в подавлении крестьянских движений находил отклик в их среде. Так, летом 1862 г. в Киеве был арестован подполковник Александрийского гусарского полка Красовский за революционную пропаганду среди солдат. Узнав, что Житомирский резервный батальон направляется на подавление крестьянского движения, Красовский составил прокламацию, в которой призывал солдат не принимать участия в военных действиях «против безоружных крестьян, своих же русских»⁵. Когда Красовский был

¹ ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, IV экспедиция, 1862 г., д. 148, л. 1.

² ЦГИАМ, ф. Валуева, № 544, д. 1, л. 108.

³ Нам известен лишь один факт открытого неповиновения приказу командира, связанного с подавлением крестьянского движения. В июле 1861 г. в селе Широкий Коромыш, Аткарского уезда, Саратовской губернии, произошли волнения крестьян. Земский исправник предложил командиру стоявшей невдалеке 8-й роты Бутырского пехотного полка собрать роту и направиться в Широкий Коромыш. Командир роты отдал приказ о сборе роты фельдфебелю Ивану Федотову. «.. Но Федотов, — как указывалось во всеподданнейшем рапорте командира корпуса, — объявил, что солдат он не даст, потому что требование исправника незаконно и что крестьян наказывать не следует» (ЦГВИА, ф. Департамента Генерального штаба, № 38, оп. 18/272, д. 175, ч. IV, л. 126).

⁴ ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, секретный архив, оп. 3, д. 2044, л. 3—4.

⁵ «Колокол», л. 162.

арестован и находился в крепости, ему в камеру было подброшено ответное письмо солдат, благодаривших его за любовь «к бедному солдату и его брату, бедному мужику». «Нас, — писали они, — извольте сами видеть... нынче мало таких, что вас настояще разумеют, завтра будет больше половины, а там и все»¹.

Несмотря на размах крестьянского движения и его активность, оно по-прежнему продолжало оставаться стихийным и неорганизованным, царистским по своему характеру, не имевшим никакой политической программы. Крестьяне отказывались признать подлинность Положений, полагая, что помещики и чиновники «подменили» дарованную царем «настоящую волю».

Невзирая на тяжелый урок, полученный ими в результате кровавой расправы и массовых пороков, крестьяне все же не утратили наивной веры в «доброе царя». На смену легенде о подложности манифеста и Положений приходит другая вера, вера в то, что придет «настоящая воля», которая будет объявлена царем через два года. Надо, мол, ждать этого срока, не подписывая никаких сделок по существующим Положениям. Эта новая легенда, во-первых, характеризовала силу наивно-монархических иллюзий крестьянства и, во-вторых, обрекала движение в известной степени на пассивные формы борьбы. В соответствии с этим с середины 1861 г. наступает второй период крестьянского движения, характеризовавшийся значительно меньшим размахом, а также менее активными формами борьбы. Борьба принимает форму отказа крестьян от выполнения повинностей помещикам и протеста против составления уставных грамот.

Характеризуя настроения крестьянства в этот период, Ю. Ф. Самарин в письме к И. П. Арапетову от 22 апреля 1861 г., которое было перлюстрировано III отделением, писал: «Манифест, мундир, чиновник, указ, губернатор, священники с крестом, высочайшее повеление — все это ложь, обман, подлог. Всему этому народ покоряется подобно тому, как он выносит стужу, метели, засуху, но ничему не верит, ничего не признает, ничему² не уступает своего убеждения. Правда, — продолжал он, — носится перед ним образ разлученного с ним царя, но не того, который живет в Петер-

¹ «Колокол», л. 162.

² По-видимому, описка — никому.

бурге, назначает губернаторов, издает высочайшие повеления и передвигает войска, а какого-то другого, самозданного, полумифического, который завтра может вырасти изпод земли в образе пьяного дьячка или бессрочно отпускного»¹. Действительно, в представлении крестьянства это не был реально существовавший Александр II, а добрый и справедливый царь, защищающий их «мужицкие права», могущий предстать перед ними в образе нового Пугачева.

* * *

*

Революционные демократы, отражавшие интересы крестьянских масс, встретили Положения резко отрицательно. Н. Г. Чернышевский еще до опубликования их пишет прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», основная мысль которой заключалась в призыве крестьян к восстанию против царизма. Подробно анализируя условия отмены крепостного права и вскрывая их грабительский характер, Чернышевский старается убедить крестьян, что главным виновником является сам царь. «Ждали вы, что даст вам царь волю, вот вам и вышла от царя воля»². Стремясь разрушить веру крестьян в царя, он показывает в прокламации единство интересов помещиков и царя. «Сам-то он кто такой, — говорит Чернышевский, — коли не тот же помещик?.. Значит, что он, что они — все одно. А сами знаете, собака собаку не ест. Ну, царь и держит барскую сторону»³.

Призывая крестьян готовиться к восстанию, Чернышевский вместе с тем пытается предостеречь их от разрозненных, неорганизованных выступлений. «Так вот оно какое дело: надо мужикам всем промеж себя согласие иметь, чтобы заодно быть, когда пора будет. А покуда пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно в беду не вводить. ...Пословица говорит, что один в поле не воин. Что толку-то, ежели в одном селе булгу поднять, когда в других селах готовности еще нет? Это значит только дело портить да себя губить.

¹ ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, секретный архив, оп 3, д 2124, л 9

² Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т VII, М 1950, стр. 517.

³ Там же, стр. 521.

А когда все готовы будут, значит, везде поддержка подготовлена, ну, тогда дело начинай»¹.

Таким образом, в этой прокламации Чернышевский ставит своей задачей, во-первых, разоблачить грабительский характер реформы, во-вторых, показать, что виновником ограбления крестьянства является сам царь, и, в-третьих, призвать крестьян к всеобщему восстанию, предостерегая от единичных, неорганизованных выступлений.

Обращаясь в прокламации к солдатам, Чернышевский просил их передать поклон «офицерам добрым, потому что есть и такие офицеры, и немало таких офицеров»². И далее советовал, «чтобы солдаты таких офицеров высматривали, которые надежны, что за народ стоять будут, таких офицеров пусть солдаты слушаются, как волю добыть»³.

Материалы так называемой заграничной коллекции Герцена — Огарева, переданной чехословацким правительством в дар Академии наук Союза ССР, свидетельствуют о широком распространении среди офицеров революционных настроений. В записной книжке Огарева, содержащей вторую часть его «Исповеди», а также ряд стихотворений и записей, имеется обширный список офицеров различных частей войск, являвшихся членами революционной военной организации. Список этот содержит фамилии 61 офицера и 3 военных врачей⁴.

Анализ реформы дает Чернышевский в своих «Письмах без адреса», написанных им в начале 1862 г. и предназначенных для «Современника». Эти письма, обращенные к Александру II и не пропущенные цензурой, достаточно ярко характеризуют отношение к реформе представителей революционной демократии. Говоря об отношении крестьянства к реформе, Чернышевский писал: «Бывшие помещичьи крестьяне, называемые ныне срочно-обязанными, не принимают уставных грамот; предписанное продолжение обязательного труда оказалось невозможным; предписанные добровольные

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 524.

² Там же, стр. 523.

³ Там же, стр. 523—524.

⁴ Центральный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦАОР), ф. 5770, оп. 1, д. 43а. Эти материалы опубликованы в 61-м томе «Литературного наследия», М. 1953, стр. 515—518. Среди указанных офицеров значился поручик Смоленского пехотного полка К. И. Крупский — отец Надежды Константиновны Крупской.

соглашения между землевладельцами и живущими на их землях срочно-обязанными крестьянами оказались невозможными...»¹

Причину неудачи реформы Чернышевский видит в том, что она проводилась правительством без участия народа, бюрократическим путем, путем сделки между отдельными представителями господствующих классов. Правительство крепостников, по мнению Чернышевского, не способно было осуществить реформу, противоречившую его сущности. «Из этого разноречия сущности предпринимаемого дела с качествами элемента, бравшегося за его исполнение, — писал он, — должно было произойти то, что дело будет исполнено неудовлетворительно. Источником неизбежной неудовлетворительности был привычный, произвольный способ ведения дела. Власть не замечала того, что берется за дело, не ею придуманное, и хотела остаться полною хозяйкою его ведения. А при таком способе ведения дела оно должно было совершаться под влиянием двух основных привычек власти. Первая привычка состояла в бюрократическом характере действий, вторая — в пристрастии к дворянству»².

Оценку крестьянской реформе Чернышевский дает также и в художественном произведении «Пролог», написанном уже в Сибири. Устами своего прототипа Волгина Чернышевский, характеризуя проекты отмены крепостного права крепостников и «прогрессистов»-либералов, говорил, что разница между этими проектами ничтожна. «Была бы колоссальная, — писал он, — если бы крестьяне получили землю без выкупа. Взять у человека вещь, или оставить ее у человека, но взять с него плату за нее — это все равно. План помещицкой партии, — продолжал он, — разнится от плана прогрессистов только тем, что проще, короче. Поэтому, он даже лучше. Меньше проволочек, — вероятно, меньше и обременения для крестьян. У кого из крестьян есть деньги, те купят себе землю. У кого нет, тех нечего и обязывать покупать ее: это будет только разорять их. Выкуп — та же покупка. Если сказать правду, лучше, пусть будут освобождены без земли... вопрос поставлен так, что я не нахожу причины горячиться даже из-за того, будут или не будут освобождены крестьяне; тем меньше из-за того, кто станет

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. X, М 1951, стр. 93.

² Там же, стр. 99.

освобождать их — либералы или помещики. По-моему, все равно. Или, помещики даже лучше»¹.

«Чернышевский, — писал В. И. Ленин, — понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов... и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов»².

Органы демократической печати в противовес правительственной и либеральной вовсе игнорировали реформу. В мартовской книжке «Современника» Елисеев писал: «Вы, читатель, вероятно, ожидаете, что я поведу с Вами речь о том, о чем трезвонят, поют, говорят теперь все журналы, журнальцы и газеты, т. е. о дарованной крестьянам свободе. Напрасно. Вы ошибаетесь в ваших ожиданиях. Мне даже обидно, что Вы так обо мне думаете»³.

Герцен и Огарев отнеслись к реформе также отрицательно, хотя в первый момент они приняли ее положительно. Это являлось выражением либеральных колебаний Герцена и Огарева, которые были им присущи при всей их приверженности делу народа. В известной мере эти колебания были вызваны тем, что первоначально содержание Положений не было им известно. В 94-м листе «Колокола», вышедшем 15 марта, в заметке «Последние известия», говорилось следующее: «Главные основания Редакционными Комиссиями приняты. Переходное время будет продолжаться два года (а не девять и не шесть). Надел остается весь, с правом выкупа... Государь до конца отстаивал крестьян с величайшей твердостью против рассвирепевших крепостников»⁴. Таким образом, издатели «Колокола» представляли себе, что вся земля, находившаяся в пользовании крестьян, переходит к ним на основе обязательного выкупа. Именно это

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIII, М. 1949, стр. 187—188.

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 264.

³ «Современник» № 3, 1861 г., стр. 101—102.

⁴ «Колокол», л. 94.

обстоятельство способствовало, по нашему мнению, возникновению нового приступа либеральных колебаний, нашедших свое выражение в идеализации царя, защищавшего «с величайшей твердостью» интересы крестьянства.

В следующем листе «Колокола» (1 апреля) была опубликована передовая статья «Манифест», принадлежащая перу Герцена. В этой статье, написанной после ознакомления с манифестом, Герцен вновь славословил Александра II. «Александр II, — говорилось в статье, — сделал много, очень много: его имя теперь уже стоит выше всех его предшественников. ...Из дали нашей ссылки, — продолжал Герцен, — мы приветствуем его именем, редко встречавшимся с самодержавием, не возбуждая горькой улыбки, мы приветствуем его именем о с в о б о д и т е л я»¹. И далее Герцен, приветствуя назначение великого князя Константина Николаевича председателем Главного комитета об устройстве сельского состояния, обратился к нему со следующими словами: «Борьба ваша, Константин Николаевич, легка — с вашей стороны не только справедливость, но и все думающие и все страдающее меньшинство образованных людей и большинство массы»².

В следующем листе «Колокола» была помещена статья Огарева «Начало русского освобождения». «Манифест 19 февраля, — писал он, — положил начало свободы русского народа, мы не станем разбирать, хорошо или худо он написан; бросать мелкие камешки в слабые места великого дела было бы недостойным»³. Далее в этой статье Огарев разбирал Общее положение. Анализируя его без ознакомления с Местными положениями, он приходил к ошибочному выводу, что «крестьяне просто полные собственники тех земель, которыми ныне владеют»⁴.

На 10 апреля издатели «Колокола» назначили праздничный вечер в честь начала освобождения крестьян. На этом вечере Герцен должен был произнести заранее подготовленную им речь, которая заканчивалась провозглашением тоста в честь Александра II. Однако праздник был омрачен получением сообщения о расстреле генералом Хру-

¹ «Колокол», л. 95.

² Там же.

³ Там же, л. 96.

⁴ Там же.

левым толпы манифестантов в Варшаве, и предполагаемый тост не был произнесен.

Эти либеральные колебания Герцена и Огарева вызвали недовольство в революционно-демократических кругах Петербурга. Отголоском этого недовольства является письмо Н. И. Утина от 14 февраля 1867 г. Огареву. «Я и теперь готов доказывать, — писал он, — что хвалыбы Александра II уже потому были ложны, что землю крестьянам дала не «добрая воля царя», а горячее отстаивание ее Чернышевским и Вами. Ваши статьи на тему «народ царем обманут» были гораздо последовательнее, чем тосты за освободителя»¹.

Либеральные колебания Герцена и Огарева продолжались недолго. Крестьянское движение, получившее весной 1861 г. большое распространение, и сообщения об усмирении волнений силой оружия в ряде губерний, в том числе Казанской и Пензенской, отрезвило их. В статье «Русская кровь льется!» Герцен уже пишет, что единственный путь — это восстание. «Одна надежда — на солдат и на молодых офицеров»². «О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. — писал Герцен в статье «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ». — Как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем... Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и архиерея... не верь им. Царь с ними, и они его. Он облыжным освобождением сам взялся раскрыть народу глаза и для ускорения послал на все четыре стороны Руси флигель-адъютантов, пули и розги»³. «Не вина Герцена, а беда его, — писал В. И. Ленин, — что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидел его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма»⁴. Эти слова Ленина подходят и к Огареву.

В ряде последующих номеров «Колокола» Огарев, в статье «Разбор нового крепостного права», детально разбирает Положения. Анализируя параграф за параграфом, он прихо-

¹ «Литературное наследство» № 62, 1956 г., стр. 680.

² «Колокол», л. 98—99.

³ «Колокол», л. 105.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 14.

дит к выводу, что вместо освобождения правительство «отняло у народа и урезало землю, учредило запутанно-сложную, постоянно спорную барщину, повысило оброки»¹.

Характеризуя личные права «освобожденных» крестьян, Огарев писал: «Кроме дозволения крестьянам вступать в брак без согласия помещика, что и без того делалось в имениях, где помещики не жили, личных прав для крестьян, *вышедших* из крепостной зависимости, не существует, потому что они из крепостной зависимости *не вышли*. Это заглавие *вышедших* — ложно. Старое крепостное право заменено новым... *Народ царем обманут!*»² «...Не для народа четыре года работало правительство над своим «Положением».., а для нового крепостного права — правительственно-помещичьего»³.

Герцен и Огарев писали, что народу нужны «земля и воля», и с этой целью призывали к созданию революционной организации.

Призывы Герцена и Огарева к революционной борьбе с царизмом получили большое распространение среди передовой русской молодежи, о чем доносил царю шеф жандармов князь Долгоруков в своем «всеподданнейшем» отчете за 1861 г. «К сожалению, — писал он, — под сим пагубным влиянием находится более или менее все юное поколение России, не исключая воспитанников казенных, гражданских и военных учебных заведений, откуда политическая язва проникает в присутственные места и в ряды армии»⁴.

Под идейным влиянием Чернышевского, Герцена, Огарева развивается мощное революционно-демократическое движение в России, нашедшее свое выражение в создании в конце 1861 г. революционной организации «Земля и воля». Основной задачей этой организации была подготовка революционного переворота в России путем массового крестьянского восстания, осуществление которого она приурочивала к весне 1863 г.

¹ «Колокол», л. 105.

² «Колокол», л. 101.

³ «Колокол», л. 105.

⁴ ЦГИАМ, ф. III отделения, оп. 85, д. 26, л. 217.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВНЫХ ГРАМОТ (1861—1863 гг.)

Реализация Положений началась с составления уставных грамот, которому предшествовали подбор и назначение мировых посредников. В конце марта 1861 г. Министерство внутренних дел предложило губернаторам ускорить подбор кандидатов в мировые посредники. В циркуляре министра внутренних дел Ланского от 23 марта, направленном губернаторам, указывалось, что «в настоящее время успех избрания мировых посредников составляет одну из первостепенных забот правительства, а потому считаю нужным обратить особенное, личное вашего превосходительства внимание на всю важность и ответственность этого избрания... От удачного выбора сих лиц, — говорилось далее, — будет много зависеть успех предпринятого государственного преобразования...»¹

В интересах более быстрого создания института мировых посредников была значительно упрощена система утверждения их в должности, а также дано право губернаторам намечать в качестве кандидатов в посредники помещиков независимо от того, состоят они на гражданской или на военной службе, предоставляя им либо длительный отпуск, либо даже отставку.

Таким образом, правительство всячески форсировало создание на местах института мировых посредников. Однако подбор кандидатов в мировые посредники был связан с серьезными трудностями. Большая часть помещного

¹ «Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян за 1857—1875 гг.», Спб. 1885, стр. 162.

дворянства, как известно, восприняла реформу отрицательно, и естественно, что эта категория помещиков не совсем подходила, даже с точки зрения правительства, к роли мировых посредников. Выбор мировых посредников, писал в своем рапорте царю из Курской губернии флигель-адъютант Корсаков, крайне затруднителен... У большинства помещиков «заметно, напротив, стремление по возможности сохранить старый порядок и явное нежелание отказать от своих бывших прав»¹.

Подобное же положение наблюдалось и в других губерниях. Так, Ю. Ф. Самарин писал из Самарской губернии князю Черкасскому: «Мировых посредников для некоторых уездов решительно неоткуда взять»².

Значительная часть лиц, назначенных мировыми посредниками, принадлежала к ярым крепостникам. Об этом свидетельствуют губернаторские отчеты о ходе «крестьянского дела», в которых встречаются неоднократные свидетельства о действиях мировых посредников. Смоленский губернатор, в частности, писал, что «выбор мировых посредников не везде удачен. Они действуют... не всегда беспристрастно. Они забыли свое высокое назначение быть примирителями и судьями беспристрастных обоих сословий»³. Об этом же сообщал и рязанский губернатор. Некоторая часть посредников, писал он, «начинает впадать в ошибки и имеет ложный взгляд на вещи»⁴. Этот «ложный взгляд», как указывалось в отчете, заключался в том, что некоторая часть мировых посредников поддерживала самый безжалостный произвол помещиков. Ярославский губернатор также отмечал в своем отчете, что многие мировые посредники приобрели «характер полицейского начальства»⁵.

Наиболее подробные сведения о произволе мировых посредников содержатся в отчете сенатора Капгера, ревизовавшего «ход крестьянского дела» во Владимирской губернии. Деятельность мировых посредников в этой губернии

¹ «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», ч. I и II, стр. 109—110.

² Отдел рукописей ГБЛ, ф. Ю. Ф. Самарина, № 33/2, письмо от 23 марта 1861 г., л. 8.

³ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, 1-е делопр., оп. 1, 1861 г., д. 47, л. 164.

⁴ Там же, л. 129.

⁵ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, 1-е делопр., оп. 1, 1861 г., д. 61, л. 65.

характеризовалась такими злоупотреблениями и произволом, что даже Капгер принужден был поставить вопрос о предании суду ряда посредников и некоторых членов губернского по крестьянским делам присутствия¹.

Писатель Терпигорев-Атава, отнюдь не отличавшийся демократическими взглядами, в своих полупублицистических очерках, характеризуя мировых посредников в одном из уездов Тамбовской губернии, писал: «Мне кажется.., что этих мировых посредников правильнее всего было бы сравнить с привилегированными помещиками, почему-то сохранившими за собой уничтоженное для всех остальных крепостное право. Они каждый в своем участке положительно восстановили, разумеется для себя лично, крепостное право. Такого, например, абсолютного деспотизма, бесправия и жестокости, которые установил в своем участке один из наших посредников — Р-в, решительно не практиковалось ни одним из помещиков и даже им самим до 19 февраля... Сечения происходили у него на дворе каждую неделю по два раза, и, чтобы дать понятие о размерах этого упражнения, полагаю достаточно будет, если я скажу, что, кроме ординарных, так сказать, рядовых мужиков, каждую субботу он непременно сек человек пять сельских старост и раз в месяц — какого-нибудь волостного старшину.., проделывая при этом только следующую... канцелярскую формальность. Староста, присужденный им к сечению, им же в силу посреднической власти сменялся, т. е. с него снимали цепь и медали, клали в качестве рядового мужика на скамейку, драли чуть не до полусмерти, потом поднимали. Он... производил его тут же вновь в старосты, т. е. надевал цепь и медали. Со старшинами процедура была несколько более сложная, так как для их смены и избрания требуется губернаторское утверждение, но он с терпением... проделывал и эту формальность и драл, драл их без конца и милосердия»².

«Ежели бы возможно все печатать, что здесь делается моими милыми товарищами м[ировыми] поср[едниками], — писал Л. Н. Толстой из Ясной Поляны М. Н. Каткову в Москву, — волос бы стал дыбом у всей публики»³.

¹ ЦГИАЛ, Гос. совет, ф. Главного комитета по устройству сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1863 г., д. 128.

² С. Н. Терпигорев, Оскудение, Спб. 1882, стр. 363—364.

³ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 60, М. 1949, стр. 395.

В Полтавской губернии один из мировых посредников, как об этом рассказывается в корреспонденции, помещенной в газете «День», приехав вводить в действие уставную грамоту, выбил палкой глаз 70-летнему старику, обратившемуся к сходу с призывом разойтись по домам¹.

Подобный случай произошел и в Пензенской губернии. Как сообщал журнал «Мировой посредник», посредник 2-го участка Инсарского уезда ударил на сходе крестьянина². Жалоба пострадавшего была оставлена без последствий.

Вообще жалобы крестьян на мировых посредников удовлетворялись весьма редко. Инстанцией, куда могли обращаться с жалобами крестьяне, являлся мировой съезд, состоявший из мировых посредников во главе с уездным предводителем дворянства.

Если факты, свидетельствующие о потворстве посредников произволу помещиков, имели место довольно часто, то обвинения противоположного характера встречаются весьма редко³.

Наряду с большинством мировых посредников, являвшихся крепостниками, незначительное меньшинство их принадлежало к либеральному дворянству, заинтересованному в отмене крепостного права. Эта часть посредников нередко критиковала Положения слева, с буржуазных позиций. Именно их имел в виду В. И. Ленин, говоря о мировых посредниках, не желавших проводить в жизнь

¹ См. «День», 19 января 1863 г. Как указывалось в этой корреспонденции, старик получил за выбитый глаз вознаграждение... в размере 30 руб. серебром.

² См. «Мировой посредник» № 12, 1862 г., стр. 224.

³ Нам известны лишь две жалобы подобного рода. Первая содержится в докладе Валуева царю от 14 июля 1861 г., в котором он приводит жалобу дворян Бежецкого уезда, Тверской губернии, на мировых посредников Хилкова, Европеуса, Неведомского, выражающуюся в том, что «действия этих посредников пристрастные в пользу крестьян, возбуждающие их к неисполнению своих обязанностей и расстраивающие помещичьи хозяйства» (ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, оп. 1, 1861 г., д. 529, л. 81).

Вторая содержалась в отчете казужского губернатора Лерхе за 1863 г. Указывая на неудачный состав мировых посредников, одобренных его предшественником Арцимовичем, он писал: «Мировые посредники, заботясь о выгодах крестьян, совершенно упускали из виду законные права и интересы землевладельцев» (ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, 1863 г., д. 17, л. 308).

грабительскую реформу. Эта лучшая часть мировых посредников обычно встречала сопротивление помещиков и изгонялась ими. В качестве примера можно привести случай с посредником Краснинского уезда, Смоленской губернии, З. А. Танцовым. Как явствует из журнала Смоленского губернского по крестьянским делам присутствия, «большинство дворян Краснинского уезда, в числе 29 лиц, выразило мнение, что действия его посредника Танцова страстны и направлены в пользу одного только сословия крестьян...»¹ В действительности же Танцов был далек от каких-либо демократических убеждений, а просто-напросто честно выполнил свои обязанности. Подавая в отставку, он просил произвести «самое строгое исследование действий его»², так как «в мнении дворян выражены слишком тяжкие для него обвинения»³.

Л. Н. Толстой, являвшийся мировым посредником Кривяковского уезда, Тульской губернии, принужден был также уйти с этой должности. «Так как представленные на меня в губернское присутствие жалобы... — писал Толстой 12 февраля 1862 г. в губернское по крестьянским делам присутствие, — не имеют никакого законного основания, а вместе с тем дела эти и многие другие продолжают быть решенными противно моим постановлениям, так что почти каждое постановление во вверенном мне участке отменяется и даже старшины сменяются мировым съездом, и так как, при таких условиях... деятельность мирового посредника не только не может быть успешна, но становится невозможна, я покорно прошу губернское присутствие поспешить произведением дознания»⁴. Далее он сообщал, что впредь до окончания дознания он не считает возможным вернуться к занимаемой им должности.

Наиболее крупным и вместе с тем единственным протестом либеральных мировых посредников было коллективное выступление тверских посредников, отказавшихся проводить в жизнь Положения 19 февраля и требовавших введения обязательного выкупа, а также ряда буржуазных преобразований.

¹ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, оп. 1, 1802 г., д. 209, л. 3.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 60, стр. 505.

Институт мировых посредников по своей классовой сущности носил откровенно помещичий характер, являясь одним из орудий самодержавно-дворянского государства, призванным реализовать грабительскую реформу.

Кандидатуры мировых посредников обсуждались на уездных дворянских собраниях и рекомендовались предводителями дворянства губернаторам для последующего представления их на утверждение в Сенат. Вполне естественно, что такой порядок выбора обеспечивал интересы класса помещиков. «Что касается нравственных качеств мировых посредников, — доносил в III отделение из Владимира штаб-офицер корпуса жандармов, — то... уездные предводители дворянства письменно рекомендовали их... начальнику губернии с лучшей стороны, как людей, заслуживших всеобщую любовь и уважение»¹.

Уже в течение мая — июля месяцев 1861 г. во всех губерниях мировые посредники приступили к исполнению своих обязанностей. Правительство придавало их деятельности большое значение, возлагая надежду, что они обеспечат «должный порядок и повиновение законам». «Мировые посредники, — сообщал Валуев в своем докладе царю в начале сентября 1861 г., — по настоящее время действуют усердно, успешно и вообще соответствуют своему назначению... Нельзя не признать, — продолжал он, — выборы лиц в эту должность большею частью весьма удачными и нельзя не отдать полной справедливости общему направлению их деятельности»². Большинство мировых посредников вполне удовлетворяло правительство. «Посредники, — сообщал Валуев в докладе 29 сентября 1861 г., — не удовлетворяющие своему назначению, составляют довольно редкое исключение»³. Из 1714 мировых посредников за полтора года их деятельности было отстранено и привлечено к судебной ответственности всего 46 человек, что не составляет даже 3⁰/₁₀₀ общего количества их⁴.

Во всеподданнейшем докладе Министра внутренних дел, представлявшем собою обзор деятельности министерства за 1861—1863 гг., Валуев весьма высоко оценивал деятель-

¹ ЦГИАМ, ф. III отделения, IV экспедиция, 1861 г., д. 199, л. 80

² ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, оп. 241, д. 185, л. 12—13.

³ «Отмена крепостного права», стр. 74.

⁴ «Обзор действий Министерства внутренних дел по крестьянскому делу с января 1861 г. по 19 февраля 1864 г.», стр. 21.

ность мировых посредников. «Если неразумное упорство крестьян не породило больших замешательств и затруднений, — писал он, — то это должно быть преимущественно приписано ревностной и неутомимой заботливости мировых посредников. Если во множестве случаев они успевали прекращать возникшие или возникавшие беспорядки, то было еще более таких случаев, где они предупреждали их возникновение...»¹

С составлением уставных грамот неразрывно была связана также и организация сельского и волостного крестьянского управления. Эти крестьянские учреждения, носившие ярко выраженный полицейско-фискальный характер, призваны были оказывать непосредственную помощь мировым посредникам в деле реализации Положений и обеспечивать всеми средствами его выполнение. Правительство и дворянство так именно и рассматривали назначение крестьянских учреждений. Ю. Ф. Самарин в письме к княгине Черкасской писал: «Опасаясь, чтобы неисполнение повинностей не вошло во вкус, мы решились, не выжидая месячного срока, немедленно и одновременно открыть сельские и волостные общества, чтобы по крайней мере была в каждой деревне ответственная за крестьян ими же выбранная и поставленная личность, чтобы было за кого взяться, в случае слушания, чтобы, так сказать, олицетворить безгласное сопротивление масс... До тех пор ничего нельзя будет сделать»².

Организация института мировых посредников, особенно органов крестьянского «самоуправления», создавала правительству определенную опору в деревне. Сельские старосты и волостные старшины, формально избиравшиеся крестьянами, а фактически назначавшиеся мировыми посредниками, являлись своеобразной правительственной агентурой в деревне, призванной обеспечивать беспрекословное повиновение и выполнение крестьянами их повинностей как государству, так и помещикам.

В целом ряде губерний выборы должностных лиц крестьянского управления встречали упорное сопротивление крестьян.

Так, отказы крестьян от участия в выборах, а также борьба их против фактически назначенных должностных

¹ ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, № 1282, оп. 66, д. 11, л. 37

² Отдел рукописей ГБЛ, ф. Ю. Ф. Самарина, № 33/2, письмо от 10 апреля 1861 г., л. 10 об.

лиц имели место в Витебской, Ковенской, Подольской, Гродненской, Рязанской, Калужской и Саратовской губерниях.

Как сообщал Валув царю, крестьяне имения Биржи графа Тышкевича, Поневежского уезда, Ковенской губернии, в количестве 14 тыс. душ, несмотря на убеждения мирового посредника, отказались от избрания сельских должностных лиц. «...Вследствие сего, — указывал он, — в имение введена военная команда. Ныне, — продолжал Валув, — губернатор уведомляет, что ни военная экзекуция, ни многократные увещания не отклонили крестьян от прежнего упорства. Они явно собираются большими толпами среди дня и по ночам ставят по дорогам караулы, посылают деньги в Ригу, где, по мнению губернатора, по всей вероятности, есть у них злонамеренный толкователь»¹. Далее Валув указывал, что арест «главных подстрекателей» вызвал необходимость применить военную силу для разгона толпы, стремившейся отбить арестованных. Крестьяне в течение пяти месяцев продолжали свое сопротивление, которое было сломлено лишь в феврале 1862 г. В одном из имений Бельского уезда, Гродненской губернии, крестьяне не только отказались произвести выборы волостных старшин, но и угрожали лишить жизни тех, кто примет эту должность².

В Аткарском уезде, Саратовской губернии, в имениях помещиков Устиновых и Куткина крестьяне с марта по июнь 1862 г. не подчинялись избранному волостному старшине и в конце концов «избрали нового старшину... и стали производить буйство»³. Только после введения в имения пяти рот солдат и экзекуции крестьяне вынуждены были подчиниться.

Как сообщал в своем рапорте в Департамент Генерального штаба командир 3-го резервного стрелкового батальона, его батальон был 17 октября 1861 г. направлен в Клинский уезд, Московской губернии, «для содействия гражданскому начальству в выборе старшины»⁴.

¹ «Отмена крепостного права», стр. 70.

² ЦГИАМ, ф. III отделения, IV экспедиция, 1862 г., д. 204, л. 56.

³ «Отмена крепостного права», стр. 184.

⁴ ЦГВИА, ф. Департамента Генерального штаба, № 38, оп. 18/272, св. 653, д. 175, т. IV, л. 171.

Подобное имело место и в Подольской губернии, в селе Крушеновке, Новоушицкого уезда, где «выборы» членов сельского управления производились при содействии двух рот Севского пехотного полка¹.

В некоторых губерниях, как например в Гродненской и Рязанской, избранные против своего желания сельские старосты и волостные старшины уклонялись от вступления в должность².

Однако, несмотря на сопротивление крестьян, правительству удалось, за небольшим исключением, обеспечить желательный для него состав лиц сельской и волостной администрации. «Старшины и старосты, — сообщал в министерство внутренних дел черниговский губернатор, — ...вообще люди сметливые, самостоятельные и принимаются за свои обязанности с полною готовностью»³.

Аналогичную оценку состава сельских должностных лиц дает в своем отчете за 1862 г. и самарский губернатор. «Сельские старосты, волостные старшины и все вообще должностные лица, — писал он, — эти передовые люди и лучшие представители крестьянства... первые... откинули несбыточные мечты о полной воле и вследствие этого глухая оппозиция масс осталась без вожаков»⁴.

«Большая часть избранных в должности волостных старшин — люди разумные, смысленные и всеми одобряемые, — писал царю Валуев в докладе о положении дел в Калужской губернии. — С учреждением сельских и волостных управлений, по удостоверению губернатора, устанавливается порядок и крестьяне стали лучше исполнять повинности»⁵.

Подобные же отзывы дает Валуев и о волостных старшинах и сельских старостах Тверской, Рязанской, Калужской, Смоленской и Пензенской губерний⁶.

Несколько иное положение сложилось в Сарапульском и Елабужском уездах, Вятской губернии. Валуев в докладе царю от 18 августа 1861 г. на основе данных мирового по-

¹ ЦГВИА, ф. Департамента Генерального штаба, № 38, оп. 18/272, св. 653, д. 175, г. III, л. 208.

² См. «Отмена крепостного права», стр. 74.

³ Там же, стр. 56.

⁴ ЦГИАЛ, Гос совет, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, д. 16, л. 390.

⁵ «Отмена крепостного права», стр. 52.

⁶ Там же, стр. 67.

средника этих уездов сообщал, что крестьяне избирают сельскими старостами и волостными старшинами «самых плохих», в результате чего они уклоняются от выполнения барщинных повинностей. «Впрочем, — писал Валуев, — губернатор полагает, что это продолжится недолго и крестьяне поймут необходимость подчинения, а начальствующие лица привыкнут действовать решительнее и самостоятельнее, но до того времени многих старшин и старост придется сменить»¹.

С созданием органов крестьянского общественного управления наблюдается значительный спад крестьянских волнений. Об этом содержатся многочисленные свидетельства в губернаторских отчетах «о ходе крестьянского дела». «Со времени открытия волостей и сельских обществ, — писал в отчете симбирский губернатор, — все возникавшие со стороны крестьян недоразумения при отправлении повинностей к своим помещикам почти устранились»².

«...После выбора должностных лиц, — писал самарский губернатор, — крестьяне начали отбывать барщину, если не безукоризненно, то несравненно исправнее прежнего. То же самое подтверждается и отзывами гг. помещиков из тех немногочисленных местностей, в которых еще не все волости открыты. Жалуясь на продолжающееся уклонение крестьян от работ, все они просят не военных команд, а скорейшего учреждения общества и немедленных выборов»³. Об этом же сообщали рязанский и екатеринославский губернаторы⁴.

Было бы неверным усматривать причину спада крестьянского движения только в организации института мировых посредников и органов крестьянского управления, однако известное значение в смысле укрепления правительственных позиций в деревне это, бесспорно, имело.

Наряду с беспощадным подавлением крестьянских выступлений вооруженной силой правительство в лице мировых посредников и представителей крестьянского управления получало дополнительную возможность воздействия

¹ «Отмена крепостного права», стр. 61.

² ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, 1-е делопр, оп. 1, 1861 г., д. 47, л. 117.

³ Там же, л. 79—80.

⁴ Там же, л. 24, 114.

на крестьян, используя в своеобразной форме и метод убеждения.

В лице сельских и волостных должностных лиц помещики получили определенную опору в деревне, своеобразную агентуру внутри крестьянства.

Благодаря созданию органов крестьянского общественного управления помещики и власти не имели соприкосновения с миром, общаясь лишь с отдельными представителями его, к тому же с такими представителями, которые были в большинстве своем весьма послушны. «Выборное начало, — писал Валуев в докладе царю в 1863 г., — ...сопряжено с меньшими неудобствами, способно к большому развитию и, сводя массы к сравнительно незначительному числу уполномоченных ими представителей, облегчает действия администрации»¹.

Наиболее надежной агентурой властей в деревне был волостной старшина. «Из всех новых общественных властей и учреждений, — писал Валуев в цитированном выше докладе, — наиболее удовлетворительны волостные старшины»².

Правительство всячески стремилось поощрять представителей сельской администрации, награждая их медалями. Серебряной медалью либо почетным кафтаном награждались и рядовые крестьяне, оказывавшие услуги при подавлении крестьянских волнений³.

В тех случаях, когда сельские старосты и волостные старшины выступали защитниками интересов крестьян, они отстранялись от должностей, а в иных случаях арестовывались. Так, только в Самарской губернии в течение октября — ноября 1861 г. было отстранено от должности большей частью по требованию помещиков свыше 60 сельских старост⁴.

В селце Павловка, Самарского уезда, сельский староста Ермолай Васин и сотский Егор Маркелов были заключены в тюрьму за то, «что они не только не приняли мер

¹ ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, № 1284, оп. 66, д. 11, л. 36.

² ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, № 1282, оп. 66, д. 11, л. 35.

³ ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, № 1282, оп. 66, д. 529, л. 23.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, 1-е делопр., оп. 1, 1861 г., д. 61, л. 52.

по долгу службы к усмирению буйства и дерзостей со [стороны] крестьян своих при чтении мировым посредником уставной грамоты, но сами этому сочувствовали»¹.

В течение мая — октября 1861 г. создание органов крестьянского управления было в основном закончено. Окончательно во всех губерниях крестьянские учреждения были открыты в декабре месяце. В общей сложности была образована 8751 волость².

Размер волостей был весьма различен. Так, в Московской губернии численность наибольшей волости (Сенкинской, Богородского уезда) равнялась 3673 душам, а наименьшей (Ивлевской, Дмитровского уезда) — 640 душам³.

* * *

*

С созданием института мировых посредников правительство приступило непосредственно к реализации Положений — к составлению уставных грамот.

Составление уставных грамот и введение их в действие происходило в обстановке массового сопротивления крестьянства. Собственно, это сопротивление было вызвано как конкретными причинами, связанными с введением той или иной уставной грамоты (отрезка земель, размеры повинности), так и принципиальным нежеланием принимать вообще уставную грамоту в ожидании «подлинной воли». Эта «подлинная настоящая воля» согласно распространенным между крестьянами повсеместно слухам должна была прийти через два года, когда наступит так называемый «слушный час». «Крестьяне, — писал харьковскому губернатору предводитель дворянства Богодуховского уезда, — положительно усвоили себе, что по манифесту определено им работать только два года до слушного часу... Что кто в течение этого времени составит уставную грамоту, то себя закрепостит снова, но кто эти два года устоит, то будет свободен; поэтому с помещиками никаких условий

¹ ЦГИАМ, ф. III отделения, IV экспедиция, 1863 г., д. 212, л. 10.

² «Обзор действий Министерства внутренних дел по крестьянскому делу с января 1861 г. по 19 февраля 1864 г.», Спб. 1864, стр. 25.

³ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, 1-е делопр., оп. 1, 1861 г., д. 47, л. 16.

заключать не должно и ни на какие уставные грамоты не соглашаться»¹.

Аналогичное положение наблюдалось и в Симбирской губернии. «Крестьяне, — сообщал симбирский губернатор, — от подписи уставных грамот решительно отказываются, объясняя, что подпись опять их прикрепит»². Подобные слухи получили распространение буквально по всей России.

«Никакие толкования, — рассказывает в своем дневнике один из деятелей новгородских мировых учреждений — Носович, — не могут разуверить их (крестьян. — П. З.), что эти два года не назначены для того, чтобы быть «по-старому»... и что после этого будет что-то такое новое, какая-нибудь особенная «царская милость». Верование это до того сильно в наших крестьянах, что они, увидавши, например, что новые их повинности легче старых, тем не менее претендуют, упорствуют быть в новом положении, говоря «что, вероятно, тут есть какой-нибудь обман со стороны помещика, иначе он не принял бы на себя подобного убытка, вероятно, он делает это для того, чтобы обязать нас навечно», поэтому-то они и требуют «быть по-старому», полагая, что новое настанет такое, о котором им скрывают и которое им не говорят. Та же самая причина лежит в отказе крестьян брать уставные грамоты... полагая, что, взяв грамоту, они «обязутся навечно» и не будут подлежать никаким новым льготам и правам, которые достанутся в удел крестьянам, более благоразумным и более догадливым, т. е. не взявшим грамоты...»³

О подобных же настроениях сообщал из Самарской губернии Ю. Ф. Самарин. «Крестьяне, — писал он А. И. Кочелеву, — покоряются Положению, но протестуют против него своим безучастием в исполнении его и тщательно избегают всего того, что могло дать повод сказать, что они воспользовались тою или другою статьею — следовательно приняли Положение»⁴.

¹ Харьковский Государственный областной исторический архив (ГАХО), ф. Канцелярии харьковского губернатора, 1861 г., оп. 208, 1-й стол, д. 74, л. 53.

² ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, 1-е делопр., оп. 1, 1861 г., д. 47, л. 118.

³ С. И. Носович, Крестьянская реформа в Новгородской губернии, Спб. 1899, стр. 90.

⁴ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Ю. Ф. Самарина, № 38/3, л. 181.

Надежда крестьян на «дарование» им царем «настоящей воли» получила настолько массовое распространение, что Александр II, возвращаясь из Крыма осенью 1861 г., заявил представившимся ему старшинам, «что никакой другой воли не будет, кроме той, которая дана, и потому крестьяне должны исполнить то, что требуют от них общие законы «Положения 19 февраля»»¹. Это заявление царя, помимо опубликования его в печати, было сообщено губернаторам в специальном циркулярном предписании министра внутренних дел. Однако выступление Александра II не поколебало надежд крестьян на получение ими воли через два года. «Заметно из речей крестьян, — сообщал министру внутренних дел казанский губернатор, — что ожидание второй воли, несмотря на распубликование и объявление крестьянам слова государя императора во время путешествия в Крым, не прекращается»².

«...чтение слов государя императора, сказанных старшинам временнообязанных крестьян во время проезда его величества через Полтавскую губернию, — сообщал министру внутренних дел черниговский губернский предводитель дворянства, — не имеют никакого действия»³.

Все это, естественно, не могло не замедлить составление уставных грамот. В первый период составление их проходило крайне медленно. В течение июля, по данным Министерства внутренних дел, было составлено и утверждено мировыми посредниками лишь 16 грамот, в августе — 60, в сентябре — 229⁴.

Если «Правила о порядке приведения в действие Положений 19 февраля» не требовали обязательно подписи крестьян под грамотой, то согласно 49-й статье этих правил подпись их под актом, составлявшимся при проверке уставной грамоты перед введением ее в действие, была обязательна. В связи с тем что отказы крестьян подписывать эти акты задерживали введение в действие грамот, Валуев летом 1861 г. дал указание о том, что отказы крестьян от

¹ ГАХО, ф. Канцелярии харьковского губернатора, оп. 204, 1861 г., д. 58, л. 19. Цитировано по циркулярному отношению харьковского губернатора от 10 февраля 1862 г. за № 778.

² ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, 1-е делопр., оп. 1, 1861 г., д. 89, л. 56.

³ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, оп. 1, д. 61, л. 142.

⁴ Данные заимствованы из еженедельных докладов царю министра внутренних дел (см. «Отмена крепостного права»).

подписи поверочных актов без каких-либо серьезных возражений не должны приостанавливать утверждения грамот. В случае отказа крестьян подписывать поверочные акты предлагалось выделить так называемых «добросовестных» (из числа крестьян других селений), которые и должны были подписывать акты с указанием, что крестьянами не сделано никаких «законных» возражений. После этого крестьяне не имели уже права отказываться от исполнения обязанностей, возложенных на них уставной грамотой¹. Таким образом, введение в действие уставных грамот могло производиться вовсе без согласия крестьян.

Наряду с нежеланием крестьян подписывать уставные грамоты иногда наблюдалось противодействие этому со стороны помещиков. Так, по свидетельству ряда губернаторов, приведенному в официозе министерства внутренних дел газете «Северная почта», причина задержки в составлении уставных грамот объяснялась также желанием самих помещиков сохранить насколько можно дольше барщину. «Некоторые владельцы, — указывалось в сообщении из Екатеринославской губернии, — сами желают возможно больше отдалить составление... уставных грамот; недостаток материальных средств при неподготовленности к новому хозяйственному порядку, совершенном недостатке рабочего скота..., высокой заработной плате... ставят помещичьи экономии в положение действительно весьма неблагоприятное; для таких владельцев возможно большее продолжение издельной повинности с рабочим скотом составляет прямой и весьма выгодный расчет»². Это имело место и в Полтавской губернии. Характеризуя затруднения с составлением уставных грамот, полтавский губернатор в отчете министерству внутренних дел за 1862 г. писал: «Мировые учреждения встречали на каждом шагу значительные препятствия как в желании помещиков продлить пользование большим количеством барщины и тем уменьшить убытки быстрого изменения их хозяйства, так и в упорстве крестьян»³.

В других случаях стремление помещиков задержать составление уставных грамот объяснялось иными причинами

¹ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, 1-е делопр., 1861 г., д. 83, л. 36.

² «Северная почта», 3 октября 1862 г.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, 1862 г., д. 16, л. 175.

Как сообщалось в корреспонденции газеты «День», медленное составление уставных грамот в Егорьевском уезде, Рязанской губернии, объяснялось тем, что оброк, достигавший до реформы свыше 20 руб. с души, должен был быть существенно понижен. Вследствие этого, несмотря на неоднократные обращения крестьян как к самим помещикам, так и в мировые учреждения с просьбой о скорейшем составлении уставных грамот, они продолжали составляться крайне медленно¹.

По данным на 18 октября, по 28 губерниям были составлены 632 уставные грамоты, 435 из них были введены в действие². Из введенных в действие 91 уставная грамота, т. е. более 20⁰/₀, не была подписана крестьянами. К 1 января 1862 г. количество составленных уставных грамот достигло уже 2796, из которых 2403 были введены в действие. 881 введенная в действие грамота не была подписана крестьянами³.

В большинстве неподписанных уставных грамот отсутствуют причины отказа. Так, почти во всех уставных грамотах Валуевского, Нижнедевицкого, Новохоперского уездов, Воронежской губернии, Elizavetgradского уезда, Херсонской, Миргородского уезда, Полтавской, и Нежинского уезда, Черниговской губернии, не содержится причин отказа крестьян от подписи уставных грамот. В лучшем случае мировой посредник делал пометку, что «крестьяне от подписи грамоты отказались».

Причины отказа крестьян подписывать уставные грамоты можно условно разделить на две группы. К первой группе мы относим те, которые вызывались теми или иными конкретными поводами — неудовлетворенностью полевым наделом или размером повинностей, несогласием на разверстание угодий и перенесение усадеб, наконец, протестом против других статей уставной грамоты. Нередко крестьяне не указывали на конкретные причины, мотивируя свой отказ несогласием с грамотой в целом. Так, крестьяне деревни Михеевки, Бугульминского уезда, Самарской губернии, «согласия ни на что не изъявили и от подписи оной отказались»⁴. То же самое значит и в уставных грамотах

¹ См. «День», 5 января 1863 г.

² См. «Отмена крепостного права», стр. 76

³ См. там же, стр. 95.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 25.

сел Благовещенского и Екатериновки, того же уезда, и деревень Марьино и Большеузенской, Новоузенского уезда, Самарской губернии¹.

Подобные примеры можно привести и по другим губерниям.

Ко второй группе причин мы относим нежелание крестьян подписывать уставные грамоты в связи с ожиданием ими «новой воли», так называемого «слушного часа».

Подтверждение этому мы находим в сообщении Валуеву черниговского губернского предводителя дворянства: «При самых поверках и введении в действие грамот, — писал он в начале июня 1862 г., — крестьяне не только не подписывают их, но отказываются даже от избрания из среды себя уполномоченных, а если и выполняют это последнее требование, то при усиленных только в том настояниях мировых посредников и земской полиции и то избирают в уполномоченные людей весьма часто негодных и строптивых, отказываются от указания земель, находящихся в их пользовании, и, наконец, решительно отказываются от выполнения работ по грамоте, объявляя прямо и смело, что они будут работать по-прежнему, но только до слушного часу...»². Нередко это находило прямое отражение и в грамотах. Так, крестьяне слободы Подосиновки, Новохоперского уезда, Воронежской губернии, отказались подписать уставную грамоту, заявив, «что они в качестве земли не сомневаются, но принять землю в постоянное пользование от владелицы генеральши Раевской нисколько не желают, боясь закрепить себя опять в крестьянское сословие... и до того отведенных [земель] пахать и хлеб на оной сеять не станут»³. Крестьяне сел Кузьминского и Стряпкова, Юрьевского уезда, Владимирской губернии, также отказались от подписи уставной грамоты «в ожидании, что в будущем земля вся должна будет им принадлежать»⁴.

Иногда это ожидание новых льгот не выражалось открыто. Как отмечал в уставной грамоте мировой посредник,

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 575, оп. 33, д. 12, 20, 262, 263.

² ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, оп. 1, д. 61, л. 142.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 729, л. 17.

⁴ Владимирский областной исторический архив, ф. губернского по крестьянским делам присутствия, № 180, оп. 2, д. 213. Цитировано по диссертации В. Г. Зиминной «Крестьянская реформа 1861 года во Владимирской губернии», стр. 451.

крестьяне села Кукшина, Нежинского уезда, Черниговской губернии, «изъявили свое согласие на все статьи оной, но от подписи грамоты, перехода на оброк и выбора уполномоченных, несмотря на все мои убеждения, отказались»¹.

Бывали случаи, когда крестьяне в ожидании этой воли предпочитали арендовать для обработки чужую землю, не желая иметь дело с помещиком. Так, в Осинском уезде, Пермской губернии, в имениях помещиков Рейслейна и Ва-шутина, крестьяне, отбывая исправно барщину и уплачивая оброк, «решительно не хотели возделывать полей, отведенных им в надел, в том ложном убеждении, что ежели они будут пахать поля, отведенные им помещиком, то останутся крестьянами еще на 49 лет»². В силу этого они «окортомили» (т. е. арендовали) землю у своих соседей.

В Воронежской губернии, как сообщал в Министерство внутренних дел губернатор, «в некоторых имениях, по которым уже введены в действие уставные грамоты, среди крестьян обнаруживаются попытки отправлять издельную повинность в прежнем порядке, хотя число рабочих дней, следуемых с них по уставным грамотам, и менее того, которое требовалось до введения в действие грамот»³.

В других случаях отказ от подписи уставных грамот вследствие ожидания «новой воли» сочетался с конкретными возражениями против тех или иных статей ее. Так, крестьяне слободы Красной, Новохоперского уезда, Воронежской губернии, отказались подписать уставную грамоту, заявив, что «грамоту в настоящее время принять не желают, а ждут окончания двухлетнего срока и дня объявления высочайшего манифеста 19 февраля 1863 г. и вместе с тем просят сбавить цену 9-рублевого оброка, ибо большая часть наделенной земли песчаная, много солонцов и болот, вследствие чего некоторые крестьяне отказываются от всего надела»⁴.

Таким образом, ожидание «новой воли» оказывало серьезное влияние на ход составления уставных грамот.

Революционные демократы, ожидавшие народного восстания весной 1863 г., также популяризировали идею

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп 47, д 954.

² ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп т. XV, 1863 г., д. 181, л. 214.

³ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, оп. 1, д. 125, л. 30

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 730, л. 60.

«слушного часа». В 12-м номере «Общего веча», являвшегося приложением к «Колоколу», было опубликовано послание старообрядцев «Народу русскому». «Слушная пора приходит, Положениям срок вышел, и народ по разным местам стал шевелиться»¹, — говорилось в воззвании. «Не сегодня-завтра и христололюбивое воинство наше пойдет на Москву выборных от народа на земский собор скликать со всей земли, а лиходеев за границу к немцам прогонять»².

Наибольшее количество уставных грамот было введено в действие в 1862 г. На 3 июля этого года было составлено 49 978 уставных грамот, 20 108 из которых были введены в действие³, а на 1 января 1863 г. — 95 300 и 73 195 соответственно⁴.

Если общий процент введенных в действие уставных грамот на 1 января 1863 г. составлял 68,6 (по отношению к общему числу душ), то в отдельных губерниях он был весьма различен. Так, в Симбирской губернии он составлял 95,52, в Саратовской — 70,53, в Таврической — 30,54, а в Минской — 15,72⁵.

По мере увеличения числа вводимых в действие уставных грамот доля не подписанных крестьянами весьма заметно росла. Так, на 3 июля 1862 г. не были подписаны крестьянами 43,2% грамот⁶, а к концу 1862 г. число их поднялось до 50,2%⁷. Если же сопоставить число крестьян, подписавших и не подписавших уставные грамоты, то количество последних на 1 января 1863 г. составляло 58,0%⁸. Необходимо при этом иметь в виду, что понятие «подписанная грамота» весьма условно и число фактически неподписанных грамот будет больше.

Согласно приводимой Валуевым в докладе Александру II от 3 января 1863 г. таблице, количество крестьян, подписавших уставные грамоты, по отдельным губерниям было следующее⁹:

¹ «Общее вече», 8 марта 1863 г. Автором воззвания был В. И. Кельсиев.

² Там же.

³ См. «Отмена крепостного права», стр. 186.

⁴ См. там же, стр. 282.

⁵ См. там же, стр. 285.

⁶ См. там же, стр. 186.

⁷ См. там же, стр. 282.

⁸ См. там же, стр. 286.

⁹ См. там же, стр. 287.

**Сведения о ходе составления уставных грамот
по отдельным губерниям на 1 января 1863 г.**

Губернии	Число подписан- ных грамот	Число душ	Число неподпи- санных грамот	Число душ	% крестьян, подписав- ших устав- ные грамоты
1. Полтавская	1 825	153 138	313	39 314	79,59
2. Псковская	4 959	111 186	1 496	37 520	74,76
3. Екатеринослав- ская	553	53 632	175	20 776	72,07
4. Таврическая	32	3 150	17	1 758	64,11
5. Ярославская	2 853	108 796	1 330	68 815	63,39
6. Вологодская	1 105	41 535	480	24 754	62,65
7. Киевская	844	260 977	596	164 928	61,27
8. Харьковская	689	82 644	517	53 736	60,59
9. Санкт-Петер- бургская	700	35 373	377	25 871	57,59
10. Подольская	931	272 765	916	209 139	56,51
11. Новгородская	1 463	44 952	1 018	35 288	56,02
12. Смоленская	1 933	92 084	1 344	73 477	55,68
13. Тверская	2 855	131 113	1 911	104 616	55,62
14. Земля Войска Донского	264	34 091	318	27 725	55,14
15. Херсонская	655	45 541	457	37 398	54,90
16. Саратовская	689	115 137	589	95 880	54,08
17. Костромская	2 287	80 896	1 485	71 032	53,25
18. Оренбургская	210	38 441	199	34 629	52,59
19. Калужская	1 159	72 257	850	72 303	49,98
20. Московская	1 251	90 254	975	106 422	45,88
21. Вольнская	463	66 312	550	80 045	45,30
22. Пензенская	666	104 817	560	96 354	42,10
23. Тульская	1 091	100 840	1 678	167 172	37,40
24. Симбирская	524	70 842	802	121 780	36,77
25. Казанская	284	31 422	529	59 030	34,73
26. Тамбовская	773	104 486	1 483	197 464	34,63
27. Самарская	227	31 447	468	62 331	33,53
28. Астраханская	5	838	9	1 691	33,17
29. Могилевская	275	30 927	545	63 542	32,73
30. Владимирская	1 469	79 181	1 830	164 246	32,52
31. Воронежская	222	41 789	818	119 929	25,84
32. Витебская	422	37 567	888	123 065	23,38
33. Нижегородская	416	48 354	1 123	159 813	23,23
34. Рязанская	705	52 975	2 097	191 797	21,61
35. Вятская	32	3 865	61	14 403	21,15
36. Олонецкая	30	407	57	1 595	20,32
37. Орловская	335	45 941	2 110	182 263	20,13
38. Черниговская	591	39 840	1 680	166 651	19,29
39. Курская	357	32 387	1 612	153 714	17,40
40. Ставропольская	7	460	10	2 469	15,66

Губернии	Число подписанных грамот	Число душ	Число неподписанных грамот	Число душ	% крестьян, подписавших уставные грамоты
41. Виленская . . .	127	11 247	1 027	105 005	9,67
42. Пермская . . .	27	24 546	233	238 589	9,32
43. Ковенская . . .	74	4 830	576	75 113	6,04
44. Гродненская . .	26	998	257	25 164	3,81
45. Минская	8	436	410	40 572	0,16
	36 413	2 834 716	36 782	3 913 178	42,00

Данные таблицы позволяют судить об отношении крестьян тех или иных губерний к подписанию уставных грамот. Это отношение определялось целым рядом причин, заключавшихся как в местных хозяйственных особенностях, так и в настроениях крестьянства и размахе крестьянского движения в тех или иных районах. Даже в пределах одной губернии мы наблюдаем различное отношение крестьян к данному вопросу. Так, например, во Владимирской губернии, в которой уставные грамоты подписало всего 32,5% крестьян, процент подписавших грамоты по отдельным уездам, по нашим подсчетам, составлял: в Меленковском несколько более 5, во Владимирском — 15, в Юрьевском — 55, а в Александровском уезде — 56¹.

То же самое имело место и в Тульской губернии. Здесь, по данным губернаторского отчета от 18 апреля 1862 г., процент грамот, не подписанных крестьянами, составлял в Богородицком уезде 25, в Каширском — 74, Елифанском — 49, в Белевском — 29, а в Крапивенском уезде — 73².

Наименьший процент подписанных уставных грамот был в Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, а также в Пермской губернии. В первых четырех губерниях

¹ ЦГИАЛ, Гос. совет, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, 1863 г., д. 17, л. 379—380.

² ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, 1-е делопр., оп. 1, 1861 г., д. 61, л. 107.

это объяснялось характером местного положения, фактически законодательно закрепившего результаты процесса обезземеливания крестьян, который протекал весьма бурно в период подготовки реформы. В Пермской губернии причина этого заключалась в том, что по Положению горнозаводское население подлежало весьма существенному обезземеливанию.

Останавливаясь на вопросе о причинах отказа крестьян подписывать уставные грамоты и определяя соотношение подписанных и неподписанных грамот, надо иметь в виду, что подпись крестьян под уставной грамотой далеко еще не означала, что она заключена на основе подлинно добровольного соглашения крестьян с помещиком. Нередко эти «добровольные соглашения» заключались при помощи различных угроз, а иногда и просто телесных наказаний. «Сведения, собранные при ревизии и ознакомлении с действиями мировых учреждений, — писал в своем отчете сенатор Капгер, — приводят к заключению, что во Владимирской губернии многие уставные грамоты за подписью крестьян не имеют характера договоров двух независимых друг от друга сторон, отчетливо сознающих значение этого акта»¹. Действительно, ряд уставных грамот, подписанных крестьянами, отнюдь не означал добровольных соглашений с помещиком. Так, в Гороховецком уезде, в участке мирового посредника Хомутова, большинство уставных грамот, как утверждает Капгер, было подписано крестьянами исключительно под влиянием угроз и настояний мирового посредника². В Покровском уезде, той же губернии, в имении помещика Казакова, добровольное соглашение о повинностях, которые должны были отбывать крестьяне до введения уставной грамоты, было заключено после наказания 50 крестьян розгами³.

Подобные факты имели место не только во Владимирской губернии. «Я мог бы привести в пример множество так называемых «полюбовных соглашений», — писал С. Терпигорев, характеризуя действия мировых посредников Тамбовской губернии, — где такое полюбовное соглашение происходило вовсе не между помещиком и его

¹ ЦГИАЛ, Гос. совет, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1862 г., д. 128, л. 24.

² Там же, л. 23.

³ Там же, л. 22.

бывшими крепостными, а между мировым посредником и обратившимся к нему за одолжением помещиком. Какие переселения мужиков устраивались, какая земля им отводилась в надел — это, кажется, осталось известным только одному богу»¹.

О безудержном произволе мировых посредников в Новгородской губернии свидетельствует один из деятелей новгородских мировых учреждений — Носович. «Я, — писал он в дневнике, — разумею здесь тот незаконный, несправедливый и односторонний взгляд на дело, которое усваивали себе господа посредники Новгородского уезда по вопросу составления уставных грамот... они держатся одного и того же направления, т. е. не только толкуют законоположение в пользу помещиков, но прямо отступают или не исполняют прямых указаний его, руководствуясь личными выгодами владельцев... Господа посредники берут произвол... за критерий своей деятельности в вопросе определения и установления взаимных прав и поземельных отношений помещиков и крестьян»².

Действительно, произвол мировых посредников достигал величайших размеров. Жалобы крестьян на неправильное составление уставных грамот обычно во внимание не принимались. Так, например, крестьяне деревни Алений Кут, Новохоперского уезда, Воронежской губернии, не желая подписывать уставную грамоту, заявили, что «земли их песчаные и что они никогда на них ярового хлеба не сеют, а нанимают под оный землю на стороне»³. Однако мировой посредник признал это заявление «не заслуживающим внимания».

Яркой иллюстрацией произвола мировых посредников может служить также и дело крестьян Круговской волости, Клинского уезда, Московской губернии, принадлежавших помещику князю Меньшикову. Крестьяне 28 селений этой волости издавна пользовались наделом земли около 6 десятин, за что и платили оброки по 1 р. 20 к. за десятину. В конце 1859 г. вотчинная контора ввела следующее: отмечая уплату оброка в платежных книжках, она одну его

¹ С. Н. Терпигорев, Оскудение, стр. 364.

² С. И. Носович, Крестьянская реформа в Новгородской губернии, стр. 100—101.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 740

часть переименовала в арендную плату. Крестьян это не обеспокоило, так как ни земельный надел, ни величина оброка при этом не изменились. В феврале 1862 г. местный мировой посредник предъявил крестьянам уставную грамоту, из которой они неожиданно узнали, что надел их определен в 2,5 десятины на душу, а остальные 3,5 десятины названы господскою землей, отдававшейся якобы крестьянам за особую арендную плату, а потому не подлежащей включению в состав надела. Несмотря на протесты крестьян, мировой посредник утвердил грамоту, даже не определив в натуре их надела. В июле того же года мировой посредник явился вновь для ввода в действие уставной грамоты и отвел крестьянам большей частью негодные к обработке земли, отрезав от них удобренные пашни. Когда же крестьяне, несмотря на категорическое требование мирового посредника, отказались принять отведенные им наделы, он арестовал семерых крестьян, в том числе и большого волостного старшину¹.

В 1870 г. в Нижнедевицком уезде, Воронежской губернии, мировой посредник утвердил вопиющее по своей несправедливости условие о разверстании угодий между помещиком Решетовым и крестьянами деревни Норово-Ратаево тож, которое было заключено в связи с переходом на выкуп. «Я, Решетов, — указывалось в первом пункте этих условий, — выговариваю себе право пользоваться ружейною охотою на перешедшем к ним от меня во владение их луге с тем, что крестьяне, кроме меня или доверенных от меня лиц, к пользованию охотою никого не должны допускать»². Помещик, таким образом, сохранил за собою исключительное право охоты, несмотря на приобретение крестьянами этого луга в собственность. Особого внимания заслуживает второй пункт этого «соглашения». «Навоз, находящийся у крестьян на дворах, — указывалось в нем, — должен поступать для моей, Решетова, экономии, кроме необходимого количества на удобрение крестьянских огородов и конопляников. В случае же неместимости его

¹ «День», 19 января 1863 г. Эта уставная грамота не была утверждена Московским губернским по крестьянским делам присутствием. Однако благодаря жульническим приемам вотчинной конторы и мирового посредника оброк был незаконно увеличен (см «День», 14 мая 1865 г.).

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп 8 д. 680, л. 11.

на крестьянских дворах крестьяне должны навоз тот свозить в одну общую кучу, из которой по мере надобности в нем я обязан свозить его на свой счет»¹. Важно отметить, что это соглашение, лишавшее крестьян возможности удобрять свои поля, заключалось не с временнообязанными крестьянами, а с крестьянами, переходившими в разряд собственников. Это кабальное соглашение не встретило никаких возражений и в губернском по крестьянским делам присутствии.

Во Владимирской губернии, в Покровском и Юрьевском уездах, мировыми посредниками были утверждены заведомо незаконно составленные уставные грамоты, которые впоследствии были признаны неправильными и пересоставлены².

Подобные примеры можно было бы значительно умножить.

Составление уставных грамот было по существу закончено в 1863 г. На 3 июля из общего количества 111 555 грамот не было составлено лишь 1228 и не введено в действие 2398³. К началу 1864 г. не было введено в действие всего лишь 77 грамот. Количество введенных в действие грамот охватывало 99,88% крестьянских душ и крупнопоместных имений⁴.

В мелкопоместных имениях (с количеством крепостных до 20 душ) составлялись так называемые описи, соответствующие уставным грамотам. К этому же сроку было введено в действие 17 538 описей, которые охватывали 99,45% крестьян мелкопоместных имений⁵.

В ведомство государственных имуществ к 1 января 1863 г. было передано 1015 имений с 8902 душами крестьян⁶. (К 1 января 1873 г. в казну было передано

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 680, л. 11.

² В. Г. Зимина, Крестьянская реформа во Владимирской губернии, диссертация, М. 1955, стр. 39—40.

³ ЦГИАЛ, Гос. совет, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1863 г., д. 181, л. 209.

⁴ Там же, л. 327.

⁵ Там же, л. 328.

⁶ «Отмена крепостного права», стр. 284. Ведомость числа мелкопоместных имений, обращенных в ведомство государственных имуществ. Приложение к докладу министра внутренних дел от 3 января 1863 г. Из этой ведомости исключены нами данные по Подольской и Могилевской губерниям.

7742 имения с 74572 душами¹. Это составило 53% от общего количества крестьян (138 983 души), принадлежавших 17 642 мелкопоместным владельцам во внутренних губерниях без 9 западных и юго-западных губерний.) По отдельным губерниям этот процент был различен: в Смоленской губернии он составлял около 85, а в Полтавской — 19².

* *
*

Вслед за составлением уставных грамот началось разверстание угодий. Согласно Местным положениям обязательное для крестьян разверстание должно было производиться по истечении двухлетнего срока. Право же требовать разверстания устанавливалось до 19 февраля 1869 г., т. е. в течение шести лет³. Однако местные власти неоднократно обращались в Министерство внутренних дел с просьбой разрешить проводить разверстание досрочно. С подобными просьбами обращались владимирский, тамбовский, воронежский, рязанский, харьковский и костромской губернаторы. Воронежский губернатор в своем отношении министру внутренних дел от 30 сентября 1861 г. писал: «Губернское присутствие не может не признать полезным разрешить при введении уставных грамот разверстание крестьянских угодий от владельческих не только по добровольному соглашению помещика и крестьян, но и во всех тех случаях, когда таковое разверстание вместе с первоначальным наделом крестьян будет признано удобным и возможным со стороны мирового посредника. Такая мера, — продолжал он, — устранила бы те затруднения, которые ныне препятствуют успешному заключению уставных грамот, и отстранила бы все столкновения и споры, которые

¹ ЦГИАЛ, Гос. совет, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1873 г., д. 34, л. 18. К этим данным прибавлены нами сведения по Оренбургской губернии о передаче в казну 24 имений с 156 душами, фигурировавшие в предыдущей ведомости и пропущенные в настоящей погубернской таблице. Общий подсчет произведен нами.

² Там же.

³ Ст. 65 Великокороссийского местного положения, ст. 57 Малороссийского положения, ст. 43 Местного положения для Киевской, Волынской, Подольской губерний и ст. 38 Местного положения для Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской губернии.

повлечет за собою сохранение чересполосных и общих угодий крестьян и помещиков»¹.

Однако Валуев ответил на просьбу губернатора отказом. Отрицательное отношение к подобным ходатайствам мотивировалось, во-первых, тем, что разверстание может задержать составление уставных грамот, и, во-вторых, боязнь крестьянских волнений. «Другое опасение, — писал Валуев, — заключается в том, что при настоящем расположении умов крестьян обязательное разверстание, без сомнения, увеличит число случаев, в которых требование закона необходимо будет поддерживаться вооруженною силою воинских команд или мерами полицейских наказаний. Между тем можно ожидать, что по истечении двух лет крестьяне, потеряв надежду на новые права, придут к убеждению в пользе добровольных с помещиками соглашений»².

Таким образом, основная причина отрицательного отношения Министерства внутренних дел к этому вопросу заключалась в боязни крестьянских волнений. В связи с этим Валуев предложил: 1) разрешить оговаривать в уставных грамотах необходимость проведения в дальнейшем разверстания угодий; 2) разрешить проводить обязательные разверстания до истечения двух лет только при обязательном выкупе крестьянами земель, осуществленном по одностороннему требованию помещика. Эти предложения были утверждены Главным комитетом об устройстве сельского состояния 20 февраля 1862 г.

Надежды Министерства внутренних дел на то, что по истечении двух лет крестьяне «придут к убеждению в пользе добровольных с помещиками соглашений», не оправдались, о чем свидетельствовали крестьянские волнения. Так, серьезные крестьянские волнения произошли в связи с разверстанием угодий в августе 1864 г. в Сумском уезде, Харьковской губернии. Чтобы не допустить расширения волнений, 29 августа 1864 г. министром внутренних дел был издан секретный циркуляр, предписывавший губернаторам всячески ограничивать разверстания угодий. В циркуляре говорилось, что нередко разверстания произ-

¹ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, 1-е делопр., оп. 1, 1861 г. д. 48, л. 29—30.

² Там же, л. 105.

водятся «без зрелого обсуждения условий», что приводит к разного рода недоразумениям. К тому же существующее расположение земель, указывалось в циркуляре, и не создает для помещиков таких неудобств, которые необходимо немедленно ликвидировать; «если это расположение (земель. — П. З.) искони существовало, при полной возможности для владельцев изменить его, то не видно, почему оно во многих случаях не может остаться еще на некоторое время»¹. Исходя из этого, Валуев рекомендовал стремиться проводить разверстания на основе добровольных соглашений. Он писал: «Вышеизложенные соображения и имеющиеся в виду случаи, в которых обязательное разверстание повело к более или менее важным беспорядкам, побуждает меня покорнейше просить Вашего превосходительства обращать особенное внимание на дела по разверстанию: необходимо по возможности ограничить число требований обязательного разверстания, употребляя с этой целью влияние на помещиков»². Там же, где нельзя было избежать обязательных разверстаний, рекомендовалось «вникать в свойство каждого отдельного случая, а губернскому начальству внимательно следить за первыми признаками могущих возникнуть беспорядков»³.

Этот циркуляр, ставший известным дворянству, вызвал большое возмущение с его стороны. По мнению дворянства, он явился прямым посягательством на его права. Так, предводитель дворянства Царскосельского уезда, Санкт-Петербургской губернии, Платонов обратился с письмом к генерал-губернатору, в котором просил его довести до сведения министра внутренних дел о том, что он считает невозможным руководствоваться этим циркуляром. Наряду с письмом Платонова в Главный комитет об устройстве сельского состояния поступила подобная коллективная жалоба уездных предводителей дворянства Тульской губернии. В этой жалобе указывалось, что циркуляр «успел уже произвести отчасти свое действие даже и на крестьян, между которыми смутное понятие о существовании тайной бумаги, недопускающей обязательных разверстаний, порождает непомерные требования при попытках к до-

¹ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, 1-е делопр., оп. 1, д. 49, ч. II, л. 85.

² Там же.

³ Там же.

бровольному соглашению с помещиками»¹. Далее говорилось, что никакие улучшения хозяйства невозможны без разверстания угодий. Все эти жалобы, однако, были оставлены без последствий. При этом Главный комитет объявил порицание подписавшим это коллективное заявление². Протест дворянства объяснялся не столько их стремлением к проведению разверстаний, сколько тем, что бюрократия посмела посягнуть на права «благородного» сословия.

В некоторых губерниях помещики, первоначально стремившиеся к разверстанию угодий, впоследствии от этого сами отказывались. В этом отношении представляет интерес отчет рязанского губернатора за 1862 г., в котором он писал: «В самом еще начале введения в действие Положений со стороны владельцев проявилось сильное, почти всеобщее стремление сколь возможно скорее обособить свои земли как для ведения самостоятельного хозяйства на началах вольного труда, так и для избежания всяких близких столкновений с крестьянами... С тех пор много изменилось и во взглядах некоторых помещиков на дело разверстания и в общем их настроении. Предположения об устройстве хозяйств на основании вольного труда большей частью не удались: дешевизна хлеба и высокая плата за труд заставили многих предпочесть хотя временно отдачу земель в аренду крестьянам или хозяйство исполное, и в этих случаях выигрыш преимущественно оставался на стороне владельцев угодий, которые не были разверстаны или вовсе обособлены»³. Следовательно, там, где помещики не смогли перестроить свое хозяйство на новый лад, они предпочитали чересполосицу.

Боязнь крестьянского движения, с одной стороны, и выгодность сохранения чересполосицы для некоторых помещиков, с другой — привели к тому, что далеко не все требования в уставных грамотах были реализованы.

Обратимся к данным о разверстании по отдельным губерниям. Наибольшее количество разверстаний приходилось на центральные черноземные губернии. Так, из 1384

¹ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, 1-е делопр., оп. 1, д. 49, ч. II, л. 180.

² Это решение Главного комитета было утверждено Александром II.

³ ЦГИАЛ, Гос. совет, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, 1864 г., д. 18, л. 159—160.

имений Воронежской губернии разверстание предполагалось по 684. Из этого числа к концу 1864 г. по 263 имениям было произведено добровольное разверстание и по 78 — обязательное¹. По Курской губернии на конец 1864 г. было произведено 67 добровольных разверстаний (7642 души) и 86 обязательных (10 546 душ)². По Рязанской губернии к середине 1865 г. было произведено наибольшее количество разверстаний, а именно по 1629 имениям, из них по 983 — добровольное (91 933 души) и по 646 — обязательное (62 491 душа)³. При этом в 347 имениях наряду с разверстанием были перенесены усадьбы на новые места. Как сообщал в своем отчете рязанский губернатор, «перенесение крестьянских усадебных строений на новые места также во многих случаях не представило ожидаемых выгод. Изолированное положение помещицкой усадьбы, отдаляя помещиков от крестьян, влекло за собою усиленные расходы в найме рабочих на караулы и другие домашние потребности, которые легко удовлетворялись при близком соседстве крестьян, и отдаление поводов к близким и частым столкновениям в действительности далеко не всегда окупалось материальными и в особенности нравственными выгодами»⁴.

Действительно, расположение крестьянских усадеб рядом с помещицкими давало помещику большие возможности для закабаления крестьян.

Именно соображениями «материальной и нравственной выгоды» руководствовался герой *Салтыкова-Щедрина* помещик Конон Лукич Лобков, обеспечивший себе благодаря сохранению чересполосицы весьма широкие возможности для закабаления крестьян. «Он, — писал *Салтыков-Щедрин*, — не столько рассчитывает на силу урожая, сколько на дешевизну и даже на безвозмездность необходимого для обработки земли труда. Вот с этой целью и изобретена им целая хитросплетенная система подспорьев. Первое место в ряду подспорьев занимала прижимка. Конон Лукич подкрадывался к ней издали, еще в то время, когда только что пошли слухи о предстоящей крестьянской передрыге... когда наступил срок для составления устав-

¹ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, оп. 1, д. 49, ч. II, л. 150.

² Там же, л. 152—153.

³ Там же, л. 141.

⁴ Там же, л. 145—146.

ной грамоты, то он без малейшего труда опутал будущих «соседушек» со всех сторон. И себя и крестьян разделил дорогою: по одну сторону — его земля (пахотная), по другую — надельная; по одну сторону — его усадьба, по другую — крестьянский порядок. А сзади деревни — крестьянское поле и кругом, куда ни взгляни — господский овес... Словом сказать, так обставил дело, что мужичку курицу выпустить некуда»¹.

Таким образом, сохранение чересполосицы было весьма выгодно помещикам.

В заключение необходимо остановиться на так называемых «добровольных разверстаниях». Эти «добровольные» разверстания далеко не всегда были таковыми. Весьма часто крестьяне соглашались на них потому, что были принуждены к этому теми или иными обстоятельствами. Так, согласно губернаторскому отчету в Смоленской губернии «наибольшее число разверстаний по взаимному соглашению произведено вместе с заключением выкупных договоров»².

Проведение разверстаний растянулось на довольно длительный срок. К 19 февраля 1869 г. (окончанию 6-летнего срока, назначенного для разверстания) далеко не все заявления помещиков о необходимости проведения обязательного разверстания были проведены в жизнь. К концу 1869 — началу 1870 г. не были закончены производством дела по разверстанию³:

В Курской губернии по 123 имениям			
» Орловской	»	» 149	»
» Пензенской	»	» 43	»
» Рязанской	»	» 38	»
» Симбирской	»	» 43	»
» Саратовской	»	» 10	»
» Харьковской	»	» 18	»
» Тульской	»	» 230	»
» Самарской	»	» 27	»
» Костромской	»	» 19	»
» Новгородской	»	» 87	»
» Псковской	»	» 11	»

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин, Полное собрание сочинений, т. XVI М. 1937, стр. 418.

² ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, оп. 1. 1862 г., д. 49, ч. II, л. 187.

³ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, оп. 3, 1869 г., д. 94, ч. I, л. 163—301; ч. II, л. 4—141. Данные по другим губерниям не приводятся.

Из сказанного можно сделать следующие выводы: в силу предоставления помещикам одностороннего права требовать разверстания угодий и перенесения усадеб эта мера производилась исключительно в их интересах. Боязнь крестьянских волнений, явившаяся причиной появления секретного циркуляра Валуева, заставила местные власти более осторожно подходить к вопросам разверстания угодий и перенесения усадеб. Имели место случаи, когда губернские по крестьянским делам присутствия отклоняли требования помещиков. Разверстание угодий имело важное значение для развития новых, буржуазных отношений, сокращая возможность для кабальных форм эксплуатации.

* *
*

С лета 1861 г. начинается новый этап крестьянского движения, продолжавшийся до весны 1863 г. Весной 1861 г. крестьянское движение получило наибольшее распространение и характеризовалось более активными формами борьбы, представляя собою могучий повсеместный протест против грабительского характера реформы. На новом этапе оно носит большей частью локальный характер и отличается менее активными формами борьбы.

Начиная с лета 1861 г., точнее с июня, размеры крестьянского движения значительно сокращаются: По данным, приводимым в еженедельных докладах министра внутренних дел царю, в июне крестьянским движением были охвачены 15 губерний, в июле — 13, в августе — 10, в сентябре — 5, в октябре — 2 и в ноябре — 2¹.

За период с июля по декабрь включительно, по данным Министерства внутренних дел, произошло 137 волнений и значительных беспорядков². Таким образом, всего за 1861 г., по тем же данным, число крестьянских выступлений составляет 784 в 2034 селениях. При этом в 499 случаях (в 1666 селениях) крестьянские выступления были подавлены воинской силой³.

Приведем также и данные III отделения о крестьянском движении в 1861 г. «Всего в 1861 г., — указывается

¹ «Отмена крепостного права», стр. 40—96.

² «Обзор действий Министерства внутренних дел по крестьянскому делу с января 1861 г. по 19 февраля 1864 г.», стр. 6.

³ Там же.

во всеподданнейшем отчете III отделения, — кроме незначительных слушаний, прекращенных без содействия местных властей, оказано было временнообязанными крестьянами неповиновение в 1176 имениях, воинские команды были введены в 337 имениях¹. Из них в 17-ти крестьяне нападали на нижних чинов, в 48 сопротивлялись арестованию виновных...; в 126 буйствовали при укрощении неповиновавшихся. Из числа их убито или от нанесенных ран умерло — 140, легко ранены и ушиблены — 170; были заключены под стражу — 868, из которых предано суду военному — 223; гражданскому — 257, наказано шпицрутенами — 117, сослано в Сибирь — 147. Отданы временно в арестантские роты и рабочие дома 93 человека. Кроме того, были подвергнуты наказанию розгами 1807 человек»². Таковы явно неполные данные официальной статистики.

Характерной чертой нового этапа являлся отказ крестьян принимать уставные грамоты в ожидании так называемого «слушного часа», когда будет дарована «подлинная, настоящая воля». Борьба за землю и волю в то время представлялась крестьянам не всегда целесообразной, так как все это они надеялись получить в результате царского указа. Поэтому крестьянское движение носило менее активный характер и находило свое выражение главным образом в отказах принимать Положения. Когда же крестьяне отдельного имения в силу тех или иных конкретных причин переходили к активным формам борьбы, движение не всегда получало поддержку в соседних селениях.

Наиболее распространенными причинами, вызывавшими выступления крестьян, являлись нежелание их принимать уставные грамоты и протест против различных форм помещичьего произвола, связанного с отбыванием барщины, уплатой оброка и т. д.

Крестьянское движение этого периода отличалось в некоторых случаях упорным сопротивлением и часто подав-

¹ Данные Министерства внутренних дел и III отделения не совпадают. Это объясняется тем, что первое критерием для подсчета количества крестьянских волнений избирает самый факт выступления, независимо от того, насколько имений оно распространялось, второе, наоборот, исходит из выступлений в том или ином имении. Кроме того, и Министерство внутренних дел и III отделение не включали в эти данные всех происходивших крестьянских выступлений. Вполне естественно, что принцип отбора был также различен.

² ЦГИАМ, ф. III отделения, оп. 85, д. 26, л. 103—104.

лялось вооруженной силой. Нередко и уставные грамоты вводились в действие с помощью войск.

14 сентября 1861 г. был издан указ Правительствующего Сената, содержащий «Наставление воинским начальникам при употреблении войск для усмирения народных волнений и беспорядков»¹. Это наставление предоставляло право губернаторам, исправникам и городничим вызывать войска для подавления крестьянских волнений.

В первую очередь для этой цели направлялась пехота и кавалерия. «За неимением других войск, — говорилось в «Наставлении», — командуются и артиллерия без орудий, которые берутся только в случае особенной важности по требованию губернатора»².

Командиры частей и команд, направленных для подавления крестьянских волнений, обязаны были выполнять все приказания полиции, вплоть до употребления оружия. Право действовать по собственной инициативе воинским начальникам предоставлялось лишь в том случае, «когда исправник, городничий или распоряжающийся на месте беспорядка чиновник будут захвачены возмущившимися и лишены возможности действовать»³. Таким образом, войска, направляющиеся для подавления крестьянских волнений, поступали в полное распоряжение полицейских чиновников, превращаясь по существу в особые полицейские команды.

Наряду с привлечением войск для подавления волнений воинские части весьма широко использовались для предупреждения этих волнений, что по терминологии одного из губернаторов именовалось «нравственным влиянием военного содействия». Значительная часть войск, расположенных во внутренних губерниях, обеспечивала это «нравственное влияние». В связи с этим дислокация их определялась ходом составления и введения в действие уставных грамот. «Государь император, — указывалось в циркуляре министра внутренних дел от 25 апреля 1862 г., — имея в виду могущие возникнуть беспорядки при введении уставных грамот, высочайше повелеть соизволил: предоставить начальникам губерний, в коих будут заметны признаки

¹ ЦГИАЛ, ф. I Департамента Правительствующего Сената, № 1341, оп. 107, 1861 г., д. 1054, л. 3

² Там же.

³ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, оп. 36, 1862 г., д. 67, л. 37.

волнений, прямо входить в сношения с воинским начальством о размещении войск там, где присутствие их будет признаваемо нужным. Поэтому и сборы для летних занятий могут быть отменены или прекращены везде, где положение края будет этого требовать»¹.

Это дало возможность гражданским властям широко использовать войска для обеспечения как успешного хода составления и введения в действие уставных грамот, так и других мероприятий, связанных с реализацией реформы. Курский губернатор, например, в целях успешного введения в действие уставных грамот организовал даже специальный рейд Белорусского гусарского и Вознесенского уланского полков по отдельным уездам губернии. В своем отношении управляющему Военным министерством генерал-лейтенанту Милютину он писал по этому поводу следующее: «Судя по тому настроению, в котором находятся временнообязанные крестьяне в некоторых уездах здешней губернии в отношении исполнения обязанностей перед помещиками и в особенности в отношении принятия и введения в действие уставных грамот, я признал полезным сделать по тем уездам маршевое движение войск, дабы, останавливаясь в некоторых селах и деревнях, войска оказали моральное влияние на крестьян и своим присутствием дали бы возможность мировым посредникам и земской полиции в случае надобности привести в исполнение такие меры, которые без того могли бы дать повод к столкновению»². Далее подробно указывалось, в какие уезды и волости предполагалось направить эскадроны указанных выше кавалерийских полков.

Подобные факты не были единичны. Так, ссылаясь на затруднения, возникавшие в связи с составлением уставных грамот, предводитель дворянства Сумского уезда, Харьковской губернии, в своем донесении губернатору сообщал, что «для морального влияния на крестьян, которые ни на какие условия не соглашаются, я признал необходимым постоянное присутствие второго дивизиона Вознесенского уланского полка в Сумском уезде»³. В селе Ло-

¹ ЦГВИА, ф. Департамента Генерального штаба, № 38 оп 18/272, д. 175, ч. 5, л. 178

² Там же, л. 204

³ ГАХО, ф. Канцелярии харьковского губернатора, оп 204 1862 г., д. 152, л. 22.

зовой Яр (имение княгини Репниной), Пирятинского уезда, Полтавской губернии, введение уставной грамоты обеспечивалось расквартированием в этом селе в полном составе Глуховского драгунского полка¹.

Иногда войска привлекались, как указывалось выше, и для обеспечения выбора представителей сельского общественного управления.

Расквартирование войск в том или ином населенном пункте бывало весьма длительным. Так, три роты Углицкого пехотного полка находились в селе Никольском, Наровчатского уезда, Пензенской губернии, с мая по декабрь 1861 г.²

Сопротивление, оказываемое крестьянами, вызвало издание Военным министерством летом 1862 г. специальной инструкции «О порядке размещения воинских команд, требуемых для прекращения возникающих между крестьянами беспорядков». Эта инструкция предусматривала посылку воинских команд численностью не менее одной роты. «При размещении войск в деревне, куда они призваны для усмирения крестьян, — указывалось в инструкции, — не расставлять нижних чинов по избам отдельно, но занимать ими несколько домов в совокупности, назначить сборные места, содержать караулы и посылать патрули»³.

1 июня 1861 г. Александр II утвердил решение Главного комитета об устройстве сельского состояния, содержащее в себе особые правила для удаления с места жительства лиц, виновных «в подстрекательстве крестьян к неповиновению и беспорядкам». Эти правила предоставляли возможность губернаторам в тех случаях, когда «преданные суду по подозрению в подстрекательстве мещане, крестьяне и вообще лица податных состояний, а также разночинцы и отставные солдаты не могут быть положительно обвинены судом по недостатку явных против них улик и между тем возвращение таких лиц на прежнее местожительство будет признано опасным, предлагать на обсуждение губернского по крестьянским делам присутствия об удалении

¹ ЦГВИА, ф. Департамента Генерального штаба, № 38, оп. 18/272, д. 175, ч. VI, л. 89—90.

² Там же, ч. V.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1862 г., д. 144, л. 69.

таких лиц временно на срок не более двух лет из местожительства в другие губернии...»¹

Активную роль в деле обеспечения успешной реализации Положений играла церковь. В 1862 г. в «Киевских епархиальных ведомостях» было помещено специальное «Слово к временнообязанным крестьянам». В этом «Слове» со ссылками на соответствующие заповеди указывалось, что по закону христианскому нельзя не только отнимать чужое имущество, но даже и желать его. «После сего, — говорилось в «Слове», — судите сами, разумно ли, справедливо ли думают некоторые, будто бы земля, принадлежащая помещикам, или доставшаяся по наследству, или ими самими купленная и законом утвержденная, должна принадлежать не владельцам, а крестьянам»². Далее указывалось, что никакого права получить землю без вознаграждения крестьяне не имеют. Да и вообще подобного права не существовало и в древности, когда земля не была «так разграничена и определена, как ныне». При этом делалась ссылка на ветхозаветного патриарха Авраама, даже которому господь бог не дал бесплатно землю. «Потому, — отмечалось в слове, — праведник должен был покупать землю даже для погребения умершей жены своей Сарры Писание сохранило и количество цены, какую уплатил св[ятой] патриарх за эту землю»³. Столь «убедительный» аргумент в пользу частной собственности на землю произвел большое впечатление в Министерстве внутренних дел, и Валуев особым циркуляром предложил губернаторам опубликовать в губернских ведомостях «Слово к временнообязанным крестьянам», подчеркивая при этом, что оно представляет собою «замечательное по верности взгляда на предмет и удобопонятности изложения» обращение⁴.

На местах духовенство оказывало большую помощь полиции в деле прекращения крестьянских волнений. «Священники, — писал Валуев обер-прокурору Синода, — нравственным своим влиянием и надлежащими разъяснениями

¹ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. 2, журналы заседаний Главного комитета за 1863 г. Эта мера не получила большего распространения.

² ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1181, оп. т. XV, 1862 г., д. 144, л. 71.

³ Там же, л. 71.

⁴ Там же, л. 70.

весьма много содействовали к прекращению возникавших между крестьянами недоразумений и беспорядков»¹.

Следует, однако, сказать, что некоторая, крайне незначительная часть сельского духовенства была настроена демократически и выступала сторонниками крестьян. В цитированном выше отношении обер-прокурору Синода Валуев по этому поводу писал: «Из поступающих... сведений о последствиях обнародования манифеста и Положений... видно, что в некоторых местах между крестьянами возникали волнения и беспорядки единственно от неправильного толкования манифеста местными приходскими священниками»². Такие священники, естественно, немедленно отстранялись от должностей и подвергались жестоким репрессиям со стороны как духовного, так и гражданского начальства³.

Приведенные нами данные о роли армии и церкви в период составления уставных грамот, а также мерах, предпринимавшихся правительством против «подстрекателей», достаточно убедительно свидетельствуют о размахе крестьянского движения в этот период.

Остановимся на отдельных наиболее характерных крестьянских выступлениях.

В течение длительного времени, с февраля по июнь 1862 г., крестьяне села Назарьевка, Мокшанского уезда, Пензенской губернии, отказывались принять уставную грамоту, требуя перевода на оброк и предоставления права выкупа полевых угодий. Несмотря на увещевания самого губернатора и введение в село воинской команды, крестьяне продолжали оказывать сопротивление. Даже после приговора военного суда, состоявшегося в июне, по которому часть крестьян была сослана на каторжные работы, 52 человека наказаны розгами (причем половина их была отдана в исправительные арестантские роты), волнения продолжались. Доводя до сведения царя о приговоре военного

¹ ЦГИАЛ, ф. Канцелярии обер-прокурора Синода, № 797, оп 30, 1860 г., д 278, л 98

² Там же

³ По данным III отделения, среди «подстрекателей крестьян к неповиновению» лиц духовного сословия было в 1861 г. 37, в 1862 г. — 11 (см. «Крестьянское движение 1827—1869», вып. II, М.—Л. 1931, стр. 19, 44). Из привлеченных в 1861 г. 37 человек было: 25 священников, 2 диакона и 10 причетников.

суда, Валуев сообщал, что «и за сим упорство назарьевских крестьян не прекращается»¹.

Весьма длительное время происходили волнения крестьян слободы Воронцово-Александровка, Ставропольской губернии, связанные также с отказом принимать уставную грамоту².

В имении помещика Дьяченко, Павлоградского уезда, Екатеринославской губернии, в июне 1862 г. имело место нападение крестьян на воинскую команду, введенную в имение для принуждения крестьян принять уставную грамоту. В результате столкновения 21 крестьянин был ранен³.

В имении помещика Супрунова, Воронежской губернии, крестьяне оказали упорное сопротивление принятию уставной грамоты, по которой должно было быть произведено перенесение крестьянских усадеб. Даже после того как была введена воинская команда и «наиболее виновные в сопротивлении законным требованиям подвергнуты исправительному наказанию»⁴, т. е. перепороты, крестьяне продолжали сопротивление. Только после учреждения военного суда, осудившего 25 человек, 8 из которых были сосланы на поселение в Сибирь, крестьяне приступили к перенесению усадеб.

В отдельных случаях волнения крестьян в том или ином имении находили поддержку в соседних селениях. Так, например, в Ахтырском уезде, Харьковской губернии, в апреле месяце 1862 г. волнения происходили в пяти селениях. В Литинском уезде, Подольской губернии, в мае месяце движением был охвачен ряд селений.

Иногда движение приобретало еще более широкие размеры. В апреле 1862 г. крестьянские волнения охватили в Аткарском уезде, Саратовской губернии, 8 деревень. Причиной волнений явилось, как указывал в своем докладе царю Валуев, «ложное ожидание крестьянами по истечении двухлетнего срока новых льгот»⁵. В июле того же года в Звенигородском уезде, Киевской губернии, крестьяне

¹ «Отмена крепостного права», стр. 185

² См. В. П. Крикунов, Из истории крестьянского движения на Северном Кавказе, «Ученые записки Кабардинского государственного педагогического института», вып. 9, Нальчик 1956

³ «Отмена крепостного права», стр. 183—184

⁴ Там же, стр. 173.

⁵ «Отмена крепостного права», стр. 133

трех волостей упорно отказывались принимать уставные грамоты и исполнять налагаемые последними на них повинности. Волнения были подавлены воинской командой.

В этом же месяце массовые отказы от принятия уставных грамот наблюдались в Саратовской губернии, особенно в Аткарском и Камышинском уездах, где крестьяне, как указывал Валуев, «отказывались вспахивать и обсеменять свои поля в том убеждении, что принятие от помещика земли на 1863 г. противно воле царя и что, приступая ныне к обработке полей, они лишатся в будущем году новых милостей»¹. Почти во всем Мглинском уезде, Черниговской губернии, в июле крестьяне упорно отказывались от принятия уставных грамот².

Со второй половины 1862 г., примерно с сентября, движение постепенно сокращается и дает снова некоторый рост в 1863 г., главным образом в первой его половине. В ряде случаев крестьяне не только отказывались от исполнения уставных грамот, но и переходили к активным методам борьбы.

Рост крестьянского движения весной 1863 г. был связан с надеждой крестьянства на «дарование настоящей воли» 19 февраля 1863 г. «В некоторой части помещичьих имений, — доносил царю шеф жандармов в своем всеподданнейшем отчете, — проявлялось и в этом году стремление крестьян к получению безусловной свободы. Они с нетерпением ожидали наступления 19 февраля, собирались к тому дню в города, наполняли церкви и ожидали объявления указа о безвозмездной отдаче им земли и прекращении обязательных повинностей»³.

Активизация крестьянского движения имела место в целом ряде губерний. По данным еженедельных записок Валуева, крестьянские волнения происходили в Черниговской, Екатеринославской, Нижегородской, Херсонской, Пензенской, Саратовской, Казанской и Киевской губерниях. В 12 селениях Звенигородского уезда, Киевской губернии, крестьяне прекратили выполнение повинностей по уставным грамотам, полагая, «что за истечением двух лет по издании Положений 19 февраля 1861 г. не следует от-

¹ «Отмена крепостного права», стр. 202

² Там же, стр. 203.

³ ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, оп. 85, д. 28, л. 130.

бывать никаких повинностей в пользу помещиков»¹. Так же поступили и крестьяне двух имений Суражского и Мглинского уездов, Черниговской губернии. Крестьяне села Казаричи, Суражского уезда, явились 20 февраля к мировому посреднику и заявили, что «с сего числа» прекращают отбывание в пользу помещика повинностей². Крестьяне села Кульнево, Мглинского уезда, 3 марта явились всем обществом к помещику и объявили ему, что «мы свое отслужили и даже сверх срока обязательных отношений, т. е. [с] 19 февраля лишние две недели за гостинец, а более служить не станем»³.

В селе Отроковка, Ушицкого уезда, Подольской губернии, крестьяне отказались от выполнения повинностей, заявив, что священник читал им о том, что «с 19 февраля 1863 г. крестьяне освобождаются от всякой повинности помещику за землю»⁴. 27 марта 1863 г. Валуев в записке царю сообщал, что крестьяне двух селений Тираспольского уезда, Херсонской губернии, — Васильевки и Осиповки — в числе 500 человек «пришли в ожесточение и вооружились палками»⁵, отказавшись подчиниться помещикам. Это выступление крестьян было подавлено вооруженной силой.

В этой же записке Валуев докладывал, что в местечке Любавичи, Могилевской губернии, в имении князей Любомирских, при введении в феврале месяце в действие уставных грамот крестьяне решительно отказались их принять. Крестьяне, собравшись в количестве 500 человек, требовали от волостного начальства «написать им новую волю». Когда толпа крестьян была оцеплена солдатами и один из руководителей движения был захвачен, тогда крестьяне с криками бросились на солдат⁶.

В мае месяце в Оханском уезде, Пермской губернии, происходили серьезные волнения крестьян в пяти волостях, причем произошло столкновение с воинской командой. В результате этого столкновения, как указывал Валуев, было ранено 9 казаков и 12 или 13 крестьян⁷.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1863 г., д. 181, л. 99.

² Там же, л. 97.

³ Там же, л. 98.

⁴ Там же, л. 166.

⁵ Там же, л. 86—87.

⁶ Там же, л. 87.

⁷ Там же, л. 190.

В 1863 г., по данным всеподданнейшего отчета III отделения, «наиболее значительное неповиновение крестьян» имело место в 386 имениях. Военские команды были введены в третью часть этих имений. В 30 имениях крестьяне «буйствовали», в 11 — нападали на солдат, в 39 — сопротивлялись аресту руководителей движения и насильственно освобождали арестованных. 1280 человек было подвергнуто исправительному наказанию, 223 предано суду и 26 выслано в другие губернии¹. Таковы далеко не полные данные, характеризующие крестьянское движение в 1863 г.

Руководствуясь тем, что данные о крестьянском движении как Министерства внутренних дел, так и III отделения суммарны и весьма общи, да и к тому же неполны, мы попытались составить таблицу, характеризующую динамику крестьянского движения по отдельным губерниям в период составления уставных грамот, т. е. с июня 1861 г. по декабрь 1863 г. Нижеприводимая таблица составлена на основе обработки материалов Департамента Генерального штаба и фиксирует лишь те волнения крестьян, которые были подавлены войсками. Однако сведения эти, как указывалось в предыдущей главе, далеко не являются полными. Это находит свое подтверждение в том, что по ряду губерний мы вовсе не встречаем донесений о подавлении волнений, хотя они там происходили. Так, по Пермской губернии с июня 1861 г. по декабрь 1863 г. включительно в донесениях зафиксировано лишь одно волнение, подавленное войсками. В то же время пермский губернатор в мае 1862 г. категорически отказывался откомандировать находившиеся в губернии две сотни казаков Оренбургского войска. В своем отношении в Департамент Генерального штаба он писал: «Присутствие в Пермской губернии упомянутого двухсотенного отряда особенно необходимо, ибо, как я убедился, при возникающих нередко в помещичьих имениях недоразумениях своевременное участие казачьих команд оказало действительную пользу, предотвратив более важные последствия...»²

В качестве другого примера можно привести Киевскую губернию, в которой для подавления крестьянских волнений находились Волынский и Литовский уланские полки, а

¹ «Крестьянское движение 1827—1869», вып II, стр. 70

² ЦГВИА, ф. Департамента Генерального штаба, № 38
оп 18/272, д 175, ч V, л 305

также четыре сотни донских казаков. Однако этих сил было недостаточно. В июне 1862 г. киевский губернатор генерал-лейтенант Гессе обращался к военному министру Милютину с просьбой разрешить послать дополнительно войска для подавления крестьянских «беспорядков» в связи с непрерывными волнениями, происходившими в Каневском, Черкасском, Чигиринском, Звенигородском и Таращанском уездах¹. Однако в донесениях в Департамент Генерального штаба за всю первую половину 1862 г. содержатся указания лишь о четырех волнениях крестьян, происходивших в Киевской губернии. К тому же как в этих, так и в последующих донесениях за 1862 г. сообщаются сведения лишь о действиях Волынского уланского полка и ряда подразделений пехотных полков. Упоминания же о действиях Литовского уланского полка и сотен 37-го Донского казачьего полка вовсе отсутствуют. Подобные примеры не единичны. В донесениях не всегда отражались и перемещения того или иного подразделения из одного населенного пункта в другой. Сопоставление данных Департамента Генерального штаба с еженедельными донесениями министра внутренних дел царю также свидетельствует о неполноте первых. В докладах за 1861, 1862 и 1863 гг., характеризующих крестьянские волнения обычно в весьма общей, суммарной форме, мы встречаем ряд случаев подавления «беспорядков» войсками, не нашедших отражения в материале Департамента Генерального штаба².

Стремясь быть максимально точными, мы фиксировали лишь те случаи, о которых прямо указывается в донесениях, что войска направлены на подавление крестьянских «беспорядков» или же для экзекуции³.

¹ ЦГВИА, ф. Департамента Генерального штаба, № 38, оп. 18/272, д. 175, ч. VI, л. 149, 163—164.

² «Отмена крепостного права» и еженедельные донесения министра внутренних дел за 1863 г. содержатся в архивном деле (ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1863 г., д. 181).

³ Если в донесении указывалось о массовых волнениях в том или ином уезде и при этом говорилось о посылке военной команды без указания селений, то нами это фиксировалось как одно выступление. Так, например, в еженедельном донесении министра внутренних дел в марте 1863 г. указывалось, что в Звенигородском уезде, Киевской губернии, произошли массовые волнения в 12 селениях, при этом были посланы воинские части. Так как в донесении Валуев не указывал, в какое количество селений были направлены воинские команды, мы фиксируем это как одно волнение, подавленное войсками.

Нами не учитывались донесения, в которых не объяснялось причин посылки войск в тот или иной населенный пункт, а просто указывалось о направлении воинской части «по требованию гражданского начальства», хотя это требование нередко могло быть вызвано не только стремлением предупредить волнения, но и необходимостью их подавления. Таким образом приводимые нами данные несколько преуменьшены. (См. табл. на стр. 132—133).

Согласно таблице¹ с июня 1861 г. по конец 1863 г. произошло 619 крестьянских волнений, подавленных войсками, из них в 1861 г. — 127, в 1862 г. — 357 и в 1863 г. — 135. При всей своей неполноте приведенные данные за 1861 и 1862 гг. тем не менее значительно полнее ранее известных. Данные же за 1863 г. примерно соответствуют цифрам, приводимым в отчете III отделения, лишь несколько превосходя их.

Подчеркивая широту крестьянского движения, в то же самое время нельзя переоценивать его размах. Если даже удвоить или утроить приводимые в таблице данные, то процент селений, охваченных крестьянскими выступлениями, которые были подавлены войсками, составит по отношению ко всем населенным пунктам не более 2—4⁰/₀.

«В России, — писал В. И. Ленин, — в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными «бунтами», и их легко подавляли»².

В заключение необходимо вкратце остановиться на том влиянии, которое оказали революционные демократы на крестьянское движение рассматриваемого нами периода. Этот вопрос является предметом специального научного исследования, в силу чего мы считаем необходимым остановиться лишь на отдельных сторонах его, в той мере, в какой это необходимо для понимания крестьянского движения начала 60-х годов.

¹ Таблица составлена на основе обработки данных Департамента Генерального штаба (ЦГВИА, ф. Департамента Генерального штаба, № 38, оп 18/272, д. 175, ч. III—IV). В знаменателе приводятся данные докладов министра внутренних дел, дополняющие материалы Военного министерства.

² В. И. Ленин, Соч., т 17, стр. 65.

Участие войск в подавлении крестьянских волнений

(По данным Департамента

	Губернии	1861 г.						1862 г.									
		июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март	апрель	май	июнь			
		1	Виленская	0/1													
2	Витебская	4	5				1								1	1	
3	Владимирская	0/1	3						1	1					1	1	
4	Волынская	1											1		1	1	
5	Воронежская						1	1			2				4	2/4	
6	Вятская														1	1	
7	Гродненская	6	2	2						1							
8	Екатеринославская		1	1								0/1					4
9	Казанская	1	2	1				4	1	3	4	2	2				
10	Калужская		1	1	1												
11	Киевская	1	1										1		1	2	
12	Ковенская	0/1	1	2		1				3					3		
13	Костромская																
14	Курская			1							1			1	1	4	
15	Минская	0/1		1													
16	Могилевская												2				
17	Московская	1	2			1											
18	Нижегородская														2		
19	Новгородская		2					1			1			0/1	3	1	
20	Оренбургская							1	1			1	1	1	2	3	1
21	Орловская			1	1					1					2	2	
22	Пензенская	2									1	1	1	2	3	1	
23	Пермская														1		
24	Подольская	5			1							1	1	1	8	21	
25	Полтавская								1					2	5		
26	Псковская	3	7	1			0/1						1				
27	Рязанская			2				1					1	1	4	2	2
28	Самарская								2								
29	Санкт-Петербургская				1	3											1
30	Саратовская	1	6	5	1			1	1				7	13	7	6	
31	Симбирская							1		1	1/1	2	3	7		1	
32	Смоленская																
33	Таврическая		1														
34	Тамбовская	2	2										3				1
35	Тверская														1		
36	Эстляндская и Курляндская												1				
37	Тульская				2			1				0/1	1/1	1/1	3	1	6
38	Харьковская	3		1				1	1		0/1	1	1/1	1	3	1	1
39	Херсонская														3		
40	Черниговская								1				2	1	10		9
41	Ярославская	0/2															
	Итого . . .	30/6	37	18	6	6	13/1	10	10	11/2	16	32/3	76/1	66/4			

с июня 1861 г. по декабрь 1863 г. включительно

Генерального штаба)

1862 г.						1863 г.								Итого				
июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август		сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
	1		1	1				2	1				1/1					1/1
1	10		4			1	1	1	4		1							33/4
	0/1																	2
2		2	1	1			7	3		2/1								11/1
5			1															21/1
1	6		0/1				1	0/1				1						26/1
	1		0/1															5
	1	1	1				1	1	7									15/1
1								2										10/2
3			0/1		1	1	0/1				1					1		2
1				2	2													18
	1				1	1		1	0/1									4/1
3					1	1	1	1	0/1		1							6/2
1					1	1	1	0/1	0/1									13
	1	1	1	2	2					2	1			1				11
	1	1	1		1	1	1	1	0/1	1	0/1							6/1
	1	1	1	2	2				4	3	0/1	0/1				1		13/2
	1	1	1		2					5								13/1
3	2	3	1	1	1	1	1	2	3		0/1	0/1						23
1	1	3	1	1	1	1	1	2	3									1/2
2			1		2	1	1	1										47
1			1		1	1	1	2										20
3	2	3	1	1	2	1	1	1										12/1
1	1		1		1	1	1	1										16
3	1	5	1	3	1	1	1	1/1	2	3								8
5			1			1			1		0/1							9
	1					1			2									62/2
	1					1			1		0/1		0/1					24/3
2	1	1	3			1	2	1	2	6		1						1
	1					1		1										6
1	1					1		1	1									25
1	1					1		1						1		1		5
	1	1	1						1			1						5
	1	1	1						2	1								11/1
	1	3	3	0/1		1		2		0/1	0/4	1						21/2
6				1		1		0/1										6/1
																		39/6
																		0/2
40	32/1	17	19/2	13/1	11	10	14/1	21/4	27/1	23/2	3/6	6/1	4/2	2	5/1	0/1	1	579/40

Данные III отделения свидетельствуют о наличии определенного числа так называемых «подстрекателей», принадлежавших к разночинцам. Так, в 1861 г. в числе «подстрекателей» было 22 дворянина и чиновника, в 1862 г. — 17, в 1863 г. — 22¹.

Мы не имеем никаких оснований утверждать, что эти люди являлись членами того или иного кружка, либо организации «Земля и воля», но их действия объективно отражали революционно-демократические настроения. В качестве примера подобных настроений можно привести поступок помещика Хорольского уезда, Полтавской губернии, отставного штаб-ротмистра Устимовича. Устимович, как говорится в отчете III отделения за 1862 г., пригласив к себе на обед 2 сентября до 3 тыс. крестьян окрестных имений, «вышел к ним в крестьянской одежде и, объявив, что крестьянам своего имения он отдал всю землю как собственность, им принадлежащую, убеждал всех требовать того же от своих владельцев и не соглашаться на принятие уставных грамот»². Эта агитация вызвала волнения в ряде селений Хорольского уезда, следствием чего Устимович был выслан в Полтаву. На допросе Устимович заявил, «что исполнил свой долг и этого убеждения не считает нужным скрывать»³.

Помимо непосредственных «подстрекателей», известное влияние на крестьян оказывала агитационная литература, различные прокламации, печатавшиеся и распространявшиеся «Землей и волей», в частности статья Огарева «Что нужно народу», получившая широкое распространение. В Казанской и соседних губерниях большое распространение получила прокламация казанского кружка землевольцев «Долго давили нас, братцы».

Все это не могло не оказывать известного влияния на крестьянское движение. Революционные демократы ожидали повсеместного крестьянского восстания к марту 1863 г., т. е. к окончанию двухлетнего срока с момента издания Положений.

Однако, несмотря на некоторый подъем движения, надежды на массовое восстание крестьян весной 1863 г. оказались тщетными. Введение в действие уставных грамот,

¹ «Крестьянское движение 1827—1869», вып. II, стр. 19, 44, 72.

² Там же, стр. 43.

³ Там же.

проводившееся на протяжении полутора лет и сопровождавшееся жестокой расправой с сопротивляющимися, в значительной мере разрушило веру крестьян в дарование им «новой воли» весной 1863 г. Это отнюдь не означало утраты крестьянами веры в царя. Вера в царя по-прежнему была сильна, несмотря на столь серьезный предметный урок, каким являлись «дарованные» царем Положения и реализация их с помощью розог и пуль.

Один из цитированных нами выше деятелей реформы — новгородский помещик Носович, касаясь крестьянского движения, в своем дневнике цинично писал: «Крестьяне наши сильно верят в царя и бога, эксплуатируя эти незыблемые верования их, можно привести, разумеется с умением до конца, куда хочешь. Другой вопрос, — продолжал он, — когда, кто или что-нибудь станет поперек этих верований»¹.

Именно вера крестьян в царя и бога, являвшаяся выражением стихийности движения, была одной из основных причин, которая дала возможность правительству сравнительно легко подавить сопротивление крестьянства.

* *
*

Изучение хода состояния и введения в действие уставных грамот дает основание для следующих выводов. Состав мировых посредников и мировых учреждений носил в основном крепостнический характер. Либеральное меньшинство всячески изгонялось из числа представителей этих учреждений. Правительству удалось в лице органов крестьянского общественного управления создать себе опору в деревне. Составление уставных грамот протекало в обстановке массового противодействия крестьян. В силу этого правительству не удалось закончить составление уставных грамот в назначенный срок. Крестьянское движение в этот период получило большой размах, однако носило локальный характер и ограничивалось, как правило, пассивными формами борьбы.

¹ С. И. Носович, Крестьянская реформа в Новгородской губернии, стр. 92.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

УСТАВНЫЕ ГРАМОТЫ

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Рассмотрение уставных грамот производится нами по-районно. В соответствии с ленинским принципом районирования России мы разделили центральные губернии европейской части на три группы. К первой группе отнесены центральные нечерноземные губернии: Санкт-Петербургская, Московская, Владимирская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Новгородская, Псковская, Смоленская, Тверская, Ярославская. Эта группа в свою очередь подразделена нами на две подгруппы: а) непромышленных и б) промышленных губерний. К первой подгруппе отнесены: Калужская, Смоленская, Новгородская, Псковская губернии и значительная часть Костромской и Нижегородской губерний; ко второй — Московская, Санкт-Петербургская, Ярославская, Владимирская, Тверская.

Во вторую группу включены центральные черноземные губернии: Воронежская, Казанская, Курская, Орловская, Пензенская, Полтавская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Харьковская и Черниговская. В этой группе мы выделили в отдельную подгруппу три левобережные украинские губернии: Полтавскую, Харьковскую и Черниговскую. Необходимость выделения этих губерний вызывается тем, что на них распространяло свое действие особое Малороссийское местное положение, определившее некоторое своеобразие реализации реформы.

К третьей группе отнесены шесть губерний земледельческих окраин, представлявших собою районы внутренней

колонизации: Астраханская, Самарская, Оренбургская¹, Таврическая, Екатеринославская, Херсонская, а также две области: Войска Донского и Бессарабская. К этой группе мы полагаем возможным отнести также северные районы Европейской России: Архангельскую губернию и северные уезды Вологодской (Тотемский и Никольский).

В каждой из этих групп и подгрупп мы выбрали несколько уездов, представляющихся нам наиболее типичными. Кроме того, мы использовали данные о тех уездах и губерниях, которые разработаны местными исследователями. Считаю необходимым еще раз сказать, что выводы наши мы не пытаемся распространять на всю ту или иную группу губерний. Для этого необходимо изучить по крайней мере большую часть уставных грамот.

Прежде чем перейти к рассмотрению уставных грамот, необходимо сделать ряд предварительных замечаний. Нам представляется неверной широко распространенная точка зрения о том, что степень обезземеливания крестьян определяется лишь количеством отрезанных у них земель в результате реформы 1861 г. При этом вовсе не принимается во внимание тот весьма интенсивный процесс обезземеливания крестьян, который, протекая на протяжении всей первой половины XIX в., привел к значительному сокращению крестьянского землепользования. Это явилось следствием увеличения господской запашки, наблюдавшейся особенно в черноземных губерниях. По данным И. Д. Ковальченко, в Рязанской губернии в конце XVIII в. надел у барщинных крестьян составлял в среднем 4,66 десятины на ревизскую душу (в том числе пашни — 3,1 десятины). В Тамбовской губернии в этот период крестьянский надел был даже несколько выше. К 1858 г. в Рязанской губернии душевой надел составлял 2,5 десятины (в том числе пашни — примерно 2 десятины); в Тамбовской губернии — 2,41 десятины².

Таким образом, крестьянский надел в этих губерниях уменьшился более чем на треть. То же мы наблюдаем и в других черноземных губерниях. В нечерноземных губер-

¹ В 1865 г. из состава Оренбургской губернии выделилась Уфимская губерния.

² И. Д. Ковальченко, Хозяйство барщинных крестьян Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века (К вопросу о кризисе феодально-крепостнической системы), «Исторические записки», т. 56, М. 1956, стр. 136.

ниях это явление также имело место, но протекало оно значительно медленнее.

Там, где процесс обезземеливания крестьян в первой половине века проходил более интенсивно, возможности сокращения крестьянских наделов в период реформы были, естественно, меньшими и процент отрезков мог быть весьма незначителен. В качестве примера можно привести губернии Правобережной Украины, где не только не было вовсе отрезано крестьянских земель, а, наоборот, в результате польского национально-освободительного восстания 1863 г. была проведена некоторая прирезка, в среднем в объеме 18%¹. Однако, несмотря на это, 71% всех крестьян этих губерний получил надел до 3 десятин на ревизскую душу². В то же время в Воронежской губернии, где процент отрезков составлял 21,6, количество крестьян, получивших земли до 3 десятин, было примерно таким же — 70,1%³.

Второе замечание касается условий уменьшения крестьянских наделов по Положениям 19 февраля; оно производилось без согласия крестьян лишь в двух случаях: 1) если надел превышал высший размер, установленный для данной местности, и 2) если у помещика оставалось менее одной трети или одной второй всех находившихся в его распоряжении удобных земель. Во всех остальных случаях уменьшение надела могло производиться только по добровольному соглашению крестьян с помещиком либо по желанию крестьян (отказ от добавочных участков на основе Местного малороссийского положения). При этом надо сказать, что уменьшение надела по добровольному соглашению наряду с отрезкой земель по требованию помещика имело весьма большое распространение. В чем же дело? Естественно, не в том, что крестьяне не нуждались в земле. Причина эта заключалась в непомерно высоком оброке, а, следовательно, и выкупной цене, установленной Положением. Вследствие того, что существующие арендные и продажные цены на землю были ниже (а в некоторых губерниях весьма значительно), нежели установленный Положением оброк, крестьяне и предпочитали отказываться от земли. Таким образом, одно из основных условий, опре-

¹ См. Пятую главу — «Реформа 1863 года в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине».

² Там же.

³ См. П. А. Зайончковский, Отмена крепостного права в России, стр 277

деливших ограбление крестьянства, заключалось в непомерно высоком оброке, установленном Положениями, что и влекло за собой резкое уменьшение крестьянских делов.

Все это надо иметь в виду при изучении результатов реформы.

* * *

*

Остановимся на статьях Положений 19 февраля 1861 г., определявших содержание уставных грамот, составление которых возлагалось на помещиков, а поверка и введение их в действие — на мировых посредников.

Вопрос о наделении крестьян землей и установлении за пользование ее повинностей конкретно решался Местными положениями. Наиболее обширным по своему распространению было «Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: великороссийских, новороссийских и белорусских». Это Положение распространялось на 28 великороссийских губерний, часть Харьковской¹, три новороссийских: Екатеринославскую, Таврическую и Херсонскую — и две белорусских: Могилевскую и часть Витебской². Положение распространялось также на Ставропольскую губернию, Землю Войска Донского, Сибирь, горнозаводских крестьян и крестьян, отбывающих работы на помещичьих фабриках и соляных промыслах, с теми изъятиями, ограничениями и дополнениями, которые были изложены в Особых дополнительных правилах, относящихся к этим категориям крестьян (ст. 2, 3).

Право на получение надела земли в данном селении имели все крестьяне, записанные в нем по X ревизии (ст. 6). Право получения надела имели также и дворовые, которые до марта 1858 г. пользовались земельным наделом. Не принимались в расчет при исчислении надела лишь крестьяне, не пользовавшиеся до реформы полевым наделом, и до утверждения уставной грамоты обращавшиеся к мировому посреднику с просьбой об увольнении их из «мирского общества» (ст. 8).

¹ В той части, где господствующим являлось общинное землепользование

² За исключением так называемых инфляндских уездов — Динабургского, Дризенского, Люцинского и Режицкого

Определение земельного надела в тех случаях, когда «добровольные соглашения между помещиком и крестьянами не состоятся», должно было осуществляться следующим образом. Все губернии, на которые распространялось Велико-российское местное положение, подразделялись на три полосы: первую — нечерноземную, вторую — черноземную и третью — степную (ст. 10). Каждая из этих полос подразделялась в свою очередь: первая — на девять местностей, вторая — на восемь местностей и третья, степная, — на двенадцать местностей (пять великороссийских и семь новороссийских) (ст. 14).

В местностях первой и второй полосы устанавливались два размера душевых наделов: высший и низший. Низший надел составлял одну треть высшего (ст. 16). Для нечерноземной полосы высший душевой надел для всех местностей составлял от 3 до 7 десятин; низший — соответственно от 1 до $2\frac{1}{3}$ десятины. В черноземной полосе высший душевой надел был определен от 2,75 до 6 десятин, низший — от 2200 сажень до 2 десятин (см. приложение «Подробное расписание великороссийских, новороссийских и белорусских губерний и уездов по полосам и местностям, с обозначением душевого крестьянского надела в каждой местности»).

В третьей, степной, полосе для каждой местности устанавливался единый указной надел. Для великороссийских степных губерний (Самарской, Саратовской, Оренбургской) он составлял от 6 до 12 десятин, для новороссийских — от 3 до 6,5 десятины. Большие по размерам наделы в степных губерниях определялись стремлением помещиков обеспечить за собой рабочую силу, что было особенно важно в условиях незначительной плотности сельского населения. К тому же переложная система земледелия требовала более значительных по размеру наделов.

В течение первых девяти лет крестьяне, как правило, не могли отказываться от наделов (ст. 120). Отказы могли производиться лишь при следующих условиях: а) по добровольному соглашению помещика с обществом; в этом случае надел, поступавший в распоряжение крестьян, мог быть уменьшен до половины высшего или указного (ст. 121); б) если помещик по добровольному соглашению с крестьянами подарит им часть надела, составляющего не менее четверти высшего или указного надела, то оставшая часть поступала в распоряжение помещика (ст. 123);

в) если число душ в обществе уменьшится на одну пятую или более, то общество может навсегда отказаться от соразмерной части мирской полевой земли и возвратить ее помещику (ст. 124); г) если крестьянин приобретает в собственность вне надела на расстоянии не далее 15 верст от своего постоянного местожительства участок земли, равный не менее двух душевых размеров высшего надела, то оставшая часть при общинном землепользовании поступала в распоряжение общества (ст. 125), а при подворном при условии отказа общества — в распоряжение помещика (ст. 126).

Вполне естественно, что выход из общины в эти первые девять лет был также фактически невозможен. На это требовалось согласие как помещика, так и общества (ст. 134), за исключением ряда случаев, а именно: а) когда крестьянин, желающий выйти из общества, внесет в особый мирской капитал «сумму, равную капитализированному из шести процентов оброку, следуемому по мирской раскладке с того домохозяина в пользу помещика» (ст. 140); б) если помещик согласится сложить навсегда с общества без уменьшения надела ту часть повинностей, которая приходится со двора, владелец которого желает выйти из общества (ст. 141); в) если общество, отпуская того или иного из своих членов, обязывается на основе круговой поруки отбывать все повинности, которые следовали с увольняемого из общества крестьянина (ст. 142). При этом если за обществом имелась недоимка, то это нельзя было осуществить без разрешения помещика (ст. 143). Практически все вышеуказанные случаи могли иметь место весьма и весьма редко.

Уменьшение размера надела по сравнению с дореформенным землепользованием, помимо указанных выше случаев, должно было производиться при следующих обстоятельствах: а) если находившаяся в пользовании крестьян земля превышала норму высшего или указного для данной местности земельного надела (ст. 18); б) если в первой и второй полосах после наделения крестьян в пользовании помещика оставалось менее одной трети общего количества принадлежащих ему земель, то он имел право сохранить за собою до одной трети удобных земель при условии, если крестьянский надел не уменьшался до размера менее нижней нормы (ст. 20). В третьей, степной, полосе помещику предоставлялось право уменьшать указной надел, если у

него не оставалось менее половины общего количества земли, принадлежавшей ему до реформы (ст. 22). Крестьянам предоставлялось право сохранять за собою в течение пяти лет за особые повинности отрезываемые у них пахотные земли и покосы (примечание к ст. 20).

Если же крестьянский надел в первых двух полосах был меньше низшего размера, то помещик должен был или прирезать недостающее количество земли против низшей нормы, либо соответственно понизить повинности. Крестьяне же могли отказываться от прирезаемой земли (ст. 19).

По истечении 9-летнего срока крестьянам предоставлялось право отказа от земельных наделов и перехода в другое общество или сословие (ст. 128). Для большинства крестьян это право было фикцией, так как оно, естественно, распространялось лишь на тех, кто не перешел в разряд крестьян-собственников. Последнее же зависело не от крестьян, а от помещика. К окончанию 9-летнего срока 55,3%¹ всех крестьян, поселенных во внутренних губерниях, были переведены на обязательный выкуп.

Согласно статье 26 в состав крестьянского надела должны были включаться лишь одни удобные земли. Однако на деле это положение практически сводилось на нет последующими статьями. Так, в примечании № 1 к статье 27 указывалось, что «существующие пашни, где бы они ни находились, не причисляются к неудобным землям». Таким образом, если помещик в период подготовки реформы предоставил крестьянам под пашни неудобные земли, то эти земли, несмотря на их низкое качество, могли поступать в надел. Затем по статье 28 в состав крестьянского надела могли входить и солончаки из расчета 3 десятины за 1 десятину удобной земли. Все это создавало помещикам широкие возможности для отвода крестьянам неудобных земель.

Леса не включались в состав крестьянского надела (ст. 29). Исключение делалось для пятой, шестой, седьмой, восьмой и девятой местностей первой полосы, в которых находившиеся в пользовании крестьян до обнародова-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, 1870 г., д. 8, л. 9. По отношению к общему количеству бывших крепостных крестьян во всех 46 губерниях процент крестьян-собственников составлял 67,46 (там же).

ния Положений участки дровяного леса оставались в их распоряжении (ст. 31). Однако и в этих местностях в тех случаях, когда это было невыгодно помещикам, последние могли находившийся в пользовании крестьян лес не включать им в надел. «Если одно или несколько имений, принадлежащих к пяти последним местностям первой половины, — указывалось в статье 32, — лежат в самом близком расстоянии от значительных городов, сплавных рек и железных дорог или вообще явно не подходят под общее свойство той местности, в черте которой они находятся, то по ходатайству помещиков... состоявший в пользовании крестьян лес может быть присоединен к господским угодьям, а крестьяне облагаются в таком случае повинностями, соответствующими оставшемуся в их пользовании наделу».

В состав крестьянской усадебной оседлости включалась вся земля, «состоявшая в одной окружной черте селения или поселка», как находившаяся под крестьянскими жилами, хозяйственными, общественными и промышленными строениями, так и под примыкавшими к ним огородами, садами, конопляниками, гумнами, пчельниками и другими угодьями, а также под водопоем, выпусками для скота и т. д. (ст. 55).

Доход от торговых и базарных площадей, хотя и находившихся внутри крестьянских селений, сохранялся в той или иной форме за помещиком. Если этот доход до реформы поступал непосредственно в пользу помещика, то это право сохранялось за ним и впоследствии (ст. 43). Если же до издания Положений этот доход поступал в пользу мира, то помещик мог ходатайствовать о повышении в связи с этим суммы оброка. В случае же несогласия на это крестьян, они могли передать имеющуюся в селении торговую или базарную площадь в распоряжение помещика, отказавшись от нее (ст. 45). Это еще раз свидетельствовало о том, что Положения, сколько возможно, стремились сохранить за помещиками те доходы, которые они получали в период существования крепостного права.

Отвод крестьянам надела подразделялся согласно Местному положению на три этапа: 1) первоначальное утверждение надела, 2) проведение разверстания помещичьих и крестьянских угодий к одним местам, 3) перенесение крестьянских усадеб (ст. 50). В «Правилах» об отводе

надела, содержащихся в том же Местном положении, указывалось, что в первой и второй полосах крестьянам предоставляются те угодья, которыми они пользовались до реформы, за исключением той части, которая от них отрезывалась (ст. 53). Отрезка земель должна была производиться «из тех ненавозных пашен, непоемных покосов, кустарных зарослей и вообще лесных пространств..., которые отделены от селения или расположены среди помещичьих угодий» (ст. 54). Однако последующие статьи содержали ряд оговорок, предоставлявших право помещику производить отрезку и навозных пашен, если «за совершенным недостатком других пустошных или полевых угодий не может быть никоим образом произведена иначе, как из таких пашен» (ст. 55). Следующая статья (56-я) предоставляла помещику право производить отрезку и из поемных лугов. При этом соразмерная общей доле отрезываемых земель часть поемных лугов могла быть отрезана и без согласия крестьян.

Все эти оговорки создавали большие возможности для помещичьего произвола. В имениях третьей, степной, полосы при первоначальном утверждении надела помещик мог отводить крестьянам «полевой надел из удобных земель в том месте, которое сам назначит, но отводимый надел приурочивается к селению» (ст. 61). Следующая статья (62-я) предоставляла право отводить надел и из земель, не примыкавших непосредственно к селению, «но по возможности в близком от селения расстоянии» с разрешения на то губернского по крестьянским делам присутствия. Это исключение для степной полосы объяснялось тем, что крестьяне до реформы, как правило, не имели постоянных наделов, однако условия отвода их были столь неопределенны, что помещик мог отвести крестьянам ту землю, которую он пожелает.

Статьи о разверстании угодий к одним местам предоставляли право помещику по истечении 2-летнего срока, назначенного для первоначального утверждения, в течение шести лет требовать обязательного для крестьян разверстания «общих и чересполосных господских угодий с мирскими» (ст. 64). В примечании к этой статье указывалось, что крестьянам право требовать разверстания не предоставляется. «При разверстании угодий, — указывалось в статье 69, — соблюдается общее правило, что взамен отходящих от крестьян земель отводятся им смежные с их

угодьями участки, равняющиеся по возможности¹ достоинством тем участкам, которые от них отходят». Подобные условия разверстания давали помещику право производить обмен неравноценных по качеству земель, так как термин «по возможности» мог толковаться весьма широко. К тому же согласно четвертому примечанию к указанной выше статье помещик имел право при разверстании даже уменьшить размеры надела; в примечании говорилось, что если взамен отрезанных у крестьян лесных сенокосов «не представится возможным отвести одинаковые по достоинству земли из других помещичьих угодий, то крестьяне за сие могут быть вознаграждены иным способом: в крайнем случае сии лесные покосы могут быть обращены в непосредственное распоряжение помещика с освобождением крестьян от соразмерной части повинностей». Это находилось в полном противоречии со статьями 18, 20 и 22, по которым отрезки без согласия крестьян могли производиться только в двух случаях: а) если надел превышает высшую норму, установленную для данной местности, б) если у помещика оставалось менее одной трети, а в степной полосе — менее половины общего количества принадлежавших ему до реформы земель.

Требование обязательного для крестьян перенесения усадеб без их на то согласия предоставлялось помещику в следующих случаях: а) если крестьянское усадебное строение находилось ближе 50 сажен, а овины, кузница и другие огнеопасные постройки — ближе 100 сажен от помещичьих строений; б) если вне селения находилась среди помещичьих угодий крестьянская усадьба, которая не граничила при этом с наделом полевой земли; в) если для разверстания помещичьих угодий с крестьянскими необходимо было перенесение одной или нескольких крестьянских усадеб (ст. 75). Если первые два пункта довольно точно определяли условия обязательного перенесения крестьянских усадеб, то третий пункт был, наоборот, весьма неопределенным и давал помещику широкие возможности для произвола. Это было весьма выгодно помещикам, так как наиболее ценные крестьянские усадебные земли могли попадать в их распоряжение.

Место, назначенное под переносимые крестьянские усадьбы, должно было быть непременно приурочено к

¹ Курсив наш. — П. Э.

полевому наделу (ст. 82). В случае отсутствия воды сооружение колодцев, запруд и прудов возлагалось на помещика (ст. 83). Перенесение или постройка новых усадеб должна была производиться за счет помещика. При этом переселяемые крестьяне обязаны были «содействовать помещику перевозкою материалов и участием в работах при постройке строений на новых местах» (ст. 85). Это «участие» давало возможность переключать значительную часть работы по перенесению усадеб на плечи крестьян.

Вместо перенесения усадеб за свой счет помещик мог выдать крестьянам «денежное вспомоществование». Если этот вопрос не разрешался на основе добровольного соглашения, то размер «вспомоществования» определялся третейским судом либо решением уездного мирового съезда (ст. 86).

Помещик должен был компенсировать крестьян за переходившие в его распоряжение сады, древесные насаждения и т. д. (ст. 88). Переселенные крестьяне имели право в течение трех лет пользоваться безвозмездно на старых усадьбах огородами, конопляниками и другими «возделанными» местами (ст. 87).

При переселении крестьяне, находившиеся на барщине, подлежали освобождению от таковой на три месяца, а оброчные получали особое пособие, если мировой съезд «по недостаточному состоянию крестьян признает это нужным» (ст. 89).

Помимо разверстания угодий и перенесения усадеб, помещику предоставлялось право «во всякое время для приведения в исполнение своих хозяйственных предприятий... требовать от крестьян обмена необходимых ему участков из земли, отведенной в постоянное пользование крестьян» (ст. 93). В Положении (ст. 94) перечислялись шесть случаев, когда помещик имел право требовать такого обмена: 1) нахождение в землях крестьянского надела «источников минеральных вод, ценных ископаемых, в том числе торфа»; 2) устройство помещиком действующих водною мельницы, фабрики или других промышленных предприятий при условии, когда один или два берега реки состоят в пользовании крестьян; 3) неизбежность «подтопа крестьянских угодий, вследствие устройства на господской земле действующих водною заведений»; 4) необходимость проведения по крестьянским угодьям канавы для осушения или орошения помещичьих земель и для каких-либо

других целей; 5) необходимость проведения по крестьянским угодьям дороги или прогона; 6) устройство на крестьянских угодьях пристани или перевоза.

Таким образом, получение крестьянами надела было обставлено целым рядом условий, которые давали помещикам широкие возможности для наделения крестьян негодной землей, перевода их «на песочек».

Пользование землей, передававшейся крестьянам в надел, также было ограничено рядом условий. Так, при чересполосном землепользовании крестьяне не имели права без согласия помещика отступить от принятого севооборота; запрещалось увеличивать ежегодную запашку в степной полосе, там, где существовала залежная система землепользования (ст. 100). Крестьянам предоставлялось право пользования водой как для домашних, так и промышленных надобностей, однако устройство запруд и водоемов без согласия помещика не разрешалось (ст. 102). Запрещалась и рыбная ловля, за исключением тех случаев, когда она составляла «одно из главных средств существования крестьян» (ст. 103). За помещиком оставалось право охоты на крестьянских землях; крестьянам разрешалось лишь истребление на своих землях «хищных или вредных для хозяйства птиц и зверей» (ст. 104). На мирской земле не разрешалось открывать ярмарки, торговлю и питейные заведения без согласия на то не только сельского схода, но и помещика (ст. 108) ¹.

* *
*

Повинности за пользование землей подразделялись на денежные (оброк) и издельщину (барщину) (ст. 160). За установленный по Великокороссийскому положению в первой и второй полосах высший душевой надел и в третьей — указанный предусматривались определенные повинности, исчислявшиеся погодно. В Положении указывалось, что крестьяне не обязаны отбывать в пользу помещика какие-либо дополнительные повинности, а также уплачивать ему «вещественную дань» (птицей, яйцами, ягодами, грибами

¹ Для открытия же на собственной усадьбе торговых и промышленных заведений, а также постоянных дворов особого разрешения не требовалось.

и т. д.) (ст. 164). Основной формой повинностей являлся денежный оброк, размер которого в каждой губернии примерно соответствовал норме дореформенного оброка. Это обстоятельство ясно обнаруживало, что оброк определялся не стоимостью земли, а теми доходами, которые получал помещик от крепостного крестьянина.

Согласно Великокороссийскому положению за высший душевой надел устанавливался оброк в следующих размерах (ст. 168): для имений, отстоящих не далее 25 верст от Санкт-Петербурга, — 12 руб.; для всех прочих имений Санкт-Петербургской губернии, для Московской и Ярославской, а также для уездов Владимирской губернии: Владимирского, Вязниковского, Покровского и Ковровского, по левую сторону реки Клязьмы, — и Нижегородской губернии, для имений, отстоящих не далее 15 верст от реки Волги по правому ее берегу, а равно лежащих непосредственно на берегу по левую ее сторону, — 10 руб.; для Вятской, Витебской, Могилевской, Олонецкой губерний и для ряда уездов Казанской, Орловской, Пензенской, Смоленской, Псковской, Тамбовской губерний устанавливался 8-рублевый оброк. Для всех остальных губерний был положен 9-рублевый оброк. Наивысший оброк, таким образом, устанавливался там, где земля приносила незначительный доход. В черноземных же губерниях оброк был ниже. Этот факт указывал на полное несоответствие между доходностью крестьянского хозяйства и устанавливаемым оброком. Следовательно, оброк не являлся своеобразной арендной платой за пользование землей, а сохранял характер феодальной повинности, призванной обеспечить помещику тот доход от крепостного крестьянина, который он получал до реформы. Если учесть, что земельные наделы были уменьшены по сравнению с дореформенным периодом, а оброк оставался на прежнем уровне, то становится ясным, что доход помещика не только не уменьшался, но даже увеличивался.

Установленный оброк мог быть по ходатайству помещика увеличен в пределах до 1 руб. с души (в случае занятия крестьянина торговлей либо промыслами, выгоды местоположения деревни — близость к крупным торговым центрам и городам и т. д.) (ст. 173). Крестьянам предоставлялось право ходатайствовать о снижении оброка по причинам низкого качества земли либо по другим обстоятельствам. Ходатайства крестьян о снижении оброка должны

были быть поддержаны мировыми посредниками и разрешаться губернскими по крестьянским делам присутствиями.

Средством для установления еще большего несоответствия между доходностью земли и повинностями служили так называемые градации оброка, введившиеся для всех трех полос (на Украине, в Литве и в западных губерниях Белоруссии эти градации отсутствовали). Суть их заключалась в том, что оброк, установленный для высшего душевого надела, не уменьшался пропорционально в случае предоставления крестьянину неполного надела, а, наоборот, исчислялся обратно пропорционально размеру надела (ст. 169). В нечерноземной полосе за первую десятину душевого надела определялось 50% оброка, за вторую — 25%; остающиеся же 25% оброка повсеместно распределялись между остальной частью душевого надела. Так, например, в Ростовском уезде, Ярославской губернии, высший душевой надел составлял 4 десятины, оброк — 10 руб. Таким образом, за первую десятину полагалось 5 руб., за вторую — 2 р. 50 к. и за оставшиеся 2 десятины — по 1 р. 25 к.

Для черноземной и степной полос, где душевой оброк составлял 9 руб., за первую десятину полагалось 4 руб., остающиеся же 5 руб. оброка равномерно распределялись между остальной частью надела (п. 2 ст. 60). Так, например, в Усманском уезде, Тамбовской губернии, где высший душевой надел составлял 3,25 десятины, за первую десятину полагалось 4 руб. оброка, на остальные же 2,25 десятины приходилось 5 руб. (2р. 22 к. за десятину). Установление градаций обеспечивало помещикам возможность при условии сокращения душевого надела сохранить в значительной степени те доходы, которые он получал от крепостного крестьянина в дореформенный период. С другой стороны, там, где земля представляла крайне незначительную ценность, установление градаций стимулировало стремление крестьян получить полный душевой надел, так как последние десятины обходились значительно дешевле.

Для определения суммы оброка за усадьбу все крестьянские усадьбы согласно Великокороссийскому положению делились на четыре разряда (ст. 243—244)¹. К первому

¹ Взимание оброка за усадьбу предполагалось в тех случаях, когда крестьяне не пользовались полевым наделом либо выкупали лишь одну усадьбу.

разряду относились усадьбы в земледельческих районах, т. е. черноземных губерниях, «не представлявшие никаких особенных выгод». Ко второму разряду относились усадьбы в тех имениях, где хозяйство крестьян не ограничивалось только земледелием, «а поддерживалось преимущественно торговлею и заработками от отходных или местных промыслов». К третьему разряду относились усадьбы, представлявшие «какие-либо особенно важные местные выгоды», а также находившиеся не далее 25 верст от Петербурга и Москвы. И, наконец, к четвертому разряду относились усадьбы, приносящие особый доход. Для первого разряда оброк с ревизской души устанавливался в сумме до 1 р. 50 к., для второго — не более 2 р. 50 к., для третьего — до 3 р. 50 к. и для четвертого — свыше 3 р. 50 к.

Оброк должен был уплачиваться помещику от всего общества «при круговом друг за друга ручательстве» крестьян. Помещик имел право требовать его вперед за полгода. Определявшийся Положением размер оброка устанавливался сроком на 20 лет, после чего предполагалась переобработка на следующее 20-летие, предусматривавшая повышение в дальнейшем размеров оброка в связи с постепенным увеличением стоимости земли (ст. 185—186).

Другим видом повинностей являлась барщина. За высший душевой и указной надел независимо от их размеров полагалось 40 дней мужских и 30 дней женских в году (ст. 189). Из этого количества дней три пятых должны были отбываться крестьянами в летнее полугодие, а две пятых — в зимнее (ст. 193). Мужские дни подразделялись на конные и пешие. Конный день должен был отбываться с одной лошадейю и необходимыми орудиями (соха, борона, телега) (ст. 202). Соотношение между конными и пешими днями определялось по усмотрению помещика. Продолжительность работы устанавливалась в летнее время в 12 часов, а в зимнее — в 9 (ст. 217). Если душевой надел был меньше высшего или указного, то количество барщинных дней уменьшалось, однако не пропорционально. Так, например, в местностях с высшим или указным наделом в 3 десятины за душевой надел в 2 десятины полагалось отработать 30 мужских дней, а в одну десятину — 20 мужских дней. В местностях с высшим или указным наделом в 6 десятин за душевой надел в 4 десятины полагалось отработать 30 мужских дней, за душевой надел в 2 десятины —

20 мужских дней. Количество женских дней уменьшалось пропорционально мужским¹.

Барщину должны были отбывать мужчины в возрасте от 18 до 55 лет, женщины — от 17 до 50 (ст. 208). Приходящие на барщину работники и работницы «должны являться в исправном виде, с исправными орудиями и в назначенное время» (ст. 210). В селениях с общинной формой землепользования за исправное отбывание барщины, так же как и уплату оброка, несло ответственность все общество на основе круговой поруки. В силу этого освобождавшиеся от работы на барщине больные и беременные женщины — «женщины на сносе и в продолжение шести недель после родов» (ст. 211) — должны были в этих обществах заменяться другими, и никаких льгот по этому поводу не делалось (ст. 212). В селениях же, где барщина отбывалась каждым двором или семейством порознь, в случае пропуска барщинных дней по болезни применялись следующие правила (ст. 213): а) в случае если вместо больного не имелось другого лица, которое отработывало бы за него барщину, пропущенные по болезни дни отработывались по выздоровлении, если болезнь не продолжалась более двух недель; б) если же болезнь продолжалась более двух недель, заболевший освобождался от работы при условии представления им «достаточных доказательств приключившейся болезни»; если же болезнь длилась более шести месяцев и заболевший не выставлял вместо себя другого работника, то помещик имел право лишить крестьянина участка земли; в) «женщины на сносе и в продолжение шести недель после родов» освобождались от работы с заменю их другою работницею, «если таковая имеется во дворе». Выполнение барщинных повинностей могло осуществляться и на основе урочного положения, если это требовали помещики или крестьянское общество (ст. 215). Положение в некоторой степени регламентировало отбывание барщинных работ. Так, в статье 221 указывалось, что выполнение барщины допускается на расстоянии до 12 верст от местожительства крестьян. При этом если барщина отбывается на расстоянии свыше 6 верст, то «на переход туда и обратно каждой версты... полагается полчаса и соразмерно сему

¹ См. приложение «Правила для соразмерения числа рабочих дней с величиною земельного надела крестьян в губерниях великороссийских, новороссийских и белорусских»

уменьшается дневной урок». Запрещалось требовать от крестьян выполнения работы, «вредной для здоровья», либо «не сообразной с полом работы» и т. д. (ст. 218). Если помещик удерживает на работе крестьянина лишний день, то за всякий такой день «взыскивается с помещика в пользу того крестьянина вдвое против стоимости рабочего дня» (ст. 220).

В счет определенных Положением рабочих дней помещик имел право использовать крестьян для работ на помещичьих заводах и фабриках, «которые по роду производства состоят в ближайшей связи с сельским хозяйством» (винокуренные, пивоваренные, свеклосахарные, керамические и т. д.) (ст. 230). Продолжительность ночной работы на этих предприятиях определялась шестью часами, более продолжительная работа засчитывалась за полтора дня (ст. 232).

По сравнению с безграничным произволом, существовавшим до реформы, эта регламентация барщины являлась, бесспорно, шагом вперед, однако она все же далеко не гарантировала крестьянина от притеснений помещика и нарушения им норм, установленных Положением.

Помимо указанных выше повинностей, крестьяне в силу статьи 151 Общего положения об оказании помощи помещику «для ограждения его от всяких насильственных действий», равно как и при внезапных общественных несчастиях», как-то: пожарах, наводнениях, появлении вредных животных (саранчи и пр.) (ст. 234), — для устранения которых требуется единовременное соединение большого количества рабочих сил, могли привлекаться для выполнения этих работ.

Переход с барщины на оброк в первые два года со времени утверждения Положения мог осуществляться только с согласия помещика (ст. 237). По истечении этого срока право перехода на оброк как целых обществ, так и отдельных домохозяев могло быть произведено без согласия на то помещика при условии предупреждения его об этом за год вперед (ст. 239). Правом перехода на оброк могли пользоваться лишь те крестьяне, которые не имели ни казенных, ни помещичьих недоимок (ст. 237).

Весьма подробно были разработаны в Положении меры об обеспечении исправного отбывания повинностей. При общинном пользовании землей ответственность за исправное отбывание повинностей возлагалась на все общество,

все домохозяева которого отвечали «друг за друга круговую порукою» (ст. 245). При участковом землепользовании ответственность возлагалась на каждого домохозяина порознь (ст. 250).

Представителям сельской администрации вменялось в обязанность строго следить за исправным отбыванием крестьянами барщины. «Для предупреждения неисправностей в отбывании издельной повинности, — указывалось в статье 251, — вменяется сельскому начальству в обязанность строго наблюдать, чтобы в случае принятия временнообязанными крестьянами каких-либо работ на стороне и вообще при увольнении их по паспортам всегда оставалось в каждом дворе достаточное число домашних или наемных работников для отбывания повинностей на помещика». Далее указывалось, что если крестьянин не кончит заданного ему урока либо выполнит его плохо, то сельский староста должен заставить неисправного крестьянина закончить либо переделать работу за счет своего собственного времени. «Если же дурно исполненная... работа не может быть переделана, то виновные... обязываются отработать на помещика лишний день» (ст. 252).

Оброк, причитающийся с крестьян, должен был взыскиваться «с тою же строгостью», как и государственные податные сборы, «преимущественно перед всеми другими, следующими с крестьян платежами» (ст. 257). Оброчные недоимки должны были взыскиваться с уплатой пени из расчета 12⁰/₀ в год (ст. 258).

В качестве мер взыскания недоимки обществу предоставлялось право отдачи либо самого недоимщика, либо одного из его членов семейства «в посторонние заработки... с условием выработанные деньги обращать в мирскую кассу...» (ст. 261). Помещику же предоставлялось право запрещать выдачу паспортов крестьянам и не возобновлять их для находящихся в отлучке, а также «вместо избранных обществом должностных лиц назначить других по своему усмотрению» (ст. 262). Наконец, помещик мог отбирать у крестьян сроком на три года часть мирской земли, но не более одной трети ее (там же).

При условии личной ответственности каждого домохозяина помещик имел право в случае недоимки отдать крестьянина или какого-либо из его членов семьи «в заработки на сторону», подвергнуть описи и продаже недвижимое

имущество недоимщика (помимо выкупленной им усадьбы, которая не подлежала продаже в первые девять лет после издания Положения) (ст. 264). Помещик имел право отобрать «у крестьянина полевой надел и продать его, а через девять лет с разрешения губернского по крестьянским делам присутствия продать также и усадебный участок» (ст. 265—268).

Таким образом, установленный Положением размер наделов был обратно пропорционален качеству земли; условия разверстания угодий, обмена их, перенесения усадеб создавали широкие возможности для помещичьего произвола; оброк, определявшийся Положением, отнюдь не соотнобразовывался с существующими арендными ценами на землю и представлял собою по-прежнему феодальную ренту.

* *
*

Издание Местного положения для малороссийских губерний (Черниговской, Полтавской и части Харьковской) обуславливалось отсутствием в этих губерниях общинного землепользования, а также крайне неравномерным наделением крестьян землей¹.

Крестьяне в этих губерниях подразделялись на тягловых, пеших и огородников. Наиболее обеспечены землей были тягловые, семейные участки которых достигали в отдельных случаях 25—50 и более десятин². Необходимо иметь в виду, что распределение земли между одной и той же категорией крестьян даже внутри одного и того же селения было весьма неравномерно. Так, например, в упо-

¹ В северных уездах Черниговской губернии, в тех имениях Глуховского, Новозыбковского, Новгород-Северского, Суражского, Стародубского и Мглинского уездов, где крестьяне были наделены одинаковыми наделами, разрешалось вводить Великокороссийское местное положение.

² Так, в имении М. В. Муравьевой-Апостол в селе М. Хомутец, Миргородского уезда, Полтавской губернии, у крестьянина Ивана Андреевича Малухи было 88,5 десятины полевой земли, у Василия Алексеевича Кобшан — 24,25, у Якова Григорьевича Гнатенко — 23,25 десятины (ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 517, оп. 30, д. 1288). В селе Портянок графини Музиной-Пушкиной у крестьянина Василия Карповича Стрельченко было 50 десятин 357 сажен полевой земли, а у Савелия Стрельченко — 41 десятина 1559 сажен (там же, д. 1289).

минавшемся нами селе Портянок, Миргородского уезда, семейный участок полевой земли пеших составлял от 17 десятин 2136 кв. сажен до 1 десятины 1808 кв. сажен. В селе Ручек, Гадячского уезда, той же Полтавской губернии, полевой надел пеших составлял от 2346 кв. сажен до 9 десятин 1278 кв. сажен¹. Неодинаковыми были и усадебные участки огородников, не имевших вовсе надела полевой земли. Все это, вполне понятно, обуславливало иные принципы наделения землей, которые и нашли свое выражение в Местном малороссийском положении².

Для определения количества мирской земли, предоставлявшейся в постоянное пользование крестьян, Полтавская губерния делилась на две местности, Черниговская — на три, Харьковская — на четыре (ст. 9). При этом для каждой местности устанавливался высший и низший размеры надела. Низший надел составлял половину высшего (ст. 10). Высший душевой надел для первой местности Черниговской губернии составлял 2,75 десятины, для второй — 4, а для третьей — 4,5 десятины; для первой местности Полтавской губернии — 2,75 десятины, для второй — 3,5; для первой местности Харьковской губернии — 3 десятины, для второй — 3,5, для третьей — 4 и для четвертой — 4,5 десятины (приложение к ст. 9). Надел для того или иного селения определялся путем умножения душевого надела на количество имеющихся в нем ревизских душ.

Уменьшение существовавшего крестьянского надела могло производиться в следующих случаях: 1) когда надел был больше высшего размера (ст. 12); 2) когда у помещика оставалось после наделения крестьян землей менее одной трети общей площади удобных земель (ст. 14); в этом случае помещик не был обязан увеличивать крестьянский надел, если он не достигал низшего размера, установленного для данной местности (ст. 13). Размер надела мог быть также уменьшен при условии получения крестьянином в дар от помещика на основе добровольного с ним соглашения одной четвертой части высшего размера надела (ст. 116).

¹ Там же, д. 21.

² Там же, д. 21. Характеризуя это Положение, мы освещаем его только в той части, в какой оно не совпадало с Великокороссийским.

Распределение же земли внутри сельского общества осуществлялось путем закрепления за каждым семейством усадьбы и полевого участка или одной усадьбы, которыми оно пользовалось до реформы, за исключением тех случаев, когда производилась отрезка или прирезка земель (ст. 36). Положение определяло размер семейного, так называемого пешего участка, составлявшего по отдельным местностям от 4 до 7 десятин (приложение к ст. 9). Та часть надела, которая превышала размеры пешего участка, называлась добавочным участком (ст. 39). Установление единого пешего участка юридически ликвидировало различие между тягловыми и пешими, однако в действительности оно продолжало существовать. При отрезке земли в первую очередь производилась отрезка из добавочных участков (ст. 40). В случае прирезки земли удовлетворялись в первую очередь огородники, т. е. лица, вовсе не пользовавшиеся полевой землей; оставшаяся же после этого часть земли распределялась между пешими (наделы которых не достигали высшего размера пешего участка. — П. 3.) (ст. 41). Участки мирской земли, предоставлявшиеся в надел отдельным крестьянским семьям, поступали в их потомственное пользование (ст. 93).

В первые девять лет крестьяне имели право отказываться только от добавочных участков (ст. 113). Участки, от которых отказывались крестьяне, должны были поступать в распоряжение сельского общества (ст. 121). Если среди домохозяев не находилось желающих получить эти участки, они возвращались помещику во временное распоряжение (ст. 129) до истечения девяти лет, после чего поступали к нему навсегда.

Помимо этого, в первые девять лет крестьяне по соглашению с помещиком могли отказаться от части своего надела при следующих условиях: а) если все общество отказывалось от части надела, то он мог быть уменьшен до половины высшего, установленного для данной местности (ст. 114); б) если крестьяне приобретали в собственность часть надела, то они имели право отказаться от остальной его части при условии, если приобретенная ими часть будет составлять не менее одной трети высшего надела на одну ревизскую душу (ст. 115).

Повинность (оброк) за десятину полевой земли определялась отдельно для каждой местности. В Черниговской

губернии оброк за десятину земли исчислялся в 1 р. 40 к., 1 р. 60 к. и 2 р. 50 к.; в Полтавской — 2 руб. и 2 р. 50 к.; в Харьковской — 1 р. 80 к., 2 р. 10 к., 2 р. 40 к. и 2 р. 80 к. (ст. 177).

Повинности за пользование усадьбой определялись из расчета 5 р. 10 к. за десятину (ст. 171). В тех же городах и местностях, где десятина усадебной земли исчислялась дороже 102 руб., повинность за усадебную землю устанавливалась из расчета 5⁰/₁₀₀ от ее стоимости (ст. 172). Если же крестьянские усадьбы по требованию помещика переносились на новое место, то плата за усадебную землю производилась, как и за полевую (ст. 173).

Издельная повинность (барщина) устанавливалась за десятину пешего и добавочного участка только мужскими пешими днями по отдельным местностям в следующем размере: в Черниговской губернии — 21, 14 и 12 дней; в Полтавской — 21 и 16 дней; в Харьковской — 12, 14, 16 и 19 дней (ст. 195).

Таково содержание основных статей Местного малороссийского положения.

Положение это мало чем отличалось от Великороссийского. Интересы помещиков здесь были обеспечены так же полно, как и в первом. Особенность его заключалась в том, что оно закрепляло имущественное неравенство крестьянства, существовавшее до реформы, что объективно способствовало процессу развития капитализма в деревне.

2. УСТАВНЫЕ ГРАМОТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ НЕЧЕРНОЗЕМНЫХ ГУБЕРНИИ

Рассмотрение уставных грамот начнем с первой группы центральных нечерноземных губерний, точнее, с первой ее подгруппы — непромышленных губерний. В этой подгруппе мы изучили уставные грамоты трех уездов: Старорусского, Новгородской губернии, Краснинского и Ельнинского, Смоленской. Эти уезды были наиболее удалены от соседних промышленных губерний: С.-Петербургской и Московской, — вследствие чего наименее испытывали на себе влияние промышленных центров.

Старорусский уезд, находившийся на юго-западе губернии, являлся наиболее развитым в сельскохозяйственном отношении по сравнению с другими уездами Новгородской

губернии. Процент пахотных земель здесь был относительно высок, хотя значительная часть территории была занята лесами и болотами, покрытыми обычно мелким кустарником.

Общее количество помещичьих крестьян, по данным «Статистики поземельной собственности», достигало 11 783 душ¹. По 323 уставным грамотам², хранящимся в фонде Главного выкупного учреждения, значится 11 212 ревизских душ, что составляло к общему числу душ примерно 95%. Большая половина крестьян — 62% (6955 душ) — являлась собственностью крупнопоместных владельцев.

Старорусский уезд принадлежал к седьмой местности нечерноземной полосы с высшим душевым наделом в 5,5 десятины. Количество земли, находившейся в пользовании у крестьян до реформы, составляло 85 032 десятины. При этом надо сказать, что в Старорусском уезде дореформенный надел крестьян указывается далеко не точно. Из 323 уставных грамот по 6 грамотам (114 душ) надел не указан вовсе³. В уставной грамоте на деревню Заполье, состоявшую из 12 душ, указывалось, что количество земли, находившейся в пользовании крестьян, «определить невозможно»⁴. То же говорится и в уставной грамоте на деревню Кутилиха, в которой значилась всего одна ревизская душа⁵. По 61 грамоте земля, находившаяся в пользовании крестьян, показана вместе с неудобной. По 36 грамотам надел указывается неточно. Перед цифрой, определяющей число десятин, стоят либо предлоги «около», «до» либо наречия «примерно», «приблизительно». Все это нельзя не учитывать при обработке уставных грамот.

Отсутствие в Старорусском уезде достаточного количества удобных для земледелия земель обуславливало жела-

¹ «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», вып. VII, Спб. 1885, стр. 25. В материалах Редакционных комиссий данные о количестве крепостных крестьян в Старорусском уезде отсутствуют, так как уезд образован только с 1859 г.

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 22, д. 2401—2587.

³ По этим уставным грамотам дореформенный надел исчислен нами, исходя из среднего поуездного, составлявшего 8,32 десятины на ревизскую душу.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 22, д. 2479.

⁵ Там же, д. 2462.

ние помещиков сохранить их за собой. В силу этого помещики стремились включать в состав крестьянского надела неудобные земли.

Из общего количества 323 грамот не подписано крестьянами 112 (4518 душ). Основная причина этого заключалась в предоставлении им в надел неудобных земель. Об этом прямо указывается в 40 уставных грамотах. Как правило, жалобы крестьян оставались безрезультатными. Весьма любопытна аргументация, по которой отказывали крестьянам в их жалобах. Так, по жалобе крестьян деревни Рамушево помещика фон дер Вейде мировой посредник в своем протоколе, представленном им в уездный мировой съезд, делает следующее заключение: «Крестьяне сей деревни объявили, что третья часть всей отведенной земли состоит неудобной из мху, по освидетельствовании мною на месте с посторонними добросовестными соседних деревень оказалось, что действительно мох, по коему растет мелкий сосняк, а на основе циркуляра г. министра от... за №... сказано, что неудобные земли принимать только те, которые показаны в генеральном специальном плане, а сия земля показана на плане удобною...»¹. Решение мирового посредника было утверждено уездным мировым съездом. Руководствуясь этим, посредники отвергали жалобы крестьян, хотя и не утверждали при этом, что земля, которой наделили, действительно удобна. Разбирая жалобу крестьян деревни Запрудно помещицы Антиповой, мировой посредник заносит в протокол следующее: «По заявлению крестьян о неудобности земли я осматривал ее (землю. — П. З.) с домохозяевами и добросовестными и оказалось наполовину покоса хорошего, а наполовину дурного., но, во всяком случае, земля эта не подходит под ту, которая не должна быть дана крестьянам в надел»².

Рассматривая жалобу крестьян деревни Новоборье помещицы Дириной, заявлявших, «что земля в надел отведена им весьма песчаного грунта и отчасти из мху с растущим на нем мелким лесом»³, мировой посредник нашел, что «большая часть пашни песчаного свойства, к произрас-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 22, д. 2446.

² Там же, д. 2407.

³ Там же, д. 2467.

танию яровых хлебов неспособная»¹, однако, руководствуясь пунктом 1 статьи 27 Местного положения, не мог признать землю «более или менее неудобною»². В других случаях мировой посредник считал вполне достаточным для отказа крестьянам тот факт, что на признававшейся ими неудобной земле произрастал лес. Так, мировой посредник на жалобу крестьян деревни Щечково помещика Богдановича отвечал, что «так как по тому месту растет лес, то в неудобную землю принять этой земли невозможно»³.

Ряд жалоб на недоброкачество земли, отведенной в надел, отклонялся вследствие того, что помещик предоставлял крестьянам земли сверх высшей нормы. Крестьяне деревни Ярцево помещика Симанского получили в надел земли по высшей норме — 187 десятин. Сверх этого количества помещик предоставил им «дар» 11 десятин 1412 сажень неудобной земли. Крестьяне жаловались, что на их земле, «нарезанной в надел, есть неудобные места». Мировой же посредник указывает в своем протоколе, что по осмотре на месте «оказалось, что действительно есть неудобная земля, но крестьянам дано бесплатно 11 десятин 1412 сажень, а потому грамота эта представляется на рассмотрение старорусского мирового съезда»⁴. Таким образом, подарив 11,5 десятины негодной земли, помещик получил возможность предоставить крестьянам в надел неудобные земли. То же самое имело место и в деревне Малое Волосковое. Помещица Болтина предоставила крестьянам в дар сверх надела 10 десятин неудобной земли. Крестьяне не пожелали подписать грамоту, заявив, что «в числе земли, нарезанной им в надел, есть много неудобных мест»⁵. «По осмотре же на месте, — указывалось в протоколе мирового посредника, — оказалось, что действительно частью есть неудобные топкие места, но как в уставной грамоте сказано, что им поступает сверх надела во владение 10 десятин под дорогами и неудобными местами, то, значит, неудобные места из их надела выключены, и потому сделано

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 22, д. 2467.

² Там же.

³ Там же, д. 2450. Указанный пример не единичен (см. д. 2467, 2540).

⁴ Там же, 2585.

⁵ Там же, д. 2424

заклучение грамоту эту считать правильной»¹. В некоторых же случаях жалобы крестьян отклонялись без каких-либо формальных на то оснований. Так, крестьяне деревни Кулики жаловались на то, что им предоставлено в надел мало покоса, а также на отсутствие прогона в дальних покосах. Мировой посредник признал, что прогон «устроить действительно трудно»², но грамоту утвердил.

Крестьяне деревни Малое Токарево более 10 лет подавали прошения разным должностным лицам, вплоть до министра внутренних дел и царя, жалуясь на недоброкачественность их надела. В жалобе губернатору в 1863 г. они писали, что вследствие скверного качества земли они «не только не в состоянии платить оброка помещику и казенных податей и повинностей, но прокармливать свои семейства»³. Только в 1873 г. землемер мирового съезда установил, что из 76 десятин, составлявших их надел, 25 десятин были вовсе неудобны. Лишь по шести уставным грамотам мировые посредники признали жалобы крестьян на недоброкачественность их земельных наделов правильными⁴. При этом по одной из них на деревню Теляткино мировой посредник постановил прирезать крестьянам вследствие недоброкачественности надела 7 десятин покоса. Однако мировой съезд отменил это решение, так как «Положение о крестьянах не предоставляет господам посредникам наделять крестьян без согласия помещиков излишнею землею»⁵.

Земельные наделы крестьян Старорусского уезда в значительной своей части состояли из дровяного леса и сенокоса с кустарником. Пахотной земли предоставлялось весьма мало. Как правило, пахотные земли составляли 2,5—3 десятины на душу, достигая в отдельных случаях 4 десятины и понижаясь нередко до 1—1,5 десятины.

Приведем несколько примеров наиболее типичного распределения надельной земли. В деревне Нижние Будоліцы из 236,5 десятины на пашни приходилось 100 десятин, на

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 22, д. 2424.

² Там же, д. 2541.

³ Там же, д. 2484.

⁴ Там же, д. 2434, 2459, 2461, 2491, 2525, 2580.

⁵ Там же, д. 2559.

сенокос с кустарником — 114,5, на дровяной лес — 17, на усадьбы — 5 десятин¹.

В деревне Красиково из 121 десятины под пашней было 28 десятин, под сенокосом с кустарником — 67, под дровяным лесом — 24, под усадьбами — 2 десятины². В деревне Дорогани из 198 десятин пашня составляла 62 десятины, сенокос с кустарником — 130,5, усадьбы — 5,5 десятины³. Надо сказать, что сенокос с кустарником, а также мелкий дровяной лес нередко находились на болоте.

Стремление помещиков сохранить за собою удобные земли находило свое выражение не только в наделении крестьян неудобными землями. Иногда это принимало другие формы. Так, крупнейший помещик уезда Васильчиков, обладавший 1721 ревизской душой, составляет две уставные грамоты: одну — на село Веретье (1206 душ), а вторую — на девять деревень (515 душ)⁴. По второй грамоте Васильчиков удерживает за собой треть всех земель, предоставляя крестьянам неполный надел. Заключение одной уставной грамоты на девять деревень само по себе противоречило положению и было, естественно, сделано для того, чтобы крестьян всех этих деревень лишить полного надела.

Другой крупный помещик уезда, владелец 1015 душ, сенатор Зуров, пытался присвоить себе принадлежавшую крестьянам землю — 942 десятины пожни у озера Ильмень и лесную дачу у деревни Мясицы. По всем принадлежавшим ему 12 селениям крестьяне не подписали уставных грамот, принося жалобу о том, что часть земли, отводимой им в надел, является их собственностью, на что они имеют «письменные и местные доказательства»⁵. Мировой посредник отказал крестьянам в рассмотрении жалобы. Однако впоследствии уездный мировой съезд принужден был решить этот вопрос частично в пользу крестьян. Вместе с тем Зуров совершил и другую мошенническую сделку. На все 12 деревень он составил одну уставную гра-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 22, д. 2420.

² Там же, д. 2421.

³ Там же, д. 2422.

⁴ Там же, д. 2438.

⁵ Там же, д. 2476.

моту без указания, сколько земли приходится на долю того или иного общества, что, естественно, предполагало возможность различных комбинаций. Как рассказывает в своих записках уже упоминавшийся выше С. И. Носович, этот вопрос рассматривался в уездном мировом съезде, и, несмотря на противодействие отдельных его членов, Зурову было предложено составить на каждое общество по отдельной уставной грамоте¹.

Помещик деревни Лазинцы Маевский решил отобрать у крестьян усадьбные земли и перевести их в другое место, а здесь построить свою усадьбу. Свое право он доказывал тем, что якобы эта земля в течение последних 60 лет находилась у крестьян в арендном пользовании. Несмотря на явную несправедливость и противодействие этому Носовича, мировой съезд признал правильность действия Маевского². Старорусский мировой съезд ничем не отличался от прочих съездов и обычно решал дела в пользу помещиков. «Отсутствие чувства справедливости, которое я заметил, впрочем, не на одном Старорусском съезде, — пишет в своих воспоминаниях Носович, — состоит в том, что при обсуждении уставных грамот, неподписанных крестьянами, т. е. составленных не по обоюдному согласию, а на основании правил Положения, члены мирового съезда, стараясь сохранить хозяйственные выгоды помещиков, желают отступить от статей законоположения, говоря, что это несоблюдение так незначительно и что тягость его, распадаясь на все число душ сельского общества, делает для крестьян совершенно нечувствительным отступление от закона»³.

Из 85 032 десятин земли, находившейся в пользовании крестьян до реформы, в надел были предоставлены 60 443 десятины. Землепользование крестьян уменьшилось на 24 589 десятин, или на 28,9%. По 37 грамотам в общей сложности 1008 душ (9%) получили надел, превышающий высшую норму; по 256 грамотам 7575 душ (67,6%) получили высшую норму надела; надел меньше высшей нормы получило 2629 душ (23,4%) по 30 грамотам. Надо сказать, что наделы этой категории крестьян были немно-

¹ См. С. И. Носович, Крестьянская реформа в Новгородской губернии, стр. 74—75.

² Там же, стр. 118—121.

³ Там же, стр. 121.

гим ниже высшего размера. Только у 471 души надел был ниже 4 десятин.

Таким образом, 76,6% всех крестьян получили надел, равный высшей норме или превышающий ее. Предоставление крестьянам земли сверх высшей нормы надела обуславливалось обычно, как уже говорилось выше, стремлением помещиков своеобразно «компенсировать» крестьян за неудобные земли. В некоторых же случаях это объяснялось другими причинами. Так, по уставной грамоте на деревни Старицы, Заречье и Токарево помещика Карпова крестьянам предоставлялось в надел 306 десятин вместо причитавшихся им по высшей норме 280,5 десятины¹. В уставной грамоте по этому поводу сделана следующая запись: «Но дабы не лишать их части земли, которой они привыкли владеть, весь излишек оставляется в постоянное пользование»². Столь «отеческая» забота о крестьянах в действительности объяснялась весьма просто. В 1859 г. крестьяне были переведены на оброк в размере 5 руб. с души. Следовательно, согласно статьи 170 крестьяне должны были платить прежний 5-рублевый оброк. Однако, предоставляя крестьянам лишние 25,5 десятины, помещику удастся добиться согласия их на уплату 7-рублевого оброка. Только в 1875 г., когда крестьяне были переведены на выкуп, Главное выкупное учреждение снизило оброк до 5 руб.

В другом случае помещик предоставляет землю в дар отдельному крестьянину. Упомянувшийся нами выше помещик Маевский предоставляет в дар крестьянину деревни Сорокопен Ефиму Кораблеву 25 десятин «за сорокалетнюю службу его мне и предкам моим в должности бурмистра»³.

Из 30 грамот, по которым был получен неполный надел, по 24 (822 души) причина этого заключалась в том, что крестьяне уже владели таковым до реформы, т. е. были обезземелены ранее.

За пользование землей в Старорусском уезде был установлен 9-рублевый оброк. По 14 грамотам (229 душ) согласно статьи 170 оброк понижен; по 6 грамотам (132 души) понижен ввиду недоброкачественной земли.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 22, д. 2482.

² Там же.

³ Там же, д. 2510.

В результате реформы наделы крестьян Старорусского уезда претерпели следующие изменения:

Изменения надела	Число грамот	Количество душ	В % ко всем душам
Сокращение	256	9244	82,4
Увеличение	21	704	6,2
Без изменений	46	1264	11,4

До реформы в пользовании 9244 крестьян (по 256 грамотам), наделы которых были урезаны, находилось 75 750 десятин земли. После составления и введения в действие уставных грамот им было отведено в надел только 50 523 десятины. Таким образом, у крестьян Старорусского уезда было отрезано в пользу помещиков 25 227 десятин, или 33,6% дореформенного надела.

Процент отрезки по отдельным грамотам составлял:

% отрезки	Число грамот	Количество душ
До 10	35	2687
От 10 до 20	34	1773
» 20 » 30	57	1746
» 30 » 40	42	1251
» 40 » 50	33	821
» 50 » 60	18	439
» 60 » 70	12	210
» 70 » 80	18	266
» 80 » 90	6	49
Свыше 90	1	2

Причины отрезки следующие: у 9161 крестьянина по 254 грамотам земля была отрезана вследствие того, что дореформенный надел превышал высшую норму¹; у

¹ При этом надо сказать, что по одной грамоте — 1906 душ (№ 2438) надел по добровольному соглашению предоставлен ниже высшей нормы, по другой грамоте — 515 душ (№ 2442) помещик наделил крестьян также меньше высшей нормы по причине того, что у него оставалось менее одной трети всех принадлежавших ему земель.

66 крестьян (1 грамота) — из-за того, что у помещика оставалось менее $\frac{1}{3}$ земли, и у 17 крестьян (1 грамота) — по добровольному согласию.

Из числа крестьян, у которых были произведены отрезки, 5920 душ (62,9%) принадлежало крупнопоместным владельцам. Прирезка земли имела место по 21 уставной грамоте и коснулась 704 душ. До реформы в их пользовании находилось 3086 десятин. Пореформенный же надел составил 3724 десятин. Прирезка, таким образом, составила 638 десятин, или 20,6%.

Процент прирезки по отдельным грамотам был следующий:

%	Число грамот	Количество душ
До 10	6	360
От 10 до 20	5	104
» 20 » 30	4	84
» 30 » 40	2	80
» 50 » 60	1	49
» 70 » 80	1	10
» 100 » 110	1	5
» 400 » 500	1	12

59 крестьянам по 2 грамотам было прирезано земли больше высшей нормы надела, 466 крестьянам по 15 грамотам — до высшей нормы; у 179 крестьян по 4 грамотам надел после прирезки не достиг высшей нормы.

В заключение остановимся на вопросе о разверстании угодий. В Старорусском уезде это не имело большого распространения. Перенесение усадеб и обмен угодий предполагался лишь по одной грамоте — на деревню Лазинцы помещика Маевского, о чем говорилось уже выше. Кроме того, в ряде грамот указывалось, что до отвода надела в пользовании крестьян остается вся земля, что также предполагало возможность дальнейшего разверстания угодий.

Там, где крестьянский надел примыкал к реке либо к другому водоему, право рыбной ловли, как правило, оставалось за помещиком. Так, из семи уставных грамот, в которых упоминается об этом, в пяти рыбная ловля предо-

ставляется в исключительное пользование помещика ¹ (по грамоте на село Налючи крестьянам предоставлялось право во время сенокоса ловить рыбу, но отнюдь не на продажу). По одной уставной грамоте рыбная ловля оставалась в совместном пользовании ², и по одной — в пользовании крестьян ³.

Таковы итоги составления уставных грамот по Старорусскому уезду.

Краснинский уезд, находившийся на юго-западе Смоленской губернии, был наименее подвержен влиянию промышленных губерний. Если в восточных уездах губернии имелся значительный процент крестьян, находившихся на оброке, то Краснинский уезд, единственный из губернии, был целиком барщинным. Это обстоятельство делает Краснинский уезд наряду со Старорусским наиболее типичным для непромышленных нечерноземных губерний.

По данным Редакционных комиссий, в Краснинском уезде было 19 196 ревизских душ, из них только 23 души были на оброке ⁴.

Общее число обработанных нами грамот по Краснинскому уезду равнялось 358 ⁵ с общим количеством 17 864 ревизских душ, что составляет по сравнению с данными Редакционных комиссий 93⁰/₁₀₀.

Из числа крепостных 11 284 души, или 63,2⁰/₁₀₀, принадлежали крупнопоместным владельцам.

Краснинский уезд принадлежал к четвертой местности первой, нечерноземной, полосы, высший надел в которой определялся в 4 десятины на ревизскую душу.

подавляющее большинство (87,4⁰/₁₀₀) уставных грамот

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 22, д. 2432 на деревню Городок, 2458, 2467, 2476 на деревню Налючи, 2582.

² Там же, д. 2476 на деревню Дубовицы.

³ Там же, д. 2432 на деревню Суконниково.

⁴ А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1250.

⁵ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 1956—2180, 3571, 3576, 3581, 3586, 3589.

по Краснинскому уезду подписано крестьянами, так как составлены по соглашению с ними. Из 358 грамот не подписаны только 45.

Причина отказа от подписи содержится только в одной грамоте на деревню Кузьминичи. В ней имеется следующая запись: «Подписывать сию грамоту не желают, выставив причину, что они, кроме уставной грамоты, предоставляющей на выкуп, другой подписывать не станут»¹.

Прежде чем переходить к непосредственному рассмотрению уставных грамот, необходимо сделать одно предварительное замечание. В уставных грамотах Краснинского уезда, так же как и Старорусского, нередко содержатся неточные данные о дореформенном наделе. Это объясняется прежде всего тем, что в данных о землях, находившихся в пользовании крестьян, весьма часто фиксировались как удобные, так и неудобные, что создает порой трудность для точного подсчета находившейся в пользовании крестьян земли. Так, по уставной грамоте на деревню Гололобово значилось земли как удобной, так и неудобной 291 десятина, по уставной же грамоте отводится 283 десятины (при высшей норме в 296 десятин)². При этом никаких данных об отрезке не сообщается. Мы думаем, что разница в 8 десятин относится к неудобным землям. В некоторых же случаях определить количество неудобной земли не представляется вовсе возможным. Например, по уставной грамоте на деревню Большие Остроги значится, что до реформы в пользовании крестьян находилось 50 десятин земли (в том числе удобной и неудобной). Отводится же крестьянам в надел 36 десятин. При этом указывалось, что никаких отрезков впредь до разверстания не производится³. Подобные примеры не единичны.

Затем нередко в уставных грамотах количество земли обозначалось неточно. В грамоте на село Уссохи указывалось, что крестьяне имели в своем пользовании «около 119 десятин»⁴, в грамоте на село Морозовку количество

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 2059. По-видимому, крестьяне отказались уплатить помещику дополнительный платеж, вследствие чего он не согласился на выкуп.

² Там же, д. 2172.

³ Там же, д. 2173.

⁴ Там же, д. 2135.

земли определялось «приблизительно»¹. В других случаях количество земли определялось «примерно». Из общего количества 358 уставных грамот подобное приблизительное определение дореформенных наделов мы встречаем в 57. Надо сказать, что в отдельных случаях в силу этого даже не производилась отрезка, которая откладывалась «до точного измерения». Иногда «данные этого точного измерения» находили свое отражение в уставной грамоте, иногда же их мы не встречаем, так как измерение нередко производилось не ранее середины 80-х годов. В некоторых случаях результаты измерения вносили существенные коррективы, в других — они были ничтожны. Так, в селе Кожино по уставной грамоте числилось земли «до 160 десятин», а в результате измерения оказалось 130 десятин 200 кв. сажен². В селах Кузнецово и Кисели числилось земли около 632 десятин 1800 сажен, в действительности же оказалась 481 десятина³. По уставной грамоте на деревню Ходнево в пользовании крестьян числилось около 30,5 десятины; при обмере оказались 32 десятины⁴. Приведенные нами факты, касающиеся неточности размеров крестьянских наделов, не могут, естественно, не отразиться и на наших подсчетах.

В результате составления и введения в действие уставных грамот в землепользовании произошли следующие изменения.

До реформы в Краснинском уезде в пользовании у крестьян находилось 78 509 десятин земли. Пореформенный надел составил в общей сложности 69 664 десятины, иначе говоря, в результате реформы надел крестьян сократился на 8845 десятин, или на 11,3%. По 46 грамотам 3266 крестьян, что составляет 18,3% их общего числа, получили наделы, превышавшие высшую норму; по 234 грамотам 10 643 крестьянина, или 59,6%, — высшую норму надела, и по 78 грамотам 3 955 крестьян, или 22,1%, — надел ниже высшей нормы. Таким образом, 77,9% всех крестьян уезда получили надел, равный высшей норме или превышающий ее.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 2136.

² Там же, д. 2075.

³ Там же, д. 2125.

⁴ Там же, д. 2177.

Как мы уже указывали, получение крестьянами земли в дар сверх высшего размера надела имело в центральных нечерноземных губерниях большое распространение. Размеры этого дара были весьма различны, составляя в большинстве своем несколько десятин. Однако в отдельных случаях процент увеличения надела сверх высшей нормы, предусмотренный Положением, достигал больших размеров. Так, по уставной грамоте на деревню Алфимково помещица Плещачевская предоставляет крестьянам вместо 104 десятин, составлявших высший размер надела, 145 десятин, т. е. на 39% больше¹. В деревне Васильеве помещица С. И. Пестель предоставляет крестьянам в дар сверх положенных по расчету высшего размера надела 380 десятин еще 98, прирезывая к дореформенному наделу еще 30 десятин². Значительное количество десятин сверх высшей нормы надела получили также крестьяне села Дуравок; вместо причитавшихся им 204 десятин их пореформенный надел составил 306 десятин. Таким образом, крестьяне получили сверх высшего надела 102 десятины, увеличение составляло 50%³. В других случаях, как уже говорилось, увеличение надела сверх высшей нормы было весьма незначительным и не составляло часто даже 1%. Так, общее количество земли, полученной крестьянами сверх надела, равнялось 614 десятин, или 6,3%.

Какие же причины вызывали это явление? В некоторых случаях они вполне ясны, в других нет: в уставных грамотах по этому поводу ничего не сказано. Так, иногда земля сверх высшей нормы предоставлялась крестьянам за «особые повинности», как это имело место в селе Дуравок⁴. В селе Макарове помещики предоставляют крестьянам в дар 17 десятин леса «по особому условию»⁵. В других случаях предоставление земли в дар было связано с заключением выкупных сделок и стремлением помещиков получить с крестьян дополнительный платеж.

Наконец, предоставление земли в дар, особенно в небольшом количестве, являлось своеобразной компенсацией за неудобные земли, как это имело место в Новгородской

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 1982.

² Там же, д. 2090.

³ Там же, д. 2111.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 1966. Это особое условие в деле отсутствует.

губернии¹. По двум грамотам излишняя, сверх надела, земля была предоставлена крестьянам условно: помещики сохраняли за собою право отрезать ее, «когда они пожелают»². По отдельным грамотам крестьянам предоставлялось в пользование небольшое количество дровяного леса.

Остановимся на грамотах, по которым крестьяне получили неполный размер надела. Из 3955 душ, получивших неполный размер надела, т. е. менее 4 десятин, 3625 душ были наделены не менее 3 десятин и только по семи грамотам (330 душ), или всего 2⁰/₁₀₀ крестьян, имели надел менее 3 десятин³. Это было следствием того, что процесс обезземеливания крестьян в Краснинском уезде до реформы не достиг больших размеров.

В результате реформы в землепользовании крестьян Краснинского уезда произошли следующие изменения:

Изменение надела	Число грамот	Количество душ	В % ко всем душам
Сокращение	176	9180	51,4
Увеличение	41	2355	35,4
Без изменений	141	6329	13,2

До реформы в пользовании 9180 крестьян, наделы которых подверглись сокращению, находилась 46 631 десятина земли. После составления и введения в действие уставных грамот им было отведено в надел 36 748 десятин. Таким образом, у крестьян Краснинского уезда было отрезано 9883 десятины. Процент отрезки составил 21,2.

Процент отрезки по отдельным грамотам составлял.

% отрезки	Число грамот	Количество душ
До 10	46	2715
От 10 до 20	42	2330

¹ Однако прямых указаний на этот счет в грамотах мы не имеем
² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 1983, 2056.
³ Там же, д. 1961, 1970, 1977, 2058, 2062, 2063, 2136

% отрезки	Число грамот	Количество душ
От 20 до 30	40	2521
» 30 » 40	28	1056
» 40 » 50	15	476
» 50 » 60	3	43
» 60 » 70	1	13
» 70 » 80	1	26

По 174 грамотам из 176, по которым имела место отрезка, она была произведена вследствие того, что дореформенный надел превышал высшую норму для данной местности. Только по двум грамотам (46 душ) отрезки были произведены несмотря на то, что дореформенные наделы не достигали высшей нормы. В первом случае, по деревне Авдотьино, отрезка 3,5 десятины земли была произведена для ликвидации чересполосицы¹; во втором, в деревне Б. Остроги, было отрезано 5 десятин по невыясненной причине².

По всем этим грамотам, за исключением восьми (497 душ), крестьяне получили высший размер душевого надела³.

Из 9180 душ, наделы которых подверглись сокращению, 6205, или 67,6%, принадлежали крупнопоместным владельцам.

Прирезка земли имела место по 41 уставной грамоте. До реформы в пользовании крестьян, наделы которых подверглись увеличению, находилось 8372 десятины. Пореформенный же надел составил 9410 десятин. Им, таким образом, было прирезано 1038 десятин. Процент прирезки составил 12,4.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 1980.

² Там же, д. 2039. Не исключена возможность, что по этой грамоте отрезки вовсе не производились, а разница между дореформенным и пореформенным размером надела произошла вследствие того, что в состав первого было включено некоторое количество неудобной земли, как об этом указывалось выше.

³ По четырем из этих восьми грамот надел был уменьшен по добровольному соглашению (там же, д. 1964, 1980, 2057, 2130). По остальным четырем — неизвестно. Возможно, что здесь также имело место исключение из дореформенного надела неудобных земель.

По отдельным же грамотам он был следующий:

% прирезки	Число грамот	Количество душ
До 5	10	570
От 5 до 10	12	704
» 10 » 20	6	556
» 20 » 30	9	379
» 30 » 40	1	15
» 40 » 50	2	89
» 50 » 60	1	52

По всем грамотам, по которым производилась прирезка, последняя обуславливалась не необходимостью (по этим грамотам надел превышал $\frac{1}{3}$ высшего надела), а добровольным согласием помещика. Это говорило о том, что в Краснинском уезде, Смоленской губернии, помещики не были экономически заинтересованы в удержании в своих руках земли.

Из 41 грамоты по 28 (1421 душа) предусматривалась прирезка до высшей нормы надела, по 6 грамотам (483 души) — более высшей нормы, по 7 грамотам (451 душа) наделы после прирезки не достигали высшей нормы.

Требования разверстания угодий не имели в уставных грамотах большого распространения, причем в основном разверстание было добровольным. Требование же перенесения усадеб мы встречаем лишь в четырех грамотах. Ни одна из этих грамот не подписана крестьянами¹.

Дополнительные статьи содержатся в уставных грамотах Краснинского уезда довольно редко. Только в трех грамотах — на деревни Шелабаново, Плотники, Ковали, Гостилино, Малое Щелканово, принадлежавшие помещику П. П. Колечицкому, — имелась статья, по которой крестьянам запрещалась рыбная ловля, охота и сплав по реке².

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 1970, 1998, 2003, 2131.

² Там же, д. 2035.

Уставные грамоты Ельнинского уезда обработаны были исследователем крестьянской реформы в Смоленской губернии Д. И. Будаевым, который любезно предоставил в наше распоряжение свои материалы.

Названный уезд являлся одним из крупнейших уездов губернии, наиболее типичным с точки зрения организации помещичьего хозяйства. Если в Краснинском уезде господствовала целиком барщина, а в восточных уездах губернии (Вяземский, Сычевский, Юхновский и Гжатский), связанных с центральным промышленным районом, число оброчных крестьян было значительным, то Ельнинский уезд представлял собою нечто среднее, типичное для центральных уездов губернии.

Общее количество крепостных крестьян в Ельнинском уезде, по данным материалов Редакционных комиссий, составляло 36 165 душ, из которых 28 932 были на барщине, а 7233 — на оброке¹. В фонде же Главного выкупного учреждения по 568 уставным грамотам² числится 33 986 душ. Таким образом, уставные грамоты охватывали собою 93,4% крепостного населения уезда.

Уезд принадлежал к четвертой местности нечерноземной полосы, высший душевой надел в которой был определен в 4,5 десятины.

Прежде чем переходить к рассмотрению уставных грамот, необходимо отметить, что в ряде грамот дореформенный земельный надел указан неточно. Так, в 67 грамотах величина надела указана с предлогами «до», «около» либо с другими не более точными определениями — «не менее высшего размера», «более нормы» и г. д.

В некоторых селениях, помимо указанного дореформенного надела, крестьяне пользовались лесными покосами. В деревне Камешки, например, помимо надела, в пользовании крестьян находились «полядки» в господском лесу, которые «измерить невозможно»³. В деревне Куракино в

¹ А. Скребинский, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1250.

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 1584—1640, 1642—1690, 1692—1909, 1911—1955, 3575, 3582, 3583, 3587, 3594.

³ Там же, д. 1608.

пользовании крестьян «находились среди господских лесов и угодий расчистки и полянки, измерить которые по разбросанности их не было возможно»¹.

Наконец, в некоторых грамотах в состав дореформенного надела включались и неудобные земли. Все это, естественно, не могло не оказать известного влияния на точность данных.

Согласно данным 568 уставных грамот, которые охватывают 33 986 душ, в пользовании последних до реформы находилось 166 438 десятин земли. Их пореформенный надел составил в общей сложности 127 613 десятин. Таким образом, в результате реформы надел крестьян сократился на 38 825 десятин, или на 23%. По 92 грамотам 6367 крестьян, что составляет 19% их общего числа, получили наделы, превышавшие высшую норму; по 417 грамотам 24757 крестьян, или 73%, получили высшую норму надела, по 59 грамотам 2862 крестьянина, или 8%, — надел ниже высшей нормы.

Таким образом, 92% крестьян получили наделы, размеры которых составляли высшую норму или превышали ее.

В надел, превышающий высшую норму, были отведены 1624 десятины земли, что составило 6% общего количества предоставленной им земли. На душу в среднем дарилось около $\frac{1}{4}$ десятины, но в отдельных случаях дар достигал 1 десятины².

Предоставление крестьянам земли в дар, как правило, объяснялось чисто экономическими соображениями: во-первых, наличием в составе надела неудобных земель, как это имело место в других уездах; во-вторых, стремлением помещиков получить при выкупе земли дополнительный платеж. Иногда обе эти причины фигурировали вместе. Так, помещик Барышников, заключая выкупной договор, предоставляет крестьянам деревень Бибирево, Передельниково, Мурашкино, Светилово и Луки в дар 58 десятин земли «за уважение низшего достоинства земли, отведенной в надел»³. Наследники помещицы Плескачевской при

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 1763.

² Там же, д. 1785. Помещица деревни Починок подарила крестьянам по 1 десятине на душу «для улучшения быта крестьян»

³ Там же, д. 1603.

заключении выкупного договора предоставляют крестьянам деревни Ивановки 50 десятин земли в дар «для уравнивания надела по качеству с прочими окрестными деревнями»¹.

В некоторых случаях уступки крестьянам определялись стремлением обеспечить спокойствие их. Так, помещица Муромцева соглашается обменять крестьянам деревни Невесели землю «в предупреждение всяких споров и раздражений крестьян»². Помещик Базилевский прирезывает крестьянам землю «для будущего бесспорного и спокойного владения»³.

Наделы ниже высшей нормы, как уже указывалось, получили 2862 души. При этом более 3 десятин было предоставлено 2337 душам, от 2 до 3 — 444 душам, менее 2 десятин — только 81 душе. За исключением двух селений, у всех крестьян, получивших неполные наделы, отрезки не производились, так как они были частично обезземелены до реформы.

В некоторых случаях в состав крестьянского надела включались неудобные земли. По данным Д. И. Будаева, об этом прямо указывается в 11 уставных грамотах⁴. В деревне Нижняя Нежда крестьянам была предоставлена в надел такая плохая земля, что они вовсе бросили ее. Как сообщало в 1873 г. губернское по крестьянским делам присутствие, крестьяне этой деревни, «несмотря на все настояния, решительно уклоняются от пользования отведенным им наделом и отбывать повинности... бросили большую часть полей и половина их проживает в других деревнях»⁵. Из 35 дворов оставался на месте 21, причем крестьяне эти «на своих селидбах землю полевую по большей части не обрабатывают, но на огородах сеют овощи и конопли, зерновые же хлеба сеют в соседних деревнях, нанимая для чего земли...»⁶

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 3594.

² Там же, д. 1765.

³ Там же, д. 1595.

⁴ Там же, д. 1590, 1594, 1595, 1675, 1677, 1780, 1809, 1812, 1813, 1918, 1922.

⁵ ЦГИАЛ ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1181, оп. т. XV, 1877 г., д. 53, л. 20.

⁶ Там же, л. 22—23.

Предоставление в надел крестьянам неудобных земель находит косвенное подтверждение и в том факте, что значительная часть грамот не была подписана крестьянами. Так, из 568 уставных грамот только 287 значатся подписанными крестьянами; они охватывают 16 995 душ, что составляет 49,3⁰/₀ всех крестьян Ельнинского уезда.

По некоторым грамотам крестьяне получили в состав надела небольшие участки дровяного леса, по-видимому весьма невысокого качества. Там же, где лес представлял собою какую-либо ценность, помещик оставлял его за собою. Так, помещик Ф. Ф. Шарапов включил в состав надела крестьян села Яковлевичи и деревень Заборье и Натальино 26 десятин леса, предоставив им право лишь производить покос. Лес же помещик обязывался срубить в течение трех лет¹.

В результате реформы земельные наделы крестьян Ельнинского уезда претерпели следующие изменения:

Изменение надела	Число грамот	Количество душ	В % ко всем душам
Сокращение	374	24 352	71,6
Увеличение	33	1 494	4,2
Без изменений	161 ²	8 140	24,2

До реформы в пользовании 24 352 крестьян (по 374 грамотам), наделы которых подверглись сокращению, находилось 130 840 десятин земли. После составления и введения в действие уставных грамот указанному числу крестьян была отведена в надел лишь 91 тыс. десятин. Таким образом, у крестьян Ельнинского уезда было отрезано 39 840 десятин земли, или 30⁰/₀.

Процент отрезок по отдельным грамотам был следующий:

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37. д. 1881.

² По 18 грамотам дореформенный надел не указан.

% отрезки	Число грамот	Количество душ
До 10	79	5687
От 10 до 20	102	6844
» 20 » 30	94	6734
» 30 » 40	53	3161
» 40 » 50	25	1434
Более 50	21	492

По некоторым грамотам процент отрезков был очень высок. Так, в деревне Каменец помещицы Сомовой до реформы в пользовании крестьян было 550 десятин, предоставлено же в надел 196 десятин. Процент отрезки составил 64¹. В деревне Павлово до реформы у крестьян было до 75 десятин, а предоставлено в надел 20 десятин. Процент отрезки составил 73².

Однако вопрос заключается не только в количестве отрезанной земли, но и в ее качестве. Помещики нередко стремились отрезать у крестьян лучшие земли: заливные луга, унавоженные пахотные земли. Так, заливные луга были отрезаны у крестьян деревень Острово, Линевка, Новгородчина, Сазоново, Провержинка, Городок, Починок и Лучеса³. В деревне Митино, как указывалось в уставной грамоте, среди отрезаемой земли «есть много лугов и пахоты навозной»⁴.

Причины отрезок земли в Ельнинском уезде заключались в том, что дореформенный надел превышал высшую его норму, установленную для данной местности. На этом основании были произведены отрезки по 372 грамотам из 374.

Прирезки, как указывалось выше, были произведены по 33 грамотам (1494 души).

До реформы в пользовании крестьян, наделы которых подверглись увеличению, находилось 4889 десятин. Пореформенный же надел их составил 5904 десятины. Таким образом, было прирезано 1015 десятин, или 22%.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 1849.

² Там же, д. 1892.

³ Там же, д. 1651, 1769, 1857.

⁴ Там же, д. 1936.

Процент прирезки по отдельным грамотам был следующий:

% прирезки	Число грамот	Количество душ
До 10	15	892
От 10 до 20	5	206
» 20 » 30	2	44
» 30 » 40	2	67
» 40 » 50	1	43
Более 50	8	242

В одном случае прирезка достигла 180%. В деревне Мальцево 14 душ крестьян владели 20 десятинами. Прирезано им было 36 десятин, что составило по 4 десятины на душу¹.

По всем грамотам, за исключением одной на деревню Мальцево, надел до реформы превышал низшую норму, вследствие чего прирезка была произведена помещиками добровольно. Да и в деревне Мальцево помещик обязан был прирезать лишь до низшей нормы, прирезка же до размера 4 десятины на душу зависела также от воли помещика. Все это обуславливалось тем, что помещикам было выгодно предоставить крестьянам в надел больше земли, получив оброк или выкуп, превышавшие действительную ее стоимость. К тому же иногда помещики стремились прирезать крестьянам неудобные земли. Так, например, помещик Ф. И. Базилевский прирезал крестьянам деревни Матюшково луг против их желания².

В результате произведенной прирезки крестьяне этой группы получили наделы, превышающие высшую норму, — по 11 грамотам (490 душ); высшую норму — по 17 грамотам (861 душа), менее высшей нормы — по 5 грамотам (143 души).

Остановимся на вопросе перенесения усадеб. Это требование предусматривалось 20 уставными грамотами³.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 1950.

² Там же, д. 1595.

³ Там же, д. 1616, 1618, 1636, 1642, 1659, 1665, 1727, 1759, 1763, 1788, 1789, 1826, 1829, 1837, 1876, 1882, 1902, 1949.

Д. И. Будаев сообщает два факта, когда переселение усадеб диктовалось стремлением помещиков захватить крестьянские усадебные земли. Так, помещица Мрачковская потребовала переселения крестьян из деревни Коханы в деревню Гавринку на том основании, что в расстоянии 48 сажен от господского дома стояла нежилая общественная изба. Используя свое формальное право, Мрачковская переселила крестьян. Как указывалось в жалобе крестьян деревни Коханы, они «пользовались землею, трудами рук наших расчищенною, удобренною, улучшенной», а в Гавринках, месте их переселения, «земля была глиниста, камениста и так бесплодна, что не только не вознаграждает трудов, даже не возвращает семян, в нее посеянных»¹.

Помещик В. А. Муромцев потребовал переселения крестьянских усадеб только потому, что они отстояли на 50 сажен от постоянного двора, а овины находились ближе 100 сажен от помещичьего кирпичного завода. Несмотря на то что крестьяне соглашались перенести собственными силами постоянный двор и отрезать от своих огородов к кирпичному заводу по 10 сажен земли, Муромцев потребовал переселения. Мировой посредник граф Шуленбург, признавший законным требование Муромцева, все же принужден был отметить, что «перенесение это послужит совершенным разорением для крестьян, ибо с перенесением усадебных строений и овинов они через три года должны будут лишиться конопляников и огородов, которые, судя по грунту земли, не в силах будут развести на новых местах в течение многих лет»².

К сожалению, Д. И. Будаев не приводит данных о разверстании угодий, которые по отдельным грамотам могли иметь место.

В заключение остановимся на вопросе о запрещении рыбной ловли и других ограничениях прав крестьян, содержащихся в уставных грамотах. Во всех грамотах, по которым в состав крестьянского надела входил берег той или иной реки, указывалось, что рыбная ловля им запрещается. Право рыбной ловли было предоставлено только по двум грамотам³. В некоторых грамотах указывалось на запреще-

¹ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, оп. 1, д. 350, л. 18.

² Там же, д. 136, л. 191.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 1822, 1879 на деревню Анеково.

ние крестьянам входить в помещичьи леса и собирать в нем грибы и ягоды. Так, помещица Савина в уставной грамоте на деревни Замостье, Б. Тесное, М. Тесное, Никольское и Масалово указывала, «что всякий вход в господские леса и сделанные заказы крестьянам воспрещается, как-то: ни за грибами, ни за ягодами, ни за орехами крестьяне входить не должны...»¹ Таковы данные об уставных грамотах по Ельнинскому уезду.

* *
*

Исходя из вышеприведенных данных, можно сделать следующие выводы.

Процесс обезземеливания крестьян в Старорусском уезде Новгородской губернии и Краснинском и Ельнинском уездах — Смоленской протекал до реформы весьма медленно, вследствие чего у преобладающей массы крестьян наделы превышали установленную Положением высшую норму. Именно в силу этого значительная часть крестьян в этих уездах получила высшие душевые наделы. Так, высший и более высшего размера душевые наделы получили:

в Старорусском уезде —	76,3%	
» Краснинском » —	77,9%	
» Ельнинском » —	92%	•

Это объясняется тем, что земля в этих районах не представляла особой ценности, и помещики были заинтересованы не в уменьшении наделов, а в получении возможно большего количества денег за предоставленную крестьянам землю. В силу этого они стремились перевести крестьян на выкуп и получить дополнительный платеж. Именно этим определялась во многих случаях «щедрость» помещиков, предоставлявших крестьянам нередко землю сверх высшего размера душевого надела. С другой стороны, предоставление крестьянам земли сверх высшей нормы давало возможность помещикам отрезать крестьянам в надел неудобные земли.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 1822.

Последнее больше всего имело место в Старорусском уезде, где количество удобных для земледелия земель было невелико.

Разверстание угодий не получило в этих уездах большого распространения. Наоборот, здесь помещики были заинтересованы в сохранении чересполосицы. «При оценке имения, — писал смоленский помещик народник профессор А. Н. Энгельгардт, — смотрят не на качество земли, не на угодия, а на то, как расположена земля по отношению к соседним деревням, подпирает ли она их, необходима ли она крестьянам, могут ли или нет они без нее обойтись»¹.

Эти соображения и объяснили незначительное число требований разверстаний угодий в этих уездах.

* *
*

Обработка уставных грамот Московской и Владимирской губерний, являющихся наиболее типичными промышленными районами центральной нечерноземной полосы, производилась рядом лиц. Обобщенные данные по Московской губернии содержатся в диссертации Б. Г. Литвака «Уставные грамоты Московской губернии как источник по истории реализации «Положений 19 февраля 1861 г.», лично обработавшего уставные грамоты девяти уездов губернии². Данные по Владимирской губернии приведены в диссертации В. Г. Зяминой, обработавшей уставные грамоты по Юрьевскому и Покровскому уездам и использовавшей итоговые данные по другим уездам³.

Обратимся к вопросу о реализации реформы в Московской губернии. Необходимо сказать, что наиболее полные сведения имеются по девяти уездам губернии, уставные грамоты которых были обработаны Б. Г. Литваком. Вследствие этого по ряду вопросов мы будем пользоваться данными этих девяти уездов.

¹ А. Н. Энгельгардт, Из деревни. 12 писем, М. 1937, стр. 350.

² Обработка уставных грамот Бронницкого и Рузского уездов проведена С. С. Филипповой (см. «Осуществление реформы 19 февраля 1861 года в Московской губернии (по материалам Бронницкого и Рузского уездов)», диссертация, М. 1953). По Коломенскому и Московскому уездам обработка грамот производилась Г. Ильиным (см. «Аграрная реформа 1861 года в Московской губернии», диссертация, М. 1950).

³ В. Г. Зямина, Крестьянская реформа во Владимирской губернии, М. 1956.

По материалам Тройницкого¹, общее количество помещичьих крестьян и дворовых в Московской губернии составляло 298 019 душ. В их пользовании, по сведениям Редакционных комиссий, находилось 922 867 десятин земли². По данным же обработанных уставных грамот, общее число крестьян и дворовых составляло 272 547 душ³, которые пользовались до реформы 868 306 десятинами земли⁴. Эта разница объясняется тем, что некоторое количество уставных грамот или описей мелкопоместных имений не было обнаружено ни Б. Г. Литваком, ни его предшественниками.

В результате составления и введения в действие уставных грамот землепользование крестьян претерпело следующие изменения (данные по 9 уездам)⁵:

Наименование уезда	Число крестьян, надел которых					
	не изменился		сократился		увеличился	
	душ	%	душ	%	душ	%
Богородский	13 898	42,4	10 783	32,8	8 169	24,8
Верейский	1 575	11,5	9 918	73,3	2 173	15,2
Волоколамский	2 540	15,0	12 010	70,3	2 529	14,7
Дмитровский	2 228	14,1	10 508	66,8	2 960	19,1
Звенигородский	5 935	39,3	7 671	50,8	1 472	9,9
Клинский	2 529	14,9	11 276	66,6	3 115	18,5
Можайский	1 330	8,8	12 844	84,9	937	6,3
Подольский	2 780	13,8	10 756	53,7	6 482	32,5
Серпуховской	8 304	46,9	7 016	39,6	2 360	13,5
Итого по 9 уездам . .	41 119	25,6	92 782	56,5	30 197	17,9

В указанных уездах 5332 крестьянина (3,3%) получили наделы, превышавшие высшую норму⁶, 93 447 крестьян

¹ Тройницкий, Крепостное население в России по 10 народной переписи, стр. 26.

² «Военно-статистический сборник», вып. IV, Спб. 1871, стр. 188.

³ Б. Г. Литвак, Уставные грамоты Московской губернии как источник по истории реализации «Положений 19 февраля 1861 г.», диссертация, М. 1956, стр. 158.

⁴ Там же, стр. 204.

⁵ Там же, стр. 213.

⁶ Там же, стр. 183. Высший размер надела в указанных выше уездах Московской губернии равнялся 3—3,5 десятины.

(58,3⁰/о) — высшую норму; ниже высшей нормы получили: до 3 десятин — 44 754 крестьянина (28⁰/о), до 2 десятин — 16 580 крестьян (10,4⁰/о) ¹.

Таким образом, свыше 60⁰/о всех крестьян Московской губернии получило наделы не менее высшей нормы.

Обратимся к данным об отрезках. По данным Б. Г. Литвака, фактическое уменьшение земли, находившейся в пользовании крестьян, в результате составления уставных грамот по отдельным уездам представляло следующую картину ².

Уезды	Дореформенный надел		Надел по уставным грамотам		Уменьшение		% уменьшения
	дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.	
1. Богородский . . .	76 300	2 112	72 410	28	3 890	2 084	5,1
2. Бронницкий . . .	82 020	1 920	74 072	2 169	7 947	2 160	9,7
3. Верейский . . .	59 396	643	47 729	949	11 606	2 094	19,5
4. Волоколамский . . .	71 047	696	57 166	1 356	13 880	1 740	19,5
5. Дмитровский . . .	53 932	1 149	44 756	1 143	9 176	6	17,0
6. Звенигородский . . .	53 811	1 723	46 514	600	7 297	1 123	13,5
7. Клинский . . .	68 899	1 386	57 266	1 891	11 632	1 895	16,8
8. Коломенский . . .	90 326	1 643	74 687	2 330	15 638	1 713	17,3
9. Можайский . . .	67 785	1 473	52 051	879	15 734	594	23,2
10. Московский . . .	51 064	1 615	46 497	1 610	4 567	5	8,9
11. Подольский . . .	68 056	1 290	61 949	1 513	6 106	2 177	8,9
12. Рузский	67 518	—	56 535	240	10 982	2 160	16,3
13. Серпуховской . . .	58 205	1 619	53 100	1 027	5 105	592	8,7
Всего по губернии . . .	868 306	469	744 738	1 326	123 567	1 543	14,2

Как мы видим, процент уменьшения земли в результате реформы весьма разнообразен по отдельным уездам: от 23,2⁰/о в Можайском уезде до 5,1⁰/о — в Богородском. Эти данные, характеризующие уменьшение крестьянских земель, отнюдь не определяют собою размера отрезанной земли. В действительности отрезано было более, так как наряду с ней производилась и прирезка земли. Так, по девяти уездам, по которым имеются более подробные сведения, была отрезана не 84 431 десятина, как это следует из

¹ В подсчете автора вкратились ошибки, т. к. указанное число крестьян не сходится с данными предшествующей таблицы.

² Б. Г. Литвак, Уставные грамоты Московской губернии, стр. 204.

приведенной выше таблицы, а 98 304 десятины, так как по этим уездам были прирезаны 13 873 десятины¹. Следовательно, и процент отрезанных земель по этим уездам будет несколько выше, нежели процент, определяющий абсолютное уменьшение находившейся в использовании крестьян земли². Исходя из того, что от 577 376 десятин были отрезаны по этим уездам 98 304 десятины, процент отрезков будет составлять 17,2. При этом для различных групп имений процент этот будет неодинаков. Так, у крестьян мелкопоместных имений от 3587 десятин было отрезано 1067 десятин, или 29,8⁰/₁₀₀, у среднепоместных имений — от 129 345 десятин отрезаны 24 672 десятины, или 19⁰/₁₀₀, и, наконец, у крестьян крупнопоместных имений от 444 443 десятин отрезаны 72 564 десятины, или 16,3⁰/₁₀₀³.

К сожалению, автор не анализирует причины отрезков по отдельным грамотам, что не дает возможности сделать какие-либо определенные выводы. Не приводятся автором также и систематизированные сведения о проценте отрезков по отдельным грамотам. Правда, Б. Г. Литвак дает средние поездные данные, характеризующие отрезки⁴:

Уезды	Средний % отрезков
1. Богородский	20,6
2. Верейский	24,6
3. Волоколамский	26,4
4. Дмитровский	25,0
5. Звенигородский	26,5
6. Клинский	25,4
7. Можайский	26,8
8. Подольский	29,1
9. Серпуховской	22,9

Эти данные при всем их интересе носят все же на себе печать «средних цифр». В качестве отдельных примеров автор приводит данные об отрезках до 70⁰/₁₀₀ дореформенного надела (деревня Авсюнино, Богородского уезда)⁵. Однако

¹ Б. Г. Литвак, Уставные грамоты Московской губернии, стр. 208.

² Этот процент определяется Б. Г. Литваком в 14,6 («Уставные грамоты Московской губернии», стр. 204).

³ Все цифры заимствованы из таблицы, стр. 208.

⁴ Б. Г. Литвак, Уставные грамоты Московской губернии, стр. 216.

⁵ Там же, стр. 218.

единичные примеры все же могут носить случайный характер и не дают ясного представления о размерах отрезков по отдельным грамотам.

Как указывалось выше, количество прирезанной земли по девяти уездам губернии исчислялось 13 873 десятинами, что составляло по отношению к общему земельному фонду этих уездов 2,8⁰/₀¹. По отношению же к количеству земли тех сельских обществ, которые получили прирезку, это равнялось 17,8⁰/₀². По отдельным уездам средний процент прирезки по уставным грамотам составлял³:

Уезды	Средний % прирезки
Богородский	20,2
Верейский	19,2
Волоколамский	12,4
Дмитровский	11,6
Звенигородский	20,1
Клинский	17,3
Можайский	11,7
Подольский	22,7
Серпуховской	25,4

Однако и здесь автор не приводит причин прирезки земли по отдельным грамотам. Не приводятся также данные о величине прирезок, опять-таки не в среднем, а конкретно, по отдельным уставным грамотам. Весьма интересно, что из указанного выше количества прирезанной земли 2011 десятин было предоставлено крестьянам бесплатно, в дар. К сожалению, и здесь автор не сообщает конкретных причин, обусловивших это явление.

Весьма распространенными формами закабаления крестьян помещиками являлось, с одной стороны, разверстание угодий, дававшее возможность отрезать лучшие земли в обмен на неудобные, с другой — умышленное сохранение чересполосицы. Все это имело в Московской губернии большое распространение. Б. Г. Литвак приводит многочисленные примеры ограбления крестьян под видом разверста-

¹ Б. Г. Литвак, Уставные грамоты Московской губернии, стр. 221.

² Там же.

³ Там же, стр. 216.

ния. В некоторых случаях это находило свое выражение в отобрании у крестьян сенокосов, унавоженных пашен, взамен чего им предоставлялись неудобренные земли в виде вырубок, поросших мелким кустарником, болот, неунавоженной пахотной земли¹. Весьма интересно отметить, что в других случаях тщательная фиксация неудобных земель внутри крестьянского надела являлась своеобразной формой закабаления крестьян. Так, волоколамский помещик Мещерский исключил с величайшей скрупулезностью из состава крестьянского надела все неудобные земли: болотца, мелкие речки, проселочные дороги и даже тропинки. При этом в грамоте специально оговаривалось, что данные земли остаются в распоряжении помещика. Вполне естественно, что эти земли, расположенные внутри крестьянского надела, служили постоянным источником дохода для помещика².

В Московской губернии имело большое распространение стремление помещиков сохранить чересполосицу, что обеспечивало им верный дополнительный доход. Так, крестьяне села Владычина, Волоколамского уезда, в своем прошении указывали, что их бывший владелец — помещик Лясовтович «сделал надел так, что вся земля с трех сторон находится внутри помещичьей, так что со всех сторон навсегда мы будем стеснены как выгоном скота, так и прочими неудобствами. Деревни же Путятиной, — продолжали они, — сделал надел чересполосный, внутри нашей земли взял себе, а нам дал землю за ней, куда должно ехать через его землю, а так как он землю эту сдал в аренду, то арендатор не дозволяет нам по оной ездить...»³. Подобные примеры были далеко не единичны.

Большое распространение в Московской губернии имело также перенесение крестьянских усадеб. На основе анализа уставных грамот по указанным выше девяти уездам это предусматривалось более чем в 500 случаях⁴. При этом в некоторых уездах перенесение усадеб выражало стремление помещиков захватить плодородную усадебную землю (Серпуховской уезд), в других, как например в Богородском, помещики стремились внести в уставную грамоту требования

¹ Б. Г. Литвак, Уставные грамоты Московской губернии, стр. 187—195.

² Там же, стр. 193—194.

³ Там же, стр. 192—193.

⁴ Там же, стр. 196.

перенесения усадеб крестьян, имевших те или иные промышленные предприятия. После же этого усадьба на основе особого «дополнительного» соглашения оставалась на месте, а помещик получал соответствующую мзду. По данным Б. Г. Литвака, количество действительно перенесенных усадеб было втрое меньше того числа, которое предусматривалось уставными грамотами¹.

В заключение остановимся на вопросе о повинностях. В результате составления и введения в действие уставных грамот 95% всех помещичьих крестьян было переведено на оброк². Лишь 8224 были оставлены на барщине³. Однако по отдельным уездам это число распределялось далеко не равномерно. Так, в Волоколамском уезде их насчитывалось 3462 души⁴, или 43%. Таким образом, для Московской губернии в целом значение барщины становится весьма небольшим.

Что же касается величины пореформенных платежей за землю, то сопоставление средних данных по девяти уездам о размере душевого оброка, взыскивавшегося до реформы, с размером, установленным по уставным грамотам, дает следующую картину⁵:

Уезды	Душевой оброк до 1861 г.		Душевой оброк по уставным грамотам	
	руб.	коп.	руб.	коп.
Богородский	8	75	7	67
Верейский	10	75	9	60
Волоколамский	10	15	9	53
Дмитровский	7	89	7	22
Звенигородский	10	91	8	70
Клинский	9	33	8	86
Можайский	10	75	9	86
Подольский	8	30	8	15
Серпуховской	9	18	8	68
В среднем по 9 уездам . . .	9	36	8	44

¹ Б. Г. Литвак, Уставные грамоты Московской губернии, стр. 196.

² Там же, стр. 230.

³ Там же, стр. 229.

⁴ Там же, стр. 228.

⁵ Там же, стр. 233.

Таким образом, понижение душевого оброка было весьма различно: от 20,2% — в Звенигородском уезде до 1,9% — в Подольском. В среднем по девяти уездам понижение составило 9,9%. Однако сравнение душевого оброка не совсем точно, так как при составлении уставных грамот, как указывалось выше, было отрезано 14,2% находившейся в пользовании крестьян земли. В связи с этим более точными будут данные о величине оброка за 1 десятину земли. Приведем эти данные.

Размер оброка за одну десятину¹

Уезды	Оброк до 1861 г.		Оброк по уставным грамотам		Разница (в коп.)
	руб.	коп.	руб.	коп.	
Богородский	3	40	3	21	-19
Верейский	2	54	2	71	+17
Волоколамский	2	75	3	45	+70
Дмитровский	1	88	2	12	+24
Звенигородский	3	28	2	36	-92
Клинский	2	40	2	68	+28
Можайский	2	43	2	86	+43
Подольский	2	48	2	65	+17
Серпуховской	2	40	2	67	+27
В среднем по 9 уездам	2	70	2	93	+23

Следовательно, при определении оброка на одну десятину земли размеры его в целом увеличиваются, и только по двум уездам — Богородскому и Звенигородскому — мы наблюдаем некоторое понижение, достигающее во втором уезде немногим менее 30%. Общие данные по девяти уездам дают повышение оброка на 7,9%. Итак, помещики, отрезав значительную часть земли, сумели не только сохранить на прежнем уровне взимавшийся ими до реформы оброк, но даже его несколько повысить. Таковы данные о реализации реформы по Московской губернии.

¹ Б. Г. Литвак, Уставные грамоты Московской губернии, стр. 236.

Перейдем к рассмотрению результатов реформы во Владимирской губернии.

По данным X ревизии, число помещичьих крестьян во Владимирской губернии равнялось 325 812 ревизским душам, из которых 11 200 были дворовыми¹. До реформы в их пользовании находилось 1 326 667 десятин земли².

Согласно данным уставных грамот, надел получили 308 202 души, в том числе 725 душ дворовых³. Им в надел было предоставлено 1 118 798 десятин, что на 207 869 десятин меньше дореформенного надела. Таким образом, уменьшение земли, находившейся в пользовании крестьян, составило 15,75%⁴. Данные об изменении размера крестьянского землепользования во Владимирской губернии приводятся в таблице, помещенной на странице 191⁵.

Наивысший процент отрезки дают Судогодский, Александровский, Меленковский и Переславский уезды; наименьший — Гороховецкий, Покровский и Муромский. Как указывает В. Г. Зими́на, наибольший процент отрезков мы наблюдаем именно в тех уездах, где были наименее развиты капиталистические отношения и преобладали барщинная или смешанная форма эксплуатации; наименьший же процент отрезков — в уездах, где преобладал оброк.

Итак данные уставных грамот двух соседних промышленных губерний приводят в отношении влияния формы экс-

¹ В. Г. Зими́на, Крестьянская реформа 1861 года во Владимирской губернии, стр. 334.

² Там же, стр. 335.

³ Там же.

⁴ Там же. Эти данные добыты В. Г. Зиминой на основе подсчета обобщенных материалов о результатах реформы, хранящихся во Владимирском областном историческом архиве. Эти материалы, хранящиеся в фонде губернского по крестьянским делам присутствия, именуются «Сведениями о поземельном устройстве временнообязанных крестьян по уставным грамотам». Они сохранились по 12 уездам губернии, за исключением Шуйского. Данные по Шуйскому уезду приводятся на основе подсчета уставных грамот. По Юрьевскому уезду данные приводятся также на основе анализа уставных грамот, так как «Сведения» по этому уезду не содержат итоговых данных. Анализ этих дел свидетельствует о том, что они составлены после 1 января 1883 г.

⁵ В. Г. Зими́на, Крестьянская реформа 1861 года во Владимирской губернии, стр. 340.

плуатации на величину процента отрезков к диаметрально противоположным выводам. Б. Г. Литвак утверждает, что в оброчных имениях отрезки были больше, нежели в барщинных; В. Г. Зими́на — наоборот. Подобное противоречие, на наш взгляд, свидетельствует лишь о том, что форма эксплуатации не оказывала решающего влияния на величину отрезаемых земель.

Уезды	Земли до реформы (в дес.)	Получено в надел по уставным грамотам (в дес.)	Сокращение	
			в дес.	в %
Судогодский	107 945,4	76 937,7	31 007,7	28,7
Александровский	72 396,3	55 030,9	17 365,4	24,0
Меленковский	109 593,7	85 821,7	23 772	21,5
Переславский	83 004,5	66 304,3	16 700,2	Около 2)
Ковровский	113 884,8	93 811,5	20 073,3	17,6
Юрьевский	112 380,6	92 892	19 488,6	17,4
Шуйский	125 164,4	106 068,7	19 095,7	Около 16
Суздальский	73 263	62 429,5	10 833,5	14,7
Вязниковский	84 819,8	74 835,5	9 984,3	Около 12
Владимирский	70 252	62 278,8	7 973,2	11,3
Муромский	98 393,5	88 993,9	9 399,6	9,5
Покровский	117 190,2	106 092,7	11 097,5	9,4
Гороховецкий	158 378,8	147 300,6	11 078,2	7,0
Итого по губернии	1 326 667,3	1 118 798,1	207 869,2	15,7

Наиболее подробно приводятся результаты реформы по двум уездам: Юрьевскому, принадлежащему к числу непромышленных уездов, и Покровскому — одному из наиболее развитых в промышленном отношении.

Обратимся к Юрьевскому уезду. Большая часть помещичьих крестьян в этом уезде принадлежала крупнопоместным владельцам. Так, помещики, имевшие более 100 душ, владели 81,7% крепостных крестьян. При этом 36% крестьян принадлежали владельцам свыше 500 душ¹. По форме эксплуатации в Юрьевском уезде барщинная система эксплуатации охватывала собою 13% всех помещичьих крестьян, смешанная — 56 и оброчная — 30,7%².

¹ В. Г. Зими́на, Крестьянская реформа 1861 года во Владимирской губернии, стр. 345.

² Там же, стр. 346.

По данным 345 грамот, охватывающих 24 693 души, в результате реформы в землепользовании крестьян Юрьевского уезда произошли следующие изменения ¹:

Изменение надела	Число грамот	Количество душ	В % ко всем душам
Сокращение	206	15 520	62,9
Увеличение	26	1 573	6,3
Без изменений	113	7 600	30,8

1504 крестьянина (6%) получили наделы, превышавшие высшую норму; 14 429 (58,5%) — высшую норму; 8739 (35,4%) получили наделы ниже высшей, но выше низшей нормы; 21 крестьянин (0,1%) получил надел меньше низшей нормы ².

Таким образом, 64,5% всех крестьян уезда получили наделы, равные высшей норме или превышающие ее.

Остановимся на грамотах, по которым была произведена отрезка земель. В основном причиной отрезки, как указывает В. Г. Зими́на, было уменьшение надела до высшей нормы. В Юрьевском уезде она составляла 4—4,5 десятины на ревизскую душу. В некоторых случаях эта норма искусственно понижалась на основании статьи 24 Местного великороссийского положения, которая предоставляла право ходатайствовать об изменении размера надела, если пашня по своему свойству более подходила к другой местности. Руководствуясь этим, юрьевские помещики сплошь и рядом ходатайствовали об уменьшении высшего размера надела вследствие «отличного качества земли». В селе Дубровке помещик П. Н. Толстой добился понижения нормы высшего надела с 4,5 до 4 десятин ³. В селе Шельбове помещика Д. А. Толстого высшая норма надела была установлена не в 4, а в 3,5 десятины ⁴. Подобные факты были не единичны.

¹ В. Г. Зими́на, Крестьянская реформа 1861 года во Владимирской губернии, стр. 348.

² Там же, стр. 350.

³ Там же, стр. 378.

⁴ Там же.

Процент отрезанных земель по отдельным грамотам был различен. Согласно 206 уставным грамотам, по которым была произведена отрезка ¹ земли, он был следующим:

до 10	—	по 26 грамотам	
от 10 до 20	—	» 39	»
» 20 » 30	—	» 39	»
» 30 » 40	—	» 57	»
» 40 » 50	—	» 26	»
свыше 50	—	» 19	»

По отдельным грамотам процент отрезанных земель достигал огромных размеров. Так, помещик Коровин отрезал у своих крестьян 83⁰/₀ находившихся в их пользовании земель ²; помещица Авдулина — свыше 60⁰/₀ ³. Как указывает В. Г. Зими́на, процент отрезанных земель по Юрьевскому уезду составлял в целом 17 ⁴. Однако в действительности процент этот будет несколько выше, так как здесь не учитывается прирезка земли, произведенная по 26 грамотам ⁵.

По отношению к различным группам имений процент отрезанных земель также был далеко не одинаковым. Наибольший процент их был в мелкопоместных имениях (до 21 души), где он составлял 23. В среднепоместных имениях (от 21 до 100 душ) этот процент равнялся 21,8. В имениях от 100 до 500 душ он составлял 14,8 и, наконец, в имениях свыше 500 душ — 15,6 ⁶.

Обратимся к уставным грамотам Покровского уезда. Общее количество грамот, обработанных В. Г. Зиминой, составляло 339, охватывавших 25 845 ревизских душ ⁷. В Покровском уезде, как и в Юрьевском, процент крупнопоместных имений был весьма высок: 81,8⁰/₀ всех помещичьих крестьян принадлежали владельцам, имевшим свыше 100 душ крепостных ⁸. По формам эксплуатации

¹ В. Г. Зими́на, Крестьянская реформа 1861 года во Владимирской губернии, стр. 348.

² Там же, стр. 359.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 355.

⁵ Приводимый процент в действительности является не процентом отрезанных земель, а процентом уменьшения земель, находившихся в пользовании крестьян.

⁶ Там же, стр. 350.

⁷ Там же, стр. 365. Общее число крестьян Покровского уезда, получивших землю, составляло 27 729. Таким образом, уставные грамоты на 1874 ревизские души не сохранились.

⁸ Там же, стр. 362.

Покровский уезд существенно отличался от Юрьевского. 2,2⁰/₀ всех крестьян состояло на барщине, 56,5⁰/₀ — на смешанной повинности и 41,3⁰/₀ — на оброке¹. Следовательно, здесь по сравнению с Юрьевским уездом количество барщинных крестьян было значительно ниже, оброк же, наоборот, был развит несколько больше.

В результате реализации реформы в землепользовании крестьян Покровского уезда произошли следующие изменения²:

Изменение надела	Число грамот	Количество душ	В % ко всем душам
Сокращение	147	10 751	41,5
Увеличение	49	4 007	15,7
Без изменений	143	11 087	42,8

1129 крестьян (4,4⁰/₀) получили наделы, превышавшие высшую норму, 16 036 (62⁰/₀) — высшую норму, 8649 крестьян (33,5⁰/₀) получили наделы ниже высшей, но выше низшей нормы, 31 крестьянин (0,1⁰/₀) — менее низшей нормы³.

Таким образом, 66,4⁰/₀ крестьян получили полный душевой надел, составлявший в Покровском уезде от 4 до 4,5 десятины.

Рассматривая данные об отрезке земли, необходимо сказать, что процент ее по отдельным грамотам был весьма различен. Согласно 147 уставным грамотам, по которым была произведена отрезка земли, процент отрезки был следующим⁴:

до 30 ⁰ / ₀	по 107 грамотам
от 30	до 40 — » 19 »
» 40	» 50 — » 11 »
свыше 50 ⁰ / ₀	— » 10 »

Причина отрезки в подавляющем большинстве заключалась в том, что дореформенный надел превышал выс-

¹ В. Г. Зими́на, Крестьянская реформа 1861 года во Владимирской губернии, стр. 362.

² Там же, стр. 366.

³ Там же, стр. 365.

⁴ Там же, стр. 364.

шую норму, установленную Положением для данной местности. Иногда же он искусственно понижался, как об этом говорилось выше.

По отношению к различным категориям имений процент отрезки также был различен. Так, в имениях мелкопоместных владельцев он составлял 28,5, среднепоместных (от 21 до 100 душ) — 9,3⁰/₀, крупнопоместных (от 100 до 500 душ) — 12,7 и в имениях свыше 500 душ — около 7¹.

Общий процент уменьшения крестьянских земель в результате реформы составил по Покровскому уезду 10.

Уменьшение наделов путем собственно отрезков являлось далеко не единственной формой ограбления крестьян. Во Владимирской губернии имело некоторое распространение также и включение в состав надела земель, приобретенных крестьянами за их собственный счет до реформы. Из 480 десятин земли, предоставленной в надел крестьянам деревни Тамарово, Шуйского уезда, 244 десятины являлись их собственностью². В деревне Пелгусово, того же уезда, из 113 десятин надела 77 являлись собственностью крестьян³. Подобные факты имели место также в Судогодском и Покровском уездах.

Другой формой ограбления крестьян являлось преуменьшение размера дореформенных крестьянских наделов. Это достигалось путем исключения из состава наделов отдельных земельных участков якобы вследствие того, что они отдавались в пользование крестьян за особую плату сверх установленных повинностей. Так, покровские помещики Вяземские не включили в состав крестьянского надела сельца Бережки более 100 десятин земли, находившейся в пользовании крестьян до реформы⁴. В Судогодском уезде помещик Храповицкий не включил в состав надела крестьян деревни Быково пустошь Полхово, находившуюся до реформы в их пользовании. Храповицкий мотивировал это тем, что она отдавалась крестьянам без всякого вознаграждения, в виде особой милости⁵. Помещик

¹ В. Г. Зимина, Крестьянская реформа 1861 года во Владимирской губернии, стр. 366.

² Там же, стр. 375.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 373. Только в 1867 г. вследствие жалоб крестьян по указанию губернского по крестьянским делам присутствия уставные грамоты были пересоставлены.

⁵ Там же, стр. 373.

Суздальского уезда Вяземский исключил из крестьянского надела луг, якобы входивший до реформы в его состав за особые повинности.

В некоторых случаях помещики в целях ограбления крестьян шли на другие ухищрения. Так, помещик Покровского уезда Н. А. Поливанов отрезал от крестьянского надела села Пекоцкый Ям 30 десятин земли на том основании, что эта земля была еще в 1858 г. продана им... своей жене¹.

Весьма своеобразной формой закабаления и ограбления крестьян, получившей во Владимирской губернии большое распространение, являлось предоставление крестьянам земли сверх высшей нормы надела. При этом помещики руководствовались различными соображениями.

Во-первых, предоставление крестьянам земли в дар сверх высшей нормы использовалось ими как своеобразная компенсация крестьян за включение в надел неудобных земель. Так, крестьяне деревни Марково, Покровского уезда, жаловались мировому посреднику на то, что их помещица Бутурлина включила им в надел неудобную землю. Однако жалоба эта была признана неосновательной, так как «крестьяне получили не в счет надела 7 десятин 1800 кв. саж. лишней земли»². То же имело место и в деревне Глубоково, того же уезда³.

Во-вторых, помещики, предоставляя крестьянам землю сверх нормы, пытались использовать это как своеобразную гарантию своевременной уплаты крестьянами оброка. Помещица Юрьевского уезда Миткова, например, прирезала своим крестьянам села Васильевского и деревни Танково по 1 десятине на душу сверх высшей нормы, рассматривая это как «условную дарственную прибавку». В случае неуплаты крестьянами в срок причитающихся с них повинностей земля эта должна была быть отрезана⁴. Руководствовался этими же соображениями и помещик Покровского уезда Загоскин, прирезавший на 20 лет до переобработки крестьянам села Амафорова 44 десятины 1390 кв. сажень земли «на предмет бездоимочной уплаты ими (т. е.

¹ В. Г. Зимина, Крестьянская реформа 1861 года во Владимирской губернии, стр. 373.

² Там же, стр. 384.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 382.

крестьянами. — П. 3.) денежного оброка»¹. В Шуйском уезде среди помещиков было широко распространено предоставление крестьянам земли в дар в качестве гарантии за своевременную уплату дополнительного платежа по выкупу². В отдельных случаях размеры этого своеобразного залога были весьма велики. Так, княгиня Черкасская предоставила в дар крестьянам сел Ананкино, Рылково, Семёновского и др. 2862 десятины удобной земли в обеспечение уплаты 17 883 руб.³

Средством ограбления крестьян являлись также широко распространенные в губернии обязательные разверстание угодий и перенесение усадеб. Все это создавало большие возможности для захвата у крестьян лучших по качеству усадебных земель, отрезки унавоженных пашень, сенокосов и т. д.

Повинности, установленные Положением за пользование землями, полученными крестьянами в надел, были значительно выше существовавших арендных и продажных цен на землю. «Установление Местным положением размера оброков, — писал в своем отчете о ревизии крестьянского дела во Владимирской губернии сенатор Капгер, — нельзя не признать для помещиков выгодными сравнительно с доходностью и производительностью земель, состоящих в крестьянском пользовании, очевидно, что при назначении их были приняты цифры прежде существовавшего оброка и элементы, чуждые земельному владению, — личный труд крестьян и их промысловые доходы»⁴. Несмотря на это, помещики всячески стремились еще более увеличить оброк. Мировые посредники и губернское по крестьянским делам присутствие всячески потворствовали этим, по большей части совершенно необоснованным стремлениям помещиков, что отметил в своем отчете Капгер. Так, гороховецкий помещик Чертков ходатайствовал об увеличении оброка на 2 р. 12,5 к., ссылаясь на то, что в надел включены 120 десятин поемного луга. В действительности же оказалось, что «не только луга, но и почти

¹ В. Г. Зими́на, Крестьянская реформа 1861 года во Владимирской губернии, стр. 382.

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 5, д. 2646, 2683, 2739, 2778, 2779, 2833, 2906, 2913, 2914, 2915, 2918.

³ Там же, д. 2906.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XI, 1863 г., д. 128, л. 9.

вся полевая земля и усадьбы крестьян затопляются водой, что некоторая польза, получаемая крестьянами от орошения лугов с лихвой перекрывается убытком их от того, что водой очень часто смываются их посевы и подмываются дома»¹. Несмотря на это, мировой посредник счел возможным увеличить повинности на 1 руб. с души. Однако губернское по крестьянским делам присутствие сочло возможным допустить еще большее увеличение. В селе Жадинском, Суздальского уезда, помещик Бутурлин потребовал увеличения оброка вследствие включения в надел поемных лугов. В действительности обнаружилось, что большая часть этих лугов недоброкачественна, вследствие чего мировой посредник отклонил требование помещика. Губернское же по крестьянским делам присутствие утвердило повышение оброка, руководствуясь тем, что крестьяне подписали уставную грамоту, а следовательно, сами согласились на увеличение повинностей². Подобные примеры помещичьего произвола отнюдь не представляли собой исключение.

Несмотря на то что душевой оброк в результате реформы понизился, оброк на десятину не только не уменьшился, но даже увеличился. Так, крестьяне села Некормно, Юрьевского уезда, платили до реформы оброка по 1 р. 19 к. с десятины земли, после составления уставных грамот оброк увеличился до 2 р. 25 к.³ В селе Федоровском, того же уезда, дореформенный оброк за десятину земли составлял 1 р. 93 к., по уставной грамоте — 2 р. 25 к.⁴ Такое же положение имело место и в других уездах губернии. В деревне Ситниково, Покровского уезда, крестьяне платили до реформы по 1 р. 15 к. за десятину, а по уставной грамоте — по 2 р. 2 к.⁵

Таковы краткие итоги реализации реформы во Владимирской губернии.

Результаты составления уставных грамот в двух центральных промышленных губерниях: Московской и Владимирской — в целом мало чем отличаются от данных непро-

¹ ЦГИАЛ. ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1181, оп. т. XI, 1863 г., д. 128, л. 48.

² Там же, оп. т. XV, 1863 г., д. 128, л. 47—48.

³ В. Г. Зимица, Крестьянская реформа 1861 года во Владимирской губернии, стр. 408—409.

⁴ Там же, стр. 408.

⁵ Там же, стр. 410.

мышленных губерний. Так же как и там, процесс обезземеливания крестьян проходил до реформы весьма медленно. В силу этого большая часть крестьян имела надель, превышавшие высшую норму, установленную Положением. Однако внутри губерний среди отдельных уездов мы можем обнаружить некоторое различие.

Как в Московской, так и во Владимирской губернии в развитых в промышленном отношении уездах число крестьян, у которых были отрезаны земли, было значительно ниже, нежели в непромышленных. В Богородском уезде оно составляло 32,8%, в Серпуховском — 39,6; в Покровском уезде, Владимирской губернии, — 41,6%. В непромышленных уездах картина была совершенно иной: в Можайском уезде этот процент равнялся 84,9, в Верейском — 79,3, а в Юрьевском, Владимирской губернии, — 62,8.

Это явилось результатом того, что в промышленных уездах у преобладающего числа крестьян надель был ниже высшей нормы, в то время как в непромышленных — наоборот. В Богородском уезде надель, не превышавшие высшей нормы, составили 67,2%, в Серпуховском — 70,4, в Покровском — 58,4, в Можайском — 15,1, в Верейском — 26,7, в Юрьевском — 37,1%.

Следовательно, до реформы процесс обезземеливания крестьян протекал в промышленных уездах более интенсивно, нежели в непромышленных. Вследствие этого абсолютное количество отрезанной земли в этих уездах было невелико. Чем объяснить это? Данный вопрос может быть решен лишь в результате конкретного исследования экономического развития промышленных губерний в дореформенный период. Мы же ограничиваемся лишь констатацией фактов. В остальном реализация реформы в промышленных Московской и Владимирской губерниях ничем не отличалась от реализации в непромышленных. И здесь помещики охотно прирезывали землю, так как она не представляла для них особой ценности. Наоборот, они были заинтересованы в выкупе земли крестьянами по цене, явно превышавшей ее действительную стоимость. Однако в промышленных губерниях в отличие от непромышленных помещики шли охотнее на заключение выкупных договоров, даже без дополнительного платежа.

3. УСТАВНЫЕ ГРАМОТЫ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНЫХ ГУБЕРНИЙ

Вторая группа губерний — центрально-черноземных, как указывалось выше, подразделяется на две подгруппы: собственно центрально-черноземные и левобережные украинские. Первая подгруппа представлена у нас семью уездами: Новосильским, Веневским, Тульской губернии, Сенгелевским, Симбирской губернии, и тремя уездами Воронежской: Нижнедевицким, Новохоперским и Валуйским. Кроме того, мы заимствовали из диссертации К. Ф. Максимовой «Крестьянская реформа в Тамбовской губернии» данные, хотя и несовершенные, по Кирсановскому уезду, Тамбовской губернии.

Рассмотрим данные уставных грамот Новосильского уезда, относившегося ко второй местности черноземной полосы. Высший душевой надел составлял здесь 3 десятины.

Новосильский уезд, один из южных уездов Тульской губернии, наряду с Ефремовским и частично Чернским являлся одним из черноземных уездов губернии. Он занимал северную часть Центрально-черноземного района.

В Новосильском уезде, так же как и Ефремовском, основная масса крестьян находилась на барщине. По данным материалов Редакционных комиссий, из 25 866 ревизских душ, составлявших крепостное население Новосильского уезда, на барщине было 24 233 души и на оброке — 1633¹. В фонде Главного выкупного учреждения имеется 245 уставных грамот, охватывающих 24 871 душу². Кроме того, в Новосильском уезде было 24 души дарственников³. Следовательно, общее число крепостных составило 24 895 душ, или по сравнению с данными Редакционных комиссий 96,2%. Повинности крестьян на основе сведений, имеющих в уставных грамотах, представляют собой следующее: на барщине находилось 21 893 души, на смешанной повинности — 1582, на оброке — 1350, на месячине — 46 душ.

Крестьяне-месячники были в двух имениях. В уставной грамоте на деревню Троицкое, составленной на

¹ А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1252.

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 43, д. 2207—2399.

³ «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 40.

24 души, указывалось, что до обнародования Положений «в пользовании крестьян земли не было, тяглого распределения не имели, а производили работу общей массой... жили при господском доме и как сами крестьяне, так и скот их довольствовались от помещика»¹. В уставной грамоте на деревню Покровское говорилось, что «в пользовании крестьян земли не было, тяглого распределения не имели и производили работы общей массой, состоя при том на положении дворовых людей»².

Из числа крепостных крестьян 17 421 душа, или 70%, принадлежала крупным помещикам. Из 245 грамот 2 грамоты были составлены мировыми посредниками без участия владельцев³.

В уставных грамотах Новосильского уезда весьма трудно определить, подписаны они крестьянами или нет. Как в самих уставных грамотах, так и в докладной записке о выкупе сообщается, что грамота подписана, в то время как подписи крестьян в грамоте отсутствуют. В качестве примера приведем несколько фактов. Грамота на деревню Марьино помещицы М. К. Козловой не подписана, но при проверке ее участвовали уполномоченные от общества⁴. Это рассматривалось мировым посредником как согласие крестьян. В уставной грамоте на деревню Большие Поганые Озерки помещицы К. Д. Сухотиной подпись крестьян отсутствует. Однако грамота рассматривается как подписанная, так как проверка ее производилась при участии уполномоченных от крестьян, записавших на уставной грамоте, «что все оказавшееся описано в протоколе»⁵. Наконец, грамота на деревню Грязная Зушица помещицы Ф. Н. Малиновской, не подписанная крестьянами, также рассматривалась мировым посредником как подписанная⁶.

В силу всего этого мы выделяем в отдельную группу грамоты, хотя и значащиеся подписанными, но не содержащие подписи крестьян. Итак, подписана 31 грамота (2112 душ), подписано (?) 46 (4727 душ), не подписано 168 грамот (18 032 души).

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 43, д. 2391.

² Там же, д. 2365.

³ Там же, д. 2388, 2395.

⁴ Там же, д. 2399.

⁵ Там же, д. 2338.

⁶ Там же, д. 2334.

Если даже отнести и эти 46 грамот к числу подписанных, то все же преобладающая часть крестьян не желала подписать грамоты. Как правило, в неподписанных грамотах не указывается причин отказа, а содержится стереотипная фраза: «Крестьяне не изъявили добровольного согласия». В уставной грамоте на село Наречье содержится следующая запись мирового посредника: «Крестьяне от рукоприкладства по упорству своему отказались»¹. В ряде же грамот причины отказа от подписи ясны. Они заключаются в предоставлении крестьянам в надел неудобных земель. Жалобы на это прямо содержатся в 10 уставных грамотах². Крестьяне села Чулкова в составе 239 душ заявили на сельском сходе при введении в действие грамоты, что «они недовольны находившейся в их пользовании землею и требуют переменить свои угодья на помещичьи»³. Требование крестьян удовлетворено не было. Иногда ходатайства крестьян удовлетворялись. В деревне Золотухино, например, по решению Новосильского уездного мирового съезда из надела крестьян была исключена 81 десятина неудобной земли⁴. В селах Плессево и Наречье вследствие отказа крестьян подписать уставную грамоту земля, подлежащая отрезке, была заменена другой⁵. Это, по-видимому, не удовлетворило крестьян, так как грамоту они все же не подписали.

В большинстве же случаев жалобы крестьян оставались без ответа. Больше того, иногда отведенная крестьянам в надел земля оценивалась мировым посредником диаметрально противоположно. Так, крестьяне села Власова помещицы А. И. Апухтиной заявили, что «земля их дурного качества и в оврагах»⁶. Далее в грамоте указывалось, что «мировым посредником при вышеозначенных добросовестных сделан был осмотр всей крестьянской земли, из которого оказалось, что вся земля очень хорошего качества и ровная, за исключением 4 дес.»⁷.

То же мы встречаем и в грамоте на село Жердево по-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 43, д. 2198.

² Там же, д. 2200, 2258 2279, 2285, 2290, 2350, 2356, 2361

³ Там же, д. 2279.

⁴ Там же, д. 2350.

⁵ Там же, д. 2200.

⁶ Там же, д. 2290.

⁷ Там же.

мещицы С. П. Шахоцкой. Крестьяне не подписали уставной грамоты и отказались от выкупа в силу «недоброкачества их земельного надела и по неимению прогона для скота»¹. На основе осмотра земли с добросовестными мировой посредник установил, что «весь надел оказался черноземным и хорошего качества»².

Выбор добросовестных зависел целиком от мирового посредника, что создавало условия для широкого произвола. Данный же протокол был подписан «за неграмотностью добросовестных» каким-то канцелярским служителем, что не исключало возможности прямого подлога.

Стремление помещиков сохранить в своих руках землю находило свое выражение и в том, что крестьянам отводилась в надел земля, на которой произрастал помещичий лес. Крестьянам предоставлялось лишь право косить на ней траву. Подобное имело место по семи грамотам³. В грамоте на село Александрова Слобода Е. Г. Гагариной указывалось, что «лес... вошедший в состав крестьянского надела в числе их покосов помещица сохраняет за собою с правом свести со временем»⁴. То же указывалось и в грамоте на деревню Кулеши, принадлежавшей княгине Гагариной: «Находящийся на отведенной крестьянам земле в двух местах лес, где сенокос в урочище Запорточном и Горностаеве, остается во владении помещицы и по мере надобности будет вырубаться»⁵. Таким образом, в данном случае сроки вырубки леса вовсе не регламентировались.

В 1870 г., т. е. через восемь лет после составления уставной грамоты, крестьяне деревни Ольховки обратились с жалобой в уездный мировой съезд на своего помещика Ф. Ф. Новицкого, который так рубил лес, включенный в крестьянский надел, что лишал их возможности косить траву⁶.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 43. д. 2361.

² Там же.

³ Там же, д. 2212, 2273, 2280, 2295, 2302, 2394.

⁴ Там же, д. 2394.

⁵ Там же, д. 2212. Крестьяне заявили мировому посреднику, что по густоте леса в урочище Запорточном они не могут пользоваться сенокосом. Мировой посредник счел эту жалобу справедливой.

⁶ Там же, д. 2302. Новосильский мировой съезд назначил помещику двухлетний срок для вырубки леса и обязал его предоставить крестьянам на этот срок 25 десятин земли.

По некоторым грамотам лес, который произрастал на земле, отводимой крестьянам в надел, должен был быть вырублен в определенный срок¹. Только в одной грамоте — на деревню Пониковец — говорилось, что помещица А. И. Кривцова, отводя крестьянам землю, на которой произрастал помещичий лес, впредь до вырубки такого заменяет его другой землей².

В основном в уставных грамотах Новосильского уезда размеры земли, находившейся в пользовании крестьян до реформы, указаны точно. С предложениями «до» и «около» до реформенный надел указан по 40 грамотам (3337 душ). Точно указан также пореформенный надел. Однако по 10 грамотам³ при повторном измерении крестьянского надела оказалась разница, и притом весьма существенная как в ту, так и в другую сторону⁴.

В качестве примера можно привести следующие данные⁵:

	Числилось (в дес.)	Оказалось (в дес.)
Село Знаменское	254	236
Деревня Верхний Рог	74	86
Село Верхнее Скворче	786	805
Село Петровка	252	360

Принимая во внимание, что повторное измерение производилось далеко не всегда, не исключена возможность наличия неточностей и в других грамотах.

До реформы в Новосильском уезде в пользовании у крестьян находилось 80 335 десятин земли. Пореформенный же надел составил в общей сложности 68 870 десятин. Таким образом, в результате реформы надел крестьян сократился на 11 465 десятин, или на 14,2⁰%. По двум грамотам 329 крестьян, что составляет 1,3⁰% их общего числа, по-

¹ По уставной грамоте на село Дмитриевское (д. 2273) этот срок устанавливался в один год; по другой — на деревню Рунцово (д. 2295) — срок был менее определенным: «при окончательном разверстании угодий».

² Там же, д. 2280.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 43, д. 2280.

⁴ Там же, д. 2268, 2282, 2289, 2293, 2302, 2303, 2307, 2315, 2329, 2382.

⁵ Там же, д. 2282, 2289, 2303, 2315.

лучили наделы, превышавшие высшую норму; по 129 грамотам 15 703 крестьянина, или 63,1%, получили высшую норму надела; по 110 грамотам 8756 крестьян, или 35,2%, — меньше высшей, но больше низшей; и по 4 грамотам 83 крестьянина, или 0,4%, — меньше низшей нормы.

Больше высшего надела получили: крестьяне села Горенок — сверх 639 десятин (высшая норма), причитавшихся им в надел, при развертывании угодий еще 26 десятин¹, крестьяне деревни Петровки — вместо 348 десятин 360². Первоначально крестьяне этой деревни получили весь дореформенный надел, составлявший 252 десятины при высшей норме надела в 348 десятин. При повторном же измерении оказалось 360 десятин, т. е. на 12 десятин больше высшей нормы, которые и были им предоставлены в дар.

Из 114 грамот, по которым крестьяне получили неполный надел, по 105 таковым они пользовались до реформы.

Наделы меньше высшей нормы, но больше низшей получили: более чем по 2 десятины — по 87 грамотам 7674 души, менее чем по 2 десятины — по 23 грамотам 1082 души.

Низший душевой надел получили по двум грамотам (46 душ) бывшие месячники и по двум грамотам — на деревни Судбищи и Троицкое³ (37 душ) — имевшие до реформы в своем пользовании менее десятины на душу. Крестьяне-дарственники в числе 24 душ получили 23,5 десятины, т. е. около десятины на душу⁴.

В результате реформы в землепользовании крестьян Новосильского уезда произошли следующие изменения:

Изменение надела	Число грамот	Количество душ	В % ко всем душам
Сокращение	111	14 518	58,3
Увеличение	14	538	2,2
Без изменений	120	9 815	39,5

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, оп. 43, д. 2394.

² Там же, д. 2315.

³ Там же, д. 2246, 2247.

⁴ «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 40.

До реформы в пользовании 14 518 крестьян (по 111 грамотам), наделы которых подверглись сокращению, находились 54 752 десятины земли. После составления и введения в действие уставных грамот им были отведены в надел 43 093 десятины. Таким образом у крестьян Новосильского уезда было отрезано 11 659 десятин земли. Процент отрезки составил 21,3.

По отдельным грамотам процент отрезки был следующим:

% отрезки	Число грамот	Количество душ
До 5	16	1 696
От 5 до 10	16	2 013
» 10 » 20	34	4 561
» 20 » 30	23	3 271
» 30 » 40	17	2 123
» 40 » 50	2	458
» 50 » 60	3	396

Следовательно, у основной части крестьян (8270 душ) отрезки составили до 20%.

12 973 крестьянина, составлявшие 89,3% общего числа тех, у которых была отрезана земля, принадлежали крупнопоместным владельцам.

Отрезки произведены были по следующим причинам: по 106 грамотам (13 942 души) — из-за того, что дореформенный надел превышал высшую норму; по 3 грамотам (300 душ) — из-за того, что у помещика оставалось менее $\frac{1}{3}$ принадлежавшей ему земли; по 2 грамотам (276 душ) — по добровольному соглашению.

Прирезка земли, как уже говорилось выше, имела место по 14 уставным грамотам, охватывавшим 538 душ. До реформы в пользовании крестьян, наделы которых были увеличены, находилось 1214 десятин. Пореформенный надел составил 1408 десятин. Им, таким образом, были прирезаны 194 десятины. Процент прирезки составил 13,7.

По отдельным грамотам процент прирезки был следующим¹:

¹ Кроме того, по двум грамотам (д. 2365, 2391) 46 месячникам было прирезано по нижней норме.

% прирезки	Число грамот	Количество душ
До 5	3	196
От 5 до 10	3	133
» 10 » 40	2	74
» 40 » 50	1	57
» 50 » 60	2	28
100	1	4 ¹

Увеличение надела до высшей нормы имело место по восьми грамотам (404 души); до размера, не превышавшего высшей нормы, но более низшей — по двум грамотам (51 душа); до низшей нормы — по четырем грамотам (83 души).

По пяти грамотам прирезка была произведена в обязательном порядке, по остальным — добровольно.

Большое распространение в Новосильском уезде получило разверстание угодий. Об этом говорится в 156 грамотах (15 968 душ). Из них в 28 грамотах (1616 душ) указывается, что разверстание произведено добровольно, в 128 грамотах (14352 душ) — в обязательном порядке. Однако позднее, как видно из приложений к уставным грамотам, по 20 грамотам (1507 душ) разверстание было произведено добровольно. Таким образом, добровольное разверстание угодий было произведено в общей сложности по 48 грамотам (3123 души). В отдельных случаях добровольное разверстание угодий достигалось определенными уступками со стороны помещика. Так, по уставной грамоте на село Бетьково помещица А. Л. Авдеева предоставляет крестьянам в дар 21 десятину, оставив, впрочем, после разверстания внутри крестьянского надела свою землю². Крестьяне села Ломинолозова получили от помещицы Ильинской в дар за обмен земель 30 десятин³.

Это, естественно, говорило о том, что крестьяне получили худшую по качеству землю. Обмен крестьянских земель при разверстании на худшие имел место и без какой бы то ни было компенсации. Так, крестьяне села

¹ Фактически по этой грамоте на деревню Воробьевку душевые наделы не увеличились, так как были вновь наделены до высшей нормы две души.

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 43, д. 2182.

³ Там же, д. 2266.

Бешенцова, отказываясь переселяться, заявили, что «предоставляемая им земля дурного качества и неудобна для переселения»¹. Однако уездный мировой съезд высказал по этому поводу совершенно иную точку зрения. «...имея в виду, — указывалось в решении съезда, — что все выгоды при разверстании угодий на стороне временнообязанных крестьян г. Чапкиной... предложенное разверстание вместе с перенесением крестьянских усадеб единогласно утвердить»². Если исходить из определения съезда, то придется признать, что крестьяне отказывались от разверстания и перенесения усадеб в ущерб себе, руководствуясь интересами помещицы.

Перенесение усадеб либо полностью, либо частью предусматривалось по 54 грамотам (5796 душ). Вопрос о компенсации за перенесение прямо указан только в семи грамотах. Способы компенсаций весьма различны. Так, в деревнях Подгореловка и Подвысокое князей Хилковых помещик строил избы за свой счет, а в компенсацию расходов по перенесению усадебных построек уплачивал по 50 руб. на двор³. В селах Новоселок и Домны крестьянам в компенсацию расходов по перенесению усадеб предоставлялась в дар земля⁴. В селе Зуши помещика Н. Н. Зыбина крестьяне получили по 30 руб. за перенесение усадеб и по 18 руб. — за отказ от пользования огородами⁵. В деревне Мамоновке княгини Долгорукой крестьянам предоставлялись для постройки колья и хворост и уплачивалось по 30 руб.⁶; в селе Малинове помещиков Гриневых — по 30 руб. и по 5 руб. за отказ от пользования огородами⁷.

По уставным грамотам на село Пониковец помещицы Кривцовой и деревню Волково помещика Гринева перенесение усадеб должно было быть осуществлено за счет крестьян⁸.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 43, д. 2356.

² Там же, д. 2356.

³ Там же, д. 2357.

⁴ Там же, д. 2283, 2197. В первом случае — на 49 душ 20 десятин; во втором — на 30 душ 14 десятин.

⁵ Там же, д. 2264.

⁶ Там же, д. 2250.

⁷ Там же, д. 2236.

⁸ Там же, д. 2233, 2280. В первом случае крестьяне получили в дар хлебный магазин.

Оброк в Новосильском уезде равнялся 9 руб. Но от этой нормы имелись отступления. Так, по одной грамоте — на село Прилепы — вследствие наличия у крестьян 15 десятин поемных лугов оброк повышался на 1 руб.¹ По шести грамотам согласно статьи 170 был сохранен дореформенный его размер².

В заключение остановимся на некоторых дополнительных статьях, имевшихся в уставных грамотах. Рыбная ловля в пределах крестьянского надела в большинстве случаев запрещалась. Она разрешалась только по 12 уставным грамотам³.

По трем грамотам запрещалась торговля вином. Так, в уставной грамоте на деревни Новоуспенское, Сергиевка, Княгиньки и Лебедевка запрещалось «без ведома и дозволения помещика... заводить и открывать в деревнях шинки, кабаки, питейные дома и прочую иметь торговлю вином»⁴.

* *
*

Рассмотрим данные уставных грамот Веневского уезда, принадлежавшего к центральным уездам Тульской губернии. Уставные грамоты по этому уезду обработаны исследователем крестьянской реформы в Тульской губернии В. И. Крутиковым, любезно предоставившим в наше распоряжение свои материалы. В отличие от других рассматриваемых нами уездов уставные грамоты по Веневскому уезду обработаны по фонду Тульского губернского по крестьянским делам присутствия, хранящемуся в Тульском областном историческом архиве.

По данным Редакционных комиссий, общее число крепостных помещичьих крестьян составляло 29 882⁵. По 352 грамотам, хранящимся в указанном фонде, числится 29 812 ре-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 43, д. 2383.

² Там же, д. 2382, 2289, 2286, 2263, 2250, 2222.

³ Там же, д. 2182, 2233, 2236, 2256, 2258, 2291, 2292, 2211, 2315, 2193, 2237, 2370.

⁴ Там же, д. 2190, 2187, 2337.

⁵ А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1252.

визских душ, или 99,70%¹. Из общего количества крестьян, числившихся по уставным грамотам, 17 930 душ, или 60,10%, принадлежали помещикам, имевшим свыше 100 душ. 21 ревизская душа сельца Богдановка, принадлежавшего помещикам Чернопятовым, находилась на месячине. В уставной грамоте на это сельцо указывалось следующее: «Нынешние крестьяне и дворовые, не имевшие никакого надела, жившие в господских строениях, получали все продовольствие и содержание от помещиков, за что отбывали барщинную повинность»².

Веневский уезд по Местному положению причислялся ко второй местности второй, черноземной, полосы с высшим душевым наделом в 3 десятины.

Из 352 грамот не были подписаны крестьянами 278 (25 001 душа). Следовательно, 84,00% крестьян отказались подписать уставные грамоты. Причины отказа от подписи содержатся далеко не во всех грамотах. Они имеются лишь в 51. 22 уставных грамоты не были подписаны вследствие предоставления крестьянам в надел неудобных и неплодородных земель³. В 12 грамотах содержатся протесты против производимых отрезков⁴. В восьми грамотах крестьяне возражают против перенесения их усадеб⁵. В восьми имеются заявления об отсутствии у крестьян прогона для скота⁶. Наконец, одну грамоту крестьяне отказались подписать из-за отсутствия у них сенокоса⁷.

В некоторых случаях крестьяне отказывались подписывать грамоты, ожидая «новой воли». Так, крестьяне села Ново-Ивашково подписали грамоту лишь после того, когда владельцы сделали в ней следующую запись: «По просьбе крестьян мы обязуемся не делать никаких препятствий, если по утверждению уставной грамоты дарованы будут новые права и преимущества»⁸.

¹ Тульский областной государственный исторический архив (ТОГИА), ф. губернского по крестьянским делам присутствия, № 74, оп. 3/12, д. 1—352.

² Там же, д. 87.

³ Там же, д. 6, 13, 20, 25, 71, 87, 160, 188, 221, 222, 234, 239, 297, 300, 331, 338, 349.

⁴ Там же, д. 3, 6, 7, 9, 24, 48, 269, 272, 278, 312, 344, 345.

⁵ Там же, д. 15, 68, 210, 244, 266, 287, 335, 352.

⁶ ТОГИА, ф. губернского по крестьянским делам присутствия, № 74, оп. 3/12, д. 23, 45, 51, 144, 220, 296, 339, 351.

⁷ Там же, д. 157.

⁸ Там же, д. 234.

До реформы в Веневском уезде в пользовании у крестьян находилось 89 569 десятин земли. В пореформенный надел им было отведено в общей сложности 80 505 десятин. Таким образом, в результате реформы надел крестьян названного уезда сократился на 9 064 десятины, или на 10,1%.

По 8 грамотам 669 душ, что составляет 2,2% их общего числа, получили наделы, превышавшие высшую норму; по 164 грамотам 10 910 душ, или 36,6%, — высшую норму; по 179 грамотам 18 212 душ, или 61,1%, — меньше высшей, но больше низшей нормы; и по 1 грамоте 21 душа, или 0,1%, — низшую норму надела.

Неполный душевой надел в большинстве случаев получили те крестьяне, которые обладали таковым до реформы. Низший душевой надел — по десятине на душу — получили бывшие месячники¹. В некоторых случаях при повторном измерении размер отведенного по уставной грамоте надела претерпевал известные изменения в ту или иную сторону. Однако это не имело большого распространения, да к тому же и разница оказывалась несущественной.

В результате реформы в землепользовании крестьян Веневского уезда произошли следующие изменения:

Изменения надела	Число грамот	Количество душ	В % ко всем душам
Сокращение	143	14 527	49,0
Увеличение	27	1 858	6,2
Без изменений	182	13 427	44,8

До реформы в пользовании 14 527 крестьян (по 143 грамотам), наделы которых подверглись сокращению, находилось 50 512 десятин земли. После составления и введения в действие уставных грамот им было отведено в надел 40 420 десятин. Таким образом, у крестьян Веневского уезда были отрезаны 10 092 десятины. Процент отрезки составил 19,9.

По отдельным грамотам процент отрезки был следующим:

¹ ТОГИА, ф. губернского по крестьянским делам присутствия, № 74, оп. 3/12, д. 87.

№ отрезки	Число грамот	Количество душ
До 5	19	3 007
От 5 до 10	21	2 034
» 10 » 20	31	3 012
» 20 » 30	18	1 549
» 30 » 40	39	4 127
» 40 » 50	10	365
» 50 » 60	4	181
» 60 и выше	1	252

Из 14 527 душ, у которых была произведена отрезка, 10 222 души, или 70,30%, принадлежали помещикам, имевшим более 100 душ.

Отрезки были произведены по следующим причинам: по 118 грамотам (9552 души) — вследствие того, что дореформенный надел превышал высшую его норму; по 25 грамотам (4975 душ) — из-за того, что у помещика оставалось менее $\frac{1}{3}$ принадлежавшей ему земли.

В некоторых грамотах содержатся жалобы крестьян на отрезку у них лучших земель. Так, крестьяне села Асанова, принадлежащего графу Строганову, жаловались в губернское по крестьянским делам присутствие на то, что у них была отрезана помещиком «хорошая и удобная земля»¹, а им отведена в надел «плохая, неурожайная, отстоящая от села на три версты... По прочтении нам уставной грамоты, — говорилось в жалобе, — мы объявили неудовольствие, но, повинаясь воле высшего начальства, мы оную грамоту приняли благосклонно, но надел земли, значащийся в уставной грамоте, принять не можем»².

В уставной грамоте на село Есипово также содержится жалоба крестьян на отрезку у них лучшей земли. Это признавал и мировой посредник, сообщавший в губернское по крестьянским делам присутствие, что «крестьянский надел по введению в действие уставной грамоты ухудшился, много отошло земли хорошего достоинства в пользу помещику...»³

До реформы в пользовании крестьян, наделы которых были увеличены, находилась 4531 десятина. Пореформен-

¹ ТОГИА, ф. губернского по крестьянским делам присутствия, № 74, оп. 3/12, д. 7.

² Там же.

³ Там же, д. 222.

ный надел был увеличен до 5559 десятин. Таким образом, крестьянам Веневского уезда было прирезано 1028 десятин. Процент прирезки составил 22,6.

Увеличение надела до размера, превысившего высшую норму, имело место по 3 грамотам (308 душ), до высшей нормы — по 21 (1267 душ); по 3 грамотам (283 души) надел был увеличен до размера, который был меньше высшей, но больше низшей нормы.

Вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что в Веневском уезде помещики весьма часто и охотно прирезывали крестьянам землю до высшего размера надела.

Процент прирезки по отдельным грамотам В. И. Крутиков, к сожалению, не приводит.

В заключение остановимся на вопросе о разверстании угодий и перенесении усадеб. Разверстание угодий предусматривалось по 174 грамотам (16 621 душа), при этом по 93 грамотам разверстание было осуществлено на добровольных началах. В некоторых случаях помещики стремились сохранить чересполосицу. В этом отношении представляет интерес жалоба крестьян села Кослева, принадлежавшего помещице А. А. Ладыженской. «По грамоте, — писали они в губернское по крестьянским делам присутствие, — мы остались в чересполосном владении, все наши участки разъединяются владениями бывшей помещицы нашей. Мы стеснены близостью расстояния земли, ей принадлежащей, должны находиться всегда в беспокойном состоянии, скот, птица при благонадежном присмотре всегда будет на земле ее, от этого могут происходить всегдашние споры и неприятности, поведут нас к судебным делам, значительным убыткам от тех штрафов, которые мы должны будем вносить»¹.

Перенесение усадеб предусматривалось по 38 грамотам (7490 душ).

Вопрос о рыбной ловле затронут в 46 грамотах: по 38 — она запрещалась крестьянам, по 8 — разрешалась.

В грамоте на село Асаново помещика П. С. Строганова крестьянам запрещалось открывать на землях, отведенных им в надел, «ярмарки, торги, питейные заведения и харчевни»².

¹ ТОГИА, ф. губернского по крестьянским делам присутствия, № 74, оп. 3/12, д. 345.

² Там же, д. 7.

Сенгелеевский уезд, лежавший на правом берегу Волги, являлся одним из наиболее развитых в земледельческом отношении уездов Симбирской губернии. По данным Редакционных комиссий, общее количество помещичьих крестьян составляло 22 744 души, из которых 16 973 были на барщине и 5771 — на оброке¹. В фонде Главного выкупного учреждения хранится 129 грамот, охватывающих собою 17 422 души². Кроме того, по данным статистического сборника «Дарственное надельное землевладение крестьян», в Сенгелеевском уезде было 1869 крестьян-дарственников³. Таким образом, общее количество ревизских душ составляет 19 291, или 89,6⁰/₀, по отношению к данным Редакционных комиссий. Из числа указанных по уставным грамотам 17 422 душ крупнопоместным владельцам принадлежало 13 772, или 79⁰/₀.

Подписанными оказались только 20 грамот (1680 душ); остальные 109 грамот (15 742 души) не подписаны. К сожалению, почти во всех неподписанных грамотах не указывается причина отказа. Только в одной грамоте — на село Скрипино — точно указана причина отказа. Крестьяне не приняли грамоты «потому, что считают работу по урочному положению тягостною»⁴.

В нескольких грамотах причина отказа сформулирована в более общей форме. Крестьяне деревни Н. Измайловки «согласия ни в чем не изъявили»⁵. В деревне Лукино уставная грамота была составлена одним владельцем, «ибо крестьяне много раз призывались к составлению оной и под разными предложениями уклонялись»⁶.

Наряду с общими причинами, обуславливающими нежелание крестьян подписывать уставные грамоты (недоброкачественность земли, сокращение наделов в результате отрезки, слухи о «слушном часе» и т. д.), в Симбирской гу-

¹ А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1228.

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 36, д. 607—729.

³ «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 32.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 36, д. 717.

⁵ Там же, д. 678.

⁶ Там же, д. 677.

бернии, как и в ряде других соседних губерний, существовала еще одна причина — стремление получить дарственный надел. Это имело здесь большое распространение и не могло не сказаться на числе неподписанных грамот.

Дореформенный надел обозначен точно только в 98 грамотах. В 31 грамоте он определяется с предлогами «до», «около» или наречиями «приблизительно», «примерно». В уставной грамоте на село Чекалино помещика А. Е. Пашкова, в которой дореформенный надел составлял «около 600 дес.», указывалось: «Крестьяне постоянного полевого надела в определенных границах доселе не имели, так как земля находилась в чересполосном владении... и потому крестьяне пахали по чересполосным клиньям, положительного измерения которых никогда произведено не было»¹. Далее делался расчет, из которого вытекало, что общий размер крестьянского надела составил около 600 десятин. Вполне естественно, что подобное положение имело место не только в этом селе.

Приблизительное определение дореформенного надела иногда приводило к тому, что и надел, отводимый по уставной грамоте, был далеко не точен. Так, в деревне Чертановке помещицы А. П. Писаревой дореформенный надел составлял «до 880 дес.», и это же количество было отведено в надел. По измерении же спустя несколько лет оказалось, что фактический размер надела составлял 757 десятин². В деревне Скрыпино вместо «до 99 дес.», по измерении, сделанном при оформлении выкупного договора, оказалось 78 десятин³. В некоторых случаях даже при точном определении дореформенного надела при измерении оказывалась некоторая разница в ту или иную сторону. Так, в деревне Уваровке до реформы числилось в пользовании крестьян 148 десятин, было отведено в надел 144, а при измерении оказалось 139 десятин⁴. В селе Покровском числилось до реформы 675 десятин, было отведено в надел 636, а по измерении оказалась 651 десятина⁵. По некоторым грамотам неудобные земли, находившиеся внутри крестьянского

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 36, д. 672.

² Там же, д. 673.

³ Там же, д. 637.

⁴ Там же, д. 684.

⁵ Там же, д. 707.

надела, сохранялись за помещиком¹. Это, естественно, создавало для крестьян большие неудобства.

Согласно данным уставных грамот, в землепользовании крестьян Сенгелеевского уезда после проведения в жизнь крестьянской реформы произошли следующие изменения²:

	Количество душ	Земли до реформы (в дес.)	Отведено в надел (в дес.)	Уменьшение	
				в дес.	в %
По уставным грамотам .	17 422	81 188	63 749	17 439	21,5
По дарственным сделкам	1 869	8 710	1 566	7 144	82,0
Итого	19 291	89 898	65 315	24 583	27,3

Таким образом, в результате реформы надел крестьян названного уезда сократился в общей сложности на 24 583 десятины, или на 27,3%.

По 1 грамоте 21 душа, что составляет 0,1% общего числа крестьян, получила наделы, превышавшие высшую норму; по 91 грамоте 13 117 душ, или 75,3%, — высшую норму надела, по 36 грамотам 4 198 душ, или 24,1%, — наделы меньше высшей, но больше низшей нормы; по 1 грамоте 55 душ, или 0,3%, — низшую норму надела; 31 душа, или 0,2%, совсем не получила земли³. Это были фабричные села Н. Измайловка помещика Прибыловского⁴.

Крестьяне села Парецкого получили сверх высшего надела в 87 десятин в дар еще 6 десятин⁵.

Из 37 грамот, по которым предоставленный надел был ниже высшей нормы, по 35 он оставался неизменным.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 36, д. 714, 722.

² Дореформенный надел дарственников (4,66 десятины) определялся нами, исходя из среднего душевого надела, которым пользовались крестьяне, числившиеся по уставным грамотам.

³ Высший размер надела для Сенгелеевского уезда составлял 4 десятины.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 36, д. 678

⁵ Там же, д. 661.

383 крестьянина-дарственника по 5 сделкам получили наделы, превышавшие норму, 422 дарственника по стольким же сделкам — равные норме, и 1064 дарственника по 10 сделкам — наделы менее нормы¹.

Более нормы было получено 114 десятин, т. е. в среднем по 714 кв. сажень на душу. Наивысший размер надела по этим сделкам составлял около 1,5 десятины. Средний душевой надел крестьян, получивших менее нормы, составлял 1459 кв. сажень, или несколько более 0,5 десятины. Менее 0,5 десятины было получено по трем сделкам (532 души), а именно: в селе Карповском 212 душ получили 63 десятины земли², в селе Поляковском 289 душ получили 127 десятин³, и в деревне Коромысловке 31 душа — 9 десятин⁴.

В результате составления и введения уставных грамот в Сенгелеевском уезде произошли следующие изменения:

Изменение надела	Число грамот	Количество душ	% ко всем душам
Сокращение	82	12 649	72,7
Увеличение	2	24	0,2
Без изменений	45	4 718	27,1

Таким образом, отрезки были произведены по 63,5% грамотам, охватывавшим 72,7% всех крестьян.

До реформы в пользовании крестьян, наделы которых подверглись сокращению, находилось 67 260 десятин земли. Пореформенный надел их составил 49 759 десятин. Таким образом, у крестьян Сенгелеевского уезда была отрезана 17 501 десятина. Процент отрезки составил 26.

По отдельным грамотам процент отрезки был следующим (см. табл. на стр. 218).

Из 12 649 душ, у которых была произведена отрезка, 10 559, или 83,4%, принадлежали крупнопоместным владельцам.

По всем грамотам отрезка была произведена по причине того, что дореформенные наделы превышали высшую норму,

¹ «Дарственное надельное землевладение крестьян», раздел «Б», стр. 54. Дарственный надел в Сенгелеевском уезде составлял 1 десятину на душу.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

установленную Положением. По 80 уставным грамотам крестьяне получили высшую норму надела. По одной грамоте — на деревню Мошино — крестьянам по добровольному соглашению был предоставлен надел в размере половины высшего¹; по другой — на деревню Уваровку — помещик предоставил наделы ниже высшей нормы вследствие того, что у него оставалось менее одной трети находившихся у него земель².

% отрезки	Число грамот	Количество душ
До 5	4	356
От 5 до 10	18	2 223
» 10 » 20	20	4 218
» 20 » 30	19	2 711
» 30 » 40	12	839
» 40 » 50	6	2 052
» 50 » 60	2	85
» 60 » 70	1	165

До реформы в пользовании у крестьян, наделы которых были увеличены, находилось 34 десятины земли. Пореформенный надел их возрос до 96 десятин. Им, таким образом, были прирезаны 62 десятины. Процент прирезки составил 182,3.

По одной грамоте — крестьянам деревни Чертановки — было прирезано к 7 десятинам еще 13 десятин³; по другой (на деревню Кобелевку) к 27 — 49 десятин⁴. По обоим грамотам прирезка произведена до высшей нормы надела.

В Сенгелеевском уезде большое распространение получило разверстание угодий. Указания об этом содержатся в 79 грамотах (12 337 душ). В двух делах содержатся жалобы крестьян на получение в результате разверстания неудобных земель⁵. Так, в деле на село Никольское помещицы К. К. Стремфельд имеется в протоколе мирового посредника следующая запись: «Крестьяне заявили, что так

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 36, д. 648.

² Там же, д. 719.

³ Там же, д. 655.

⁴ Там же, д. 708.

⁵ Там же, д. 622, 698.

как поступающий к выкупу их участок земли дурного качества, то потому нести ответственность перед правительством в отношении взноса за ту землю выкупных платежей они не будут в состоянии»¹. Эта земля была получена крестьянами в результате разверстания угодий. При этом помещик предоставил им сверх надела в 965,5 десятины еще 19 десятин в дар. В числе отведенной крестьянам земли было 50 десятин дровяного леса. Можно представить себе, насколько недоброкачественна была наделенная крестьянам земля, если даже при таких льготах они заявляли протест.

Мы не располагаем данными о числе обязательных и добровольных разверстаний. Лишь в одном выкупном договоре — на деревни Михайловку и Скрыпино, — а также в деле на село Ивановское, Собакино тож, указывалось, что разверстание было произведено по добровольному соглашению².

Перенесение усадеб предусматривалось по 17 грамотам (4614 душ) и перенесение сараев — по 1 грамоте. По 1 грамоте (10 душ) подлежали перенесению все усадьбы; по 16 грамотам предусматривалось перенесение лишь нескольких усадеб. О способах компенсации за перенесение усадеб в уставных грамотах не упоминается. Только в одной грамоте — на село Ивановское, Собакино тож, — по которой крестьяне обязаны были перенести 11 овинов, помещики в компенсацию этого предоставляли крестьянам «хворост по реке Чембуле»³.

В некоторых грамотах содержатся те или иные дополнительные условия. В ряде грамот запрещалась охота и рыбная ловля. «Рыбная ловля, равно как право охоты в крестьянском наделе и право перевоза через Усу, — говорилось в уставной грамоте на село Архангельское, принадлежавшее помещице М. П. Дурасовой, — остается в полном и непосредственном распоряжении владельца»⁴. В грамоте на село Чертановка помещика Орлова указывалось, что «береговое право по реке Свияге остается в непосредственном распоряжении владельца»⁵.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 36, д. 698.

² Там же, д. 668, 694.

³ Там же, д. 630.

⁴ Там же, д. 631.

⁵ Там же, д. 722.

По уставной грамоте на деревню Подьячевку помещика Д. Ф. Московщина крестьянам запрещалось «ходить, ездить во владельческие лесные дачи без особого на то разрешения»¹. В грамоте на село Преображенское помещика Д. А. Танеева говорилось: «Трава мельничных берегов, имеющиеся в дачах имения, и неудобные земли остаются в непосредственном пользовании владельца»². Сохранение неудобных земель внутри крестьянского надела создавало помещику возможность для всякого рода злоупотреблений. Наконец, по грамоте на деревню Лелоключье запрещалась «мочка конопли, поскони, мочала и мойка шерсти»³.

Оброк за душевой надел в Сенгелеевском уезде составлял 9 руб. По четырем грамотам (218 душ) размер оброка согласно статье 170 был сохранен прежним, т. е. менее нормы⁴. Минимальная сумма оброка была в селе Мольнь помещиков Гончаровых и в деревне Никифоровской. Она составляла 3 р. 36 к. с души⁵. По одной уставной грамоте — на деревню Сретенские Выселки — оброк в 1865 г. был снижен до 7 р. 50 к., по-видимому, вследствие плохого качества земли⁶.

* *
*

Рассмотрим данные уставных грамот южной части Центрально-черноземного района — ряда уездов Воронежской губернии. Незначительное число помещичьих крестьян в этой губернии вызвало необходимость изучить грамоты нескольких уездов. Нами были избраны три уезда: Нижнедевицкий, Новохоперский и Валуйский, — находившиеся на северо-западе, востоке и юге губернии.

Нижнедевицкий уезд, граничивший с Курской и Орловской губерниями, относился, как и большинство уездов губернии, ко второй местности черноземной полосы с высшим душевым наделом в 3 десятины. По данным Редакционных комиссий, общее количество крепостных крестьян в уезде со-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 36, д. 662.

² Там же, д. 701.

³ Там же, д. 634.

⁴ Там же, д. 637, 650, 700, 725.

⁵ Там же, д. 725.

⁶ Там же, д. 608.

ставляло 5375 ревизских душ, из которых 3943 состояли на барщине, 1432 — на оброке¹. По Нижнедевицкому уезду в фонде Главного выкупного учреждения имеется 78 уставных грамот². Общее количество ревизских душ по этим грамотам составляет 3501. Помимо этого, в уезде было, по данным статистического сборника «Дарственное надельное землевладение крестьян», 1639 душ дарственников³. Таким образом, общее число крестьян, по этим данным, составляло 5140 душ, или 95,6% по сравнению с цифрой Редакционных комиссий.

Из числа крестьян, указанных в уставных грамотах, 1028 душ, или 34,5%, принадлежали крупнопоместным владельцам; а из 1639 дарственников — 1023, или 62,4%.

Среди крестьян Нижнедевицкого уезда было 39 душ, не владевших землею и проживавших в помещичьей усадьбе. Они являлись, по нашему мнению, месячниками. Например, 14 душ, проживавших в деревне Петровское, как указывалось в уставной грамоте, «усадебной оседлостью и выгоном... никогда не пользовались, а жили и ныне живут в господской усадьбе и господских строениях»⁴. В уставной грамоте на деревню Предтечевку говорилось, что крестьяне не пользовались землей, «жили в господской усадьбе и господских строениях»⁵.

Из 76 уставных грамот⁶ только 5 были подписаны крестьянами. В остальных не имеется подписей, а также не фиксируются причины отказа.

Во всех уставных грамотах размер дореформенного надела указан точно, за исключением двух грамот, в которых в его состав были включены и неудобные земли⁷.

Рассмотрим те изменения, которые произошли в землепользовании. По данным 78 уставных грамот, в землепользовании крестьян Нижнедевицкого уезда после составления

¹ А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1236.

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 631—706.

³ «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 4—5.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 633.

⁵ Там же, д. 647.

⁶ В двух делах — № 702 и 703 — уставные грамоты отсутствуют. Данные приводятся на основе сведений из докладной записки о выкупе.

⁷ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 656, 672.

и введения в действие уставных грамот произошли следующие изменения ¹:

	Земли до реформы (в дес.)	Отведено в надел (в дес.)	Уменьшение	
			в дес.	в %
По уставным грамотам . . .	9 703	9 013	690	7,1
По дарственным сделкам . .	4 638	1 140	3 498	75,4
Итого	14 341	10 153	4 188	29,2

Таким образом, в результате проведения реформы надел крестьян указанного уезда сократился в общей сложности на 4188 десятин, или на 29,2⁰/₀.

По 40 грамотам 1822 души, или 52,1⁰/₀, получили высшую норму надела; по 36 грамотам 1640 душ, или 46,8⁰/₀, — надел ниже высшей, но больше низшей нормы; по 2 грамотам 39 душ, или 1,1⁰/₀, — низшую норму надела.

Из числа грамот, по которым крестьяне получили наделы меньше высшей нормы, произведены отрезки только по трем грамотам. По 33 грамотам надел остался без изменения, по 2 — крестьяне до реформы земель вовсе не пользовались.

Нередко в надел крестьянам предоставлялись неудобные земли. Так, в деревне Андреевке крестьяне, как писал мировой посредник, заявили, «что земельный надел их будто бы неудобен и непроездителен и что они... не могут приступить к обязательному выкупу» ².

В селе Отрада и деревне Александровке крестьяне не желали выкупить наделов, требуя дарственного «за неудобностью надела», выразившейся в «меловатости почвы» ³.

Дарственники в числе 1639 душ получили в надел 1140 десятин при норме 0,75 десятины на душу. 344 дарственника получили по восьми сделкам наделы больше нормы, 736 по пяти сделкам — равные норме, и 559 по шести сделкам — наделы меньше нормы ⁴.

¹ Дореформенный надел дарственников определяется нами из среднего по уставным грамотам, составлявшего для Нижнедевицкого уезда 2,83 десятины.

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 672.

³ Там же, д. 681.

⁴ «Дарственное наделное крестьянское землевладение», раздел «Б», стр. 4—5.

Вышеуказанные 344 дарственника получили в общей сложности 318 десятин, что на 62 десятины превышает нормальный размер дарственного надела. Наивысший размер надела у этих крестьян немногим превышал 1 десятину на душу. 559 дарственников, которым были предоставлены наделы ниже нормы, получили в общей сложности 270 десятин, что на 149,5 десятины ниже нормы. Менее 0,5 десятины на душу получило 276 крестьян. При этом крестьяне деревни Марьино на 120 душ получили всего 9 десятин, или по 180 кв. сажень, т. е. менее 0,1 десятины¹.

В результате составления и введения в действие уставных грамот в Нижнедевицком уезде произошли следующие изменения:

Изменение надела	Число грамот	Количество душ	В % ко всем душам
Сокращение	20	1 063	30,4
Увеличение	9	229	6,6
Без изменения	49	2 209	63,0

Таким образом, у преобладающей части крестьян наделы остались без изменения.

До реформы в пользовании 1063 крестьян (по 20 грамотам), наделы которых подверглись сокращению, находились 3974 десятины земли. Пореформенный же надел их составил 3139 десятин. Иначе говоря, у крестьян указанного уезда было отрезано в общей сложности 835 десятин. Процент отрезки составил 21.

По отдельным грамотам процент отрезки был следующим:

% отрезки	Число грамот	Количество душ
До 5	1	86
От 5 до 10	1	97
» 10 » 20	5	418
» 20 » 30	6	281
» 30 » 40	3	96
» 40 » 50	4	85

¹ «Дарственное надельное крестьянское землевладение», стр. 5.

По 19 грамотам (1039 душ) отрезки были произведены благодаря тому, что наделы превышали высшую норму, установленную Местным положением; по 1 грамоте — вследствие того, что у помещика оставалось менее одной трети принадлежавших ему земель.

По 17 грамотам (976 душ) крестьяне получили при отрезке высший размер надела. По трем грамотам (87 душ) надел был установлен менее высшего размера вследствие того, что у помещика осталось бы в противном случае менее одной трети всех принадлежавших ему земель.

Из 1063 душ, у которых была произведена отрезка, 549, или 51,3%, принадлежали крупнопоместным владельцам.

Как указывалось выше, по девяти грамотам имела место прирезка к наделу. До реформы в пользовании 229 крестьян, наделы которых были увеличены, находились 462 десятины земли. По уставным грамотам им было предоставлено в надел 607 десятин. Таким образом, им было прирезано 145 десятин. Процент прирезки составил 31,4.

По отдельным грамотам процент прирезки был следующим.

‰ прирезки	Число грамот	Количество душ
До 5	3	67
От 10 до 20	2	9
» 30 » 40	1	80
» 40 » 50	1	34

По шести грамотам (187 душ) было прирезано до высшей нормы. По одной грамоте (3 души) надел оказался меньше высшей, но больше низшей нормы. По двум грамотам (39 душ) крестьянам было прирезано до низшей нормы надела (до реформы они вовсе не имели земли).

Большое распространение в уставных грамотах Нижнедевицкого уезда получило требование обязательного разверстания угодий и перенесения крестьянских усадеб. Так, из рассматриваемых нами 78 уставных грамот по 49 предусматривалось либо обязательное разверстание с перенесением всех или части крестьянских усадеб, либо одно разверстание или перенесение усадеб. Из общего числа 3501 ревизской души это касалось 1847 душ, т. е. более 50%.

Вопрос о компенсации крестьян со стороны помещика в связи с перенесением усадеб далеко не всегда отражается в уставных грамотах, а в отдельных случаях указывалось вопреки Положению, что это должно быть осуществлено целиком за счет крестьян. Например, в селе Змеевка, как говорилось в проекте разверстания угодий, все крестьянские усадьбы должны были быть перенесены без всякого вознаграждения со стороны помещика¹. Иногда разверстание угодий сопровождалось заключением кабальных договоров, как это имело место в селе Норово, Ратаево тож, принадлежавшем помещику Решетову². Нередко в надел крестьянам предоставлялись в результате разверстания неудобные земли. Это находит свое подтверждение в мирских приговорах, связанных с выкупом наделов. Так, крестьяне села Березовый Колодец указывали, что «тот участок земли, какой им отведен, вообще настолько удобен, что они его выкупать не желают»³.

Оброк в Нижнедевицком уезде, как и во всей губернии, равнялся 9 руб. Однако по трем грамотам он был установлен ниже. По грамоте на село Городище помещицы Шиманской (3 души) «во внимание и прежней усердной службе»⁴ оброк вместо 7 руб. (при неполном наделе) был установлен в 5 руб. По грамоте на деревню Заячье (33 души) в соответствии со статьей 170 оброк устанавливался в 7 р. 50 к.⁵ Наконец, по грамоте на село Предтечьевка помещика Дьяконова бывшим месячникам при низшем размере надела вместо 4 руб. оброк устанавливался в 2 р. 50 к.⁶

В трех грамотах содержались дополнительные условия относительно рыбной ловли. В выкупном договоре на деревню Норово, Ратаево тож, помещицы Левицкой-Буниной (позднее приобретенной Решетовым) указывалось, что «ловля рыбы и мочка пеньки в реке Девнице, имеющей течение свое подле крестьянского надела, не дозволяется»⁷.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 70.

² См. выше, стр. 111.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 677.

⁴ Там же, д. 696.

⁵ Там же, д. 682.

⁶ Там же, д. 647.

⁷ Там же, д. 680.

Аналогичные записи содержатся и в грамотах на села Максимовка, Покровское и Быстрик ¹.

* * *

*

Новохоперский уезд находился в восточной части губернии. Он граничил с Саратовской губернией, в частности с Балашовским уездом, и Областью Войска Донского. Уезд причислялся к пятой местности черноземной полосы с высшим душевым наделом в 4 десятины.

По данным Редакционных комиссий, в Новохоперском уезде число крепостных крестьян равнялось 12 428 душам, из которых на барщине было 6 818 душ, а на оброке — 5 610 ². По 37 грамотам, хранящимся в фонде Главного выкупного учреждения, общее число крепостных равнялось 8 528 ревизским душам ³. Кроме того, 1370 душ по 36 сделкам получили дарственный надел ⁴. Таким образом, общее число душ составляло 9898, или 79,6% по отношению к данным Редакционных комиссий.

Из числа крестьян, значащихся по уставным грамотам, 7 706, или 90,3%, были собственностью крупнопоместных владельцев; из них 2 927 принадлежали помещице А. М. Равевской ⁵ и 1 868 — княгине М. А. Долгорукой ⁶. Из 37 грамот, составленных в уезде, было подписано крестьянами 9 (828 душ), не подписано — 28 (7700 душ). Одна грамота — на село Кирсановка — вовсе не предъявлялась крестьянам ⁷.

В большинстве грамот, за исключением четырех, причины отказа от подписи не указываются. Как значитса в акте мирового посредника, крестьяне деревни Алений Кут помещика Н. Ф. Штольца заявили, «что противу грамоты ничего в опровержение сказать не имеют, но наделом земли недовольны потому, что земли их песчаные и что они никогда на ней ярового хлеба не сеют, а нанимают под оный

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, дд. 649, 651.

² А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1236.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 707—740.

⁴ «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 4—5.

⁵ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 729, 730.

⁶ Там же, д. 714.

⁷ Там же, д. 738.

землю на стороне»¹. В акте мирового посредника на хутор Печерский указывалось, что крестьяне «наделом недовольны, потому что им не отведено ни лесу, ни лугов и даже в сухое лето нет водооя»².

Крестьяне слободы Подосиновки, как указывалось в предыдущей главе, не возражая против отведенной им земли, заявили, что обрабатывать ее не хотят, «боясь закрепить себя в крестьянское состояние»³, и будут ожидать, как поступят их соседи — крестьяне слободы Красной того же владельца. Крестьяне же слободы Красной в числе 2 224 душ, как указывалось в особом акте, составленном мировым посредником, заявили, что «они благодарят за все, но грамоты в настоящее время принять не желают, а ждут окончания двухлетнего срока и дня объявления высочайшего манифеста 19 февраля 1863 г. и вместе с тем просят сбавить цену 9-рублевого оброка, ибо большая часть наделенной земли песчаная, много солонцов и болот, вследствие чего некоторые крестьяне отказываются от всего надела...»⁴

Таким образом, в двух указанных грамотах основная причина отказа крестьян от подписи их заключалась в ожидании «слушного часа».

По данным обработанных нами 37 уставных грамот, в землепользовании крестьян Новохоперского уезда в результате составления и введения в действие грамот произошли следующие изменения:

	Земли до реформы (в дес.)	Презоставлено в надел (в дес.)	Уменьшение	
			в дес.	в %
По уставным грамотам . . .	35 828	31 602	4 226	11,8
По дарственным сделкам . .	5 904	1 247	4 657	78,8
Итого	41 732	32 849	8 883	21,0

Таким образом, в результате проведения реформы надел крестьян указанного уезда сократился в общей сложности на 8 883 десятины, или на 21%.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 740.

² Там же, д. 729.

³ Там же, д. 729.

⁴ Там же, д. 730.

По 1 грамоте 444 души, или 5,2⁰/о их общего количества, получили наделы, превышавшие высшую норму; по 12 грамотам 5 617 душ, или 65,8⁰/о, — высшую норму надела; по 24 грамотам 2 467 душ, или 29⁰/о, — наделы ниже высшей, но выше низшей нормы.

Наделы, превосходившие высшую норму, получили крестьяне села Петровского, которым помещица Н. А. Звягинцева сверх 444 десятин предоставила сначала в безвозмездное пользование, а затем в дар 80 десятин расчисток из-под леса¹. Подобный дар обуславливался стремлением помещицы склонить крестьян на выкуп и уплату дополнительного платежа, на что крестьяне Новохоперского уезда шли довольно туго. Из 24 грамот, по которым крестьяне получили надел менее высшей нормы, по 22 размеры их остались прежними и только по 2 грамотам была произведена отрезка.

170 дарственников получили по 3 сделкам наделы, превышавшие норму, 425 по 18 сделкам — наделы, равные норме, и 775 по 15 сделкам — ниже нормы².

Сверх нормы (свыше десятины) было получено 17,8 десятины, или около 0,1 десятины на душу. Общее количество земли, которое было предоставлено крестьянам, получившим наделы ниже нормы, составляло 635 десятин. По трем сделкам (73 души)³ крестьяне получили менее 0,5 десятины. При этом крестьяне 3-го Ярославского общества получили на 37 душ 5 десятин, или по 324 кв. сажени⁴.

В результате составления и введения в действие уставных грамот в Новохоперском уезде в крестьянских наделах произошли следующие изменения:

Изменение надела	Число грамот	Количество душ	В % ко всем душам
Сокращение	12	4 332	50,8
Увеличение	6	2 522	29,6
Без изменений	19	1 674	19,6

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 718.

² «Дарственное надельное землевладение крестьян», раздел «Б», стр. 5—6.

³ Там же, стр. 6.

⁴ Там же.

До реформы в пользовании 4332 крестьян (по 12 грамотам), наделы которых подверглись сокращению, находилось 21 670 десятин земли. Пореформенный надел составил 17 165 десятин. Иначе говоря, у крестьян указанного уезда было отрезано в общей сложности 4 505 десятин. Процент отрезки составил 20,8.

По отдельным грамотам процент отрезки был следующий:

% отрезки	Число грамот	Количество душ
До 5	2	198
От 5 до 10	1	628
» 10 » 20	3	2 740
» 20 » 30	4	681
» 60 » 70	1	43
» 70 » 80	1	42

Из 12 грамот по 10 (4149 душ) отрезка произведена вследствие того, что дореформенный надел превышал высшую норму, установленную Положением. По двум грамотам (183 души) отрезка была сделана потому, что у помещика оставалось менее одной трети принадлежавших ему земель.

Из 4 332 душ, у которых была произведена отрезка, 2 141, или 95,5%, принадлежала крупнопоместным владельцам.

Прирезка к наделам имела место по шести грамотам и касалась наделов 2 522 крестьян. Их дореформенный надел составлял в общей сложности 8 874 десятины, пореформенный — 9 153 десятины. Таким образом, крестьянам Новохоперского уезда было прирезано 279 десятин земли. Процент прирезки составил 3,1.

По отдельным грамотам процент прирезки был следующий:

% прирезки	Число грамот	Количество душ
До 5	4	2 218
От 10 до 20	2	304

Из указанных выше грамот лишь по одной было прирезано до высшей нормы (1868 душ) ¹. По уставной грамоте на село Алений Кут ² прирезывается 75 десятин взамен пастбища, которым крестьяне пользовались совместно с владельцем, что, естественно, не означало фактически увеличения надела. По уставной грамоте на село Знаменское прирезывалось по добровольному соглашению с крестьянами 39 десятин, что означало увеличение наделной земли на 17% ³. По остальным трем грамотам было прирезано буквально по несколько десятин, причем в двух случаях крестьяне получили лес (село Тихвинское и деревня Поганки) ⁴.

В Новохоперском уезде большое число грамот предполагало разверстание угодий и перенесение крестьянских усадеб. Так, из 37 грамот это предусматривалось по 23. При этом только в двух случаях разверстание угодий осуществлялось на основе добровольного соглашения ⁵. Во всех же других случаях это носило принудительно-обязательный характер. В уставных грамотах по Новохоперскому уезду не указывается, в чем должна была выражаться помощь помещика при перенесении крестьянских усадеб. Лишь в одной грамоте — на село Новоспасовка — говорилось, что помещик в целях более быстрого перенесения усадеб компенсирует крестьянам расходы, связанные с этим, в размере от 8 до 15 руб. на двор ⁶. При разверстании угодий крестьянам весьма часто предоставлялась негодная земля. В наиболее крупном имении Новохоперского уезда — слободе Красной, насчитывавшей 2224 души, помещица Раевская отрезала у крестьян при разверстании земли значительную часть черноземной пашни и вместо этого предоставила им неудобные земли. Земля «особенно дурного качества» предоставлялась согласно дополнительному соглашению из расчета 2 десятины неудобной за десятину удобной ⁷. Помимо

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 714.

² Там же, д. 737.

³ Там же, д. 733.

⁴ Там же, д. 708, 723. В первом случае прирезано 8 десятин, во втором — 9.

⁵ Там же, д. 709, 719.

⁶ Там же, д. 716. Размеры компенсации были весьма различны. Так, по уставной грамоте на деревню Ольми помещик согласно особому условию выдавал на перенесение одной усадьбы 40 руб. серебром (там же, д. 695).

⁷ Там же, д. 730.

этого, Раевская предоставляла крестьянам в качестве компенсации за отрезанные черноземные земли «в полное распоряжение сбор тростника-осоки и прочие произведения болот, а также 140 дес. болота»¹.

Во всеподданнейшем прошении крестьяне следующим образом характеризовали полученную вследствие разверстания землю: «Из наших полей и угодий выбрала чересполосно места самые лучшие, вырезала для себя 300 десятин, а нам дала в надел вырезанную в виде очажной плиты... но наше общество на такой губительный надел не согласилось»². Подобные действия Раевской противоречили даже Положению. Тем не менее обмен угодий был утвержден мировым посредником. Ходатайство крестьян об уменьшении оброка на основе того, что «большая часть наделяемой земли песчаная, много солонцов и болот, вследствие чего некоторые крестьяне отказываются от всего надела»³, было отклонено мировым посредником.

Как сообщал министру внутренних дел воронежский военный губернатор, крестьяне «сознали законность требований местных властей» после «административного наказания главных виновников и подстрекателей (до 40 человек)»⁴. В действительности сопротивление крестьян было сломлено только в результате сосредоточения в слободе Красной до восьми рот пехоты и производства массовой экзекуции. В указанном выше прошении крестьян говорилось: «Господин начальник губернии не сделал никакого дознания и, не спрося ни одного человека, приказал подать розги и велел наказывать, что было исполнено с жестокостью и немилосердием. Наказал до 200 человек мужского и женского пола, 80 человек наказал в 4-ом разряде по 500, 400, 300 и по 200 розог, некоторым менее, а женщин велел наказывать становому приставу, который, пользуясь поручением своего начальника, наказывал безвинных женщин по 100 розог и бил рукопашно по скулам, так что наказанные были без памяти и рассудка»⁵.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 730.

² ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, оп. 52, 1863 г., д. 42, л. 6.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 730.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, оп. 52, 1863 г., д. 42, л. 6—7.

⁵ Там же, л. 7.

Только после этой расправы, произведенной, как указывалось во всеподданнейшем прошении, «секуционной командой», крестьяне приступили к обработке своих наделов.

В заключение остановимся на дополнительных условиях, касавшихся рыбной ловли. В двух грамотах рыбная ловля крестьянам запрещалась¹. Так, в грамоте на село Алферовка княгини М. А. Долгорукой говорилось о запрещении рыбной ловли по Хопру и озерам, а также въезда «под каким бы то ни было предлогом в господские леса»². По двум грамотам — на село Петровское и слободу Красную — рыбная ловля в пределах крестьянского надела разрешалась³.

* *
*

Валу́йский уезд, находившийся на юго-западе губернии, граничил с Харьковской и Курской губерниями. Он относился к третьей местности черноземной полосы. Высший душевой надел был установлен здесь в 3,25 десятины.

По данным Редакционных комиссий, общее число помещичьих крестьян составляло здесь 13 664 души, из которых 10 507 находились на барщине и 3 157 — на оброке⁴. По 56 уставным грамотам количество крепостных составляло 7 875 ревизских душ⁵. Кроме того, по данным статистического сборника «Дарственное надельное землевладение крестьян», в уезде было 5 377 дарственников⁶. Таким образом, общее число крепостных, по данным уставных грамот и дарственных сделок, составляло 13 252 души, или 96,2% по отношению к данным Редакционных комиссий.

6986 душ, или 88,7%, значившихся по уставным грамотам крестьян, принадлежали крупнопоместным владельцам. Из дарственников крупнопоместным владельцам принадлежало 4 298 душ, или 79,9%.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 714, 732.

² Там же, д. 714.

³ Там же, д. 718, 730.

⁴ А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1252.

⁵ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 137—176.

⁶ «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 4—5.

Из 56 уставных грамот крестьянами подписаны 22 (1939 душ), не подписано 34 грамоты (5 936 душ). Таким образом, крестьяне не подписали 75,5⁰/₀ уставных грамот. Причин отказа от подписи в грамотах не содержится. В некоторых случаях крестьяне отказывались от подписи грамот, ожидая «новой воли». Подобное имело место, например, в наиболее крупном имении уезда — слободе Красной, принадлежавшей княгине Апраксиной. Крестьяне в числе 1 116 ревизских душ отказались от подписи и принятия уставной грамоты. Как сообщал в Министерство внутренних дел воронежский губернатор, крестьяне в ответ на предложение мирового посредника «...с дерзостью утверждали, что не желают никакого надела их от помещика, а будут ожидать того надела, который им обещали от царя, т. е. в безусловное пользование»¹.

Во всех уставных грамотах данные о дореформенном наделе указаны точно. Однако по уставной грамоте на хутор Любвин при измерении вместо 920 оказалось 845 десятин².

В результате реформы в землепользовании крестьян Валуевского уезда произошли следующие изменения.

	Земли до реформы (в дес.)	Отведено в надел (в дес.)	Уменьшение	
			в дес.	в %
По уставным грамотам . . .	24 284	22 772	1 512	6,8
По дарственным сделкам . .	16 561 ³	3 833	12 728	76,8
Итого	40 845	26 605	14 240	35,1

Из числа крестьян, значившихся по уставным грамотам, 4 158 душ по 23 грамотам (52,8⁰/₀) получили высший размер надела; 3 717 душ по 33 грамотам (47,2⁰/₀) — меньше высшей нормы, но больше низшего размера.

Из 33 грамот, по которым отведен неполный надел, по 29 никаких изменений в размере находившейся в пользовании крестьян земли произведено не было.

¹ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, оп. 52, 1862 г., д. 60, л. 26.

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 142.

³ «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 4—5.

5 377 душ крестьян-дарственников получили в надел 3 833 десятины¹. Дарственный надел в Валуйском уезде равнялся 1 950 кв. саженим, что на 5 377 душ должно было составить 4 368 десятин. Следовательно, крестьяне-дарственники получили земли на 535 десятин, или на 12%, меньше. 1 033 дарственника получили по 13 сделкам наделы, превышавшие норму, 4 344 — по 29 сделкам меньше нормы².

1033 души получили 1101 десятину вместо полагавшихся 838, т. е. на 263 десятины больше. При этом от 1 до 1,15 десятины получили 265 душ, а по одной сделке (на хутор Алексеевское) 8 душ — 13 десятин, т. е. несколько более 1,5 десятины на душу³.

4344 души получили 2732 десятины, или в среднем по 0,63 десятины на душу, т. е. менее нормы. Менее 0,5 десятины получили 978 душ (села Кочережское, Деминское и 2-е Самарино)⁴.

В результате составления и введения в действие уставных грамот в Валуйском уезде произошли следующие изменения в наделах крестьян:

Изменение надела	Число грамот	Количество душ	В % ко всем душам
Сокращение	13	1 865	23,6
Увеличение	1	19	0,4
Без изменений	42	5 991	76,0

До реформы в пользовании 1 865 крестьян (по 13 грамотам), наделы которых подверглись сокращению, находилось 7 311 десятин земли. Пореформенный надел составил 5 793 десятины. Иначе говоря, у крестьян указанного уезда было отрезано в общей сложности 1 518 десятин. Процент отрезки составил 20,7.

По отдельным грамотам процент отрезки был следующим:

¹ «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 4—5.

² Там же, раздел «Б», стр. 4—5.

³ Там же, стр. 4.

⁴ Там же.

% отрезки	Число грамот	Количество душ
До 5	2	133
От 10 до 20	6	773
> 20 > 30	4	838
> 60 > 70	1	121

По всем грамотам отрезка произведена вследствие того, что дореформенные наделы по ним превышали высшую норму. По грамоте на село Фощеватое по добровольному соглашению вместо 366,75 десятины, причитавшейся по высшей норме, крестьяне получили 131 десятину¹.

Из 1865 душ, у которых была произведена отрезка, 1788 душ, или 95,90%, принадлежали крупнопоместным владельцам.

Прирезки земли в Валуйском уезде по существу не было. Лишь по одной грамоте — на село Сторуево — было прирезано 6,5 десятины, что составляло немногим более 40% по отношению к размеру существовавшего до реформы надела, но при этом крестьяне получили только по 1 десятине 379 кв. сажен².

В большинстве грамот Валуйского уезда предусматривалось разверстание угодий и перенесение крестьянских усадеб. Из 56 грамот в 34 упоминается о разверстании либо о перенесении всех или части крестьянских усадеб. В некоторых грамотах предполагалось и то и другое. Только в одной грамоте — на село Погромец, Петровское тож³, — разверстание угодий должно было осуществиться на основе добровольного соглашения. Вопрос о компенсации крестьян за перенесение усадеб затрагивался только в двух грамотах. В одной из них — на село Ладомировка — указывалось, что помещик сохраняет за собой право требовать перенесения усадеб за его счет⁴. В другой уставной грамоте — на деревню Чичерово — говорилось о том, что 35 руб. из суммы дополнительного платежа относится за счет компенсации расходов по перенесению усадеб⁵.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 163.

² Там же, д. 155.

³ Там же, д. 150.

⁴ Там же, д. 142.

⁵ Там же, д. 157.

В двух грамотах мы встречаем дополнительное условие, по которому на некоторое время сохранилась барщина, большей частью до 1 января 1863 г. При этом крестьяне обязывались отбывать ее «не по урочному положению, а в прежнем порядке»¹. По одной грамоте — на село Петровское — рыбная ловля в реке Осколе и заливах оставалась в распоряжении помещиков².

* *
*

Перейдем к рассмотрению уставных грамот по Кирсановскому уезду, Тамбовской губернии, произведенному К. Д. Максимовой в ее диссертации³. На основе данных 307 уставных грамот в результате реформы в Кирсановском уезде 27 998 ревизских душ получили 70 187 десятин 1937 кв. сажен земли⁴.

По данным автора, из 307 уставных грамот по 120 была произведена отрезка земли, по 42 — прирезка и по 145 надел не претерпел изменений. К сожалению, автор не приводит при этом числа душ, вследствие чего остается неизвестным, у какого количества крестьян была произведена отрезка, какому количеству их была прирезана земля, так как сельские общества, на которые составлялись уставные грамоты, были весьма различны по численности.

Касаясь отрезки земли, осуществленной по 120 уставным грамотам, автор приводит следующие данные: по 56 грамотам отрезка произведена вследствие того, что существующий надел превышал установленный для данного уезда высший размер; по 18 грамотам отрезка произошла благодаря тому, что у помещика оставалось менее одной трети всех удобных земель; по 3 грамотам крестьяне получили надел по низшей норме (к сожалению, причина автором не сообщается; это могло произойти либо по добровольному соглашению крестьян с помещиком, либо опять-таки вследствие того, что у владельцев оставалось менее $\frac{1}{3}$ всех удоб-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 172, 176.

² Там же, д. 150.

³ К. Д. Максимова, Крестьянская реформа 1861 года в Тамбовской губернии, Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М. 1951.

⁴ Там же, стр. 303.

ных земель); по 1 уставной грамоте крестьяне добровольно согласились получить уменьшенный до половины размер надела; по 40 уставным грамотам 6 713 душ крестьян получили дарственные наделы¹.

Процент отрезки по данным автора равнялся 25,4. У крестьян, таким образом, было отрезано 23 544 десятин земли.

Классифицируя отрезки по отношению к различным группам имений, автор приходит к выводу, что наибольший процент (38,6) приходится на крупнопоместные имения (свыше 500 душ)². Руководствуясь этим, автор делает следующий вывод: «Следовательно, из уставных грамот Кирсановского уезда видно, что наиболее обездоленными в этом отношении оказались крестьяне крупнопоместных владельцев, у которых отрезано 38,6% земли. Крупные помещики, — продолжает автор, — использовали все средства, чтобы посадить около 1/2 своих крестьян (42,5%) на четвертной надел»³.

Не говоря уже о фактической ошибке, допускаемой в определении процента дарственников у крупнопоместных помещиков (здесь речь идет о 42,5% дарственников по отношению ко всему их количеству, а не к числу крестьян крупнопоместных имений), с выводами автора согласиться нельзя.

Во-первых, высокий процент отрезков у крестьян крупнопоместных имений в сравнении с другими категориями их объясняется не только большим количеством дарственников, но и тем, что процесс обезземеливания крестьян до реформы протекал менее интенсивно в имениях крупных, нежели средних и мелких помещиков. Вследствие этого у крестьян этой группы наделы нередко превышали высшую норму, установленную для Кирсановского уезда. Во-вторых, наибольший процент дарственников объяснялся отнюдь не особым умением крупных помещиков «посадить» крестьян на дарственный надел, а тем, что именно этой категории помещиков дарственный надел был выгоден, в то время как мелкие и средние помещики, нуждаясь в средствах для пере-

¹ К. Д. Максимова, Крестьянская реформа 1861 года в Тамбовской губернии, стр. 306.

² Там же, стр. 304.

³ Там же.

стройки своего хозяйства, отнюдь не были в этом заинтересованы.

Касаясь прирезки земли, осуществленной по уставным грамотам, автор, к сожалению, не сообщает причины ее, указывая лишь на то, что она была проведена по 42 уставным грамотам, что составляет в общей сложности 1376 десятин¹.

С учетом произведенной прирезки надел крестьян Кирсановского уезда сократился в результате составления уставных грамот на 24⁰/₀.

Это уменьшение крестьянских наделов, по данным автора, находит свое выражение в следующей таблице²:

Наделы (в дес.)	До составления уставных грамот	После составления уставных грамот
	в %	
Менее 1	0,5	20
От 1 до 2	4	4,5
» 2 » 4	78,1	75,5
Свыше 4	17,4	—

В Кирсановском уезде, так же как и в рассмотренных нами уездах Воронежской губернии, по значительному числу уставных грамот предусматривалось разверстание угодий и перенесение усадеб. Однако точных данных автор не приводит.

* *
*

Изучение уставных грамот по семи уездам Центрально-черноземного района дает основание для следующих выводов.

Процесс обезземеливания крестьян до реформы проходил в этих уездах более интенсивно, нежели в нечерноземных. Это подтверждается тем, что по большинству уставных грамот, за исключением грамот Сенгелеевского и Новосильского

¹ К. Д. Максимова, Крестьянская реформа 1861 года в Тамбовской губернии, стр. 303.

² Там же, стр. 309.

уездов, крестьянские наделы не претерпели изменений. Об этом же говорит и число крестьянских душ, у которых были произведены отрезки земли.

Следует, однако, отметить, что процесс обезземеливания крестьян в рассматриваемых нами уездах протекал далеко не равномерно. В северных и восточных уездах — Сенгелевском, Новохоперском, Веневском и Новосильском — степень обезземеливания крестьян накануне реформы была небольшой, в то время как в юго-западных — Валуйском и Нижнедевицком — она достигала значительной величины.

Надо сказать, что обезземеливание крестьян до реформы наиболее интенсивно происходило в мелко- и среднепоместных имениях. В крупнопоместных имениях этот процесс протекал более медленно, в результате чего в этих имениях у большего числа крестьян были отрезаны земли во время реформы. По всем рассматриваемым уездам процент крестьян, у которых надел подвергся сокращению, несколько выше в имениях, где число крепостных превышало 100 душ.

Уезды	% крестьян, принадлежавших крупнопоместным владельцам	% крестьян, у которых произведены отрезки (всех)	% крестьян, у которых произведены отрезки, принадлежавшие крупнопоместным владельцам
Новосильский	70	58,3	74,4
Сенгелевский	79	72,7	83,4
Нижнедевицкий	34,5	30,4	51,3
Новохоперский	90,3	50,8	95,5
Валуйский	88,7	23,6	95,9
Веневский	60,1	49,0	70,3

Особенностью реализации реформы в ряде уездов центрально-черноземной полосы явилось стремление крестьян получить дарственные наделы. Это обуславливалось не только несоответствием оброка и выкупной цены существующим арендным и продажным ценам, но и близостью районов внутренней колонизации, куда могли переселиться крестьяне.

Наконец, в черноземных районах в отличие от нечерноземных требование разверстания угодий имело значительно большее распространение.

Для характеристики реализации реформы на Левобережной Украине мы обратились к уставным грамотам одного из центральных уездов Полтавской губернии — Миргородского и соседнего с ним, лежавшего на северо-востоке губернии, — Гадячского. Избрание Гадячского уезда определяется некоторыми специфическими условиями реализации реформы в Полтавской губернии. Надо сказать, что после заключения уставных грамот в Полтавской губернии наблюдалось широко распространенное стремление крестьян отказаться от надельной земли. На первом месте в этом отношении стоял Миргородский уезд. Гадячский же уезд являлся одним из немногих, в котором это явление имело весьма незначительное распространение. Третьим уездом нами избран Нежинский, Черниговской губернии.

Землепользование крепостных крестьян на Украине отличалось рядом особенностей. Во-первых, здесь существовала не общинная, а подворная система землепользования. Во-вторых, наделение землей производилось не по душам, а в зависимости от хозяйственной обеспеченности, в частности обеспеченности рабочим скотом. В связи с этим здесь образуется три категории крестьянства: тягловые, пешие и огородники.

Основной категорией являлись пешие, наделявшиеся минимальным количеством полевой земли (хотя этот минимум — размер пешего надела — был весьма условен и крайне разнообразен). Из 5 773 домохозяев Миргородского уезда 4 220 относились к разряду пеших¹. В Гадячском уезде из 5 908 дворов пеших насчитывалось 3 492². К тягловым относились крестьяне, имевшие бóльший надел, нежели пешие, причем размер этого надела был также крайне неопределенным. Тягловых в Миргородском уезде насчитывалось 656, в Гадячском — 1928.

Наконец, огородниками являлись крестьяне, имевшие лишь усадьбу и не пользовавшиеся вовсе полевым наделом. Их в Миргородском уезде насчитывалось 897 домохозяев, в Гадячском — 488³.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 1285—1359.

² Там же, д. 1—106

³ Количество тягловых, пеших и огородников в уставных грамотах Нежинского уезда определить нельзя.

Как уже указывалось, размер надела всех этих категорий был весьма разнообразен не только в различных селениях, но и в пределах одного имения. Так, в местечке Устивицы, Миргородского уезда, наделы пеших колебались от 1 десятины 1 174 кв. сажен до 10 десятин 895 кв. сажен¹. В имении Миргород помещика Л. В. Кизе числилось 18 пеших, причем размеры их наделов полевой земли составляли от 1 до 11,5 десятины²; в селе Остаповка, того же уезда, — от 1 десятины 470 кв. сажен до 19 десятин 1 297 кв. сажен³. То же самое имело место и в Гадячском уезде. В селе Ручек, этого уезда, наделы пеших составляли от 2 346 кв. сажен до 9 десятин 1 278 кв. сажен⁴.

Аналогичные колебания в размерах надела обнаруживаются и у тягловых. В местечке Слободка и селе Петровец, Миргородского уезда, надел тягловых составлял от 6 десятин 2 тыс. кв. сажен до 20 десятин 620 кв. сажен⁵. Еще большие колебания имели место при сопоставлении наделов тягловых в различных селениях. Так, в селе Портянок, Миргородского уезда, надел у отдельных тягловых достигал 40—50 десятин⁶, а в местечке Хомуец, того же уезда, — даже 88,5 десятин⁷. В то же время в местечке Сорочинцы в имении помещика Малинки трое тягловых имели надел от 1 десятины 630 кв. сажен до 4 десятин⁸. В селе Дубровной, Гадячского уезда, 30 тягловых имели надел по 4 десятины с небольшим⁹. Все это не только характеризует весьма значительные колебания в размере наделов пеших и тягловых, но и говорит также об условности этих категорий. Какую можно установить грань между тягловыми и пешими, если наделы пеших достигали 17 десятин, а наделы тягловых в некоторых случаях составляли 4 десятины и менее?

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 1229.

² Там же, д. 1260.

³ Там же, д. 1291.

⁴ Там же, д. 21.

⁵ Там же, д. 1228.

⁶ Там же, д. 1289.

⁷ Там же, д. 1288.

⁸ Там же, д. 1280.

⁹ Там же, д. 24.

Размеры усадеб огородников, не имевших вовсе полевого надела, также были различны. Так, например, в местечке Шишаки и хуторе Купчин, Миргородского уезда, этот размер колебался от 150 до 1386 кв. сажен¹.

Необходимо также сказать, что количество огородников, т. е. обезземеленных крестьян, было фактически больше, нежели это указывалось в уставных грамотах. Так, в селе Зуевец помещика Старова числились 1 тягловый и 20 пеших, имевших в общей сложности 4 десятины 1286 кв. сажен, что практически означало, что они владели только усадебными наделами². На хуторе Фошевом семь пеших в общей сложности имели надел в 1 десятину 1216 кв. сажен, т. е. вовсе не пользовались полевой землей³. На хуторе Солонецком из 4 тягловых и 14 пеших было 12 огородников, не имевших полевого надела⁴. Подобные примеры далеко не единичны. То же мы наблюдаем и в Гадячском уезде. В местечке Лютенка помещика Рубана один тягловый и четыре пеших имели в общей сложности 1 десятину 1094 кв. сажен земли⁵, т. е. пользовались лишь одной усадьбой. Едва ли можно также считать пешими тех домохозяев, полевой надел которых не составлял даже 1 десятины. Так, например, в селе Рымаровка, Гадячского уезда, из четырех пеших домохозяев у двух полевой надел составлял по 1883 кв. сажен, а у двух — по 242 кв. сажен⁶. Все это свидетельствует о том, что указанные крестьяне, являвшиеся фактически огородниками, были обезземелены еще до реформы.

Рассмотрим итоги реформы по Миргородскому уезду. Миргородский уезд принадлежал к первой местности Полтавской губернии, где душевой надел составлял 2,75 десятины. Общее число крепостных помещичьих крестьян, по данным Редакционных комиссий, составляло в уезде 16 620 ревизских душ⁷, из которых 16 495 было на

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 1272.

² Там же, д. 1312.

³ Там же, д. 1317.

⁴ Там же, д. 1345.

⁵ Там же, д. 78.

⁶ Там же, д. 18.

⁷ А. Скребицкий, Крепостное дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1238.

барщине, а 125 — на оброке. В 146 уставных грамотах, хранящихся в фонде Главного выкупного учреждения, числится 13 673 души¹. Кроме того, в уезде было 432 души крестьян-дарственников². Следовательно, общее число душ по этим сведениям составляло 14 105, или 84,2% по сравнению с цифрами Редакционных комиссий.

Из числа помещичьих крестьян, значившихся по уставным грамотам, 9426 душ, или 68,9%, принадлежали крупнопоместным владельцам (свыше 100 душ).

Из 146 грамот подпись крестьян значитя только в 42 (3752 души). Причины отказа от подписи не обозначены. Только в акте мирового посредника по поводу составления грамоты на местечко Сорочинцы, хутор Сорочинский и село Барановка указывается, что крестьяне отказались от подписи, не желая прирезки земли³.

До реформы в Миргородском уезде в пользовании у крестьян, по обследованным уставным грамотам, находилось 28 139 десятин земли. После реформы им было отведено в надел 26 537 десятин. Таким образом, надел крестьян сократился на 1602 десятины, или на 5,7%.

По 16 грамотам 3635 душ, или 26,6% их общего числа, получили высшую норму надела; по 47 грамотам 6701, или 49%, — наделы меньше высшей, но больше низшей нормы, по 31 грамоте 1580 душ, или 11,1%, — низшую норму надела; и по 52 грамотам 1757 душ, или 13,3%, — наделы меньше низшей нормы.

Необходимо иметь в виду, что приведенные данные весьма относительны. Они показывают лишь число сельских обществ (по числу грамот) и душ в них, получивших те или иные размеры надела. Внутри же обществ, как уже указывалось, земля распределялась далеко не равномерно.

Вышеприведенные данные говорят, что крестьяне крупнопоместных владельцев получили земли относительно больше, чем среднепоместных. Так, на одну грамоту

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 1225—1359.

² «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 24.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 1280.

приходится в среднем получивших высшую норму надела 225,9 души, низшую — 50 и менее низшей — 33,8 души. Причины предоставления крестьянам наделов, размеры которых не достигали низшей нормы, были следующими. По трем грамотам (62 души) прирезка земли не была проведена независимо от желания крестьян: в одном случае — по мелкопоместности имения, в другом — вследствие того, что у помещика не оставалось одной трети всех принадлежавших ему ранее удобных земель и в третьем — из-за отсутствия у помещика вовсе земли. Во всех остальных случаях прирезка не производилась по добровольному соглашению. Это были огородники, не имевшие вовсе полевой земли, или пешие, владевшие весьма ничтожным количеством полевого надела (в среднем до десятины). Отказы от земли крестьян этой категории достаточно ясны. Будучи фактически обезземелены до реформы и в значительной степени лишены средств производства, они, естественно, не были в состоянии обрабатывать ее. «Мы, крестьяне, — указывалось в приложении к уставной грамоте на село Черевки, — не имея как до обнародования манифеста 19 февраля 1861 года, так и после оногo в своем пользовании полевой земли, а также не имея у себя никаких средств обрабатывать ее, и ныне по добровольному соглашению... отказываемся и принимаем одну только усадебную землю»¹. В селе Малые Сорочинцы и селе Зубовка помещицы Богалевской числилось 2 тягловых и 12 пеших, имевших в общей сложности как усадебной, так и полевой земли 28 десятин 2 164 кв. сажень, т. е. фактически являвшихся огородниками. По общественному приговору они с согласия помещика отказываются, за исключением одного крестьянина, от полевой земли, оставляя себе только 3 десятины под усадьбы. «Как мы малосорочинское общество, — указывалось в приговоре, — в настоящее время по несостоятельности нашей не желаем принять...»².

Отдельные отказы от прирезки имели место и со стороны крестьян других категорий. Причем причины этого были весьма различны и обычно не указаны в уставной

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 1267.

² Там же, д. 1353.

грамоте. Иногда причиной было недовольство крестьян качеством прирезываемой земли. Так, например, в деревне Жабокрик и на хуторе Тух предполагалась прирезка 3,5 десятины земли. Но крестьяне отказались, так как она нарезалась в трех отдельных участках¹.

Одной из особенностей крестьянского землепользования в Миргородском уезде была чрезвычайная чересполосица угодий. В селе Сорочинцы 26 десятин полевого надела находились в 22 различных местах². В местечке Яросек 34 десятины прирезанной земли находились в 24 «отдельных кусках»³. В селе Савинец 768 десятин складывались из 390 отдельных участков⁴. В селе Зуевец надел крестьянина Ивана Павлика размером в 13 десятин 1053 кв. сажен состоял из 10 отдельных участков, а у Павла Несенко надел размером 7 десятин 2300 кв. сажен — из 17 участков⁵. Подобные примеры не были единичны.

В Миргородском уезде, так же как во всей Полтавской и других украинских губерниях, и после реформы сохранялся тот же принцип неравномерности наделения землей. Собственно, никакого перераспределения наделов внутри общества не производилось. При условии сохранения прежнего количества земли за каждым домохозяином закреплялось по уставной грамоте то количество угодий, которыми он пользовался до реформы. Так, в селе Марьинском крестьянин Мирон Трофименко по-прежнему пользовался 460 кв. саженями усадебной земли, а Максим Петренко — 16 десятинами 350 кв. саженями⁶. В случае же отрезки либо прирезки происходила известная нивелировка. В качестве примера приведем распределение земли в местечке Устивицы. До реформы в пользовании крестьян этого местечка находилось 80 десятин и 219 кв. сажен земли. После реформы их надел составил 52 десятины 1018 кв. сажен⁷. Земля распределялась следующим образом:

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 1300.

² Там же, д. 1334.

³ Там же, д. 1331.

⁴ Там же, д. 1376.

⁵ Там же, д. 1376.

⁶ Там же, д. 1225, опись сельских участков.

⁷ Там же, д. 1229. Приводятся только данные о полевой земле, так как усадебные участки остались без изменения.

Домохозяин	Полевой земли (без усадеб)			
	до реформы		по уставной грамоте	
	дес.	кв. саж.	дес.	кв. саж.
Федор Кундый	20	29	4	1 613
Мирко Прядка	10	895	4	400
Иван Прядка	11	960	4	432
Трофим Линай	4	2 053	4	1 531
Фома Пустовой	6	1 881	8	442
Кондрат Кундый	3	2 235	4	842
Прокофий Линай	8	140	4	377
Александр Измайлов	4	972	6	1 882
Андрей Тряховецкий	1	1 174	4	875
Семен Прядко	5	2 062	—	—
Итого	77	401	49	1 200

Приведенные данные свидетельствуют о том, что каждый из домохозяев получал в первую очередь коренной 4-десятинный надел (за исключением одного, который, очевидно, отказался от пользования землей либо перешел в другое общество, так как до реформы не имел вовсе усадьбы). Помимо коренного надела, крестьяне получали добавочные участки. При определении размеров последнего руководствовались, по-видимому, душевым принципом, так как иначе становится совершенно непонятным, почему Федор Кундый, пользовавшийся до реформы 20 десятинами, получает 4 десятины 1613 кв. сажень, а Александр Измайлов, имевший 4 десятины 972 кв. сажень, получает прирезку более чем в 2 десятины.

Аналогичную картину дает и опись семейных участков села Зуевец, в котором до реформы было 227 десятин 659 кв. сажень, а после составления уставной грамоты осталось 167 десятин 1800 кв. сажень (см. табл. на стр. 247).

И эта опись говорит, что уменьшение семейных участков было далеко не равномерно. Так, у Мануила Полубичко надел уменьшается с 10 до 8 десятин, а у Родиона Хазая — с 16 до 8. По-видимому, и здесь при уменьшении участка играл роль размер семьи.

Прирезка земли также приводила к некоторой нивелировке, так как в первую очередь получали надел не имевшие вовсе полевой земли либо обладавшие меньшим участком,

Домохозяин	Земли до реформы		Земли по уставной ¹ грамоте	
	дес.	кв. саж.	дес.	кв. саж.
Иван Павлик	13	1 057	8	1 273
Федор Моргун	18	1 098	16	—
Андрей Романов Моргун				
Мануил Полубичко	10	1 386	8	786
Родион Хазай	16	889	8	1 568
Тимофей Хазай	14	86	10	204
Андрей Петров Моргун	5	336	5	336
Тихон Носенко	8	1 738	5	1 414
Павел Носенко	7	2 300	7	2 300
Евсей Тищенко	7	1 733	7	1 733
Зот Тищенко				
Павел Остапенко	3	2 220	3	2 220
Ефим Носенко	18	2 054	10	2 170
Иван Ситник	8	1 526	6	1 268
Антон Гнида	7	452	4	—
Иван Гнида	9	1 046	6	350
Лука Юдко	10	1 037	6	688

нежели коренной надел. Приведем данные из описи семейных участков села Шишаки, в котором была произведена прирезка земли²:

Домохозяин	Земли до реформы		Земли по уставной грамоте	
	дес.	кв. саж.	дес.	кв. саж.
Григорий Шпак	3	1 200	4	1 200
Филипп Бондорчук	7	—	7	—
Семен Дьяченко	—	—	4	—
Герасим Здоровило	—	—	4	—
Андрей Тимченко	3	—	4	—
Аристарх Яценко	8	1 200	10	1 200
Максим Тутка	—	—	2	—
Иван Метенька	2	—	4	—

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 1346. Приводятся в сокращенном виде лишь данные о полевом наделе.

² Там же, д. 1272. Данные об усадебном наделе не приводятся, так как он не изменился.

И здесь неравномерность увеличения надела, по-видимому, объясняется количеством душ в семье.

В заключение необходимо остановиться еще на одном вопросе, связанном с землепользованием крестьян. Это вопрос о точности данных, указанных в уставных грамотах, в отношении размера крестьянского надела. Во всех уставных грамотах Миргородского уезда точно указывается размер земли, находившийся в пользовании крестьян. Таким образом, этот вопрос, казалось бы, не должен вызывать каких-либо сомнений. Однако в уставной грамоте на село Васильевка, принадлежавшее А. В. Гоголь-Яновской, сестре Н. В. Гоголя, наряду с точным обозначением количества земли (207 десятин 289 кв. сажень), находившейся в пользовании крестьян до реформы, имеется следующая запись: «Собственно, постоянного крестьянского надела не было, давалось же на каждого пешего работника земли оранкою на 4 дня, на тяглового — на восемь дней, или, считая десятину в два дня оранки, на пешего работника приходилось две десятины, на тяглового — четыре десятины. Такого рода существовавший надел при объявлении Положения и принят в основании при расчете количества крестьянских земель»¹. Эта запись дает основание заключить, что, во-первых, при подобном принципе наделения крестьян землей едва ли можно предполагать абсолютную точность данных, вплоть до одной квадратной сажени, а во-вторых, едва ли этот принцип наделения землей крестьян мог иметь распространение только в одном имении Гоголь-Яновской. При этом надо иметь в виду вообще недостаточно точные данные о количестве земли, вследствие чего нередко при повторном измерении наблюдались отклонения в ту или иную сторону. Все это говорит о том, что данные о крестьянском землепользовании нельзя рассматривать как абсолютно достоверные.

В результате реформы в землепользовании крестьян Миргородского уезда произошли следующие изменения:

Изменение надела	Число грамот	Количество душ	В % ко всем душам
Сокращение	20	2 574	18,8
Увеличение	30	2 012	14,8
Без изменений	96	9 087	66,4

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 1355.

До реформы в пользовании 2574 душ (по 20 грамотам), наделы которых подверглись сокращению, находилось 8416 десятин земли. После составления и введения в действие уставных грамот им было отведено в надел 5769 десятин. Таким образом, у крестьян Миргородского уезда было отрезано 2647 десятин земли. Процент отрезки составил 31,6.

По отдельным грамотам процент отрезки был следующий:

% отрезки	Число грамот	Количество душ
От 10 до 20	4	922
» 20 » 30	4	189
» 30 » 40	5	816
» 40 » 50	4	292
» 50 » 60	1	312
» 70 » 80	2	43

Отрезка имела место по следующим причинам: по 12 грамотам (881 душа) отрезано вследствие того, что надел превышал высшую норму; по 1 грамоте (139 душ) — вследствие того, что у помещика оставалось менее одной трети всех удобных земель; по 7 грамотам (1554 души) — по добровольному соглашению или вследствие отказа крестьян от добавочных наделов.

Увеличение наделов имело место по 30 грамотам. До реформы в пользовании крестьян, наделы которых были увеличены, находились 1704 десятины земли. После реформенный надел их составил 2749 десятин. Иначе говоря, крестьянам Миргородского уезда было прирезано в общей сложности 1045 десятин. Процент прирезки составил 61,3.

По отдельным грамотам процент прирезки был следующим (см. табл. на стр. 250).

По 29 грамотам из 30 было прирезано до низшей нормы надела, по 1 (21 душа) — немногим более¹. При этом по двум грамотам прирезка была произведена против воли крестьян².

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 1294. Вместо 29 получены в надел 32 десятины.

² Там же, д. 1337, 1359.

% прирезки	Число грамот	Количество душ
До 10	3	856
От 10 до 20	2	98
» 20 » 30	1	15
» 30 » 40	1	206
» 70 » 80	1	62
» 100 » 150	2	121
» 150 » 300	1	23
» 300 » 400	3	161
» 400 » 500	1	26
» 500 » 600	1	18
» 700 » 800	1	61
» 800 » 900	1	21
Свыше 1000	12	344

Приведем несколько примеров наиболее значительной в процентном отношении прирезки:

	Количество душ	Земли до реформы	Представлено в надел
Деревни Врублевская и Патеевская ¹	16	1 дес. 74 кв. саж.	22 дес.
Хутор Сухиновщина ²	15	1208 кв. саж.	20 дес. 1500 кв. саж.
Хутор Сагайдацкий ³	35	3 дес. 984 кв. саж.	48 дес. 300 кв. саж.

432 ревизские души дарственников получили 228 десятин⁴. По отдельным селениям надел не достигал и 0,25 десятины. Так, 113 крестьян села Березово-Лукского получили дарственный надел в общей сложности 22,9 десятины⁵, т. е. по 0,2 десятины на душу; 22 крестьянина деревни Бологово — 1,3, т. е. по 0,06 десятины⁶.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 1264. Вместо 29 получены в надел 32 десятины.

² Там же, д. 1298.

³ Там же, д. 1359.

⁴ «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 24.

⁵ Там же, раздел «Б», стр. 32.

⁶ Там же.

Рассмотрим уставные грамоты по Гадячскому уезду. По данным Редакционных комиссий, в уезде насчитывались 17 623 души помещичьих крестьян, из которых 17 187 были на барщине, а 436 — на оброке¹.

Число крестьян по 121 уставной грамоте, хранящейся в фонде Главного выкупного учреждения, составляет 16 602 души². Помимо этого, 698 душ крестьян получили дарственные наделы³. Таким образом, общее количество помещичьих крестьян по этим сведениям составляет 17 300 душ, или 98,2⁰/₀ по сравнению с данными Редакционных комиссий. 13 293 души, или 80⁰/₀, значившихся по уставным грамотам, принадлежали крупнопоместным владельцам (свыше 100 душ). Гадячский уезд относился к первой местности Полтавской губернии с высшим душевым наделом в 2³/₄ десятины. Из 121 уставной грамоты подписи крестьян значатся в 65 (8962 души). Причины отказа от подписи в уставных грамотах не указаны.

Как и в Миргородском уезде, крестьяне крупнопоместных владельцев получили земли относительно больше, нежели мелкопоместных. Так, крестьян, получивших высший душевой надел, приходится в среднем на одну грамоту 191 человек, получивших низший надел — 50,8 человека. Из 24 грамот, по которым надел не достигал низшей нормы, по 1 прирезка не была произведена за неимением у помещика земли⁴, а по остальным 23 грамотам крестьяне от увеличения надела отказались. Причина этого, как и в Миргородском уезде, заключалась частью в отсутствии орудий производства и средств, необходимых для обработки прирезаемой земли, так как эта категория крестьян являлась либо огородниками, либо весьма близкими к ним. В некоторых случаях это могло объясняться расположением или качеством прирезаемой земли. В Гадячском уезде еще в большей степени, нежели в Миргородском, была распространена чересполосица и разбросанность угодий. В селе

¹ А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1238.

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 1—106.

³ «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 22.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 18.

Броворок, например, у крестьянина Афанасия Ловдаря надел в 3 десятины 1189 кв. сажен находился в девяти отдельных местах; у Ефрема Косяна — 6 десятин 2194 кв. сажен — в 13 местах¹. Подобное положение было в селах Синевка, Свитки, Сваток и др. В селе Сваток у 47 домохозяев наделы земли состояли из 599 участков, разбросанных на 20-верстное расстояние в длину и на 15 верст в ширину². В селе Петровка 110 десятин 1347 кв. сажен надела состояли из 205 отдельных участков³.

До реформы в Гадячском уезде в пользовании у крестьян находилось 35 167 десятин земли. После реформы им было отведено в надел 34 145 десятин. Таким образом, надел крестьян сократился в общей сложности на 1022 десятины, или на 2,9⁰/₀.

По 14 грамотам 2662 души, или 16⁰/₀ их общего числа, получили высшую норму надела, по 75 грамотам 12 561 душа, или 75,7⁰/₀, — наделы меньше высшей, но больше низшей нормы, низший надел получили по 10 грамотам 508 душ, или 3⁰/₀, меньше низшего — по 22 грамотам 871 душа, или 5,3⁰/₀.

Необходимо иметь в виду, что, так же как и в Миргородском уезде, эти данные весьма относительны и характеризуют лишь средний размер надела в том или ином сельском обществе.

В результате реформы в землепользовании крестьян Гадячского уезда произошли следующие изменения:

Изменение надела	Число грамот	Количество душ	В % ко всем душам
Сокращение	15	5 336	32,1
Увеличение	11	1 271	7,6
Без изменений	95	9 995	60,3

Из вышеприведенных данных видно, что в преобладающем большинстве селений земельный надел не претерпел изменений.

До реформы в пользовании 5336 крестьян (по 15 грамотам), наделы которых подверглись сокращению, находи-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 8.

² Там же, д. 19.

³ Там же, д. 77.

лось 14 436 десятин земли. После составления и введения в действие уставных грамот им было отведено в надел 12 906 десятин. Таким образом, у крестьян Гадячского уезда было отрезано 1530 десятин. Процент отрезки составил 10,6.

По отдельным грамотам процент отрезки был следующий:

% отрезки	Число грамот	Количество душ
До 5	5	3 839
От 5 до 10	1	74
» 10 » 20	3	618
» 20 » 30	2	411
» 30 » 40	1	11
» 40 » 50	1	237
» 50 » 60	1	143
» 80 » 90	1	3

По 14 грамотам отрезки были произведены вследствие того, что дореформенные наделы превышали высшую норму, установленную Местным положением. В одном случае с согласия крестьян был отрезан выгон, хотя общее количество земли не превышало высшей нормы надела¹.

Прирезка земли имела место по 11 грамотам (1271 душа). До реформы в пользовании крестьян, наделы которых были увеличены, находилось 2514 десятин. Пореформенный надел их составил 3022 десятины. Иначе говоря, крестьянам Гадячского уезда было прирезано в общей сложности 508 десятин. Процент прирезки составил 20,2.

По отдельным грамотам процент прирезки был следующим:

% прирезки	Число грамот	Количество душ
До 10	1	41
От 11 до 20	2	928
» 21 » 30	2	83
» 41 » 50	2	58
» 51 » 60	1	24
» 61 » 70	1	21
» 500 » 600	1	103
Свыше 1000	1	13

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 97.

По семи грамотам (238 душ) было прирезано до низшей нормы надела, по двум грамотам (123 души) — больше низшей, но меньше высшей нормы, и по двум грамотам (910 душ) — высший душевой надел.

698 крестьян-дарственников получили 548 десятин, т. е. в среднем по 0,78 десятины на ревизскую душу¹. Из шести сделок по пяти надел примерно соответствовал среднему. По шестой (на Бороховское сельское общество) 72 ревизские души получили 4,4 десятины, т. е. по 0,06 десятины на душу².

В заключение характеристики уставных грамот по Гадячскому уезду необходимо сказать, что в этом уезде в значительно большей мере, нежели в Миргородском, имело место неточное определение размера дореформенных наделов крестьян. При их замере обнаруживалась большая разница в ту или иную сторону. В большинстве случаев эти колебания наблюдались в сторону увеличения. В результате этого нередко надел оказывался в действительности меньшим, чем он значился в грамоте. В этом отношении весьма характерны следующие данные:

№ архивного дела	Населенный пункт	Действительный размер надела		Размер надела по уставной грамоте	
		дес.	кв. саж.	дес.	кв. саж.
11	Синевка	180	1 777	217	1 464
63	Городище и Загребелье	677	266	738	747
85	Местечко Веприк и хутор Орабцовщина	35	—	25	2 328
90	Село Подставок и хутор Голенковщина и Нагаиха	55	—	94	808

Таковы данные по Гадячскому уезду.

Приведенные выше данные уставных грамот как по Гадячскому, так и Миргородскому уездам не дают еще представления о действительной обеспеченности крестьян земель. Дело в том, что тотчас же после составления уставных грамот в Полтавской губернии начались массовые отказы крестьян от земли и в первую очередь от добавочных участков. Это странное на первый взгляд явление объяснялось весьма

¹ «Дарственное надельное землевладение крестьян», раздел «Б», стр. 24.

² Там же, стр. 30.

просто. В результате составления уставных грамот происходит массовый переход крестьян с барщины, безраздельно господствовавшей в Полтавской губернии, на оброк. Это поставило помещиков в тяжелое положение, так как перейти сразу к обработке земли на основе капиталистических методов ведения хозяйства они не могли. Отсюда единственный выход — сдача земель в аренду. Массовая сдача земель в аренду повлекла за собой, естественно, резкое падение арендных цен, а это в свою очередь обусловило нежелание крестьян брать землю. Характеризуя это явление, министр внутренних дел Тимашев в представлении в 1878 г. в Главный комитет об устройстве сельского состояния писал: «При издании Положений 19 февраля 1861 года большинство крестьян Полтавской губернии состояло на издельной повинности¹. Но в то время все крестьяне положительно отказались отбывать прежнюю барщину, а денежный оброк, определенный местным Положением, считали для своих средств отяготительным и несоразмерным со стоимостью наделов. От этого возникло в крестьянском населении общее движение отказываться от земли, которое находило себе поддержку главным образом в том факте, что сами помещики, вынужденные одновременно переменить образ хозяйства сообразно новым условиям землевладения, оказались также на первое время несостоятельными и отдавали свои земли вольным съемщикам за цену, более умеренную сравнительно с тою, которая была назначена местным Положением за крестьянские наделы. Следовательно, — указывал Тимашев, — в первое время после издания Положений 19 февраля крестьяне, отказавшись от своих наделов, были поставлены в сравнительно лучшее экономическое положение, нежели их односельцы, которые удерживали за собою земли»². Вполне понятно, что в конце концов в выгоде остались помещики, так как арендные цены на землю должны были неизбежно подняться, особенно в условиях массового на нее спроса. «Некоторые из помещиков, — указывал в этом же представлении Тимашев, — воспользовались таким настроением крестьян, чтобы сохранить за со-

¹ По данным И. И. Игнатович, процент барщинных крестьян в Полтавской губернии составлял 99,4 (см. *И. И. Игнатович, Помещичьи крестьяне накануне освобождения*, М. 1910, стр. 52).

² ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1875 г., д. 49, л. 53.

бою навсегда земли и угодья, бывшие в пользовании их крепостных крестьян. Впоследствии, когда наемная плата за землю в Полтавской губернии при содействии арендаторов-евреев почти одновременно утроилась в цене, крестьяне некоторых имений поняли сделанную ими ошибку»¹. Повышение арендных цен объяснялось, естественно, не махинациями тех или иных арендаторов, а массовым спросом на землю.

Отказы крестьян от земли и в первую очередь от добавочных участков (что не требовало согласия помещика) получили в Полтавской губернии значительное распространение сразу же после составления уставных грамот, или, точнее, еще в период их составления с 1862 г. Так, по Миргородскому уезду отказалось от части надела 4140 душ, т. е. немногим более 30% общего количества крестьян, значившегося в 146 анализируемых нами уставных грамотах². По 10 уставным грамотам 2583 души отказались до 1870 г., по 6 грамотам 1487 душ — после 1870 г. (между 1871 и 1873 гг.) и по 2 грамотам 70 душам надел был уменьшен при заключении выкупной сделки.

Отказы оформлялись соответствующим решением мирского схода, выносившего по этому поводу особый приговор. В мирском приговоре крестьян села Савинец помещика Фролова-Бугреева, составленном 15 марта 1863 г., указывалось, что они отказываются навсегда от добавочных участков и оставляют себе только один коренной надел, т. е. по 4 десятины на каждого домохозяина, так как «затруднительно находим отбывать следуемые за нее повинности»³. Вследствие этого из 1122 десятин 1752 кв. сажен отведенной им в надел земли они предоставляли помещику право отрезать там, «где признает удобнее», 354 десятины 1752 кв. сажени. В распоряжении же 190 домохозяев оставалось 768 десятин земли. При этом оставшаяся в распоряжении крестьян земля распределялась, как уже указывалось, между ними уравниательно, в то время как до отрезки наделы отдельных домохозяев были весьма различны. Участки

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1875 г., д. 49, л. 53.

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 1229, 1240, 1241, 1244, 1253, 1263, 1265, 1266, 1281, 1285, 1288, 1289, 1291, 1299, 1310, 1321, 1331, 1332.

³ Там же, д. 1331.

полевой земли в этом селе колебались от 27 десятин 547 кв. сажен до 697 кв. сажен¹.

Подобное распределение земли в случае отказа от дополнительных участков отнюдь не было исключением. То же мы наблюдаем и в местечке Сорочинцы и на хуторе Пологе, принадлежавших гр. Гудович². Крестьяне этих селений в количестве 1 100 ревизских душ отказываются в апреле 1863 г. от добавочных участков и оставляют на каждого домохозяина по 4 десятины как усадебной, так и полевой земли (с отклонением на несколько сот квадратных сажен), вследствие чего существовавшая ранее неравномерность наделов уничтожается. В качестве примера приведем следующие данные из описи семейных участков (полевой земли).

Порядковый № описи	Домохозяин	Земли по уставной грамоте		Земли после отказа от дополнительных участков	
		дес.	кв. саж.	дес.	кв. саж.
87	Моисей Дашко	22	—	3	1800
88	Павел Дашко	1	—	3	1800
153	Матвей Мантура	28	600	3	1200
223	Никита Таращенко	1	300	3	1200

Помимо этих «законных» отказов от надела в соответствии с теми или иными статьями Положений, в Миргородском уезде отмечался, по данным Министерства внутренних дел, 41 случай отказа от надела, полученного крестьянами по уставным грамотам³. Все это говорит о том, что в Миргородском уезде это получило массовое распространение.

Примерно такое же положение с отказом крестьян от наделов, лишь в несколько меньших масштабах, наблюдалось и в Гадячском уезде. Из 121 уставной грамоты этого уезда по 16 грамотам крестьяне отказались от добавочных участков. При этом по 14 грамотам (2037 ревизских душ) отказались полностью⁴, по двум грамотам (336 душ)⁵ —

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 1332.

² Там же, д. 1244.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1181, оп. т. XV, 1875 г., д. 4, л. 4.

⁴ Там же, д. 16, 19, 25, 30, 31, 37, 56, 76, 82, 83, 92, 93, 102, 106.

⁵ Там же, д. 22, 105.

частично. Исходя из количества отрезанной земли, число отказавшихся от части надела по этим двум грамотам составляло не менее 50%. Руководствуясь этим, мы и определяем общее количество отказавшихся от добавочных участков в 2205 душ (2037 + 168), что составило к числу крестьян, значившихся по 121 анализируемой нами грамоте, 13,2%.

До 1870 г. от добавочных участков отказались по 12 грамотам 1624 души; после 1870 г. по 3 грамотам — 467 душ; при заключении выкупных сделок по одной грамоте — 114 душ.

Причины отказа были те же, что и в Миргородском уезде. Так, крестьяне населенных пунктов Подставок, Сваток и Синевка помещика Ставицкого в количестве 74 ревизских душ в своем приговоре указывали: «Мы не в силах иметь в своем пользовании наказанной нам по уставной грамоте пахотной земли, т. е. добавочные наделы, а желаем получить в свое распоряжение только один коренной надел»¹.

Отказ от добавочных участков всего общества вызывал уравнительное распределение земли между всеми домохозяевами. Так, крестьяне села Сваток графини Гендриковой отказались в 1863 г. от добавочных участков и в своем приговоре записали: «...всем обществом отказываемся от добавочного по уставной грамоте надела в числе 305 дес. и 659 саж., а оставляем за собой усадьбную оседлость 34 дес. 1141 саж. и коренной надел на каждого означенного в описи семейных участков домохозяина по 4 десятины, для всех же 78 домохозяев — 312 десятин»².

То же указывалось и в приговоре крестьян хутора Ращевка помещицы Мусиной-Пушкиной, которые, отказавшись от добавочных наделов в составе всего общества (336 ревизских душ), распределили землю «поровну на всех домохозяев»³. В тех же случаях, когда от добавочных участков отказывалась часть домохозяев, передела земли не производилось.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 93.

² Там же, д. 23.

³ Там же, д. 56.

Помимо этих 16 случаев отказа от добавочных участков, «незаконных» или самовольных отказов по Гадячскому уезду не было ¹.

Отказы от добавочных участков продолжались по Миргородскому уезду до 1871 г. включительно, по Гадячскому уезду — до 1876 г. Важно отметить, что в начале 80-х годов крестьяне обращаются с ходатайством о возвращении им отрезанных у них по той или иной причине земель. Подобных случаев по Миргородскому уезду было два ², по Гадячскому — тоже два ³. Из этих четырех случаев по трем было отказано, а по одному отрезанная земля возвращена ⁴.

В ряде грамот как Миргородского, так и Гадячского уезда содержится запрещение крестьянам ловить рыбу.

* *
*

Нежинский уезд занимал центральную часть среди четырех южных уездов (Конотопского, Борзенского, Нежинского и Козелецкого) Черниговской губернии. По количеству помещичьих крестьян Нежинский уезд стоял на первом месте среди указанных выше уездов. По данным Редакционных комиссий, в нем насчитывались 15 022 ревизские души помещичьих крестьян, находившихся целиком на барщине ⁵. Общее же число душ по 128 уставным грамотам ⁶, хранящимся в фонде Главного выкупного учреждения, составляет 9870 ⁷. Кроме того, по данным статистического сборника «Дарственное надельное землевладение крестьян», число дарственников равнялось 4159 ⁸.

¹ Гадячский уезд в этом отношении представляет собой наряду с Лубенским, Кобелякским, Переяславским уездами исключение. Всего по Полтавской губернии было 115 самовольных отказов (ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1875 г., д. 49, л. 4).

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 1354, 1356.

³ Там же, д. 30, 31.

⁴ Там же, д. 1356.

⁵ А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1236.

⁶ В восьми делах отсутствуют уставные грамоты, т. е. общее число их должно составлять 136.

⁷ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 47, д. 924—1047.

⁸ «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 46.

Таким образом, общее количество помещичьих крестьян по этим сведениям равнялось 14 029 душам, что составляло 93,30% по сравнению с цифрой Редакционных комиссий.

Из 9870 душ, числившихся по уставным грамотам, 6456 душ, или 65,40%, принадлежали крупнопоместным владельцам. Им же принадлежало 3926 крестьян-дарственников, или 94,40% их общего числа.

Нежинский уезд относился к первой и второй местностям Черниговской губернии с высшим душевым наделом в 2,75—4 десятины.

Из числа крестьян 257 душ вовсе не имели полевой земли, так как душевой надел их составлял не более 0,5 десятины.

Из 128 уставных грамот крестьянами подписано 99 грамот (7015 душ). Причины отказа от подписи, как правило, не указаны. Только в двух грамотах имеются аналогичные по этому поводу записи: «Изьъявили свое согласие на все статьи оной, но от подписи оной, переходе на оброк и выбора уполномоченных, несмотря на все мои (мирового посредника. — П. З.) убеждения, отказались»¹.

В результате реализации реформы в землепользовании крестьян Нежинского уезда произошли следующие изменения²:

	Земли до реформы (в дес.)	Земли после реформы (в дес.)	Уменьшение	
			в дес.	в %
По уставным грамотам . . .	21 880	19 212	2 668	12,2
По дарственным сделкам . .	9 191	4 582	4 609	50,1
Итого	31 071	2 3794	7 277	23,4

Таким образом, надел крестьян указанного уезда сократился в общей сложности на 7277 десятин, или на 23,40%.

По 8 грамотам 699 душ, или 70% их общего числа, получили высшую норму надела; по 76 грамотам 7937 душ, или 80,40%, — наделы меньше высшей, но больше низшей нормы; по 29 грамотам 865 душ, или 8,80%, — низшую норму на-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения. № 577, оп. 47, д. 954 и 1029.

² Дореформенный надел крестьян-дарственников определяется, исходя из среднего надела крестьян по уставным грамотам. Он составлял 2,21 десятины.

дела; по 15 грамотам 369 душ, или 3,8%, — менее низшей нормы.

Приведенные данные, так же как и в Миргородском и Гадячском уездах, отражают лишь число сельских обществ и душ в них, получивших наделы того или иного размера. Распределение же земли внутри общества было неодинаковым.

Из крестьян, получивших наделы меньше высшей, но больше низшей нормы, у 5274 душ (51 грамота) наделы остались без изменения, у 2489 душ (21 грамота) были произведены отрезки, при этом наделы меньше высшей нормы были определены по добровольному соглашению; по 4 грамотам (174 души) крестьянам была прирезана земля. Из 865 душ, получивших низшую норму надела, 582 душам (19 грамот) была произведена прирезка. Наконец, 369 душ, получивших наделы меньше низшей нормы, отказались от прирезки земли. Причина этого указывается только в двух грамотах. Так, в грамоте на хутора Мыльников и Колесников в приговоре об отказе от прирезки говорилось: «Изъявили наше желание остаться при существовавшем в пользовании нашем до Положения поземельном наделе; сознавая вполне свою пользу на том основании, что земли при означенных владельцах недоброкачественны, то следуемая нам прибавка земли по Положению, считая по размеру низшего душевного надела в количестве 14¹/₂ десятин, будет нам в тягость по платежу повинностей»¹. В мирском приговоре деревни Хотиновки крестьяне мотивировали свой отказ тем, «что в прежнее время в пользовании нашем никогда не состояло земли и земля в селе Хотиновке неудовлетворительного качества»².

Необходимо сказать, что и после составления уставных грамот в Нежинском уезде крестьяне уменьшали свои наделы, отказываясь от добавочных участков. По 20 грамотам (875 душ) крестьяне полностью или частью отказались при выкупе от добавочных участков. Это, по нашему мнению, обуславливалось не только недоброкачественностью земли, но главным образом было вызвано падением арендных цен на землю, подобно тому как это имело место в Полтавской губернии.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 47, д. 970.

² Там же, д. 1036.

Обратимся к данным о наделах крестьян-дарственников. Общее количество удобной земли, полученной ими, составляло 4582 десятины. 1251 дарственник получил по 7 сделкам наделы, превышавшие норму, 2844 по 10 сделкам — равные норме, и 63 души по 4 сделкам — ниже нормы¹.

1251 крестьянин, наделенный более нормы, получил в общей сложности 1813 десятин, т. е. около 1,5 десятины на ревизскую душу. В отдельных случаях душевой надел был и выше. Так, в селе Плоском семь душ получили в надел 15,5 десятины, на хуторе Кукушкин один крестьянин — 5, а в деревне Хотиновке две души — 13,8 десятины². 63 душам, надел которых оказался ниже нормы, было предоставлено в общей сложности 44,4 десятины, т. е. в среднем по 0,7 десятины на душу. Отдельные же домохозяева получили наделы значительно ниже: две души на хуторе Колесники — 0,1 десятины, т. е. по 0,05 десятины, две души на хуторе Мрин — 0,8, т. е. по 0,4 десятины на душу³.

В результате составления и введения в действие уставных грамот в Нежинском уезде произошли следующие изменения в наделах крестьян.

Изменение надела	Число грамот	Количество душ	В % ко всем душам
Сокращение	33	2 885	29,3
Увеличение	27	893	9,0
Без изменений	68	6 092	61,7

Следовательно, подавляющая часть крестьян либо сохранила свои наделы, либо несколько увеличила их. Это свидетельствует о том, что процесс обезземеливания крестьян до реформы протекал здесь весьма интенсивно.

До реформы в пользовании 2885 душ (по 33 грамотам), наделы которых подверглись сокращению, находились 9382 десятины земли. Пореформенный надел их составил 6090 десятин. Иначе говоря, у крестьян указанного уезда были отрезаны 3292 десятины. Процент отрезки составил 34,6.

¹ «Дарственное надельное землевладение крестьян», раздел «Б», стр. 72.

² Там же.

³ Там же.

По отдельным грамотам этот процент был следующим:

% отрезки	Число грамот	Количество душ
До 5	2	147
От 5 до 10	4	178
» 10 » 20	5	771
» 20 » 30	6	363
» 30 » 40	3	232
» 40 » 50	3	269
» 50 » 60	7	431
» 60 » 70	3	494

По 16 грамотам (1626 душ) отрезки имели место вследствие того, что наделы превышали высшую норму, при этом по 11 грамотам надел по добровольному соглашению уменьшался до размера ниже высшей нормы; по 17 грамотам (1259 душ) — по добровольным соглашениям или вследствие отказа от дополнительных участков.

Прирезка земли имела место по 27 грамотам и коснулась 893 крестьян. До реформы в их пользовании находились 602 десятины земли. Пореформенный же надел их составил 1226 десятин. Иначе говоря, крестьянам Нежинского уезда были прирезаны в общей сложности 624 десятины. Процент прирезки составил 100,3.

По отдельным грамотам процент прирезки был следующим:

% прирезки	Число грамот	Количество душ
До 5	1	43
От 5 до 10	2	102
» 10 » 20	3	109
» 20 » 30	2	68
» 30 » 40	2	26
» 50 » 60	1	24
» 60 » 70	2	91
» 70 » 80	1	29
» 100 » 150	1	18
» 250 » 300	1	76
» 400 » 500	2	38
» 700 » 800	1	12
» 800 » 1000	1	79
Свыше 1000	7	78

Наибольший процент прирезки, превышавший 2000, относится к деревне Носовке, где 35 душам крестьян, владевшим до реформы 2 десятинами 102 кв. саженями земли, было прирезано до низшей нормы 45 десятин 2298 кв. сажен.

Менее низшей нормы прирезано по 3 грамотам (98 душ); по 19 грамотам (603 души) наделы были доведены до низшей нормы; по 5 грамотам (192 души) наделы в результате прирезки превысили низшую норму, но не достигли высшей. По всем грамотам последней группы, за исключением одной, наделы немногим превышали низшую норму. По этой одной грамоте — на хутор Мрин — к 2 десятинам, которыми владели до реформы 18 ревизских душ, было прирезано 34 десятины, т. е. крестьяне получили почти по 4 десятины на душу¹. Важно отметить, что прирезанные 34 десятины состояли из 26 отдельных участков. Подобная чересполосная прирезка не представляла собой исключения. В деревне Крапивне 15 десятин земли были прирезаны в 10 отдельных местах². Данных о разверстании угодий, перенесении усадеб и дополнительных статьях в уставных грамотах не содержится.

Вышеприведенные данные по трем уездам Левобережной Украины дают нам основание для следующих выводов.

В дореформенный период степень обезземеливания крестьян на Левобережной Украине достигла значительных размеров, в силу чего известная часть крестьян была к моменту реформы уже лишена полевого надела.

подавляющая часть обезземеленных крестьян отказывается от надела вследствие отсутствия у них орудий производства и невозможности уплачивать оброк за предоставляемую им в надел землю.

Другой причиной отказа от надела являлось стремление помещиков навязать крестьянам неудобные земли (Нежинский уезд).

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 47, д. 1023.

² Там же, д. 1016. Подобная чересполосица существовала и до реформы. Так, у крестьянина села Талаевка Филиппа Небожатко 3 десятины 196 кв. сажен полевой земли находились в пяти отдельных участках (д. 974)

Понижение арендных цен на землю приводит к массовым отказам от земли, в первую очередь от добавочных участков, что в дальнейшем обусловило крайне тяжелое положение крестьянства этого района. Отказы крестьян от добавочных участков имели тяжелые последствия. Во-первых, уменьшалась площадь крестьянского землевладения, что обуславливало сохранение в больших размерах различных феодальных форм эксплуатации. Во-вторых, происходила нивелировка крестьянских хозяйств (установление уравнительных норм землепользования), чему способствовало сокращение крестьянских наделов. Естественно, что уравнительное распределение земель задерживало процесс разложения крестьянства, сводя на нет тот процесс расслоения, который достиг на Украине еще в дореформенный период значительной степени.

4. УСТАВНЫЕ ГРАМОТЫ ОКРАИН — РАЙОНА ВНУТРЕННЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Рассмотрим данные уставных грамот по третьей группе губерний — земледельческих окраин, являвшихся районами внутренней колонизации. Из этой группы губерний мы анализируем уставные грамоты трех уездов Самарской губернии, одного — Екатеринославской, одного — Херсонской и двух северных уездов Вологодской губернии.

Отличительной чертой третьей группы губерний является небольшое количество крепостных помещичьих крестьян, а также наличие в пользовании у крестьян до реформы значительных земельных пространств. В связи с этим в большинстве уездов указанных губерний невозможно установить точные данные о дореформенном землепользовании крестьян.

Было бы неверным представлять себе, что все губернии, включенные в эту группу, совершенно однотипны. В этом отношении несомненный интерес представляет Самарская губерния, территорию которой можно подразделить на три подгруппы. К первой из них относятся Ставропольский, Бугульминский и Бугурусланский уезды, приближавшиеся в известной степени по своему характеру к центрально-черноземной группе губерний. Ко второй группе относятся уезды степные, являющиеся подлинными районами внутренней колонизации, — это Новоузен-

ский и Николаевский уезды. Наконец, в третью подгруппу — промежуточная между первой и второй — входят Бузулукский и Самарский уезды.

Для выяснения результатов реформы в Самарской губернии мы обратились к уставным грамотам трех уездов, относящихся к каждой из указанных трех подгрупп.

Одной из особенностей отмены крепостного права в Самарской губернии (так же как и в соседних Казанской и Симбирской) являлось резкое несоответствие между установленным Местным положением оброком, а отсюда и стоимостью земли по выкупу с существовавшими арендными и продажными ценами на землю. Это, естественно, обуславливало стремление крестьян получить дарственный надел, а также усиливало их общее недовольство реформой. В связи с этим в тех губерниях, где несоответствие между существовавшими ценами на землю и установленным оброком было особенно резко, правительство законом от 27 июня 1862 г. предоставило крестьянам этих губерний встречное право требовать предоставления им в дар четвертного надела при условии требования помещиком обязательного выкупа. «В местностях 7, 8 и 9-й нечерноземной полосы, и 7 и 8-й черноземной, и во всей степной полосе великороссийских губерний, и в 4, 5, 6 и 7-й местностях губерний новороссийских, — указывалось в этом законе, — помещик вместе с заявлением требования об обязательном выкупе крестьянами их надела предоставляет им право вместо выкупа угодий получить в дар $\frac{1}{4}$ высшего или указного надела безвозмездно на основании ст. 123... если же крестьяне не согласятся на получение земли в дар, то требования помещика о выкупе приводятся в исполнение порядком, указанным в Положении о выкупе»¹. Этот закон вызвал большое недовольство дворянства, заинтересованного в продаже земли по ценам, значительно превышавшим существующие, а не в сохранении в своих руках земли, не представлявшей в тот период в этих губерниях особенной ценности. Получение денег было особенно важно для дворянства в условиях перехода к новым, капиталистическим методам ведения хозяйства (для приобретения сельскохозяйственных машин и орудий, найма рабочей силы и т. д.). Исключения представляли лишь богатые помещики, которые могли обходиться и без получения вы-

¹ ПСЗ, 2-е собрание, т. XXXII, № 38407.

купных платежей. Для них, особенно если они понимали, что рост цен на землю в дальнейшем неизбежен, предоставление крестьянам дарственного надела было, бесспорно, выгодно. Недаром К. Д. Кавелин, заключив дарственную сделку со своими крестьянами в Новоузенском уезде, Самарской губернии, в статье «Уставная грамота» писал: «Я был, как нельзя более, этому рад, и в самом деле, трудно было выдумать сделку более для меня выгодную»¹. Для большинства дворянства это было не так. «Богатые помещики, более чем обеспеченные в средствах к жизни и к уплате долгов кредитным учреждениям, — писал в отчете самарский губернатор, — могли, конечно, выдержать внезапное прекращение обязательной повинности и без всякого за нее вознаграждения и даже рассчитывать в будущем на значительные выгоды, когда ценность земли уравняется с оброком и превзойдет его, но для владельцев средней руки такой кризис решительно был не по силам. Оттого, — продолжал он, — ни одна статья Положений не возбуждала в местном дворянстве такого небезосновательного ропота, как статья 123, и оттого весьма многие помещики, вступая в переговоры с крестьянами об устройстве их хозяйственной будущности, предоставляли им на выбор все возможные сделки, кроме отвода в дар четвертой части высшего или указного надела»².

В силу этого губернское дворянское собрание в 1866 г. обратилось с ходатайством к Александру II об отмене права крестьян требовать получение земли в дар. «Опыт доказал к прискорбию, — указывалось в этом ходатайстве, — что при таких условиях положение помещика становится до крайности стеснительным: ценность его имущества подрывается, хозяйство его колеблется, доверие к полной его собственности исчезает, и ни в частных сделках, ни в расчетах с кредитными учреждениями он не находит возможным установить правильных отношений»³. В представлении министра по этому поводу указывалось, что заключение выкупных сделок после издания этого закона во все почти прекратилось и крестьяне Самарской губернии,

¹ К. Д. Кавелин, Собр. соч., т. II, Спб. 1898, стр. 707.

² ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, 1862 г., д. 16, л. 394.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1867 г., д. 36, л. 15—16.

за исключением Ставропольского уезда, «оставили всякую мысль о выкупе своих наделов и в способе отправления повинностей своих по уставным грамотам соображаются с одною целью — добиться дара $\frac{1}{4}$ высшего надела»¹.

Действительно, стремление получить дарственный надел приняло массовый характер. Однако расчет крестьян был явно ошибочен, так как они не учитывали того обстоятельства, что в будущем в условиях все возрастающего спроса на землю со стороны крестьян, получавших дарственный надел, повысятся как арендные, так и продажные цены. Чем большее число крестьян получало дарственный надел, тем больше возрастал спрос на землю, а следовательно, и быстрее росли продажные и арендные цены. Приобретение дарственного надела было выгодно лишь зажиточному крестьянству, которое, обладая необходимыми средствами, имело возможность приобрести себе землю на более выгодных условиях, чем условия выкупа надела. «Большое значение в домогательстве дарового надела, — писал в своем отчете самарский губернатор, — имеют происки зажиточных крестьян, для них, имеющих возможность брать в аренду или даже приобрести в собственность необходимое количество земли, четвертной надел действительно выгоден, и они употребляют все свое влияние, чтобы склонить общество принять его»². Таким образом, получение дарственного надела, разоряя основную массу крестьянства, создавало тем не менее возможности для более быстрого роста сельской буржуазии.

* * *

*

Уставные грамоты Бугурусланского уезда обработаны исследователем реформы в Самарской губернии А. Г. Каревской, любезно предоставившей в наше распоряжение свои материалы.

В Бугурусланском уезде, как и в Ставропольском, были наиболее развиты крепостнические отношения. Здесь

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1867 г., д. 36, л. 5. Это ходатайство было отклонено Главным комитетом об устройстве сельского состояния 21 августа 1867 г. и утверждено Александром II 7 сентября того же года (там же, л. 22—23).

² ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, 1863 г., д. 17, л. 477.

находилось около 20% всех помещичьих крестьян губернии. По данным Редакционных комиссий, в Бугурусланском уезде было 20 306 ревизских душ¹, из которых 14 160 были на барщине, а 6146 — на оброке. В фонде Главного выкупного учреждения имеется 101 уставная грамота на 14 639 душ². Кроме того, в Бугурусланском уезде было 1739 крестьян-дарственников³ и 476 крестьян, заключивших выкупные сделки без содействия правительства⁴. Таким образом, общее количество крестьян, о которых у нас имеются данные, составляет 16 854 души, или 83,1% по сравнению с данными Редакционных комиссий. Из них 14 139 (в том числе 13 349 душ, значащихся в уставных грамотах) принадлежали крупнопоместным владельцам.

Бугурусланский уезд относился к седьмой местности второй, черноземной, полосы с высшим душевым наделом в 5 десятин.

подавляющая часть грамот не была подписана крестьянами. Подписанных оказалось только 18 грамот (1913 душ). В большинстве грамот причины отказа от подписи не указаны. Только в одной грамоте — на деревню Ново-Петровку — имеется указание, что крестьяне не подписали уставную грамоту, так как хотели получить «меньший надел»⁵.

Из 101 грамоты в 96 дореформенный надел определен точно, в 5 грамотах (1073 души) не указан⁶.

В результате реформы в землепользовании крестьян Бугурусланского уезда произошли следующие изменения⁷:

¹ А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1262.

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 63—146.

³ ЦГИАЛ, ф. ревизии сенатора Шамшина, № 1391, оп. 1, д. 73, л. 100.

⁴ Там же, л. 79.

⁵ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 86.

⁶ Для определения земли в пользовании крестьян по этим грамотам мы считаем возможным принять условно средний душевой надел, установленный на основе остальных 96 грамот. Этот средний душевой надел будет составлять 6,04 десятины. Таким же путем мы определяли дореформенные наделы крестьян-дарственников и перешедших на выкуп без содействия правительства. По этим группам крестьян мы располагаем всеми данными, за исключением размера дореформенного надела.

⁷ Данные о дарственных сделках и выкупных договорах, осуществленных без содействия правительства, заимствованы нами из

	Земли до реформы (в дес.)	Предоставлено в надел (в дес.)	Уменьшение	
			в дес.	в %
По уставным грамотам . . .	88 477	69 922	18 555	20,9
По дарственным сделкам . .	10 503	2 130	8 373	79,7
По сделкам, совершенным без содействия правительства	2 875	143	2 732	95,0
Итого	101 855	72 195	29 660	29,4

При этом наделы претерпели следующие изменения:

Изменение надела	Число грамот	Количество душ	В % ко всем душам
Сокращение	78	11 136	76,1
Увеличение	3	422	21,1
Без изменений	20	3 081	2,8

Таким образом, надел крестьян указанного уезда сократился в общей сложности на 29 660 десятин, или на 29,4⁰/о.

По одной грамоте 53 души, или 0,4⁰/о общего числа крестьян, получили наделы, превышавшие высшую норму; по 91 грамоте 12 606 душ, или 86,1⁰/о, — высшую норму; по 7 грамотам 1585 душ, или 10,8⁰/о, — наделы менее высшей, но более низшей нормы; по 1 грамоте 64 души, или 0,4⁰/о, — низшую норму; по 1 грамоте 331 душа, или 2,3⁰/о, — наделы менее низшей нормы.

Наделы, превышавшие высшую норму, получили крестьяне деревни Николаевки, которым помещица Толстая сверх 261 десятины предоставила в дар 2 десятины, что составило менее 10 кв. сажен на душу.

Итак, 86,5⁰/о крестьян получили наделы, равные высшей норме или превышающие ее.

ведомостей Самарского губернского по крестьянским делам присутствия, составленных в 1880 г. Ведомости эти хранятся в ЦГИАЛ в фонде сенатора Шамшина, № 1391, оп. 1, д. 73.

Все крестьяне, получившие неполные наделы, имели таковые до реформы. Исключение представляют наделы, полученные по одной грамоте — на деревню Седеково¹. По ней по добровольному соглашению был предоставлен надел по низшей норме. Из крестьян, которым были предоставлены неполные наделы, 575 принадлежали к фабричным, причем 331 из них получил наделы менее низшей нормы.

48 крестьян-дарственников получили наделы, превышавшие норму, 1416 — равные норме, и 273 были наделены ниже нормы².

По одной сделке — на село Екатериновка — крестьянам, получившим наделы свыше нормы, было предоставлено по 1 десятине 1350 кв. сажень; по другой — на деревню Чесноковку — 10 крестьян получили в дар высшую норму надела — по 5 десятин на душу³. Эта сделка носила, по-видимому, альтруистический характер. По трем сделкам крестьянам, получившим наделы ниже нормы, было предоставлено менее 1 десятины; по одной сделке — на деревню Новый Городок — по 0,8, по сделке на село Троицкое — по 0,45 и по третьей — на деревню Подкольскую — по 0,35 десятины⁴.

По сделкам, по которым крестьяне выкупили землю без содействия правительства, наделы были еще меньше, чем у дарственников, и составляли от 0,75 до 0,17 десятины на душу⁵.

До реформы в пользовании крестьян Бугурусланского уезда, наделы которых подверглись сокращению по уставным грамотам, находилось 73 535 десятин земли. Пореформенный надел их составил 54 722 десятины. Иначе говоря, у крестьян указанного уезда было отрезано в общей сложности 18 813 десятин. Процент отрезки составил 25,6.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 67.

² ЦГИАЛ, ф. ревизии сенатора Шамшина, № 1391, оп. 1, д. 73. Для Бугурусланского уезда дарственный надел составлял 1 десятину 600 кв. сажень.

³ ЦГИАЛ, ф. ревизии сенатора Шамшина, № 1391, оп. 1, л. 96—97.

⁴ Там же, л. 97—98.

⁵ Там же, л. 77—78.

По отдельным грамотам процент отрезки был следующим:

% отрезки	Число грамот	Количество душ
До 5	7	1 113
От 5 до 10	9	1 519
» 10 » 20	26	3 061
» 20 » 30	18	2 392
» 30 » 40	11	1 673
» 40 » 50	4	1 220
» 50 » 60	2	94
» 70 » 80	1	64

По всем грамотам отрезка была вызвана тем, что дореформенный надел превышал высшую норму, установленную для уезда.

Прирезка была произведена по трем грамотам и коснулась наделов 422 крестьян. До реформы в пользовании указанных крестьян находились 1804 десятины земли. Пореформенный надел их составил 2059 десятин. Иначе говоря, крестьянам Бугурусланского уезда было прирезано по уставным грамотам 255 десятин. Процент прирезки составил 12,9.

По двум грамотам (294 души) прирезано до 50%, и по одной (128 душ) — 54%. В первом случае крестьяне получили высшие душевые наделы, а во втором — менее высшей нормы. По всем трем грамотам прирезка была произведена добровольно, так как дореформенные наделы были больше низшей нормы. Это вполне отвечало интересам помещиков, так как арендные цены в Самарской губернии, как указывалось выше, не соответствовали величине установленного по Положению оброка.

Разверстание угодий предполагалось по 20 грамотам и касалось 3101 души. В большинстве случаев оно осуществлялось при переходе крестьян на выкуп. Перенесение усадьбы предполагалось по трем грамотам (454 души). При этом согласно грамоте на село Н. Никольское, Пыхвистнево тож, крестьяне возражали против перенесения усадеб, так как местность, куда они должны были переселиться, подвергалась наводнениям. Однако губернское по крестьянским делам присутствие признало перенесение уса-

деб обязательным¹. Вопрос о компенсации расходов в двух уставных грамотах не обозначен. По третьей — на село Ново-Никольское — помещик обязывался перенести крестьянские усадьбы за свой счет².

* *
*

В Новоузенском уезде, который относился к степным уездам губернии, по данным Редакционных комиссий, числилось 2376 душ помещичьих крестьян, из которых 2007 находилось на барщине, а 369 — на оброке. По данным Главного выкупного учреждения, количество крестьян, на которых имеются уставные грамоты, составляет 1792 души³. Кроме того, в уезде было заключено 11 дарственных сделок с количеством крестьян в 913 душ⁴. Следовательно, число крепостных крестьян в уезде составляло 2705 душ⁵.

Новоузенский уезд относился к четвертой и пятой местностям третьей, степной, полосы с указанным душевым наделом в 10 и 12 десятин.

Особенностью грамот этого уезда является то, что в них, за исключением четырех, не указывается вовсе количества земли, которой крестьяне пользовались до реформы. Это объясняется тем, что постоянного надела в этом степном уезде не было. «Крестьяне постоянного полевого надела в определенных границах не имели, — указывалось в уставной грамоте на деревни Балашево, Кирилловское и Александрово, — а отводилось им ежегодно под посев ярового хлеба по 6 сороковых (80 × 40) десятин на тягло, сена накашивалось по 200 пудов на тягло, выгон отводился в неопределенном размере»⁶. В других грамотах

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 146.

² Там же, д. 146.

³ Там же, д. 254—265.

⁴ ЦГИАЛ, ф. ревизии сенатора Шамшина, № 1391, оп. 1, д. 73, л. 110—111.

⁵ Эти цифры на 329 душ более данных Редакционных комиссий. По-видимому, в данные Редакционных комиссий вкралась ошибка, так как количество крепостных крестьян по X ревизии составляло 2807 душ (см. А. Тройницкий, Крепостное население по 10 народной переписи, стр. 36).

⁶ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 255.

приводилась несколько иная формулировка: крестьяне «постоянного надела и в определенных границах не имели, но отводился им ежегодно в разных местах, а потому определить точно количество состоявшей в пользовании крестьян земли было невозможно»¹. Вследствие этого установить размер отрезков нельзя. Из 19 грамот высшая норма надела предоставлена по 13 грамотам, неполный надел — по 6. В одном случае (грамота на деревню Головинщину) надел составлял 50% высшего², а в двух (на Перелаз и Камышево) — менее 50%³. В селе Перелаз, принадлежавшем помещикам Кошелевым, на 84 души приходилось 42 десятины удобной земли и 844 десятины неудобной⁴. По четырем грамотам часть надела была предоставлена солончаками из расчета 3 десятины солончаков за 1 десятину удобной земли.

Из 19 грамот крестьянами подписано 7 (733 души). Причины отказа от подписи в грамотах не зафиксированы.

Из 11 дарственных сделок нормальный дарственный надел предоставлен по 7⁵, ниже нормы — по 3 (158 душ получили по 2 десятины) и более нормы по 1 (72 души получили около 4 десятин на душу)⁶.

* *
*

Самарский уезд, примыкая своей южной частью непосредственно к степным районам, занимал промежуточное положение между северными и южными уездами. По данным Редакционных комиссий, в уезде насчитывались 19 432 души⁷, из которых 11 162 были на барщине, а 8270 — на оброке. По 65 уставным грамотам⁸

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 257.

² Там же, д. 259

³ Там же, д. 257, 259.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 257.

⁵ В Новоузенском уезде дарственный надел равнялся 2,5—3 десятинам на душу.

⁶ ЦГИАЛ, ф. ревизии сенатора Шамшина, № 1391, оп. 1, д. 73, л. 111.

⁷ А. Скробицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1262.

⁸ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 1, д. 266—321. В одном из дел (№ 317) отсутствует уставная грамота. Ряд данных грамоты мы заимствуем из докладной записки о выкупе.

общее число душ равнялось 9676. Кроме того, в уезде имелось 8007 крестьян-дарственников¹ и 235 душ², выкупивших свои наделы без содействия правительства. Таким образом, общее число душ равнялось 17 918, что по отношению к данным Редакционных комиссий составляет 92,2⁰/₀. 16 094 души, или 89,8⁰/₀ их общего числа, принадлежали крупнопоместным владельцам (более 100 душ).

Самарский уезд относился к седьмой местности второй, черноземной, полосы с высшим душевым наделом в 5 десятин.

Из 64 уставных грамот дореформенный надел указан в 63. В одной грамоте — на сельцо Н. Поляны — в графе о дореформенном наделе значится: «Точных границ не имели, а отводилась земля ежегодно под посев ярового и озимого хлеба в разных местах менее 5 десятин на душу»³. Имея в виду, что крестьяне пользовались также и другими угодьями, мы определяем душевой надел по этой грамоте в 5 десятин. Душевой надел по селу Михайловка, на которое в деле отсутствует уставная грамота, мы определяем, руководствуясь средним поуездным наделом, составляющим 5,78 десятины⁴.

Из 64 уставных грамот крестьянами подписано только 19 (2334 души), не подписано 45 грамот (7275 душ). Следовательно, 75,7⁰/₀ крестьян отказались подписать уставные грамоты. Причины отказа от подписи в большинстве грамот отсутствуют. Из 45 неподписанных грамот 8 совсем не предъявлялись крестьянам⁵. В трех грамотах указывается, что крестьяне «ни на одну статью не изъявили согласия». Крестьяне сельца Екатериновка объявили, что они «ни на какие новые положения согласия не изъявляют»⁶. Только в двух грамотах указаны конкретные причины отказа. В грамоте на сельцо Федоровка гово-

¹ ЦГИАЛ, ф. ревизии сенатора Шамшина, № 1391, оп. 1, д. 73, л. 84.

² Там же, л. 72.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 302.

⁴ Там же, д. 317.

⁵ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 318, 314, 313, 293, 291, 278, 276.

⁶ Там же, д. 303.

рится, что «крестьяне предъявили спор против показанного в уставной грамоте количества земли»¹, а в грамоте на деревню Николаевку² записано, что первоначально крестьяне требовали предоставления им в дар одной четвертой надела, а затем не согласились на установленный им оброк, настаивая на его понижении.

В результате реформы в землепользовании крестьян Самарского уезда произошли следующие изменения:

	Земли до реформы (в дес.)	Предоставлено в надел (в дес.)	Уменьшение	
			в дес.	в %
По уставным грамотам . . .	56 893	45 343	11 550	20,3
По дарственным сделкам . .	46 280	10 022	36 258	78,0
По сделкам, совершенным без участия правительства	1 358	180	1 178	86,7
Итого	104 531	55 545	48 986	47,3

Таким образом, надел крестьян указанного уезда сократился в общей сложности на 48 986 десятин, или на 47,3%.

Рассмотрим наделы крестьян, значащиеся по уставным грамотам. По 4 грамотам 994 души, или 10,3% их общего количества, получили наделы, превышавшие высшую норму; по 41 грамоте 7264 души, или 75,1%, — высшую норму надела; по 18 грамотам 1003 души, или 10,3%, — ниже высшей, но больше низшей нормы; низшую норму надела получили по 1 грамоте 220 душ, или 2,2%; и 195 душ (1 грамота), или 2,1%, получили наделы меньше низшей нормы³. Сверх высшей нормы надела крестьяне получили 399 десятин. По грамоте на сельцо Супонево вместо 190 десятин, составлявших высший размер надела, было

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 310.

² Там же, д. 311.

³ В Самарском уезде норма высшего душевого надела составляла 5 десятин.

предоставлено 192¹. По двум уставным грамотам — на село Спасское, деревню Васильевское и часть деревни Аннино — помещики братья Ю. Ф. и Д. Ф. Самарины сверх полагавшихся по норме 3090 десятин предоставили еще 155². При переходе через несколько лет на выкуп эта земля была отобрана у крестьян. По-видимому, предоставление этой земли сверх высшей нормы было обусловлено какими-то соображениями помещичьей выгоды, связанными с производимой отрезкой земли, так как крестьяне не подписали уставных грамот. Наконец, по четвертой грамоте на деревню Краснояриху помещик Талызин вместо 1025 десятин, причитавшихся по высшей норме, предоставил крестьянам 1267³, которые через несколько лет при выкупе были отобраны. Здесь, как видно, помещик руководствовался стремлением склонить крестьян к согласию на выкуп и получение дополнительного платежа. Когда же крестьяне на это не согласились, помещик при переводе их на обязательный выкуп отобрал землю.

Из 20 грамот, по которым крестьяне получили наделы меньше высшей нормы, по 19 не была произведена отрезка земли и наделы остались прежними. По одной грамоте — на село Андреевка⁴ — крестьяне по добровольному соглашению получили наделы в пределах низшей нормы.

Из числа дарственников по норме четвертого надела (1 десятина 600 кв. сажен) получило 7976 душ⁵. По одной сделке — на село Алакаевка — 31 душа получила 13 десятин, или по 1006 кв. сажен на душу⁶. По выкупной сделке, заключенной без содействия правительства, на деревни Александровка и Степановка 235 душ приобрели 180 десятин, или по 1838 кв. сажен⁷.

В результате введения Положений в Самарском уезде произошли следующие изменения в наделах крестьян, числившихся по уставным грамотам:

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 296.

² Там же, д. 298, 299.

³ Там же, д. 308.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 288.

⁵ ЦГИАЛ, ф. ревизии сенатора Шамшина, № 1391, оп. 1, д. 73, л. 81—85.

⁶ Там же, л. 81—82.

⁷ Там же, л. 73.

Изменение надела	Число грамот	Количество душ	В % ко всем душам
Сокращение	29	6 258	64,7
Увеличение	3	379	3,9
Без изменений	33	3 039	31,4

До реформы в пользовании 6258 душ (по 29 грамотам), наделы которых по уставным грамотам сократились, находилась 42 831 десятина земли. Пореформенный надел составил 30 788 десятин. Таким образом, были отрезаны 12 043 десятины. Процент отрезки составил 28,1.

По отдельным уставным грамотам процент отрезки был следующим:

% отрезки	Число грамот	Количество душ
До 5	1	128
От 5 до 10	1	692
» 10 » 20	7	1 530
» 20 » 30	9	1 981
» 30 » 40	3	401
» 40 » 50	5	968
» 50 » 60	2	338
» 70 » 80	1	220

По всем уставным грамотам отрезка была произведена вследствие того, что дореформенные наделы превышали высшую норму, т. е. 5 десятин на душу. Прирезка имела место по трем грамотам и коснулась наделов 379 душ. До реформы в пользовании последних находилось 1778 десятин земли. Пореформенный надел составил 2271 десятину. Иначе говоря, им были прирезаны в общей сложности 493 десятины. Процент прирезки составил 41,8.

По отдельным грамотам процент прирезки был следующим:

% прирезки	Число грамот	Количество душ
До 5	1	86
От 10 до 20	1	171
100	1	122

По всем грамотам прирезки произведены добровольно. По двум грамотам дореформенный надел превышал низшую норму, а по одной был более высшей¹.

В результате прирезки крестьяне получили следующие наделы: больше высшей нормы — 171 душа (по одной грамоте), высшую норму — 122 души (по одной грамоте), меньше высшей нормы — 86 душ (по одной грамоте).

Разверстание угодий предусматривалось по шести грамотам (1207 душ), из них по двум — добровольно и по четырем — по требованию помещика. Перенесение усадеб (частичное) предусматривалось по трем грамотам. Кроме того, по одной грамоте предполагалось перенесение части крестьянских гумен, а по другой — мельницы. По пяти грамотам (3545 душ) должны были быть перенесены хлебные магазины. Размеры компенсации за перенесение усадеб и других строений не указываются. В некоторых грамотах, предусматривавших перенесение хлебных магазинов и гумен, указывалось, что это должно осуществляться за счет крестьян².

Елизаветградский уезд, Херсонской губернии (до 1865 г. именовавшийся Бобринецким), находился в центральной части губернии и как по территории, так и по числу крепостных крестьян был наиболее крупным.

По данным Редакционных комиссий, число крепостных составляло 34 537 душ, состоявших полностью на барщине³. В фонде Главного выкупного учреждения по Елизаветградскому и Бобринецкому уездам⁴ числится 478 уставных грамот. В одном деле уставная грамота отсутствует, вследствие чего мы располагаем 477 грамотами,

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 295.

² Там же, д. 309, 294, 278.

³ А. Скребидский, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1252.

⁴ Выкупные дела, оформленные до 1865 г., числятся по Бобринецкому уезду, а позже указанной даты — по Елизаветградскому (по первому — 372 грамоты, по второму — 106).

охватывающими 31 589 душ¹. Кроме того, по данным статистического сборника «Дарственное надельное землевладение крестьян», в уезде была 3251 ревизская душа дарственников. Таким образом, общее число крепостных, по этим сведениям, составляло 34 840 душ, или на 303 души более данных Редакционных комиссий. Это, по нашему мнению, является результатом того, что в Елизаветградском уезде некоторое число дворовых (общее количество которых достигало в уезде 7378 душ²), обезземеленных после 1858 г., получило земельные наделы.

Елизаветградский, точнее Бобринецкий, уезд относился к третьей, степной, полосе, северная его часть — ко второй местности, южная — к четвертой, а имения, находившиеся не далее пяти верст от Елизаветграда, — к первой местности Новороссийских губерний. В первой местности указный надел составлял 3 десятины, во второй — 3 десятины 1200 кв. сажен и в четвертой — 4 десятины 1200 кв. сажен.

Особенностью уставных грамот Елизаветградского уезда, впрочем как и всей Херсонской губернии, является отсутствие в большинстве из них данных о размерах до реформенного землепользования крестьян. Так, из 477 грамот в 314 вовсе не указывается количество земли, находившейся в пользовании крестьян до реформы. В соответствующей графе приводилась обычно следующая формулировка: «Сколько занимали крестьяне земли в своем пользовании до обнародования Положений о крестьянах, определить невозможно по причине, что обрабатываемые ими участки разбросаны в разных местах неизмеренными полосками»³. Иногда формулировка была несколько иной, отражавшей, на наш взгляд, более правильно существовавший до реформы порядок землепользования. «Сколько состояло земли в пользовании крестьян до обнародования Положения, — указывалось в уставной грамоте на село Никанорку, — определить нельзя, ибо они пользовались по мере сил каждого»⁴.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 46, д. 490—951.

² А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1252.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 46, д. 847, 849, 850, 853, 856 и др.

⁴ Там же, д. 890.

Действительно, до реформы в новороссийских губерниях крестьяне обычно не имели определенных наделов, обрабатывая землю «по мере сил каждого». В некоторых уставных грамотах после приведенных выше формулировок делались все же попытки определить весьма приблизительно площадь обрабатываемой крестьянами земли. «Сколько всей земли занимали крестьяне, определить затруднительно, но приблизительно полагать можно...»¹. В остальных 163 грамотах количество земли, находившейся в пользовании крестьян, указано (за исключением 22) далеко не точно: «примерно до...» или «приблизительно до...». И только в 22 грамотах это определяется точно. Вполне естественно, что установить количество отрезанной у крестьян земли по Елизаветградскому уезду невозможно. Аналогичное положение имело место и в других уездах губернии. Так, из 71 грамоты Одесского уезда в 38 вовсе не указывается дореформенный надел крестьян, причем объясняется это примерно так же, как и в Елизаветградском. «Количество бывшей земли в пользовании крестьян, — указывалось в уставной грамоте на деревню Августовку, Одесского уезда, — определить с точностью невозможно, потому что каждый из них занимал участки по мере своих сил»². В уставной грамоте на деревню Дорофеевку, того же уезда, это объяснялось несколько иначе: «Определить с точностью количество земли, состоявшее в пользовании крестьян, затруднительно, так как надела в собственном смысле крестьяне никогда не имели и необходимая для хлебопашества и сенокосения земля отводилась им ежегодно»³. Все это дает нам право сделать обобщающие в отношении всей губернии выводы.

Из 477 уставных грамот крестьянами было подписано 260, или 54,5%. При этом число крестьян, подписавших грамоты, составляет 17 093 души, или 53%. Одна из грамот — на деревню Лозоватку (234 души) — составлена без участия помещика мировым посредником. Как говорилось в грамоте, «к составлению уставной грамоты хотя владелец и призывался, но от участия в том под разными предложениями уклонился»⁴.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 46, д. 902.

² Там же, д. 1020.

³ Там же, д. 1015.

⁴ Там же, д. 733.

Причин отказа от подписи крестьян в грамотах, как правило, не содержится. В грамоте на село Беловка причина несогласия крестьян подписать грамоту сформулирована так: «Они ни на какие предложения не согласны, ожидая случного (слушного. — П. З.) часу»¹. В грамоте на деревню Триполье указывается, что «подписаться они желания не изъявили, говоря, что ожидают царской милости»². В двух других грамотах, также не подписанных крестьянами, причина отказа заключалась, по-видимому, в ожидании «царской милости»; в них содержится следующая фраза: «сия уставная грамота нам прочтена от слова до слова, и все означенные в ней пункты объяснены, и никто из нас не предъявил никакой претензии»³. Одна из подобных грамот была даже признана губернским по крестьянским делам присутствием «подписанной». Это уставная грамота на деревню Маслов Буерак помещицы П. И. Воынской, которая была признана Херсонским губернским по крестьянским делам присутствием «составленною по добровольному соглашению»⁴.

В результате составления и введения в действие уставных грамот землепользование крестьян Елизаветградского уезда характеризовалось следующими данными: по 2 грамотам 40 душ, или 0,1⁰/₀ их общего числа, получили наделы, превышавшие указную норму, по 396 грамотам 25 290 душ, или 80,0⁰/₀, — указную норму, по 79 грамотам 6259 душ, или 19,9⁰/₀, — наделы менее указного.

Таким образом, 80,1⁰/₀ всех крестьян получили наделы, равные высшей норме или превышавшие ее. Крестьяне деревни Михайловки, получившие наделы, превышавшие высшую норму, были наделены 55,5 десятины вместо полагающихся 49⁵; крестьяне деревни Ареповки вместо 91 десятины получили 93⁶.

По 79 грамотам были предоставлены наделы ниже указной нормы по следующим причинам: по 69 грамотам (4847 душ) — по добровольному соглашению; по 9 грамо-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 46, д. 580.

² Там же, д. 707.

³ Там же, д. 591, 696.

⁴ Там же, д. 554.

⁵ Там же, д. 701.

⁶ Там же, д. 725.

там (1396 душ) — из-за того, что у помещика оставалось менее половины принадлежавших ему земель, по 1 грамоте (16 душ) надел оставлен без изменения.

Согласие крестьян на получение уменьшенного надела определялось несоответствием величины оброка (а отсюда и стоимость земли по выкупу) с существовавшими продажными и арендными ценами. Это обстоятельство определяло и стремление крестьян получить дарственный надел.

Обратимся к данным о наделах, полученных крестьянами-дарственниками. 3251 душа дарственников получила в надел в общей сложности 2677 десятин земли¹. 79 дарственников получили по одной сделке наделы, превышавшие норму, 1882 по 24 сделкам — равные норме, и 1290 по 18 сделкам — ниже нормы.

Выше нормы наделы были предоставлены крестьянам Велидаровского сельского общества, получивших на 79 душ 113 десятин, или по 1,43 десятины на душу.

1290 душам, получившим надел менее дарственной нормы, была предоставлена 741 десятина, или в среднем по 0,57 десятины на душу. Менее 0,25 десятины на душу получили крестьяне деревни Монастырище, которые в числе 40 душ были наделены 9,6 десятины², или по 0,24 десятины на душу.

Так же как и в других губерниях, помещики Елизаветградского уезда не прочь были предоставить крестьянам неудобные земли, хотя подобных фактов здесь было немного. Это имело место в двух деревнях. В деревне Лозоватке крестьяне в числе 13 душ не пожелали переходить на выкуп, заявив, что «земля им неудобна»³; в деревне Владимировке крестьяне отказались принять надел, и помещик принужден был отвести другой⁴.

Несмотря на то что крестьяне получили в подавляющей своей массе полный размер указного надела, обеспеченность их землей была весьма недостаточной. К тому же некоторые помещики ограничивали еще в силу существовавшей в этом районе залежной системы земледе-

¹ «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 44.

² Там же, стр. 68.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 46, д. 949

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 46, д. 887

лия и право обработки земли, предоставленной крестьянам в надел. Так, в уставной грамоте на деревню Константиновку помещика де Керриера указывалось, что крестьяне ежегодно «не должны запахивать более $\frac{1}{3}$ всей земли, а две трети оной должно оставаться в залеже»¹. В деревне Юрьевке крестьянам также запрещалось запахивать более $\frac{1}{3}$ ². По уставным грамотам на деревни Босную и Александровку крестьянам запрещалось запахивать более половины предоставленной им земли³.

Разверстание угодий почти не имело места, так как крестьянам фактически отводились наделы вновь. Перенесение же крестьянских усадеб имело довольно большое распространение. Так, из 477 уставных грамот перенесение усадеб (в большинстве своем частичное) предусматривалось в 201 грамоте (15 512 душ)⁴. Вопрос о компенсации расходов по перенесению усадеб рассматривался в немногих грамотах, и решался он весьма различно. Так, согласно грамоте на деревню Скопиевку перенесение усадеб должно было быть осуществлено за счет крестьян⁵, в деревне Корлюговке крестьяне получили по 5 руб. за усадьбу⁶, а в деревне Колмаковке — по 10 руб.⁷ По уставной грамоте на деревню Рыстачевку помещик обязывался уплатить по 45 руб.⁸ Наконец, в селе Осоковатом помещик Ставрович уплачивал за перенесение 45 усадеб по 38 руб. за каждую⁹. Как правило, выплата компенсации производилась из дополнительного платежа.

В заключение остановимся на дополнительных статьях, имеющих в уставных грамотах. В 48 уставных грамотах содержатся статьи, запрещавшие крестьянам пользоваться лозой, растущей в пределах крестьянского надела, и т. п. Им запрещалась и ловля рыбы. «Рыбная ловля в реке

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 46, д. 877.

² Там же, д. 625.

³ Там же, д. 869, 870.

⁴ Перенесение усадеб полностью предусматривалось только в 29 грамотах.

⁵ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 46, д. 744.

⁶ Там же, д. 640.

⁷ Там же, д. 642.

⁸ Там же, д. 669.

⁹ Там же, д. 756.

Выси, как в границах отведенной в пользование крестьянам земли, так равно и в прочих местах и ставе, — указывалось в уставной грамоте на деревню Павловку, — остается в неприкосновенном пользовании помещика, как равно камыш, растущий по берегам реки, и шинок с правом торговли вином»¹.

То же самое мы встречаем в уставных грамотах на деревни Николаевку и Сухолетовку². «Рыбная ловля, равно и пивок в ставах, устроенных на реке Ольшанке, вошедших и не вошедших в границы крестьянского надела, а также растущие по берегам лоза и камыш остаются в единственном распоряжении помещика», — говорилось в уставной грамоте на деревню Богдановку³.

Буквально издевательски изложен вопрос о праве крестьян на пруд в грамоте на деревню Фурмановку. В параграфе 2 раздела III уставной грамоты указывается, что «находящийся при деревне Фурмановой пруд отдается в исключительное (подчеркнуто нами. — П. З.) пользование крестьян, почему поддержка плотины лежит на их обязанности»⁴. В параграфе же 5 этого раздела говорилось, что «рыбная ловля в пруде крестьянам не дозволяется»⁵.

По уставной грамоте на деревню Мануиловку наряду с рыбой запрещалось ловить и раков⁶. Запрещение ловить рыбу имело место не только тогда, когда это касалось прудов и ставков, но и в тех случаях, когда к крестьянскому наделу примыкал берег реки. В грамоте на село Мигеи, стоявшем на реке Буге, указывалось, что рыбная ловля остается за помещиком⁷. В уставной грамоте на деревню Мироновку имеется следующая весьма красноречивая запись: «Прилегающие к усадьбе временнообязанного крестьянина Сизана Жадана все окопанные вербы и лозы остаются в полном распоряжении помещика»⁸.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 46, д. 852.

² Там же, д. 856 и др.

³ Там же, д. 894.

⁴ Там же, д. 920.

⁵ Там же. То же условие имеется в уставной грамоте на деревню Шляхово: исправление плотины возлагается на крестьян, а ловля рыбы и пивки — помещику (там же, д. 708).

⁶ Там же, д. 670.

⁷ Там же, д. 743.

⁸ Там же, д. 682.

В некоторых грамотах наряду с запрещением рыбной ловли содержались и другие ограничения. В уставной грамоте на село Обозновка указывалось, что «право иметь шинки в селении, производить рыбную ловлю на реке Грузской остается за помещиком»¹. По грамоте на деревню М. Осичка, кроме права на ловлю рыбы, за помещиком оставались и «каменистые места», т. е. места возможной разработки камня².

В некоторых грамотах вместо запрещения ловли рыбы, пивок, сбора камыша, лозы и т. д. просто указывалось, что «земля над речкою и камышами вдоль берегов в исчисление надела не считана»³. Только в четырех уставных грамотах крестьянам разрешалась рыбная ловля⁴, и в одной — сбор камыша и осоки⁵.

* * *

*

Обратимся к данным уставных грамот и дарственных сделок в Александровском уезде, Екатеринославской губернии. Александровский уезд, лежавший на юге губернии и граничивший с Таврической, находился в центре Новороссии в отличие от Елизаветградского, расположенного на севере этого края.

По данным Редакционных комиссий, в уезде насчитывались 13 183 души помещичьих крестьян, находившихся на барщине⁶. В фонде Главного выкупного учреждения имеется 55 уставных грамот, в которых числится 3479 ревизских душ⁷. По данным статистического сборника «Дарственное надельное землевладение крестьян», в Александровском уезде было заключено 67 дарственных сделок,

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 46, д. 684. Запрещение крестьянам иметь шинки содержится и в уставной грамоте на деревню Прасковье Поле (там же, д. 675).

² Там же, д. 629.

³ Там же, д. 654. В несколько иной формулировке указывается это и в уставной грамоте на деревню Арсеньевку (там же, д. 786).

⁴ Там же, д. 625, 746, 770, 774.

⁵ Там же, д. 706.

⁶ А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1246.

⁷ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 11, д. 1—54.

охватывавших 6941 ревизскую душу¹. Таким образом, общее количество крепостных крестьян, по нашим данным, составляет 10 420 душ, или 79,2% по отношению к цифре, сообщаемой Редакционными комиссиями.

Александровский уезд относился к третьей, степной, полосе, к третьей (северная часть уезда) и четвертой (южная часть) местности новороссийских губерний. Указный надел в третьей местности составлял 4 десятины, а в четвертой — 4,5. Уставные грамоты в уезде были почти все составлены по добровольному соглашению крестьян с помещиками. Из 55 грамот 53 были подписаны крестьянами.

В Александровском уезде в результате составления уставных грамот все крестьяне получили полный указный надел. Как уже указывалось в источниковедческом обзоре, в уставных грамотах Екатеринославской губернии даже не содержалась графа о размере дореформенного землепользования крестьян². Это обуславливалось тем, что крестьяне, как и в Херсонской губернии, не имели постоянных наделов. Вследствие этого определить фактическое уменьшение крестьянского надела не представляется возможным³.

Рассмотрим размеры наделов, полученных крестьянами-дарственниками. 6931 дарственник⁴ получил в общей сложности 9530 десятин земли⁵. По отдельным дарственным сделкам были получены следующие наделы: 3614 душ получили по 26 сделкам наделы, превышавшие норму, 2112 душ по 32 сделкам — наделы, равные норме, и 1205 душ по 8 сделкам — наделы меньше нормы. Крестьянам, получившим земли больше нормы, было предоставлено в общей сложности 6188 десятин, или в среднем по 1,71

¹ «Дарственное крестьянское землевладение крестьян», стр. 6.

² Это утверждение основывается не только на анализе уставных грамот Александровского уезда. Нами просмотрено с этой целью также по 10 уставных грамот Бахмутского (д. 55—64), Екатеринославского (д. 381—395), Славяносербского (д. 773—782) уездов.

³ Лишь в одной уставной грамоте — на село Лидино — в примечании указывается количество земли, находившейся у крестьян до реформы, и то в весьма приблизительной форме. «Всей земли, — указывается в грамоте, — до трехсот десятин, которая отводилась им в разных местах принадлежащего владелице участка по усмотрению экономии» (д. 35).

⁴ По одной дарственной сделке на 10 душ размер предоставленного надела не известен.

⁵ «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 6.

десятины на душу¹. При этом более 2 десятин на человека получили 323 души. По сделке на село Миролюбовка помещик Алеев предоставил 127 душам 508 десятин, или по 4 десятины на душу²; помещик Дьяков предоставил 112 крестьянам деревень Максимовки и Богдановки 466 десятин, т. е. более 4 десятин на душу³. Наконец, по 4 десятины на душу было предоставлено в надел 45 крестьянам деревни Антоновки⁴. Все эти три сделки, по-видимому, носили бескорыстный характер, так как основной для выгоды обнаружить здесь весьма трудно.

Суммарный надел дарственников, получивших наделы меньше нормы, составил 1131 десятину, или в среднем по 0,93 десятины на душу. При этом ни по одной сделке не было предоставлено крестьянам менее 0,75 десятины на душу.

Разверстание угодий, естественно, ни в одной грамоте не предусматривалось. Перенесение же крестьянских усадеб имело довольно широкое распространение. Так, из 55 грамот по 29 предполагалось перенесение усадеб, в большинстве своем всех. Общее число душ по этим грамотам составляло 1279. В отличие от других районов здесь почти во всех грамотах (за исключением трех) указывается форма компенсации крестьян за расходы по перенесению усадеб. Размеры расходов по перенесению усадеб, как и вообще условия уставной грамоты в целом, нередко зависели в известной степени от личных качеств того или иного помещика. В уставных грамотах Александровского уезда мы не встречали пунктов, запрещающих крестьянам сбор камыша, осоки, лозы и т. д. В одной из грамот — на деревню Миролюбовку — крестьянам предоставлялось право рыбной ловли удочками⁵. В ряде грамот крестьянам предоставляется право эксплуатации недр. «Если в земле

¹ «Дарственное надельное землевладение крестьян», раздел «Б», стр. 8—9. Владелец Миролюбовки мировой посредник Е. О. Алеев первоначально перевел своих крестьян на выкуп без взимания дополнительного платежа. Позднее, в конце 60-х или в начале 70-х годов, вся земля крестьянам была предоставлена в дар. По-видимому, на этот акт оказал влияние сын Е. О. Алеева А. Е. Алеев, народник, судившийся по «процессу 193-х».

² Там же, стр. 8.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 11, д. 2.

крестьянского надела, — говорится в уставной грамоте на деревню Мирополь, — откроются каменноугольные копи, алебастровые и известковые полосы и т. п. ценные ископаемые, то крестьяне имеют право ими пользоваться по своему усмотрению, без вмешательства владельца»¹. В двух же грамотах — на деревню Васильевку помещиков Кельговского и Максимовича — это право крестьянам запрещалось².

* *
*

По данным Редакционных комиссий, число помещичьих крестьян в Никольском уезде Вологодской губернии, который также являлся одним из районов внутренней колонизации, составляло 1359 душ, из которых 1268 находились на оброке и 91 — на барщине³. По 14 уставным грамотам, точнее по 13 грамотам и 1 описи для мелкопоместных имений, числится 1490 душ⁴, т. е. на 131 душу более данных Редакционных комиссий. Это, по-видимому, является результатом неточности сведений, представленных в Редакционные комиссии, либо перемещением некоторой части крепостного населения в период между 1858 и 1861 гг.

Никольский уезд относился к девятой местности первой, нечерноземной, полосы с высшим размером душевого надела в 7 десятин. Определить количество земли, находившейся в пользовании крестьян, здесь невозможно. Так, в пяти грамотах вовсе не указывается надел, а вместо этого содержится во всех грамотах стереотипная запись: «Всего по плану за владельцем было... десятин, крестьяне пользовались в неопределенном количестве»⁵. Иногда вместо «по плану» указывалось «по генеральному меже-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 11, д. 18, 19, 23, 31, 43, 48. Нам представляется, что это право носило скорее декларативный характер, так как практически крестьяне не могли своими силами организовать добычу этих ископаемых.

² Там же, д. 36, 40

³ А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1244

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 6, д. 1491—1503.

⁵ Там же, д. 1491, 1494 на село Сернова Поручица, д. 1503

ванию»¹. В большинстве же остальных грамот (в 6 из 9) размер крестьянских земель показан примерно: перед количеством десятин, находившихся в пользовании крестьян, стоит предлог «около» либо «до»². Таким образом, только в трех грамотах надел указан точно. Однако эта «точность» в некоторых случаях довольно относительна. Так, в уставной грамоте на деревни Борисово и Дмитрово количество земли, находившейся в пользовании крестьян, установлено «по словам сельского схода»³. Все это говорит о том, что точно определенных наделов в Никольском уезде до реформы не существовало, и крестьяне обрабатывали столько земли, сколько в состоянии были обработать. По всем грамотам, за исключением одной, крестьянами был получен высший размер надела, при этом по одной из них (109 душ)⁴ им было предоставлено некоторое количество десятин «в дар» сверх надела. Лишь по одной грамоте — на деревни Легитово, Горки и Погорелово — крестьяне вместо 1855 десятин, составлявших высшую норму надела, получили 1590⁵, т. е. по 6 десятин при высшей норме надела в 7.

Мы не имеем возможности определить количество земли, фактически отрезанной у крестьян, однако то, что отрезка имела место, не вызывает никаких сомнений. Об этом имеются прямые упоминания в грамотах⁶.

Прирезка земли значитя по одной грамоте и одной описи для мелкопоместных имений. По уставной грамоте на деревни Легитово, Горки и Погорелово крестьянам, имевшим до реформы 1161 десятину, было прирезано до 1590 десятин⁷ вместо 1855 при высшей норме надела.

Разверстание угодий предусматривалось лишь по одной грамоте, и то в порядке добровольного соглашения с крестьянами⁸. Перенесение усадеб вовсе не предполагалось. По ряду грамот крестьянам предоставлялся в составе надела дровяной лес. По большинству грамот уста-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 6, д. 1494 на село Путилова Горка

² Там же, д. 1496, 1497, 1498, 1500, 1501, 1502.

³ Там же, д. 1493.

⁴ Там же, д. 1491.

⁵ Там же, д. 1499.

⁶ Там же, д. 1494, 1495, 1496, 1497, 1498, 1501, 1502

⁷ Там же, д. 1499.

⁸ Там же, д. 1499.

навливался пониженный оброк в соответствии со статьей 170 Местного Положения, запрещающей повышение оброка сверх размера, уплачиваемого крестьянами до реформы. Так, по 11 грамотам из 14 душевой оброк был установлен вместо 9 руб.¹:

По одной грамоте	7 р.
» » »	8 р. 33 к.
» » »	7 р. 55 ³ / ₄ к.
» » »	5 р. 14 ¹ / ₂ к.
» » »	6 р. 25 к.
» » »	8 р. 55 к.
» » »	7 р. 29 ³ / ₄ к.
» » »	7 р. 14 ¹ / ₄ к.
» » »	6 р. 66 к.
» » »	7 р. 40 к.
» » »	7 р. 26 к.

Из 14 уставных грамот крестьянами подписано 7, что составляло 50%.

Таковы краткие данные по Никольскому уезду.

* *
*

Рассмотрим данные уставных грамот по Тотемскому уезду Вологодской губернии. По данным Редакционных комиссий, число помещичьих крестьян в уезде составляло 1077 ревизских душ, из которых 231 была на оброке, а 846 — на барщине². По 18 уставным грамотам числилось 995 ревизских душ³, т. е. 92,4% по сравнению с указанными выше данными.

Тотемский уезд относился, так же как и Никольский, к девятой местности первой, нечерноземной, полосы с высшим душевым наделом в 7 десятин.

В Тотемском уезде размер дореформенного надела указан на первый взгляд более точно, нежели в Никольском. Так, из 18 грамот по 9 надел указывается точно, по 7 —

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 6, д. 1491, 1493, 1495, 1496, 1497, 1498, 1499, 1500, 1501, 1502, 1503.

² А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. III, стр. 1244.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 6, д. 1504—1521.

приблизительно, с предложениями «до» или «около». Только в двух грамотах не содержится указаний на размер надела¹. Однако анализ грамот, по которым надел указан точно, в отдельных случаях свидетельствует об обратном. Так, в двух грамотах из девяти содержатся явные несоответствия. В уставной грамоте на деревни Фролово, Дьяково и Княжево указывается, что в пользовании крестьян до реформы находились 603 десятины 2330 кв. сажен земли. В надел же они получили по уставной грамоте 903 десятины. Следовательно, им должно было быть прирезано 299 десятин 70 кв. сажен. В действительности же в грамоте в графе о размере надела указывается следующее: «Затем остальная земля сверх сего количества... отрезывается от их надела и обращается в непосредственное распоряжение владельца»². Таким образом, была осуществлена не прирезка, а отрезка земли. В уставной грамоте на деревни Андреева Починка, Матвеевка и Аниково содержатся данные о том, что до реформы надел крестьян составлял 502 десятины; предоставлено им 714 десятин. Следовательно, прирезка должна была составлять 212 десятин. В грамоте же содержится следующая запись: «А остальное затем количество земли обращается затем в непосредственное распоряжение владельца»³. В действительности здесь опять-таки была осуществлена отрезка. Таким образом, данные о прирезках и отрезках едва ли могут претендовать на точность. Не ставя своей задачей в силу этого заниматься подсчетом итоговых данных об отрезках и прирезках, мы остановимся на анализе отдельных уставных грамот, по которым производилась отрезка. В 12 грамотах из 18 указывается на произведенную отрезку, при этом по большинству грамот она составляет огромный процент⁴. Приведем данные об уставных грамотах, по которым произведены наибольшие отрезки:

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 6, д. 1510, 1512.

² Там же, д. 1519.

³ Там же, д. 1504.

⁴ Нам представляется, что помещик мог быть заинтересован в уменьшении количества отрезанной земли, но преувеличивать ее размеры у него не было каких-либо оснований. Вследствие этого данные об отрезках могут быть преуменьшены, но никак не преувеличены.

Населенный пункт	Земли до реформы (в дес.)	Отведено в надел (в дес.)	Отрезано	
			в дес.	в %
Деревни Матвеевка, Аниково, Фетьино (помещика Бартенева) ¹	1 983	413	1 470	74,0
Деревни Рослово и Зубориха (помещика Воробьева) ²	1 983	434	1 449	72,5
Деревня Фетиньино (помещиков Воробьевых) ³	700 дес. 675 кв. саж.	171	439	73,1
Деревня Фетьино (помещика Леонович) ⁴	до 600 дес. 675 кв. саж.	98	502	83,6

Следовательно, по отдельным грамотам мы можем констатировать весьма большой процент отрезки.

Оброк по всем уставным грамотам, за исключением одной⁵, был установлен в 9 руб. Так же как в Никольском уезде, по отдельным грамотам крестьянам предоставлялись в надел участки дровяного леса⁶.

Во всех грамотах, в которых упоминалось о праве на ловлю рыбы, оно оставалось за помещиком⁷. В некоторых грамотах упоминалось и об охоте, право на которую сохранялось также за помещиком⁸. Из 18 грамот только 7 были подписаны крестьянами.

* *
*

Сделаем ряд выводов, касающихся уездов района внутренней колонизации.

Особенностью этого района являлось наличие до реформы в пользовании у крестьян большого количества земли, не определявшегося какими бы то ни было точными

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 6, д. 1506.

² Там же, д. 1505.

³ Там же, д. 1509.

⁴ Там же, д. 1513.

⁵ Там же, д. 1521. По этой грамоте оброк был установлен в 8 р. 57,5 к.

⁶ Там же, д. 1514, 1520.

⁷ Там же, д. 1507, 1508, 1509, 1513, 1514, 1515.

⁸ Там же, д. 1519, 1521.

размерами. За исключением Бугурусланского и Самарского уездов, не являвшихся в полном смысле районами внутренней колонизации, по всем остальным пяти уездам точные данные о дореформенном наделе отсутствуют. В результате этого в рассматриваемых уездах землепользование крестьян значительно сократилось, хотя размеры данного явления установить нельзя. Второй особенностью рассматриваемых уездов, за исключением двух северных, было большое число заключенных дарственных сделок. Наличие большого количества свободных земель при весьма низких арендных и продажных ценах обуславливало стремление крестьян получить четвертной надел. Надо отметить, что весьма часто размеры дарственного надела были фактически менее четвертой части высшего или указного надела, установленного для данного уезда.

В уездах района внутренней колонизации наблюдалось стремление помещиков сохранить известное экономическое влияние на крестьян. Это находило свое выражение в наличии в уставных грамотах статей, запрещавших охоту, рыбную ловлю, сбор камыша, лозы и т. д. В большей степени это имело место в Елизаветградском уезде, в меньшей — в Александровском.

В заключение главы мы считаем необходимым остановиться в масштабе всей России на вопросе о дарственных наделах, т. е. крестьянах, получивших дарственный надел на основе добровольного соглашения с помещиками. Как уже указывалось выше, стремление крестьян к получению дарственного надела имело место в тех губерниях, где продажные и арендные цены на землю были значительно ниже суммы оброка, а следовательно, и стоимости земли по выкупу. Наиболее широкое распространение это стремление крестьян имело в Самарской, Саратовской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Екатеринославской и Херсонской губерниях. Однако общее количество дарственников до сих пор остается не известным. По данным Главного комитета об устройстве сельского состояния, на 1 января 1881 г. общее число крестьян, перешедших в разряд крестьян-собственников без содействия правительства,

составляло 643 815 человек¹. В это количество включались и крестьяне, выкупившие свои наделы без содействия правительства. К тому же в число крестьян, перешедших в разряд крестьян-собственников без содействия правительства, в Пермской, Уфимской и Оренбургской губерниях были включены и различные группы горнозаводских рабочих.

Другие данные о количестве дарственников содержатся в статистическом сборнике «Дарственное надельное землевладение крестьян (по обследованию 1907 г.)». По этим данным, число дарственников по 32 губерниям определяется в 461 244 души². Однако и эти данные не точны и не совсем полные³. В силу всего этого нам представляется возможным определить приблизительно число дарственников в 500—525 тыс. ревизских душ.

Приведем данные о числе крестьян, получивших дарственный надел, по 32 губерниям⁴ (см. табл. на стр. 296).

Следовательно, в среднем на одну душу дарственников приходилось 1,05 десятины. Однако по отдельным губерниям эта средняя цифра отклонялась несколько в ту или иную сторону. Так, в Таврической губернии средний надел дарственников составлял 1,8 десятины, а в Рязанской — 0,8. Еще большие колебания мы наблюдаем внутри одной и той же губернии. На практике иногда дарственный надел бывал даже менее одной четвертой высшего его размера, иногда же, наоборот, — значительно выше. Так, в селе Лантаровка, Лебединского уезда, Харьковской губернии, крестьянам было предоставлено по 838 кв. сажен на душу⁵, а на хуторе Гребеньковском, Ахтырского уезда, — по 1 десятине 800 кв. сажен⁶, в селе Трудолюбовка крестьяне получают с переселением их на земли другого помещика по 3 десятины на душу, принимая на свой счет перенесение усадеб⁷. Таким образом, размеры душевых наделов по дарственным актам были весьма различны.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1131, оп. т. XV, 1881 г., д. 104, ч. 1, л. 229—232.

² «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 54.

³ См. Введение, стр. 36—37.

⁴ «Дарственное надельное землевладение крестьян», стр. 49—54.

⁵ ГАХО, ф. Губернского по крестьянским делам присутствия, № 16, оп. 1, д. 2659.

⁶ Там же, 921.

⁷ Там же, д. 1558

№ пп.	Губернии	Число ревизских душ	Получили земли в дар (в дес.)
1	Астраханская	306	235
2	Владимирская	756	13 25,7
3	Воронежская	40 695	38 563
4	Екатеринославская	28 918	33 232
5	Казанская	28 895	30 206
6	Калужская	238	609
7	Костромская	480	336,8
8	Курская	28 946	27 691,8
9	Московская	1 232	1 282,4
10	Нижегородская	18 826	10 050,6
11	Новгородская	25	39
12	Олонецкая	4	8
13	Оренбургская	1 652	2 053,3
14	Орловская	5 713	6 490,3
15	Пензенская	36 980	33 126
16	Пермская	7 460	9 484,2
17	Полтавская	15 019	14 052
18	Псковская	250	283,5
19	Рязанская	11 624	9 465,3
20	Самарская	22 667	29 649,2
21	Санкт-Петербургская	239	302,8
22	Саратовская	98 104	119 328
23	Симбирская	39 796	36 942,9
24	Таврическая	2 425	4 492
25	Тамбовская	25 355	22 276
26	Тверская	884	1 106
27	Тульская	2 617	1 950,7
28	Уфимская	4 653	6 629,4
29	Харьковская	10 787	11 201,4
30	Херсонская	15 522	17 657,3
31	Черниговская	10 121	10 036,8
32	Ярославская	55	119
	Итого	461 224	485 228,8

В том же фонде Харьковского губернского по крестьянским делам присутствия хранятся две дарственные сделки, носившие, на наш взгляд, альтруистический характер¹: первая — на деревню Ольховатку, Изюмского уезда, принадлежавшую помещикам Николаю Ивановичу и Ивану Ивановичу Калиниченко. Крестьянам этой деревни в числе 47 душ было отведено по уставной грамоте 96 десятин

¹ ГАХО, ф. Губернского по крестьянским делам присутствия, № 16, оп. 1, д. 4203, 3875.

земли. Братья Калиниченко в 1877 г. прирезавают крестьянам еще 20 десятин земли сверх уставной грамоты и предоставляют все это им в дар. Надо сказать, что один из братьев был связан в 60-х годах с революционно-демократическими кругами Санкт-Петербурга и Москвы и находился некоторое время в заключении в Петропавловской крепости, а позднее — под надзором полиции.

Вторая сделка относится к деревне Анновке, Старобельского уезда, в которой помещица А. М. Быковская в 1876 г. предоставляет крестьянам в числе 61 души в дар по 3 десятины 1679 кв. сажен земли на душу.

Дарственные сделки, как правило, представляли собой действительно результат добровольного соглашения крестьян с помещиками. Однако известны случаи, когда владельцы навязывали дарственный надел, не гнушаясь при этом даже различных форм обмана. Так, в 1874 г. от имени крестьян 2-й части местечка Шабельск, Ростовского уезда, Екатеринославской губернии, был составлен и утвержден мировым посредником Коваленским мирской приговор о согласии их получить дарственный, т. е. четвертной, надел¹. В этом «подлинном» мирском приговоре, подписанном якобы более 100 крестьянами, числились даже подписи 14 душ, умерших ранее его составления². В действительности приговор был составлен волостным старшиной, волостным и сельским писарями и управляющим помещика Шабельского Варяницыным. Поверка договора была произведена мировым посредником также фиктивно. Как сообщал екатеринославский губернатор министру внутренних дел, «мировой посредник Коваленский прибыл в Шабельское сельское управление, куда собралось от 50 до 70 крестьян (тогда как в приговоре обозначено более 100 человек. — П. З.) и, не произведя переклички с целью удостовериться, принадлежат ли явившиеся крестьяне к числу заключивших договор, приказал прочесть им договор, после чего мировой посредник спросил, согласны ли они на четвертую часть». На этот вопрос одна половина наличных крестьян ответила утвердительно, другая же половина — отрицательно, и затем мировой посредник уехал. «Вместе с тем, — продолжал губернатор, — из показания одного из

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1181, оп т XV, 1877 г., д. 130.

² Там же, л. 6.

обвиняемых — Авраама Самусенко видно, что непосредственно перед вопросом, который был предложен крестьянам мировым посредником в такой форме «довольны ли ребята», было прочитано им, что управляющий экономией дарит крестьянам 10 ведер водки. На этот вопрос крестьяне отвечали «довольны», но он, Самусенко, не мог составить себе определенного понятия о том, остались ли крестьяне довольны подаренной им водкой или же прочитанным перед тем приговором»¹. Далее губернатор сообщал, что из 47 крестьян, допрошенных судебным следователем, 43 заявили, что они не присутствовали при поверке договора мировым посредником и о согласии их на заключение его «их никто не спрашивал». К тому же, по заявлению 60 или 70 крестьян, присутствовавших при поверке договора, только 20 принадлежали к числу тех, от имени которых он был составлен. В силу всего этого дарственная сделка была расторгнута, а мировой посредник привлечен к уголовной ответственности.

Расчет большинства крестьян, стремившихся получить дарственный надел, не оправдался. Арендные и продажные цены на землю чрезвычайно быстро возросли и крестьяне-дарственники оказались в весьма тяжелом положении. Об этом довольно убедительно писал министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев в циркулярном письме к губернаторам в мае 1881 г. «Опыт минувших лет, — указывал он, — показал, что большинство крестьян, перешедших на даровой надел, дошли до такой степени нищеты, что земство вынуждено оказывать им ежегодные пособия на прокормление, и со стороны самих крестьян возникают ходатайства о переселении их на казенные земли с пособием от правительства...»².

Однако некоторая, и весьма значительная, часть крестьян, получив дарственный надел и ликвидировав всякие отношения с помещиками, сумела приобрести по дешевым ценам землю и оказалась в лучшем положении, чем те, кто перешел на выкуп. По данным статистического обследования дарственников, произведенного в 1907 г. в 28 губерниях, ими было приобретено в собственность

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1877 г., л. 3.

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 50, д. 292, л. 2.

649 174,3 десятины земли¹. Количество крестьян-дарственников, принявших участие в покупке земли, равнялось 82 992 дворам².

Губернии	Земли приобретено					
	сельскими обществами		товариществами		отдельными домохозяевами	
	дес.	дворов	дес.	дворов	дес.	дворов
Астраханская	2 688,5	153	—	—	—	—
Владимирская	264	133	—	—	765	7
Воронежская	15 413,6	3 242	28 613,7	4 373	3 332,5	148
Екатеринославская	33 617,7	7 156	19 056,5	1 622	9 600,7	361
Казанская	19 987,7	3 664	16 229	2 119	305	4 592
Калужская	317,0	48	101,5	42	25	3
Костромская	—	—	—	—	139	7
Курская	2 812,6	1 021	3 390,7	703	4 178,8	435
Московская	481,3	466	86,0	35	5	3
Нижегородская	4 000,7	829	14 737,3	2 271	3 478,5	469
Новгородская	24	9	8,0	2	16,0	1
Оренбургская	666	94	1 164	28	1 214	7
Орловская	—	—	843,0	160	161	49
Пензенская	13 340,2	1 768	10 564,7	1 688	4 501,5	301
Пермская	386,5	55	463	105	758,5	42
Полтавская	294	407	3 631,4	852	2 671,3	671
Псковская	—	—	346	38	594,5	27
Рязанская	435,5	173	3 130,7	561	1 573,8	229
Самарская	21 660,8	2 479	10 810,7	778	7 791,0	204
Санкт-Петербургская	10	32	—	—	15	1
Саратовская	128 594,8	15 892	67 732,6	6 215	20 939,2	471
Симбирская	17 657,9	2 837	17 246,6	1 882	6 791,0	517
Таврическая	2 720,0	157	1 861,5	118	6 291,8	107
Тамбовская	24 942,1	4 698	20 364,8	2 652	3 714,5	196
Тверская	220,0	63	78	8	30	1
Тульская	1 336	346	—	—	504	111
Уфимская	891	158	7 999,5	652	530	51
Харьковская	1 651,4	986	10 480	1 149	2 293,7	252
Херсонская	3 931,5	697	12 466,0	492	5 610,4	191
Черниговская	709,0	331	3 551,4	699	3 159,7	714
Итого	299 053,8	47 864	254 957,4	29 944	95 163,1	5 884

Из указанного выше количества купленной земли 46%, или 299 053,8 десятины, было приобретено сельскими

¹ «Дарственное крестьянское надельное землевладение», стр. V.

² «Дарственное крестьянское надельное землевладение», стр. 55.

обществами, 39,3⁰/₀, или 254 957,4 десятины, — товариществами, и, наконец, 14,7⁰/₀, или 95 163,1 десятины, — отдельными домохозяевами¹. При этом в среднем на один двор при покупке сельскими обществами приходилось 6,2 десятины, товариществами — 8,5, а отдельными домохозяевами — 16,1 десятины². Распределение купчей земли по отдельным губерниям представляет собою следующее³ (см. табл. на стр. 299).

Таким образом, количество купленной земли и отношение ее к наделной в отдельных губерниях были разными. Если в среднем по всем губерниям купленная земля составила по отношению к наделной 134⁰/₀, то в отдельных губерниях этот процент был еще большим. Так, в Саратовской губернии количество купленной земли превышало наделную в 2 с лишним раза, составляя 221⁰/₀; в Екатеринославской она составляла 214⁰/₀. Из числа купленной дарственниками земли 64,3⁰/₀ ее распределялось между пятью губерниями⁴:

Саратовской	— 217 266	дес.	33,5 ⁰ / ₀
Екатеринославской	— 62 274,9	»	9,6 ⁰ / ₀
Тамбовской	— 49 021,4	»	7,5 ⁰ / ₀
Воронежской	— 47 359,8	»	7,3 ⁰ / ₀
Симбирской	— 41 695,5	»	6,4 ⁰ / ₀

Резюмируя сказанное нами о крестьянах-дарственниках, необходимо в заключение еще раз отметить, что наряду с разорением основной массы крестьянства, получившей землю в дар, некоторая часть его имела возможность приобрести землю по дешевым ценам, избавиться тем самым от помещичьей кабалы. Часть зажиточного крестьянства из числа дарственников начинает довольно быстро превращаться в сельскую буржуазию.

* *
*

Составление уставных грамот в каждом из районов страны имело свою специфическую особенность, определяющуюся местными условиями, а отсюда и различными формами ограбления крестьян. Отношение крестьян к по-

¹ «Дарственное крестьянское наделное землевладение», стр. XIII.

² Там же, стр. 55. Расчет произведен нами. — П. Э.

³ Там же, стр. 48—55.

⁴ «Дарственное наделное землевладение крестьян», стр. XII.

лучению надельной земли обуславливалось соотношением оброка, а следовательно, и выкупной цены и существующих арендных и продажных цен. Там, где между первыми и вторыми существовал большой разрыв, крестьяне отказывались брать землю, и стремились получить дарственный надел. Отрезка земли у крестьян в период составления грамот сама по себе не определяла положения их после реформы, если не учитывать того процесса обезземеливания, который протекал довольно интенсивно на протяжении всей первой половины века. В тех районах, где этот процесс протекал менее интенсивно, у значительного числа крестьян была произведена отрезка земли. Там же, где обезземеливание, наоборот, проходило до реформы весьма интенсивно, как например в Воронежской, Полтавской, Черниговской губерниях, — там отрезки были невелики¹.

Несколько медленнее протекал процесс обезземеливания крестьян в крупноместных имениях. В силу этого отрезки в период реформы здесь были несколько большими.

Землепользование крестьян особенно сократилось в районах внутренней колонизации, где до реформы крестьяне обычно обрабатывали землю «по мере сил своих».

В наиболее тяжелом положении оказались крестьяне, обезземеленные до реформы. Именно они составляли основную массу, получившую наделы менее высшего размера. Крестьяне же, у которых были произведены отрезки во время реформы, получили в подавляющей своей массе наделы, соответствовавшие высшему размеру, установленному для данной местности.

¹ Значительное же сокращение крестьянских земель в этих губерниях произошло вследствие заключения большого числа дарственных сделок.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВЫКУПНЫЕ СДЕЛКИ

Прежде чем переходить к вопросу о выкупных сделках, рассмотрим условия выкупа крестьянами своих земель.

Положение о выкупе предоставляло крестьянам право приобретать в собственность усадьбу, а также выкупа вместе с ней с согласия помещика и полевого надела (ст. 2—3). При приобретении крестьянами в собственность вместе с усадьбой и полевого надела им оказывалось «содействие посредством выкупной операции». «Содействие сие, — указывалось в статье 4, — заключается в том, что правительство ссужает под приобретаемые на этом основании земли определенную сумму с рассрочкою крестьянам уплаты оной на продолжительный срок и само взыскивает следующие с них платежи как в счет процентов по выданной ссуде, так и на постепенное погашение долга. Означенная сумма выдается помещику процентными кредитными бумагами».

Таковы основные принципы организации выкупа земель по Положениям 19 февраля 1861 г.

Остановимся подробнее на характеристике отдельных статей Положения. Положение о выкупе состояло из трех разделов: в первом излагались условия выкупа крестьянами их усадеб, во втором — условия выкупа с содействием правительства вместе с усадьбой и полевых угодий, в третьем — права и обязанности крестьян-собственников. Выкуп усадьбы предоставлялся как крестьянскому обществу в целом, так и каждому домохозяину в отдельности лишь при условии отсутствия недоимок (ст. 8). Размер стоимости усадьбы определялся капитализацией из 6⁰/₀

установленного за пользование ее оброка либо стоимости десятины усадебной земли, в случае если размер повинности за пользование усадьбой не выделялся из общей суммы оброка (ст. 11—15, 19). Если выкуп усадьбы производился отдельным домохозяином при условии общего пользования угодьями, то цена ее увеличивалась на 20% (ст. 18). Сумма, следуемая за усадьбу, должна была быть внесена единовременно в казначейство (ст. 20). Выкуп полевого надела, производившийся с содействием правительства, мог произойти в двух случаях: а) в случае добровольного соглашения помещика с крестьянами, б) по одностороннему требованию помещика (ст. 32—34). Выкуп земли по одностороннему требованию помещика предусматривал приобретение земли целым обществом, а не частью его, а также предполагал предоставление крестьянам в собственность всего отведенного им по уставной грамоте надела (за исключением тех случаев, когда сами крестьяне соглашались на уменьшение надела). При этом помещик ограничивался получением только правительственной ссуды (ст. 35). В первом же случае помещик, помимо ссуды, имел право получить единовременно вносимый крестьянами дополнительный платеж (ст. 36). Как в том, так и в другом случае переход на выкуп с содействием правительства мог быть осуществлен лишь тогда, когда крестьяне находились на оброке (ст. 30). Выкупная операция, т. е. выдача правительственных ссуд, могла распространяться только на те земли, которые были отведены крестьянам по уставной грамоте (ст. 54). При этом выкупная сделка могла заключаться либо одновременно с составлением этой грамоты, либо впоследствии (ст. 33). Уменьшение при заключении выкупной сделки отведенного по уставной грамоте надела могло быть произведено лишь по добровольному соглашению с крестьянами (ст. 55) с нижеследующими ограничениями: а) в местностях, на которые распространялись Местные Великороссийское или Малороссийское положения, при приобретении земли всем обществом надел не мог быть менее одной трети высшего или указного надела. При выкупе же земли одним или несколькими домохозяевами участок по Великороссийскому положению не мог быть менее пространства, равного двум душевым наделам высшего или указного размера, и по Малороссийскому — участок каждого домохозяина должен был быть не менее половины высшего раз-

мера пешего участка (ст. 56, 57). В Киевской, Воынской и Подольской губерниях при приобретении земли всем обществом каждый крестьянский двор в общей сложности не мог иметь менее земли, чем это было необходимо «по местным условиям для обеспечения хозяйственного быта отдельного двора и причитающихся с него государственных податей» (пункт 2 ст. 96 Местного положения). Этот минимум для отдельных уездов был равен от 4,5 до 10,5 десятины (ст. 97 Местного положения). То же требование предъявлялось и в случае выкупа усадьбы и полевых угодий одним или несколькими домохозяевами (ст. 58). Наконец, в Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской губерниях и четырех уездах Витебской подворные участки могли быть уменьшены лишь до 10 десятин (ст. 59). С особого разрешения «высшего правительства» надел мог уменьшаться и до менее указанных размеров, если крестьяне при этом занимались в значительных размерах «рыболовством, садоводством, огородничеством, разведением разных хозяйственных растений или другими прибыльными отраслями сельскохозяйственной промышленности» (ст. 63).

Стоимость по выкупу полевого надела совместно с усадьбой определялась оброком, установленным Положением для данной местности, капитализированного из расчета 6% (ст. 65—68). Для иллюстрации приведем пример, характеризующий стоимость земли в Богородском уезде, Московской губернии. Оброк при высшем душевом наделе в Московской губернии составлял 10 руб. Условимся, что в данном случае выкупается надел, равный высшей для данной местности норме. Для Богородского уезда она составляла 3 десятины. Составим следующую пропорцию:

$$100 : 6 = x : 16; \quad \frac{100 \cdot 10}{6} = \frac{1\,000}{6} = 166 \text{ р. } 66 \text{ к.}$$

Разделив 166 р. 66 к. на 3, определим стоимость 1 десятины, которая в данном случае составит 55 р. 55 к. Следовательно, при условии выкупа высшего душевого надела стоимость 1 десятины будет составлять 55 р. 55 к. Определим же стоимость низшего размера надела в данном уезде, составлявшем 1 десятину. Оброк за 1 (первую) десятину в Московской губернии, как и во всей нечернозем-

ной полосе, составляя 50% общей суммы оброка, установленной для высшего душевого надела. Для Богородского уезда, Московской губернии, он равнялся 5 руб. Составим пропорцию и получим:

$$100 : 6 = x : 5; \frac{100 \cdot 5}{6} = \frac{500}{6} = 83 \text{ р. } 33 \text{ к.}$$

Таким образом, при выкупе высшего, трехдесятинного надела цена 1 десятины в Богородском уезде, Московской губернии, будет равняться 55 р. 55 к., а при выкупе низшего размера надела стоимость 1 десятины увеличивается более чем на 50%.

Стоимость земли на основе капитализации установленного положениями оброка значительно превышала, особенно в нечерноземных губерниях, существовавшие цены на землю. Сопоставляя продажные цены на землю, существовавшие как в 50-х (с 1854 по 1859 г.), так и в 60-х и начале 70-х годов (с 1863 по 1872 г.), со стоимостью земли по выкупу, мы будем иметь следующую картину¹.

¹ Данные о продажных ценах на землю с 1 января 1854 г. по 1 января 1859 г. заимствованы нами из «Сведений о продажных ценах на землю», вып. I—III, изд. Земского отдела Министерства внутренних дел, Спб. 1859. Эти данные представляют собой средние цены за десятину ненаселенной земли по купчим крепостям, предъявленным ко вводу во владение в уездные суды. Эти данные почти целиком совпадают со сведениями о ценах в указанный период, приведенными А. Лосицким.

Данные же о ценах земли за период с 1863 по 1872 г. даются нами по Лосицкому (см. «Выкупная операция», Спб. 1906, Приложение 1). Стоимость же надела по выкупу определена нами, исходя из высшего размера надела. При этом нами даются как максимальные, так и минимальные цены. Например, в Московской губернии высший душевой надел составлял по отдельным уездам от 3 до 3,5 десятины, во Владимирской — от 3,5 до 4,5 десятины и т. д. Вполне естественно, что стоимость земли при высшем душевом наделе в Коломенском уезде, Московской губернии, где он составлял 3 десятины, была иной, нежели в Вере́йском уезде, где высший душевой надел составлял 3,5 десятины. Таким образом, сообщаемые нами цены определяют стоимость 1 десятины земли при высшем размере душевого надела как в тех уездах, где этот размер был минимален для данной губернии, так и в тех, где он был максимален. Приводимые нами цены на землю не касаются так называемых западных и юго-западных губерний, так как там в результате национально-освободительного восстания в Польше в 1863 г. были изменены размеры как земельных наделов, так и повинностей.

а) [Нечерноземные губернии]¹

Губернии	Стоимость 1 десятины земли							
	по ценам 1854—1859 гг.		по выкупу				по ценам 1863—1872 гг.	
			максимальная		минимальная			
руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	
Владимирская ²	11	05	42	85	33	33	17	40
Вятская	13	74	20	00	11	42	5	36
Вологодская	4	67	33	33	21	42	7	04
Калужская	18	38	46	15	37	50	24	23
Костромская	7	69	37	50	25	—	7	99
Московская	32	32	55	55	47	61	37	41
Нижегородская ³	20	06	42	85	30	00	23	31
Новгородская	6	09	27	27	21	42	5	46
Олонецкая	3	38		19 р. 4 к.			6	53
Смоленская ⁴	10	41	38	08	29	62	9	87
Санкт-Петербургская ⁵	14	71	61	53	30	30	20	28
Пермская	4	24	30	00	21	42	6	36
Псковская ⁶	10	70	29	62	22	22	11	71
Тверская	12	84	37	50	30	00	14	25
Ярославская	15	04	47	90	30	30	14	70

Из приведенных данных мы видим, что не только в нечерноземных промышленных губерниях, но и в черноземных стоимость земли по выкупу значительно превышала реально существующие цены. При этом надо иметь в виду,

¹ Подразделение на нечерноземные и черноземные губернии дается нами на основе Местного Великороссийского положения. При этом если в той или иной губернии часть уездов относится к нечерноземной, а часть к черноземной полосе, то губерния в целом относится к той или иной группе в зависимости от характера большинства уездов.

² В основу определения стоимости земли положен 9-рублевый оброк, преобладавший во Владимирской губернии.

³ По Нижегородской губернии в основу исчисления цены земли положен 9-рублевый оброк.

⁴ В Смоленской губернии в основу исчисления стоимости земли положен 8-рублевый оброк, распространившийся на 8 из 12 уездов губернии.

⁵ Максимальная стоимость определена на основе 12-рублевого оброка, распространенного в имениях, находившихся не далее 25 верст от Петербурга, высший душевой надел в которых определен в 3,25 десятины, минимальный — исходя из 10-рублевого оброка.

⁶ Расчет производится, исходя из 9-рублевого оброка, распространенного на семь из восьми уездов.

б) Черноземные губернии

Губернии	Стоимость 1 десятины земли							
	по ценам 1854—1859 гг.		по выкупу				по ценам 1863—1872 г.г.	
			максимальная		минимальная			
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Воронежская	24	13	50	00	37	50	41	07
Екатеринославская	13	64	50	00	33	33	19	90
Казанская ¹	17	33	50	00	37	50	22	07
Курская	26	12	54	54	42	85	40	42
Рязанская	28	97	54	54	37	50	32	58
Орловская ²	29	84	50	00	33	33	37	87
Полтавская ³	20	12	41	66	33	33	25	38
Пензенская	23	06	54	54	37	50	23	55
Саратовская	16	50	37	50	21	42	25	48
Самарская	8	96	37	50	12	50	8	52
Симбирская	23	07	46	15	37	50	22	46
Таврическая	7	47	50	00	23	07	12	09
Тамбовская ⁴	23	71	50	00	42	85	30	40
Тульская	32	36	54	54	46	15	36	49
Оренбургская	5	82	33	33	21	42	3	63
Харьковская	14	80	46	66	30	00	30	71
Херсонская	14	69	50	00	27	27	21	43
Уфимская	18	47	41	66	23	33	21	79

что цены земли по выкупу нередко были выше приводимых нами. При определении стоимости 1 десятины земли мы исходили из расчета, что крестьянин приобретает высший размер надела. При получении же неполного размера надела стоимость десятины земли, имея в виду существовавшие градации, значительно повышалась, как это видно из приводимого нами выше примера по Богородскому уезду, Московской губернии.

Размер выкупной ссуды при приобретении крестьянами полного по уставной грамоте надела ⁵ определялся в 80%

¹ Расчет производится на основе 9-рублевого оброка.

² Расчет производится на основе 9-рублевого оброка.

³ По Полтавской, Харьковской, Черниговской губерниям приводится стоимость только полевой земли. Минимальная стоимость по выкупу десятины усадебной земли в этих губерниях составляла 85 руб.

⁴ Расчет производился, исходя из 9-рублевого оброка.

⁵ В данном случае имеется в виду не высший размер надела, а тот его размер, который зафиксирован в уставной грамоте.

его стоимости. При получении же умышленного по сравнению с уставной грамотой надела выкупная ссуда составляла 75⁰/₀ (ст. 66). Если же оброк, взимавшийся с крестьян до реформы и оставленный в том же размере по уставной грамоте, был ниже определенного по Местному положению, то «выкупная ссуда, — указывалось в следующей статье, — ...выдается помещику в полной сумме без указанного вычета из оной.., если только сия капитальная сумма не превышает размера выкупной ссуды, исчисленной по капитализации оброка... с вычетом одной пятой или одной четвертой части» (ст. 67). Если же сумма стоимости надела по капитализации оброка превышала указанный выше размер, то она соответственно понижалась. Статья 67 применялась лишь в тех случаях, когда выкуп состоялся по добровольному соглашению с помещиком, притом крестьяне приобретали в собственность полный по уставной грамоте надел.

Уплата дополнительного платежа помещику регламентировалась следующими правилами: а) если сделка состоялась по добровольному соглашению помещика с крестьянами, то вопрос о размерах дополнительного платежа не ограничивался каким-либо размером и определялся «по усмотрению договаривающихся сторон» (пункт 1 ст. 68); б) если сделка производилась по одностороннему требованию помещика, то он не имел права требовать каких-либо дополнительных платежей, за исключением того случая, когда в ответ на заявление владельца о переводе крестьян на выкуп они выражали желание получить уменьшенный по сравнению с уставной грамотой надел. В этом случае крестьяне должны были внести одновременно в уездное казначейство дополнительный платеж в размере «одной пятнадцатой части ссуды» (пункт 2 ст. 68). Это составляло 5⁰/₀ капитализированной суммы оброка. Наконец, если крестьяне требовали выкупа усадьбы, а помещик при этом соглашался предоставить на выкуп и полевые наделы, то крестьяне обязаны были внести дополнительный платеж: при приобретении всего надела — в размере «...одной четвертой, а при приобретении части надела — одной третьей части выкупной ссуды (пункт 3 ст. 68), т. е. 20⁰/₀ или 25⁰/₀ суммы стоимости земли по выкупу. Таким образом, реализация установленного Положением права крестьян выкупать усадьбу влекла за собой в случае одновременного согласия помещика на выкуп полевого надела (хотя бы и

против желания крестьян) необходимость уплаты дополнительных платежей. Это находилось в противоречии со статьей 35 Положения о выкупе, в которой указывалось, что при требовании помещиком выкупа он должен был ограничиваться получением лишь правительственной ссуды. Что касается выкупа усадьбы, то это право крестьян отнюдь не сопровождалось какими бы то ни было условиями и ограничениями.

При выдаче помещику выкупной ссуды из нее удерживался долг кредитным учреждениям, лежавший на имени (ст. 69). Если банковый долг превышал размер выкупной ссуды, но не был при этом выше нормального размера установленной банковской ссуды, то излишек долга переводился на землю, остававшуюся в распоряжении помещика (пункт 2 ст. 69). Если же банковый долг превышал не только выкупную ссуду, но и нормальный размер банковской ссуды, то по требованию кредитного учреждения излишек долга мог быть пополнен из дополнительного платежа, вносимого крестьянами помещику (пункт 3 ст. 69). Причитавшаяся помещику сумма, за вычетом банковского долга, выдавалась ему «государственными пятипроцентными банковскими билетами и выкупным свидетельством»¹ по следующему расчету: если ссуда, за вычетом банковского долга, не превышала тысячи рублей, то она выдавалась банковыми билетами (пункт 1 ст. 70), если же размер составлял от 1 тыс. до 10 тыс., то банковыми билетами выдавалась первая тысяча и пятая часть остальной суммы,

¹ Для предотвращения наплыва в обращение огромного количества бумажных денег, что могло оказать влияние на их курс, выдача выкупных ссуд должна была производиться процентными бумагами — так называемыми банковыми билетами второго выпуска и выкупными свидетельствами. Пятипроцентные банковые билеты, именовавшиеся в отличие от выпущенных ранее билетами второго выпуска, свободно обменивались по нарицательной цене, т. е. рубль за рубль, государственными кредитными учреждениями. Погашение этих пятипроцентных билетов должно было производиться тиражами в течение 49 лет. Выкупные свидетельства, выдававшиеся неизменными, не имели хождения и не могли быть обменены на деньги. Они принимались лишь в залог по различным обязательствам частных лиц с казною. Выкупные свидетельства, так же как и банковые билеты, приносили 5% годового дохода. Выкупные свидетельства в течение 15 лет должны были быть обменены на банковые билеты разными частями по истечении каждых пяти лет (см «Положение о выкупе», стр 140—155; И. С. Блюх, Финансы России XIX столетия, т. II, Спб 1882, стр 75—76).

другая же часть — выкупными свидетельствами (пункт 2 ст. 70). При размере ссуды от 10 тыс. до 50 тыс. из первых 10 тыс. согласно пункту 2 2800 руб. выдавалось билетами, 7200 руб. — свидетельствами, из остальной же части ссуды одна десятая — билетами, другая — свидетельствами (пункт 3). Если же размер ссуды превышал 50 тыс. руб., то сверх этой суммы одна двадцатая часть выдавалась билетами, а девятнадцать двадцатых — свидетельствами (пункт 4 ст. 70). Для покрытия казенных долгов, лежащих на имении, взыскание при выкупе производилось первоначально с дополнительных платежей, потом с пятипроцентных билетов и в последнюю очередь с выкупных свидетельств (ст. 71).

Если выкупная сделка осуществлялась на основе добровольного соглашения помещика с крестьянами, то составленный по этому поводу выкупной договор должен был представляться для утверждения мировому посреднику. Этот договор включал в себя данные о размере выкупаемой земли, ее соотношении с наделом, отведенным по уставной грамоте, сумме выкупной ссуды, условиях взноса дополнительного платежа и т. д. (ст. 74, 75). К договору должен был быть приложен мирской приговор о согласии крестьян на выкуп, принятый на сельском сходе при участии не менее двух третей членов общества (ст. 82). После проверки полученного договора мировой посредник должен был представить его на заключение губернского по крестьянским делам присутствия (ст. 93—96). Когда выкуп осуществлялся по одностороннему требованию помещика, то он обязан был сделать об этом заявление мировому посреднику, который в свою очередь должен был ознакомить с ним крестьян. Последние в течение месяца обязывались составить по большинству голосов мирской приговор о размере земель, которые общество желает приобрести в собственность. Если же крестьяне не представят в течение месячного срока указанный приговор, то выкупу подлежал весь надел, состоявший в их постоянном пользовании (ст. 97). Все эти материалы мировой посредник также должен был представить на заключение губернского по крестьянским делам присутствия. После заключения губернского присутствия выкупная сделка (составленная как по добровольному соглашению, так и по требованию помещика) представлялась на утверждение в Главное выкупное учреждение (ст. 105—107).

Крестьяне, приобретшие землю по выкупной операции, обязаны были вносить в казну ежегодно выкупные платежи в размере 6% с выданной помещику ссуды¹. Выкупная ссуда погашалась в течение 49 лет (ст. 113—114). Выкупные платежи должны были вноситься в те же сроки, которые были установлены для платежа податей, а именно. за первую половину года — с 1 января по 1 марта, за вторую — с 1 октября по 1 января (ст. 121).

Выкупные платежи должны были взыскиваться с крестьян «преимущественно перед частными их долгами» (ст. 126), причем в обеспечение исправного поступления их Положение о выкупе предусматривало ряд мер. Если земля приобреталась всем обществом, то оно² отвечало за исправный взнос выкупных платежей на основе круговой поруки, «разлагая в случае нужды недоимку на все общество по мирской раскладке либо пополняя сию недоимку из мирских сумм или иных общественных средств» (ст. 127). При этом обществу предоставлялось право принимать следующие меры в отношении отдельных недоимщиков: а) обращаться на возмещение недоимки доход, полученный с того или иного недвижимого имущества, принадлежащего неисправному плательщику; б) отдавать самого недоимщика или кого-либо из членов его семейства на заработки при условии внесения заработанных денег в мирскую кассу³, продавать принадлежащее недоимщику имущество, отбирать в пользу общества приобретенный им надел и т. д. (ст. 127). Если общество не вносило очередной полугодовой выкупной платеж, то мировой посредник обязан был предпринять ряд мер ко взысканию, в том числе произвести опись и продажу крестьянского имущества, за исключением того, что составляет «необходимость в крестьянском хозяйстве и не может быть продано без разорения крестьян» (пункт 4 ст. 129). Вместе с тем мировому

¹ Из этих 6% 5% взимались как проценты за выданную ссуду, 0,5% — на составление запасного капитала, предназначенного на организационные расходы (содержание учреждений, ведавших выкупной операцией и т. д.) и только 0,5% шло непосредственно на погашение ссуды

² Как при общинном, так и при участково-подворном землевладении

³ Отдача в «посторонние заработки» разрешалась лишь по приговору сельского схода, и притом только таких недоимщиков, «кои не платят недоимок по упорству, нерадению или расточительству» (пункт 2, ст. 127)

посреднику предоставлялось право «вместо избранных обществом должностных лиц назначать других по своему усмотрению» (пункт 2 ст. 129). Аналогичные меры взъяскания должны были применяться и в тех случаях, когда земля была приобретена не обществом, а отдельными домохозяевами либо товариществом домохозяев (ст. 131—139).

После заключения выкупной сделки крестьяне получали наименование «крестьян-собственников»; однако до окончания уплаты или выкупных платежей это понятие было весьма условным.

В первые девять лет продажа земли, приобретенной обществом, была воспрещена (ст. 161). Участки же земли, приобретенные отдельными домохозяевами, могли в течение этого срока продаваться, но не иначе, как одному из членов этого же сельского общества (ст. 169). По истечении девяти лет, но до окончания уплаты выкупных платежей общество могло продавать приобретенную им землю с разрешения губернского по крестьянским делам присутствия при условии взноса вырученных за проданную землю денег в счет долга по выкупной ссуде (ст. 162). Также и участки, приобретенные отдельными домохозяевами, могли продаваться постороннему лицу, «если только сие последнее уплатит весь числящийся на участке долг по выкупной ссуде» (пункт 2 ст. 169). Все эти условия не только затрудняли продажу земли, но делали ее почти невозможной.

До погашения выкупной ссуды, выделение отдельных участков из земли, приобретенной обществом, могло производиться лишь с согласия общества, за исключением тех случаев, когда домохозяин, желающий выделиться, вносил одновременно в казначейство всю причитающуюся с его участка выкупную ссуду (ст. 165). До погашения всей ссуды земли, как приобретенные сельским обществом, так и отдельным домохозяином, не могли ни в каких случаях закладываться (ст. 170). Переход крестьян-собственников в другие общества или сословия был также весьма затруднен. Так, при приобретении земли всем обществом выход из него отдельным его членам разрешался лишь при условии «уплаты половины капитального долга, причитающегося по выкупной казенной ссуде, на участок, состоящий в пользовании увольняемого, буде мирское общество примет на себя ручательство за остальную половину уплаты» (ст. 173). При этом из общества, на котором

числилась недоимка по выкупным платежам или казенным податям, увольнение могло производиться только с разрешения губернского по крестьянским делам присутствия (ст. 174).

Таково основное содержание Положения о выкупе.

Выкупная операция по своему характеру и содержанию была буржуазной. В результате перехода крестьян на выкуп ликвидировалось временнообязанное состояние, означавшее сохранение феодальных производственных отношений. Однако методы ее проведения были крепостническими. Вопрос о переходе крестьян на выкуп решался не ими самими, а помещиком. «Принудительная продажа, — писал К. Маркс, характеризуя выкупную операцию, — в интересах государства существовала у всех цивилизованных наций; но *принудительная покупка* — русское изобретение!»¹. В основу выкупа была положена не фактическая стоимость земли, а капитализированный оброк, представлявший собой одну из форм феодальной ренты.

Перевод крестьян на выкуп начал проводиться одновременно с составлением уставных грамот. Первоначально заключение выкупных сделок протекало весьма медленно. Так, на 1 января 1862 г. по всей России были заключены всего 322 выкупные сделки². В целях более успешного хода выкупной операции правительство приняло ряд мер. Одной из таких мер, долженствующих стимулировать помещиков на заключение выкупных сделок, явился закон 10 мая 1862 г. По этому закону во изменение статьи 67 Положения о выкупе владельцам тех имений, где оброк был ниже установленной Местным положением суммы, предоставлялось право на получение выкупной ссуды без всякого вычета³, если сделки совершались по одностороннему требованию помещика⁴. Вторым мероприятием, имевшим

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. XII, стр. 36.

² «Отмена крепостного права», стр. 97.

³ Выдача ссуды без вычета производилась, как и по статье 67, только в том случае, «если только сия капитальная сумма не превышает размера выкупной ссуды, исчисленной по капитализации оброка, рассчитанного по величине надела с вычетом означенных одной пятой или одной четвертой части» (Положение о выкупе, ст. 67).

⁴ ПСЗ, 2-е собрание, т. XXXVII, № 38262.

более важное значение, явился закон 27 июня 1862 г.¹. Закон разрешал переход на выкуп и крестьян барщинных имений, предусматривая при этом лишь поверку их состоятельности. «Когда выкуп производится в издельном имении по требованию помещика., — указывалось в законе, — то... мировой посредник входит в обсуждение состоятельности крестьян ко взносу выкупных платежей и, в случае встреченного в сем отношении сомнения, представляет о том мировому съезду, а сей последний вносит дело со своим заключением в губернское присутствие»².

Издание этого закона оказало определенное влияние на ускорение хода выкупной операции. Достаточно сказать, что из общего количества 17 094 выкупных сделок, утвержденных Главным выкупным учреждением на 1 января 1865 г., 6884 были заключены на основе правила о выкупе от 27 июня 1862 г.³.

Перевод крестьян на выкуп мог производиться, как указывалось выше, либо по добровольному соглашению с крестьянами, либо по одностороннему требованию помещика. В последнем случае помещик терял право на получение дополнительного платежа. Помимо этого, выкупная сделка могла быть заключена и «по требованию кредитных учреждений» в том случае, если помещиком не выполнялись обязательства перед этим учреждением.

В различных губерниях отношение к заключению выкупных актов было неодинаково. В некоторых помещики стремились поскольку возможно скорее заключить выкупные сделки, а другие, наоборот, воздерживались. Так, курский губернатор в отчете за 1861 г. писал: «Крестьянское население, не имея верного и выгодного сбыта своих сырых произведений, страшится сделаться несостоятельным перед казною по взносу выкупных платежей, а владельцы при отсутствии капиталов и неимению кредитов затрудняются

¹ ПСЗ, 2-е собрание, т. XXXVII, № 38407.

² Там же. Нам известен только один факт, когда выкупная сделка не была утверждена мировым учреждением из-за несостоятельности крестьян, а именно на село Муравьево, Деньгубовку тож, Краснинского уезда, Смоленской губернии (ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 2077).

³ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1865 г., д. 156, л. 99.

обработкой земель вольнонаемным трудом»¹. Таким образом, курские помещики не спешили с заключением сделок.

В тех районах, где земля по Положению была оценена значительно выше ее действительной стоимости, помещики, естественно, спешили скорее оформить выкупные сделки. Однако здесь встречалось другое серьезное препятствие. Законом от 27 июня 1862 г., как об этом уже указывалось выше, крестьянам было предоставлено встречное право ходатайствовать о предоставлении им дарственного надела при условии требования помещиком выкупа. Это, конечно, весьма затрудняло заключение выкупных сделок в этих районах.

Для характеристики хода выкупной операции по отдельным губерниям приведем данные о числе утвержденных Главным выкупным учреждением сделок на 1 января 1865 г.² (см. табл. на стр. 316).

Эти данные показывают, что переход крестьян на выкуп протекал в различных губерниях далеко не одинаково, причем установить какую-либо общую закономерность довольно трудно, так как все зависело от конкретных условий, имеющихся налицо не только в губерниях, но и в отдельных уездах. Можно лишь сказать, что в черноземных губерниях (Херсонской, Харьковской, Черниговской, Воронежской, Курской, Екатеринославской и др.) крестьяне весьма охотно шли на добровольные заключения сделок с помещиками. В то же время в нечерноземных губерниях, за исключением Смоленской, процент выкупных договоров, заключенных по одностороннему требованию помещика, был значительно выше.

Не ставя своей задачей всестороннее освещение хода выкупной операции, остановимся главным образом на одном ее вопросе — анализе выкупных сделок. Проследим этот вопрос в основном на примере тех уездов, уставные грамоты которых мы рассматривали в предыдущей главе.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, д. 19, л. 310.

² ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1865 г., д. 156, л. 99. Из имевшихся двух таблиц, объединенных вместе, нами исключены данные о количестве выкупных сделок, заключенных в девяти так называемых северо-западных и юго-западных губерниях.

Губернии	Заключено выкупных сделок		Итого
	по соглашению с крестьянами	по односторон- нему требова- нию помещика	
1	2	3	4
Астраханская	—	2	2
Владимирская	128	214	342
Вологодская	44	63	107
Воронежская	338	43	381
Вятская	7	11	18
Екатеринославская	631	36	667
Казанская	266	20	286
Калужская	505	152	657
Курская	402	83	485
Костромская	114	278	392
Московская	135	317	452
Нижегородская	133	71	204
Новгородская	390	381	771
Олонецкая	1	8	9
Оренбургская	136	32	168
Орловская	220	136	356
Пензенская	406	58	464
Пермская	—	8	8
Полтавская	815	38	853
Псковская	97	340	437
Рязанская	393	198	591
Самарская	145	31	176
Санкт-Петербургская	93	127	220
Саратовская	535	72	607
Симбирская	460	37	497
Смоленская	1 046	64	1 110
Таврическая	13	8	21
Тверская	364	676	1 040
Тамбовская	455	86	541
Тульская	458	148	606
Харьковская	1 113	15	1 128
Херсонская	785	61	846
Черниговская	1 022	68	1 090
Ярославская	121	193	314
Область Войска Донского	205	11	216
Итого	11 976	4 086	16 062

* *
*

Из центральных нечерноземных губерний мы рассматриваем выкупные сделки по пяти уездам: Старорусскому, Новгородской губернии, Краснинскому и Ельнинскому,

Смоленской, Волоколамскому, Московской, и Шуйскому, Владимирской губернии.

В Старорусском уезде на выкуп перешло 11 149 душ¹, т. е. на 63 души меньше по сравнению с данными уставных грамот. Подавляющая часть сделок была совершена по одностороннему требованию помещиков, а именно:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	34	1 917
По одностороннему требованию помещика	265	8 569
По требованию кредитного учреждения	1	10
После 1881 г.	27	653

Из сделок, заключенных по добровольному соглашению, по всем, за исключением одной (16 душ), помещики получили дополнительный платеж. Стремясь получить дополнительный платеж, помещики в некоторых случаях шли на известные уступки. Так, по 9 сделкам, по которым был получен этот платеж, крестьяне получили по несколько десятин земли в дар. В деревне Маслино помещица Болтина сверх 198 десятин передала крестьянам в дар 66 дес.² Крестьяне деревни Степаново помещицы Дириной получили сверх 82,5 дес. 22 десятины³ земли, а крестьяне деревни Обши того же владельца — столько земли, «сколько окажется в окружной меже всего участка»⁴.

Кроме того, по двум сделкам помещики пошли на другие уступки. Помещик Шеховской при заключении выкупного договора продал сверх надельной земли крестьянам деревни Сельцо 419 десятин в рассрочку на 10 лет⁵. Крестьяне деревни Латовни получили за особую плату отрезанную у них землю⁶.

Дополнительный платеж взимался полностью по 18 сделкам (379 душ), неполностью — по 15 сделкам

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 22, д. 2401—2587.

² Там же, д. 2425.

³ Там же, д. 2406.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 2566.

⁶ Там же, д. 2577.

(1522 души). Уплата дополнительного платежа по этим сделкам производилась в размере:

95 ⁰ / ₀	по 1 сделке
80 ⁰ / ₀	» 5 сделкам
70 ⁰ / ₀	» 5 »
50 ⁰ / ₀	» 3 »
40 ⁰ / ₀	» 1 сделке

Дополнительный платеж по всем сделкам взимался деньгами. Уплата его производилась в разные сроки, а именно:

	Единовременно	по 5 сделкам
В рассрочку на 3 года	» 2 »	
» » » 5 лет	» 2 »	
» » » 6 »	» 1 сделке	
» » » 10 »	» 20 сделкам	
» » » 20 »	» 3 »	

Таким образом, подавляющее число сделок предусматривало погашение дополнительного платежа в течение 10 лет.

По трем сделкам взимались проценты за рассрочку. Крестьяне деревень Вознесенск и Любынь обязались погасить дополнительный платеж в течение 10 лет с уплатой 6⁰/₀¹. Крестьяне деревни Теляткино помещицы Рудиной обязывались уплатить 120⁰/₀ дополнительного платежа за рассрочку его на 10 лет².

* *
*

В Краснинском уезде, Смоленской губернии, на выкуп перешло то же количество крестьян, которое числилось по уставным грамотам, а именно 17 863 души³.

Из 330 выкупных сделок было заключено:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	287	16 426
По одностороннему требованию помещика	30	1 012
После 1881 г.	13	425

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 22, д. 2471.

² Там же, д. 2539.

³ Там же, оп. 37, д. 1956—2180, 3571, 3576, 3581, 3586, 3589.

Следовательно, в Краснинском уезде 86,90% всех выкупных сделок было заключено по добровольному соглашению крестьян с помещиками. Из указанных выше добровольных сделок дополнительный платеж причитался по 277 сделкам (16 079 душ). Без дополнительного платежа было заключено только 10 сделок (347 душ). Таким образом, 96,50% всех заключенных по добровольному соглашению выкупных сделок предусматривало получение дополнительного платежа. Об этом стремлении смоленских помещиков писал в одном из своих отчетов смоленский губернатор: «...помещичьи имения Смоленской губернии, — указывал он, — слишком обременены банковыми долгами, так что у многих владельцев вся выкупная ссуда обращается на уплату этого долга; единственная надежда на поддержание хозяйства заключается в дополнительном платеже с крестьян...»¹.

Стремление помещиков получить дополнительный платеж обуславливало нередко предоставление крестьянам земли в дар либо при заключении выкупного договора, либо ранее. Это имело место в 57 случаях. Большею частью этот дар составлял несколько десятин, однако в отдельных случаях он достигал больших размеров. Так, помещица Карabanова предоставляет крестьянам села Н.-Михайловское вместо 164 десятин 192,5². Помещик Энгельгардт предоставляет крестьянам деревни Копыловки сверх 384 десятин 39,5 десятины в дар³. Помещица С. И. Пестель дарит крестьянам села Васильева сверх 380 десятин еще 98⁴. В других случаях помещики при выкупе увеличивали размер надела до высшей нормы⁵.

Рассмотрим формы дополнительного платежа и способы его погашения. По 269 выкупным сделкам дополнительный платеж взимался полностью, по 8 — частично, а именно:

По 1 сделке	85 ⁰ / ₀
» 1 »	80 ⁰ / ₀
» 2 сделкам . . .	75 ⁰ / ₀
» 1 сделке	60 ⁰ / ₀
» 2 сделкам . . .	50 ⁰ / ₀
» 1 сделке	45 ⁰ / ₀

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, д. 19, л. 274—275.

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 2040.

³ Там же, д. 2168.

⁴ Там же, д. 2090.

⁵ Там же, д. 1971. 1985.

Дополнительный платеж взимался:

Работой	по	6	делкам
Деньгами	»	259	»
По особому условию, не приложенному к сделке (по-видимому, работой)	»	12	»

Рассмотрим условия погашения дополнительного платежа работой. По выкупной сделке на деревню Лядицы вместо 1093 руб. дополнительного платежа и процента за рассрочку на три года (из расчета 5%) крестьяне обязывались ежегодно в течение трех лет обрабатывать с каждого душевого надела по 24 мужских летних и 16 мужских зимних, 18 женских летних и 14 женских зимних дней, а всего за три года 3220 дней. При этом указывалось, что «каждый работник должен быть с одной лошадьёю и исправными орудиями»¹.

В выкупной сделке на село Зафидово указывалось, что крестьяне вместо дополнительного платежа, составлявшего 373 р. 24 к., должны были в течение трех лет обрабатывать с каждого надела по 24 мужских летних и 16 мужских зимних дней «с лошадьёю и исправными орудиями», а также по 18 женских летних и 12 женских зимних, т. е. за три года 1680 мужских дней и 1260 женских, что составляло всего 2940 рабочих дней². Сопоставляя условия этих двух выкупных сделок, мы видим, что никаких норм, определявших ценность рабочего дня, не существовало. Если в первом акте 3220 дней оценивались в 1093 руб. плюс процент из расчета 5% годовых (за первый год — 54 р. 65 к., за второй — 36 р. 44 к., за третий — 18 р. 22 к., а всего — 109 р. 31 к.), т. е. 1202 р. 31 к., то во второй сделке 2940 дней оценивались в 373 р. 24 к. Таким образом, все зависело от тех возможностей, которыми располагал тот или иной помещик в смысле закабаления крестьян. По третьей выкупной сделке вместо дополнительного платежа в размере 1333 руб. крестьяне обязывались ежегодно в течение пяти лет производить обработку 30 десятин земли (по 10 десятин в озимом, яровом и паровом клине), а также ежегодно скашивать по 10 десятин

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 2071.

² Там же, д. 2133.

луга и свезти при этом сено¹. По остальным трем сделкам условия работ не были точно оговорены.

Обратимся к анализу выкупных сделок, по которым взимался дополнительный платеж деньгами. Погашение этого платежа производилось в следующие сроки²:

В течение	20 лет	по 2 сделкам
»	» 15 »	» 2 »
»	» 12 »	» 4 »
»	» 10 »	» 46 »
»	» 9 »	» 8 »
»	» 8 »	» 9 »
»	» 7 »	» 81 сделке
»	» 6 »	» 25 сделкам
»	» 5 »	» 47 »
»	» 4 »	» 28 »
»	» 3 »	» 3 »
»	» 1 года	» 1 сделке
Единовременно	» 1 »

Одной из особенностей выкупных сделок по Краснинскому уезду было взимание процентов за рассрочку дополнительного платежа, что получило здесь довольно широкое распространение. Так, по 72 выкупным сделкам, заключенным в Краснинском уезде, проценты за рассрочку платежа взимались:

Деньгами в размере	5 ⁰ / ₁₀₀ годовых	по 50 сделкам
»	» 6 ⁰ / ₁₀₀ »	» 1 сделке
Работой		» 20 сделкам
Деньгами в размере 5 ⁰ / ₁₀₀ и работами . . .		» 1 сделке

В некоторых сделках суммы причитавшихся процентов прямо присоединялись к размеру дополнительного платежа. В выкупной сделке на деревню Морачево указывалось, что дополнительный платеж составляет 1466 руб. и проценты — 219 р. 95 к., всего — 1685 р. 95 к.³ В выкупной сделке на село Берносочье, Высокое тож, дополнительный

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 2004.

² По двум выкупным сделкам срок рассрочки не указан. (ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 1991, 2130).

³ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 2080.

платеж составлял 510 р., а проценты за рассрочку — 69 р. 86 к., всего — 579 р. 86 к.¹

Весьма любопытен способ погашения процентов за рассрочку дополнительного платежа работой, являвшийся более или менее стандартным. В выкупном договоре на селе Макарово указывалось, что дополнительный платеж рассрочивался на шесть лет, при этом в нем имелась следующая запись: «За рассрочку, делаемую нам помещицами, мы, крестьяне, по взаимному соглашению обязуемся выставлять в течение этих лет по пятьдесят девять работников на лошадях и по 59 работниц в то время, когда потребуют помещицы»². При этом оговаривалось, какое максимальное количество рабочих может помещик потребовать одновременно. Помещик согласно этим условиям обязывался заблаговременно сообщать старосте о количестве рабочих, требуемых на тот или иной день. Аналогичное условие мы встречаем в 16 выкупных сделках; различие составляет количество требуемых рабочих и работниц³. В некоторых случаях в договорах указывалось на необходимость обработки за проценты части помещичьей запашки. Так, в выкупной сделке на село Морозово дополнительный платеж рассрочивался на девять лет, а за проценты крестьяне обязывались в 1867 г. убрать весь озимый и яровой посевы, обмолотить и свезти в амбар, а также убрать все огороды, а в 1868 г. — вывезти навоз и обработать и засеять «господскими семенами» пашню, а также огороды⁴.

В одной из выкупных сделок, как указывалось выше, помимо 5%, вносимых деньгами, крестьяне села Баранова должны были также и выполнять работу на помещика, заключавшуюся в обязательстве выставлять в течение 10 лет «ежегодно в продолжение лета 18 работников и 12 лошадей»⁵. В одном случае взимались весьма неболь-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 2055.

² Там же, д. 1966. При этом указывалось, что работа должна производиться по урочному положению.

³ Там же, д. 1966, 1968, 1974, 1996, 2001, 2011 на села Панское и Викторово, 2011 на село Аводово, 2113, 2167 на села Светлое, Тонковидово, Высокое и Каверзы, 2167 на село Стегримово, 2164 на села Пятское и Поклоново, 2164 на село Бритово, 2164 на село Индрики, 2152, 2126, 2117.

⁴ Там же, д. 2116.

⁵ Там же, д. 1001.

шие проценты. Так, в деревне Хильчичи помещика Ивановского крестьяне за рассрочку дополнительного платежа в размере 1412 руб. должны были ежегодно сжинать по 1 десятине господского хлеба¹. Вообще установить какую-либо закономерность не только в отношении размера процента, взимавшегося за рассрочку дополнительного платежа, но и в самом факте получения дополнительного платежа едва ли возможно. В общей форме это было обусловлено степенью заинтересованности крестьян в выкупе земли, что в свою очередь определялось соотношением рыночной и выкупной цен на землю. Помимо этого, многое зависело от конкретных экономических условий, имевших место в том или ином имении, и, наконец, также и от личных качеств того или иного помещика. Это последнее обстоятельство не может быть сброшено со счета.

* *
*

В Ельнинском уезде была заключена 391 выкупная сделка². Общее количество крестьян по этим сделкам составляло 32 683 души, т. е. на 1303 души меньше числа крестьян, значившихся по уставным грамотам³.

Выкупные сделки были заключены:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	213	15 426
По одностороннему требованию помещика	162	16 227
По требованию кредитных учреждений	4	716
После 1881 г.	12	304

Таким образом, только 47,2% крестьян заключили выкупные сделки по добровольному соглашению с по-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп 37, д. 2023.

² Там же, д. 1584—1640, 1642—1690, 1692—1909, 1911—1955, 3575, 3582, 3587, 3594. Выкупные сделки по этому уезду, так же как и уставные грамоты, обработаны Д. И. Будаевым.

³ По-видимому, эти 1303 души отказались от надела и перешли в другие сословия. К сожалению, в материалах Д. И. Будаева не имеется по этому поводу каких-либо данных.

мещиками, что значительно меньше, чем в Краснинском уезде¹.

Дополнительный платеж предусматривался по 204 сделкам (15 187 душ); по 9 сделкам (249 душ) он не взимался. Полностью дополнительный платеж взимался по 190 сделкам (14 071 душа), не полностью — по 14 (1116 душ). По последним сделкам он взимался, как сообщает Д. И. Будаев, в большинстве случаев в размере 50%; по одной сделке — на деревню Блашевицы — в размере 25%².

Дополнительный платеж взимался:

Работой	по 12 сделкам (722 души)
Деньгами	» 167 » (12 731 душа)
По особому условию, что предполагало также работу	» 25 » (1742 души) ³

Погашение дополнительного платежа по сделкам, взимаемого в денежной форме, производилось в следующие сроки:

В течение 17 лет	по 2 сделкам
» » 15 »	» 9 »
» » 13 »	» 3 »
» » 12 »	» 3 »
» » 11 »	» 10 »
» » 10 »	» 75 »
» » 9 »	» 2 »
» » 8 »	» 14 »
» » 7 »	» 15 »
» » 6 »	» 12 »
» » 5 »	» 10 »
» » 4 »	» 3 »
» » 3 »	» 3 »
» » 1 года	» 6 »

Проценты за рассрочку дополнительного платежа взимались по 14 сделкам (1101 душа), из них деньгами — по 12, работой — по 2 сделкам. Так, крестьяне деревни Лейкино в числе 89 душ обязывались производить за предоставленную им рассрочку следующие работы: «обрабатывать десять десятин земли, т. е. возить навоз, пахать, заскораживать, засеять, сжигать и отвозить в хлебный

¹ По данным Д. И. Будаева, в восточном Сычевском уезде, граничившем с Тверской губернией на стыке с Московской, процент крестьян, вышедших на выкуп по добровольному соглашению с помещиками, составлял 17,2.

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 1850.

³ Эти особые условия в делах отсутствуют.

двор; обработка этой земли, — указывалось в обязательстве, — должна быть отправляема такая, какую потребует сеяное зерно, и выходить на эту работу по первому востребованию землевладелицы или доверителя... Кроме того, мы обязуемся в продолжение этих семи лет давать по тридцати работников ежегодно, которые могут быть требуемы землевладелицею во всякое время на лошадях или без них, смотря по надобности»¹. По другой сделке крестьяне деревень Митино, Вязовка и Дубовежье в числе 229 душ обязывались ежегодно обрабатывать по 15 десятин пашни в каждом поле, скашивать и убирать 15 десятин луга и вывозить по 2 тыс. возов навоза².

* *
*

Рассмотрим данные по Шуйскому уезду, Владимирской губернии³. Подавляющая часть крестьян перешла на выкуп по одностороннему требованию помещиков либо по обязательному выкупу. Из 32 546 крестьян⁴, числившихся по уставным грамотам, 2584 души перешли на выкуп по добровольному соглашению по 26 сделкам. По одностороннему требованию помещиков заключено 169 сделок, после 1881 г. — 121 сделка. Таким образом, на выкуп по добровольному соглашению перешло менее 10% крестьян. Из 26 выкупных сделок, заключенных по добровольному соглашению, по 7 (357 душ) дополнительный платеж не взимался. По 19 выкупным сделкам дополнительный платеж взыскивался деньгами: по 2 — частью⁵, по остальным — полностью.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 37, д. 1913.

² Там же, д. 1936.

³ По Шуйскому и Волоколамскому уездам мы приводим лишь общие данные.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 5, д. 2613—2978. Мы не располагаем данными о числе крестьян, перешедших на выкуп, однако эта цифра будет почти целиком соответствовать количеству крестьян, значившихся по уставным грамотам, так как в Московской и Владимирской губерниях случаи отказов от земли не имели большого распространения.

⁵ Там же, д. 2818, 2832, 2951. По первой — на село Анфимово — в размере 34%, по третьей — на деревню Михалево — 31%. Кроме того, по одной из грамот (№ 2832) дополнительные платежи взыскивались только с одного селения — Тейкова, крестьяне же села Ключова от уплаты их освобождались.

Взимание дополнительного платежа производилось в следующие сроки:

В течение	10 лет	по 9 сделкам
»	»	7 »	» 1 сделке
»	»	6 »	» 2 сделкам
»	»	5 »	» 1 сделке
»	»	4 »	» 1 »
»	»	3 »	» 1 »
»	»	2 »	» 1 »
»	»	1 года	» 1 »
Единовременно		» 2 сделкам

Весьма интересен способ обеспечения помещиками получения дополнительного платежа, встретившийся нам только в Шуйском уезде. По 12 из указанных выше 19 сделок дополнительный платеж обеспечивался предоставлением крестьянам земли в дар сверх отведенной по уставной грамоте. В большинстве случаев этот дар представлял собой некоторое количество десятин леса, в других случаях — луга. Наконец, иногда залогом служил лес, предоставленный крестьянам по уставной грамоте, который помещик в случае задержки платежа имел право согласно условию вырубить. Приведем ряд примеров. В особом условии, содержащемся в выкупном договоре крестьян деревень Ширяево и Голенищеве с помещицей Бородиной указывалось: «Платеж этот обеспечивается отданной крестьянам землею в пустошах Бесерцовой и Стромовой. Если бы в какой-либо из сроков крестьяне не внесли этого платежа, то за просрочку обязаны заплатить за каждый просроченный месяц сверх установленного платежа по 4 р. 10 коп. (что составляло 36% в год. — П. З.), а помещица при пропуске срока имеет право обратиться взыскание платежа и неустойки на означенные земли»¹. Примерно такое же условие содержится в выкупной сделке крестьян деревни Ожерелово с помещицей Гавриловой. «Уступленную крестьянам сверх высшего надела землею в пустошах Янченихи, Коляминой и Елизаровой они могут распоряжаться на праве полной собственности даже с правом продажи оной, но с тем, чтобы в случае продажи или залога, предварительно ими при совершении акта был очищен окончательно дополнительный платеж»². В отдельных случаях в целях обеспечения ис-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 5, д. 2646.

² Там же, д. 2683.

правности дополнительного платежа крестьянам предоставлялось в дар значительное количество земли. Так, княгиня Е. А. Черкасская предоставляет крестьянам сел Семеновского, Рылкова, Ананкина и др. 2862 десятины удобной земли в дар (помимо нескольких сот десятин неудобной)¹. Крестьяне обязывались уплатить 17 883 руб. дополнительного платежа, из которых 7300 руб. — мирской капитал — помещица получала единовременно. Далее в условии говорилось, что если крестьяне не внесут остальную часть дополнительного платежа, то помещице предоставляется право «продать часть леса из уступленных в собственность сверх надела господских угодий»². Сделка эта была для Черкасской весьма выгодна, так как цена десятины земли в Шуйском уезде равнялась примерно 5 руб.³

Как указывалось выше, в некоторых случаях помещик гарантировал себе получение дополнительного платежа, запрещая крестьянам рубить лес, предоставленный им по уставной грамоте в счет надела. Так, в сделке на деревню Булатово помещика Митькова указывалось, что «впредь до взноса крестьяне обязываются не приступать к рубке отведенного им 20 дес. 1006 кв. саж. дровяного леса. Если в течение трех месяцев не будет уплачена вся сумма дополнительного платежа, то помещик имеет право вырубить 12 десятин из отведенного крестьянам леса»⁴. Подобное условие содержится еще в двух выкупных сделках⁵.

Наконец, по одной выкупной сделке — на село Богородское, селцо Клинцово и Сергиевское — помещик Шеншин гарантировал получение дополнительного платежа предоставлением крестьянам в дар наряду с лесом и мельницы. Эту мельницу помещик по условиям выкупного договора имел право взять обратно, в случае если крестьяне не будут своевременно вносить дополнительный платеж⁶.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 5, д. 2906.

² Там же, д. 2906.

³ В выкупной сделке на село Балахонок, того же уезда, указывается, что если по измерению окажется земли менее по сравнению с указанной в сделке, то помещик обязуется уплатить крестьянам по 5 руб. за десятину (там же, д. 2739).

⁴ Там же, д. 2778.

⁵ Там же, д. 2780, 2833.

⁶ Там же, д. 2914.

В заключение необходимо сказать, что в Шуйском уезде известное распространение получило взимание процентов за просрочку взноса дополнительных платежей. Так, это предусматривалось условиями по пяти выкупным сделкам. При этом по четырем сделкам процент взимался из расчета 36⁰/₀ годовых¹, а по одной — 40⁰/₀².

* * *

Обратимся к Волоколамскому уезду, Московской губернии. Из 123 выкупных сделок было заключено³:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	8	1 270
По одностороннему требованию помещика	108	
После 1881 г.	7	

Таким образом, основная масса сделок, почти 90⁰/₀ их, была заключена по одностороннему требованию помещика. Из восьми сделок, заключенных по добровольному соглашению, по всем предусматривался дополнительный платеж, при этом по семи сделкам дополнительный платеж должен был быть уплачен неполностью, а именно:

От 50 до 60⁰/₀ по 3 сделкам
 » 40 » 50⁰/₀ » 1 сделке
 » 30 » 40⁰/₀ » 3 сделкам

Только по одной выкупной сделке дополнительный платеж взимался полностью⁴.

По семи сделкам дополнительный платеж взимался деньгами, по одной — частично работой. Погашение допол-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 5, д. 2915, 2914, 2913, 2646.

² Там же, д. 2683.

³ Там же, оп. 20, д. 414—536. По данным Б. Г. Литвака, общее число крестьян в уезде по уставным грамотам составляло 15 294 души (см. Б. Г. Литвак, Уставные грамоты Московской губернии, стр. 23).

⁴ Там же, д. 522.

нительных платежей производилось по восьми сделкам в следующие сроки:

В течение 12 лет	по 1 сделке
» » 10 »	» 4 сделкам
» » 6 »	» 1 сделке
» » 2 »	» 1 »
Единовременно	» 1 »

По двум сделкам помещики предоставляли крестьянам небольшое количество десятин земли в дар¹.

* *
*

Приводимые выше выкупные сделки по пяти уездам центральных нечерноземных губерний дают возможность сделать следующие выводы.

В уездах, удаленных от промышленных губерний (Краснинский, Ельнинский), крестьяне охотно, в особенности в первом, шли на добровольный выкуп. Напротив, в губерниях промышленных вне зависимости от состояния промышленности в том или ином уезде крестьяне, имея посторонние заработки, не желали переходить добровольно на выкуп. Подтверждением наших положений является также ход выкупной операции в Сычевском уезде, Смоленской губернии, где, по данным Д. И. Будаева, в силу близости промышленных губерний только 17,2% крестьян перешли на выкуп добровольно. Однако приведенная нами точка зрения не находит подтверждения в данных по Старорусскому уезду, где весьма незначительное число крестьян перешло на выкуп по добровольному соглашению с помещиками.

Следовательно, одного приведенного нами положения недостаточно для определения причин, влиявших на ход выкупной операции. Здесь, по-видимому, оказывало влияние и качество земель, а также ряд других второстепенных причин. С другой стороны, нельзя сбрасывать со счета и отношение помещиков к вопросу о выкупе. В Смоленской губернии, особенно в западных ее уездах, где был установлен 8-рублевый оброк, помещики стремились во что бы то ни стало получить дополнительный платеж.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 20, д. 509, 525. В первом случае — 11,5 десятины, во втором — 7 десятин.

Наоборот, в промышленных губерниях при 10-рублевом оброке это стремление было, по-видимому, не таким настойчивым.

* *
*

Перейдем к уездам Центрально-черноземного района.

В Новосильском уезде, Тульской губернии, перешло на выкуп 24 815 душ¹, что на 56 душ меньше, чем по уставным грамотам.

Прежде чем переходить к выкупным сделкам, необходимо сказать, что по ряду договоров произошли изменения в размере крестьянских наделов по сравнению с уставными грамотами. По семи сделкам надел уменьшен наполовину, до 0,5 высшего², по трем — до $\frac{1}{3}$ ³, по трем сделкам — менее чем наполовину⁴.

В некоторых случаях помещики при выкупе крестьянами наделов предоставляли им в дар по нескольку десятин⁵. Наиболее крупный дар был предоставлен крестьянам деревни Бараново помещицей Сухотиной. Он составлял 34 десятины сверх причитавшихся им по высшей норме 123⁶. По всем этим сделкам, за исключением одной, помещики получали дополнительный платеж, вследствие чего дар земли не являлся актом бескорыстия⁷. Более того, в одном случае он носил явно выраженный кабальный характер. Помещица М. Ф. Писарева из 96 десятин, причитавшихся крестьянам деревни Богоявленское по норме высшего надела, дарит им 25 десятин и отказывается от дополнительного платежа. При этом в выкупном договоре содержится следующая запись помещицы: «...я им дарю двадцать пять десятин и пятую часть с 71 десятины, которые они выкупают с помощью правительства, за то, что крестьяне в те-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 43, д. 2182—2399.

² Там же, д. 2193, 2226, 2228, 2359.

³ Там же, д. 2240, 2291, 2295.

⁴ Там же, д. 2212, 2224, 2356.

⁵ Там же, д. 2227, 2237, 2313, 2333, 2394.

⁶ Там же, д. 2333.

⁷ Только по одной сделке — на деревню Волково-Богоявленское — крестьяне сверх 226 десятин земли получили еще 6 десятин в дар (д. 2237). При этом дополнительный платеж помещиками Гриневыми с них не взыскивался.

чение трех лет добросовестно выполняли те обязанности, которые указаны в Положении 19 февраля 1861 года»¹. После столь «альтруистического» акта помещицы следует следующая запись крестьян: «Мы же, крестьяне, подобную милость нашей владелицы с благодарностью принимаем, но тем не менее и со своей стороны не хотим остаться неблагодарными ей, г[оспоже] Писаревой, за такие для нас благодеяния и потому все единодушно положили: до утверждения нашего договора и до дня получения данной мы обязываемся отбывать все работы, как прежде. Если же мы получим данную будущю весною до начала посева весеннего, то мы обязаны помещице своей весь яровой хлеб посеять в том размере, как это будет назначено. Со дня же получения данной мы обязываемся ей работать пять лет»². Крестьяне брали на себя обязательство полностью обрабатывать ежегодно по 10 десятин в яровом и озимом клину и вывозить ежегодно на 10 десятин навоз. Иначе говоря, крестьяне должны были в течение пяти лет обработать 100 десятин земли. Кроме того, в течение этого времени они должны были убирать ежегодно покос на речке Раковке. Крестьяне обязались также покрыть все крыши помещичьих строений и набивать льдом в течение пяти лет погреб³. Едва ли можно говорить здесь о каком-либо альтруизме. В двух выкупных договорах — на деревни Агибалово и Спасское, принадлежавшие помещикам Селезневым, — содержится следующая запись: «Если государю императору угодно будет сделать крестьянам милость и разрешить производить им ссуду в большем размере против нынешнего, то заключение сего договора не должно служить препятствием к участию в сей монаршей милости. В таком случае помещик получит доплату от казны и делает расчет с крестьянами в уплаченных или заработанных ими деньгах»⁴. В основе этой записи, сделанной по настоянию крестьян в 1862 г., лежат надежды их на «новую царскую милость».

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 43, д. 2313.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 2227.

Выкупные сделки были заключены:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	91	9 343
По одностороннему требованию помещика	106	11 109
По требованию кредитных учреждений	2	381
После 1881 г.	46	3 982

Из сделок, заключенных на основе добровольного соглашения, дополнительный платеж взимался по 83 (8802 души); по 8 сделкам (541 душа) не взимался. В одной сделке — на село Домна — помещица Борицкая освободила крестьян от дополнительного платежа «за хорошее их ко мне повиновение»¹; в другой — на деревню Безобразовку — дополнительный платеж не взимался по духовному завещанию² и, кроме того, предоставлялось в дар 30 десятин удобной земли.

Дополнительный платеж взимался полностью по 70 сделкам (7113 душ), неполностью — по 13 сделкам (1689 душ), а именно:

90 ⁰ / ₀	по 2 сделкам
От 70 до 80 ⁰ / ₀	» 3 »
» 50 » 60 ⁰ / ₀	» 5 »
» 30 » 40 ⁰ / ₀	» 3 »

Дополнительный платеж взимался:

Работой	по 12 сделкам	(1346 душ)
Деньгами	» 66 »	(7202 души)
По особому условию	» 5 »	(254 души)

Оплата дополнительного платежа работой была весьма различной. Крестьяне села Голунь в составе 393 душ, которые обязывались уплатить дополнительный платеж в размере 50⁰/₀, должны были в течение шести лет убирать ежегодно по 120 десятин ярового и озимого хлеба, считая по 7 руб. за десятину (в последний же год — не 120, а 162 десятины)³. Крестьяне деревень Потаповка, Саричевка и

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 43, д. 2197.

² Там же, д. 2269.

³ Там же, д. 2227.

Козловка в числе 240 душ обязывались в течение пяти лет ежегодно полностью обрабатывать по 160 хозяйственных десятин («сороковых» — 3200 кв. сажень), или, иначе, по 212 казенных десятин. Кроме того, обязывались ежегодно производить покос с уборкою сена и вывозить также ежегодно по 10 тыс. возов навоза¹. По самым скромным подсчетам, эти работы превышали причитающийся с крестьян дополнительный платеж в размере 7200 руб. Наконец, в деревне Ново-Никольское на пять лет сохранялась барщина. В выкупном договоре указывалось, что крестьяне должны «отбывать работой в том же порядке и в том же количестве, не прибавляя и не убавляя посева»².

Уплата дополнительного платежа по особому условию также предполагала, по-видимому, работу, однако условия эти не прилагались к делу.

Погашение дополнительного платежа деньгами предполагалось в следующие сроки:

В течение 15 лет	по 6 сделкам
» » 12 »	» 7 »
» » 10 »	» 5 »
» » 9 »	» 1 сделке
» » 8 »	» 7 сделкам
» » 6 »	» 17 »
» » 4 »	» 9 »
» » 3 »	» 9 »
» » 2 »	» 3 »
Единовременно	» 2 »

В заключение необходимо сказать, что по одной сделке помещики взыскивали проценты за рассрочку работой. В выкупном договоре на село Красное (168 душ) имелось следующее обязательство крестьян: «По получении данной мы, крестьяне, сверх дополнительного платежа обязываемся с каждой ревизской души в течение 6 лет отрабатывать по два дня мужских дней в следующем порядке: в овсяный посев — 80, во время сенокоса — 76, во время хлебной полевой уборки — 100 и в осенний посев ржи — 80 дней»³. В четырех выкупных договорах (600 душ) ука-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 43, д. 2322.

² Там же, д. 2376.

³ Там же, д. 2205.

зывалось, что при просрочке крестьяне обязываются уплачивать проценты¹. По трем сделкам эти суммы должны были составлять по 10% в месяц; по четвертой — на село Фироновку помещицы М. С. Шуваловой — по 1 коп. за просроченный день².

Имели место протесты крестьян против некоторых сделок, заключенных без их согласия. Так, крестьяне села Севрюково, принадлежавшего С. А. Надеждину, заявили, «что в даче Севрюково у них отрезано 11 дес. и что они при оставшемся наделе на выкуп выходить не желают и приговора не дадут»³. В четырех случаях крестьяне протестовали против перевода их на выкуп и после 1881 г. Крестьяне села Троицкого и деревни Барыши, принадлежавших В. С. Даниловой, заявили, что «перейти на выкуп не желают и никакого приговора не дадут»⁴. Крестьяне деревни Раевки отказались перейти на выкуп в 1882 г., заявив, что выходить на выкуп «не желают, а будут ждать 1883 года»⁵. Наконец, крестьяне деревни Наречье в 1883 г. заявили, что не желают переходить на выкуп, «хотя, — как указывалось в протоколе, — им было разъяснено, что платить они будут меньше, чем помещице»⁶.

В заключение необходимо остановиться на двух выкупных сделках, содержащих в себе черты феодального права. По одной сделке — на Малую и Большую Раковку и хутор Николаевка, — заключенной в 1874 г., крестьянам хутора запрещалась рыбная ловля в черте крестьянского надела⁷. По другой — на село Любавши и хутор Тросяной помещиков Артемьевых — содержалось следующее условие: «Я, Артемьева, беру в свое владение Темный Лог ближнее развилье и часть пахотной земли между рекой Любавшей и ближним развильем, так чтобы все эти урочища составили то самое количество земли, которое находится под усадьбами 14 дворов, не переселившихся в пределы своего надела, потому что я по просьбе их оставляю на тех же ме-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 43, д. 2292, 2370, 2371.

² Там же, д. 2370.

³ Там же, д. 2299.

⁴ Там же, д. 2242, 2243.

⁵ Там же, д. 2272.

⁶ Там же, д. 2359.

⁷ Там же, д. 2185.

стах, но с тем, если кто из 14 домохозяев или их домашних будет мною замечен в воровстве, пьянстве, буянстве или выкажет грубости мне или наследникам моего покойного мужа, то тот крестьянин тотчас же должен переселиться по моему и наследников требованию в пределы своего надела»¹. Таким образом, земля, несмотря на заключение выкупной сделки, продолжала оставаться в условном владении крестьян.

* *
*

В Сенгелевском уезде, Симбирской губернии, из 17 412 душ, значившихся по уставным грамотам, выкупили свои наделы 16 914 душ². 467 душ выбыли из общества, отказавшись от земли, и перешли в другие условия, и 31 ревизская душа фабричных вовсе не получила земли.

При заключении выкупных сделок по 12 сделкам надел был уменьшен: по 5 сделкам (1956 душ) — до одной трети высшей нормы³, по 1 сделке (30 душ)⁴ — до одной второй высшей нормы, и по 6 сделкам (358 душ) уменьшение составляло не более 30%⁵.

По 15 сделкам (по 14 из них предусматривался дополнительный платеж) помещики предоставляли в дар по несколько десятин земли. Более 10% было прирезано по двум сделкам. По сделке на деревню Ивановское, Собакино тож, сверх 289 десятин крестьянам было предоставлено в дар 29 десятин⁶. Крестьяне деревни Платоновка при заключении выкупного договора получили сверх 922 десятин еще 92 десятины⁷. По сделке на деревню Назайкино крестьяне получили в дар 32 десятины леса⁸. По другим сделкам дар составлял несколько процентов по отношению к предоставляемой крестьянам земле.

¹ ЦГИАЛ, ф Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 43, д. 2194.

² Там же, оп. 36, д. 607—729.

³ Там же, д. 628, 640, 610, 714, 722, 723.

⁴ Там же, д. 627.

⁵ Там же, д. 668, 682, 657, 691.

⁶ Там же, д. 612.

⁷ Там же, д. 709.

⁸ Там же, д. 612.

Из 129 выкупных сделок было заключено:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	85	12 459
По одностороннему требованию помещика	22	3 521
После 1881 г.	22	934

Из сделок, заключенных по добровольному соглашению, по 10 (2013 душ) дополнительный платеж не взыскивался¹, по 75 (10 446 душ) крестьяне обязывались уплатить дополнительный платеж. Полностью дополнительный платеж взыскивался по 68 сделкам (9412 душ), неполностью — по 7 (1034 душ). Уплата дополнительного платежа неполностью производилась в следующем размере:

От 83 до 90% по 1 сделке
 » 60 » 70% » 3 сделкам
 » 50% » 3 »

Дополнительный платеж взимался:

Работой по 3 сделкам (242 души)
 Деньгами » 70 » (10 065 душ)
 Работой или деньгами » 1 сделке (37 душ)
 По особому условию (в делах не оговоренному) » 1 » (102 души)

Условия уплаты дополнительного платежа работой подробно излагаются только по одной сделке — на деревню Скрыпино помещицы Ребровской. Крестьяне этой деревни в числе 43 душ обязаны были вместо дополнительного платежа в 1015 руб. обрабатывать ежегодно в течение пяти лет по 50 десятин (вспахивать, вдвоевать, боронить, сеять, жать, свозить в гумно и складывать в скирды)². Если оценить обработку каждой десятины хотя бы в 5 руб., то и в этом случае данная работа должна была бы быть оценена в 1250 руб.

¹ По одной из этих сделок помещик получал 100% ссуды ввиду того, что оброк был ниже нормального, а сама ссуда не превышала обычной.

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 36, л. 682.

Дополнительный платеж деньгами должен был погашаться в следующие сроки:

В течение	49	лет	по	5	делкам
»	»	10	»	»	25
»	»	9,5	года	»	1 сделке
»	»	9	лет	»	4 сделкам
»	»	8	»	»	2
»	»	7	»	»	3
»	»	6	»	»	16
»	»	5	»	»	8
»	»	4	»	»	1 сделке
»	»	3	»	»	3 сделкам
»	»	2	»	»	1 сделке
Единовременно				»	1	»

По 14 сделкам (856 душ) взимались проценты за рассрочку: по десяти сделкам — 6⁰/₀ годовых¹, по двум — 5⁰/₀ годовых², по одной за последние три года (из пяти) — по 4⁰/₀ годовых³ и по одной — «узаконенные» за четыре года из шести⁴. По двум сделкам предусматривался процент за просрочку. Так, в выкупном договоре на село Чекалино помещика Пашкова содержалась следующая запись: «Платеж сих денег обязателен для нас всех и отвечают за него круговую порукою, а равно и за неустойку платить штрафа вдвое более должной суммы»⁵. По другой сделке — на деревню Белое Лебяжье помещика Нарышкина — при задержке очередного взноса предполагалось уплачивать по 6⁰/₀ годовых⁶.

* *
*

Из 3501 души, числившейся по уставным грамотам в Нижнедевицком уезде, Воронежской губернии, на выкуп перешло 3497 душ⁷; 4 души выбыли из общества.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 36, д. 641, 642, 643, 644, 645, 648, 664, 667, 711.

² Там же, д. 695, 715.

³ Там же, д. 678.

⁴ Там же, д. 680.

⁵ Там же, д. 672.

⁶ Там же, д. 632.

⁷ Там же, оп. 8, д. 631—706.

При переводе крестьян на выкуп по трем сделкам помещики предоставили в дар по несколько десятин земли, причем по одной предусматривался дополнительный платеж¹, а по остальным двум не взыскивался². По сделке на деревню Бекетово помещики Черемисовы, не взимая дополнительного платежа, передавали в дар крестьянам 44 десятины леса³. Из дела не видно, какими причинами руководствовались при этом владельцы.

В Нижнедевицком уезде некоторые помещики были весьма заинтересованы в приобретении крестьянами в собственность всего надела, отведенного им по уставной грамоте. Подтверждением этому служит то, что в трех выкупных объявлениях указывалось, что если крестьяне выкупают весь надел, то помещик отказывается от дополнительного платежа, если же крестьяне согласятся выкупить низший размер надела (т. е. одну треть), то помещик получает право требовать дополнительный платеж⁴.

Из 78 выкупных сделок были заключены:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	15	864
По одностороннему требованию помещика	35	2 075
После 1881 г.	28	558

Из 15 сделок, заключенных по добровольному соглашению, дополнительный платеж предусматривался только по 7 сделкам (378 душ). При этом по всем сделкам он взимался полностью, по 6 сделкам — деньгами с предоставлением следующих рассрочек:

На 10 лет	по 1 сделке
> 8,5 года	> 1 >
> 7 лет	> 1 >
> 6 >	> 3 сделкам

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 665, 666.

² Там же, д. 693.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 631, 694, 696.

По двум выкупным договорам первые три года денежный взнос заменялся работой¹. В выкупном договоре на село Богородицкое помещика И И Логинова указывалось: «Для облегчения крестьянам этих ежегодных взносов согласен я, владелец, в продолжение трех лет принимать от крестьян полевою работу по цене, основанной по обоюдному соглашению»². Естественно, что здесь имелось в виду не облегчение для крестьян, а интересы помещика. В выкупном договоре на село Норово, Ратаево тож, помещика Решетова дополнительный платеж заменялся работой по следующему условию: «1) мы крестьяне вместо дополнительного денежного платежа... обязываемся удобрить 4 десятины земли... навозом с господского двора, а чего не достанет, со своих дворов, полагая на каждую десятину по 300 возов. Работу эту произвести в настоящую осень, а если не успеем, то непременно окончить в следующую весну; 2) по наступлению весны 1871 года вспахать, посеять, выполоть, скосить, свезти на своих лошадях в гумно и обмолотить ярового посева... 50 десятин; 3) озимый посев сего 1870 года 109 дес. ... выполоть, скосить, связать, свезти в гумно и обмолотить на молотильной машине г. Решетова и его лошадях, но своими людьми, а весь находящийся в господском гумне хлеб, как озимый, так и яровой, обмолотить на молотильной машине г Решетова на его лошадях, но своими людьми»³. Далее указывалось, что крестьяне обязывались «по первому требованию» владельца выставить необходимое число рабочих для производства этих работ в том расчете, как установлено Положением⁴. Дополнительный платеж по этому выкупному акту составлял 3034 руб.

Отношение крестьян к выкупу определялось, естественно, существующими арендными и продажными ценами. В этом отношении большой интерес представляет собою акт неперменного члена уездного по крестьянским делам присутствия, составленный в 1883 г. по поводу перехода на выкуп крестьян села Городища. В этом акте указывалось, что крестьяне «согласны выкупить весь надел и ни

¹ ЦГИАЛ, ф Главного выкупного учреждения, № 577, оп 8, д 666, 667.

² Там же, д 666

³ Там же, д 680

⁴ Там же

в коем случае не согласны уменьшить его в какой-либо части, так как земля, которую они приобретают по 40 рублей за десятину, при продаже ее по вольным ценам покупается за сумму около 100 рублей»¹. Таким образом, в 80-е годы продажные цены на землю значительно превосходили цены на основе капитализации оброка, что и вызывало стремление крестьян перейти на выкуп.

* *
*

В Новохоперском уезде, Воронежской губернии, перешло на выкуп то же число крестьян, что и числилось по уставным грамотам, а именно 8528 душ². При выкупе наделы не претерпели изменений. Земли в дар было предоставлено по двум сделкам. По одной — на село Петровское — помещица Звягинцева продала крестьянам сверх 1746 десятин 80 десятин земли из-под леса³. По этой сделке помещица получила дополнительный платеж в сумме 1332 руб. По другой — на деревню Поганки — помещик при составлении уставной грамоты предоставил крестьянам в дар сверх 270 десятин 9 десятин леса⁴. Эта сделка была заключена по одностороннему требованию помещика.

В целях стимулирования крестьян к выкупу в трех сделках указывалось, что если они выкупят полный надел, то дополнительный платеж взыскиваться не будет, если уменьшенный, то помещик потребует его⁵.

Из 37 сделок были заключены:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	2	514
По одностороннему требованию помещика	23	4 601
После 1881 г.	12	3 413

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 657.

² Там же, д. 707—740.

³ Там же, д. 718.

⁴ Там же, д. 723.

⁵ Там же, д. 714, 719, 724.

Таким образом, более 90% крестьян перешли на выкуп по одностороннему требованию помещика и обязательному выкупу после 1881 г.

Из сделок, заключенных по добровольному соглашению, по обоим помещики получали дополнительный платеж: по одной — на село Ивановка — он рассрочивался на 6 лет¹, по другой — на село Петровское — на 8 лет².

* *
*

В Валуйском уезде, Воронежской губернии, перешло на выкуп 7875 душ³.

При переходе на выкуп по трем сделкам (72 души) надел был уменьшен до одной трети высшего⁴.

Из 56 выкупных сделок было заключено:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	37	4 795
По одностороннему требованию помещика	16	2 940
После 1881 г.	3	140

Таким образом, в Валуйском уезде преобладающая часть крестьян переходит на выкуп по добровольному соглашению с помещиками.

Рассмотрим сделки, заключенные по добровольному соглашению. Из 37 сделок дополнительные платежи были определены по 31 (4657 душ); по 6 они не взимались, предоставлялись крестьянам в дар. По 31 сделке дополнительные платежи предполагалось взимать следующим образом:

Работой по 3 сделкам
 Деньгами » 28 »

Из 28 сделок, по которым дополнительные платежи должны были взиматься деньгами, по 2 сделкам⁵ поме-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 707.

² Там же, д. 718.

³ Там же, д. 137—176.

⁴ Там же, д. 139.

⁵ Там же, д. 141, 163.

щику предоставлялось право в случае необходимости заменять их работой. Из указанных 28 сделок по 24 дополнительный платеж взимался полностью, по 4 — частично. По выкупному договору на село Сторцево дополнительный платеж должен был вноситься в размере 50%, при этом эта часть подлежала немедленной уплате¹. По выкупному договору на деревню Федоровку из дополнительного платежа в 10 496 руб. 4500 руб. взимались в рассрочку на пять лет², по договору на село Новопетровку в рассрочку на пять лет взимались 8 тыс. руб. из 8 130 руб.³ Наконец, по четвертому договору — на село Петровское — дополнительный платеж в 4800 руб. рассрочивался на 10 лет, причем взнос за первый год «прощался», т. е. уплате подлежало 4320 руб.⁴

По остальным 24 сделкам погашение дополнительного платежа производилось в следующие сроки:

В течение 10 лет	по 9 сделкам
» » 5 »	» 5 »
» » 3 »	» 6 »
Единовременно	» 4 »

Важно отметить, что некоторые помещики, стремясь обеспечить своевременный взнос крестьянами дополнительных платежей, включали в выкупной договор условие, по которому в случае исправной уплаты платежей крестьяне освобождались от последнего взноса. Это условие имеется в четырех выкупных договорах, в которых уплата дополнительных платежей была рассрочена на 10 лет⁵.

Обратимся к выкупным сделкам по Миргородскому, Гадячскому уездам, Полтавской губернии, и Нежинскому, Черниговской.

В Миргородском уезде было заключено 146 выкупных сделок⁶ на 13 605 душ (68 душ выбыли из общества).

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 8, д. 155.

² Там же, д. 162.

³ Там же, д. 164.

⁴ Там же, д. 150.

⁵ Там же, д. 150, 153, 154, 173.

⁶ Там же, оп. 30, д. 1225—1359.

Выкупные сделки были заключены:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	79	11 186
По одностороннему требованию помещиков	5	247
После 1881 г.	62	2 172

Из 79 сделок, заключенных по добровольному соглашению, без доплаты было заключено 28 (4630 душ), с доплатой — 51 (6556 душ). Из этой 51 сделки по 49 причиталась доплата деньгами, по 1 — на местечко Устивицы и хутор Косановщина — дополнительный платеж фактически не взимался, а должен был служить компенсацией за перенесение крестьянских усадеб¹; по другой — на село Обуховка — дополнительный платеж взимался по особому условию, не приложенному к договору. Можно предполагать, что здесь имелась в виду замена денежной платы работой².

Условия взимания дополнительных платежей деньгами по указанным выше 49 выкупным договорам были различными. По 15 дополнительный платеж взимался неполностью, а именно:

До 90%	по 1 сделке
От 60 до 70%	> 2 сделкам
50%	> 9 >
33%	> 1 сделке
25%	> 2 сделкам

Рассрочка уплаты дополнительного платежа была также различной. По 49 сделкам погашение дополнительного платежа должно было производиться в следующие сроки:

В течение 10 лет	по 2 сделкам
> > 8 >	> 24 >
> > 6 >	> 4 >
> > 5 >	> 10 >
> > 4 >	> 4 >
> > 3 >	> 4 >

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 1248.

² Там же, д. 1256.

И, наконец, по одному выкупному договору — на село Портянок — дополнительный платеж должен был быть погашен в два срока (по-видимому, в ближайший год)¹. В отдельных случаях при заключении выкупных сделок изменялся размер надела. Так, по шести договорам надел был сокращен до одной трети высшей нормы². По одному из выкупных договоров — на деревню Малодиковщину и хутора Яновой и Хорольский — была прирезана земля до одной трети надела³.

Имел место случай, когда владелец при выкупе крестьянами надела передавал им часть земли в дар, не требуя при этом дополнительного платежа. Так, помещик Ратаев в Миргороде предоставил в дар крестьянам усадьбы в размере 7 десятин 685 кв. сажен. Этот дар, по-видимому, не преследовал корыстной цели, так как усадебные земли в черте города представляли большую ценность.

* *
*

В Гадячском уезде была заключена 121 выкупная сделка (16 554 души)⁴:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	55	8 477
По одностороннему требованию помещика	23	5 875
После 1881 г.	43	2 202

Из 55 сделок, заключенных по добровольному соглашению, по 28 (4144 души) дополнительный платеж предусматривался, по 27 (4333 души) — взыскивался. По трем

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 1289.

² Там же, д. 1241 на хутора Березовая Лука и Будаковка, д. 1284, 1285, 1290, на местечко Камышин, села Гремячий и Черевок.

³ Там же, д. 1299.

⁴ Там же, д. 1—106.

выкупным договорам дополнительный платеж взимался не деньгами, а работой. Так, в выкупном договоре на селения Рымаровка, Максимовка и Красная Лука, принадлежавшие помещице Велецкой, вместо дополнительного платежа в 8 р. 33 к. с десятины крестьяне обязывались отработывать по 27 дней за каждую десятину «в течение 3 годов, считая срок сей со дня времени получения госпожою Велецкою ссуды»¹. За каждую десятину требовалось, следовательно, отработать по 81 рабочему дню. Таким образом, один рабочий день оценивался по этой сделке примерно в 10 коп. По другому выкупному договору — на деревни Митрофановку и Максимовку помещицы Сечкиной — дополнительный платеж также погашался работой по следующему расчету: за каждую десятину полевой земли крестьяне должны были отработать по 11 дней (6 — зимой и 5 — летом); за усадьбы — от 7 до 18 дней в зависимости от ее размера². По третьему выкупному договору дополнительный платеж взимался в весьма небольшом размере: крестьяне обязаны были отработать в течение трех лет по три дня в году с каждого домохозяина³.

Наконец, по выкупному договору на села Городище и Загребелье дополнительный платеж устанавливался по 7 р. 20 к. с домохозяина (независимо от размера надела, если он был не менее 1 десятины)⁴. Эта сумма должна была быть погашена в течение четырех лет деньгами либо отработкой в косовицу и молотьбу из расчета 15 коп. в день на рабочего (на хозяйских харчах).

По остальным 23 сделкам дополнительный платеж взимался деньгами в различные сроки:

В течение 8 лет	по 3 сделкам
» » 7 »	» 4 »
» » 6 »	» 1 сделке
» » 5 »	» 4 сделкам
» » 4 »	» 9 »
» » 3 »	» 2 »

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 10.

² Там же, д. 88.

³ Там же, д. 38.

⁴ Там же, д. 63. Установление дополнительного платежа вне зависимости от размера надела должно было стимулировать крестьян получить больший надел.

Из указанных 23 договоров дополнительный платеж взимался полностью по 10, по 13 — неполностью, по 1 договору — 85%, по 11—50% и по 1—30%.

Необходимо сказать, что при выкупе земли по двум сделкам — на села Митрофановку, Максимовку и Хитцево (общей сложностью в 336 ревизских душ) размер наделов был уменьшен¹. По двум же выкупным договорам — на село Подставок и хутор Голенковщина², а также на село Рымаровку³ — помещики при выкупе передавали в первом случае в дар 5 десятин усадебной земли, а во втором — 4. Это определялось стремлением получить с крестьян дополнительный платеж.

* *
*

В Нежинском уезде, Черниговской губернии, было заключено 128 выкупных сделок (9832 души).

Из этих сделок заключено:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	95	7 582
По одностороннему требованию помещика	10	1 359
После 1881 г.	23	891

По семи выкупным сделкам (332 души) надел при выкупе был уменьшен.

Из 95 сделок, заключенных по добровольному соглашению с помещиками, по 31 сделке (2620 душ) дополнительный платеж не взыскивался, по 64 сделкам (4962 души) взимался частично полностью, частично —

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 30, д. 20, 88.

² Там же, д. 90.

³ Там же, д. 91.

в неполном размере, а именно: по 28 сделкам (2339 душ) в размере:

До 10 ⁰ / ₀	по 2 сделкам
От 10 до 20 ⁰ / ₀	» 5 »
от 20 до 30 ⁰ / ₀	» 1 сделке
от 30 до 50 ⁰ / ₀	» 15 сделкам
от 50 до 60 ⁰ / ₀	» 2 »
от 70 до 80 ⁰ / ₀	» 2 »
» 80 » 90 ⁰ / ₀	» 1 сделке

Дополнительный платеж взимался:

Работой	по 8 сделкам (396 душ)
Деньгами	» 55 » (4 545 душ)
Частью деньгами, частью работой	» 1 сделке (21 душа)

Условия погашения дополнительного платежа работой были весьма различны. Так, крестьяне села Шпаковка помещика Кобеляцкого в количестве 104 душ вместо 1403 руб. дополнительного платежа обязывались: «Начиная с сего 1862 года ежегодно в течение 3 лет выходить все вместе с семействами нашими для уборки с полей его хлеба озимого на три дня и ярового или сена на три дня в такое время, когда ему, по предварительному нас извещению, угодно будет нам назначить, а работу в эти дни отбывать не менее определенной в урочном положении. В случае же невыхода кого-либо из нас или из наших семейств ответственность за каждый день по тому же положению»¹. Крестьяне села Моностырщина и деревни Тамашевки помещика Романова обязывались вместо уплаты 306 руб. отработать 2040 рабочих дней в течение пяти лет из расчета 15 коп. в день². Крестьяне хутора Панский Колодезь отработку производили под видом благодарности. В выкупном договоре по этому поводу говорилось следующее: «...дополнительный платеж в количестве одной тысячи тридцати девяти рублей и 33 коп. (1039 р. 33¹/₃ коп.) дарю крестьянам моего владения. Мы же, временнообязанные крестьяне, в благодарность за подарок... сим обязываемся в продолжение 6 лет от дня утверждения выкупного договора... безвозмездно отрабатывать владельцу нашему Романовичу четыре тысячи пятьсот тридцать шесть дней (4536 дней) таким образом, чтобы каждый работник отработал каждый месяц по требованию

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 47, д. 963

² Там же, д. 995.

владельца г. Романовича два дня. Буде же кто из нас по требованию г. Романовича на работу не явится, то неотработанный день он должен отработать вдвое»¹.

В одном случае работа взамен дополнительного платежа должна была производиться в течение 10 лет².

Погашение дополнительного платежа деньгами должно было производиться в следующие сроки:

В течение 10 лет	по 14 сделкам
» » 8 »	» 6 »
» » 7 »	» 1 сделке
» » 6 »	» 3 сделкам
» » 5 »	» 14 »
» » 4 »	» 5 »
» » 3 »	» 3 »
» » 2 »	» 2 »
» » 1 года	» 1 сделке
Единовременно	» 6 сделкам

По трем сделкам (1004 души) устанавливались проценты за рассрочку; по двум — на село Макиевку, деревни Леонидовку и Галицы — устанавливались 6⁰/₁₀₀ годовых³; на село М. Макеевку — «по особому условию»⁴, отсутствующему в деле.

* *
*

Выкупные сделки по уездам Центрально-черноземного района свидетельствуют о том, что в проведении здесь выкупной операции не было единообразия. Сделки, заключенные по добровольному соглашению крестьян с помещиками, преобладали преимущественно в Сенгелевском, Валуйском, Миргородском, Гадячском и Нежинском уездах. В первых двух уездах по сделкам, заключенным по добровольному соглашению, дополнительный платеж, как правило, взимался. В украинских уездах — Миргородском, Гадячском и Нежинском — число добровольных сделок, по которым предусматривалась уплата дополнительного платежа, было в процентном отношении значительно меньше. К тому же по многим сделкам в этих уездах дополнительный платеж

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 47, д. 996.

² Там же, д. 1047.

³ Там же, д. 939, 1010.

⁴ Там же, д. 925.

взимался не полностью. Казалось бы, что падение арендных цен на землю в Полтавской губернии, в результате чего крестьяне весьма часто отказывались от земли, должно было непосредственно отразиться на ходе выкупной операции. Однако в действительности влияние это было весьма невелико, так как крестьяне охотно заключали добровольные соглашения о выкупе надела.

В Новосильском уезде, Тульской губернии, Нижнедевицком и Новохоперском, Воронежской, в отличие от указанных выше пяти уездов преобладали сделки, заключенные по одностороннему требованию помещиков. Большое число сделок в этих уездах было заключено после 1881 г.

* *
*

Рассмотрим выкупные сделки по уездам окраинных губерний.

В Бугурусланском уезде, Самарской губернии, из 14 639 ревизских душ, которые значатся по уставным грамотам, перешло на выкуп 10 829 душ и 3810 ревизских душ отказались от надела¹.

Переход на выкуп был осуществлен:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	48	7 501
По одностороннему требованию помещика	16	1 774
После 1881 г.	37	1 554

Обратимся к сделкам, заключенным по добровольному соглашению. Из 48 сделок по 9 (1105 душ) дополнительный взнос не взимался, по 39 (6396 душ) крестьяне были обязаны платить. Взыскивался дополнительный платеж полностью по 18 грамотам, неполностью — по 21.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 63—142. Выкупные сделки по этому уезду обработаны А. Г. Каревской.

Размер дополнительного платежа по этим сделкам был следующий:

От 90 до 95 ⁰ / ₀	по 1 сделке (362 души)
» 80 » 90 ⁰ / ₀	» 6 сделкам (1 486 душ)
» 70 » 80 ⁰ / ₀	» 2 » (268 душ)
» 60 » 70 ⁰ / ₀	» 7 » (1 187 душ)
» 40 » 50 ⁰ / ₀	» 2 » (175 душ)
» 30 » 40 ⁰ / ₀	» 3 » (650 душ)

Дополнительный платеж работой взыскивался по трем сделкам (325 душ). Особенно тяжелый характер носило обязательство крестьян села Троицкого, Смолькова тож.

«Мы, — говорилось в условии, — состоящие на барщине в числе 24 (двадцати четырех) тягол или 58²²/₂₉ ревизских душ... обязуемся выставлять по 14 марта 1865 года (т. е. в течение одного года. — П. З.) по 3672... работника и 2448... работниц в продолжение всего года, за вычетом недели Пасхи, приходится по 3 (три) работника и по 2 (две) работницы с каждого тягла... и конная барщина должна требоваться с тягла не более как на двух лошадях, равным образом обязуемся отбывать двухконную подводную повинность в счет следующих с нас рабочих дней, но не далее как за 30 верст»¹. Крестьяне села Тимашева обязывались выполнять полевые работы в течение пяти лет², крестьяне сельца Измаил — в течение одного года³.

По четырем сделкам (701 душа) дополнительный платеж мог быть внесен либо деньгами, либо работой. По четырем сделкам (339 душ) часть дополнительного платежа взыскивалась деньгами, часть — работой. В сделке на сельцо Юматовка крестьяне в счет дополнительного платежа в сумме 325 руб., а также за рассрочку 1230 руб. на три года должны были в течение трех лет «запахать, заборонить, посеять господскими семенами, сжать и свезти на господское гумно» ежегодно по 24 десятины. Кроме того, они обязались в течение этого срока прудить господскую мельницу, выставляя ежегодно по три работника с души, а также в течение года «выставлять на господскую молотьбу до окончания оной... по 24 работ-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 74.

² Там же, д. 84.

³ Там же, д. 96.

ника и 30 работниц по усмотрению владельца». Наконец, на крестьянской земле в течение 20 лет должен был оставаться помещичий хлебный амбар¹. По остальным 28 сделкам (5031 душа) дополнительный платеж взимался деньгами.

По всем сделкам погашение производилось в следующие сроки:

В течение	15	лет	по	1	сделке
»	»	12	»	»	1
»	»	10	»	»	5
»	»	7	»	»	1
»	»	6	»	»	17
»	»	5	»	»	1
»	»	4	»	»	4
»	»	3	»	»	7
»	»	1,5	года	»	1
»	»	1	»	»	1

В отдельных случаях крестьяне сопротивлялись переходу на выкуп даже в 80-е годы. Так, при заключении выкупного акта в 1884 г. крестьяне села Дмитриевского заявили, что «надел в 610 дес. они считают удобным, но выкупных платежей они не в состоянии будут платить, причем наотрез отказались избрать уполномоченных для подписи акта»².

В Новоузенском уезде перешли на выкуп 1792 души. Выкупные сделки были заключены следующим образом³:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	4	298
По одностороннему требованию помещика	10	1 018
По требованию кредитных учреждений (Московской сохранной кассы)	1	145
После 1881 г.	4	331

Из четырех выкупных актов, которые были заключены по добровольному соглашению крестьян с помещиками, ни по одному из них дополнительный платеж не выплачивался.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 139.

² Там же, д. 108.

³ Там же, д. 264—265.

Рассмотрим данные о выкупе по Самарскому уезду. Из 9766 душ, числившихся по уставным грамотам, перешли на выкуп 9503 души¹, отказались от надела 173. Переход крестьян на выкуп был осуществлен следующим образом:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	36	4 810
По одностороннему требованию помещика	19	3 903
По требованию кредитных учреждений	4	572
После 1881 г.	6	218

Из числа сделок, заключенных по добровольному соглашению, дополнительный платеж взыскивался по 23 (3158 душ): полностью — по 17 сделкам (2426 душ), неполностью — по 6 (732 души). Уплата дополнительного платежа по этим сделкам производилась в следующих размерах:

От 40 до 50% по 4 сделкам (467 душ)
 » 60 » 70% » 2 » (265 душ)

При этом по одной сделке — на деревни Ст. Буян, Горки и выселки Дубровка (255 душ) — помещик Матюнин, уступая крестьянам 50% дополнительного платежа, обязывал их «перевезти господский хутор на другие места, т. е. все строения и загороды со скотного и гуменного дворов»². В выкупном договоре это выглядело как акт благодарности крестьян³.

Дополнительный платеж взымался:

Деньгами по 16 сделкам (2568 душ)
 Работой » 7 » (590 душ)

В последнем случае по шести сделкам предусматривалась обработка части помещичьей земли в течение от 3

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 266—321.

² Там же, д. 290.

³ Там же.

до 10 лет. По одной сделке — на село Б. Потуловку — крестьяне обязывались в течение зимы 1861/62 г. перевезти 6500 пудов помещичьего хлеба¹.

Дополнительный платеж крестьяне обязаны были уплатить или отработать в следующие сроки:

В течение 17 лет	по 1 сделке
» » 10 »	» 6 сделкам
» » 8 »	» 3 »
» » 6 »	» 3 »
» » 4 »	» 1 сделке
» » 3 »	» 4 сделкам
» » 2 »	» 2 »
» » 1 года	» 1 сделке
» » 0,5 »	» 1 »
Единовременно (из сумм мирского капитала)	» 1 »

Предоставление крестьянам земли в дар при заключении выкупного договора (в целях получения дополнительного платежа) имело место лишь по одной сделке — на село Костливцево. Здесь 95 душам крестьян было предоставлено в дар 7 десятин удобной земли².

Выкуп по требованию помещика вызывал в отдельных случаях сопротивление крестьян. Так, крестьянам села Царевщина и деревни Новая выкупное объявление дважды доводилось до сведения, и каждый раз они заявляли, что «ни на что не согласны и земли выкупать не желают»³, требуя четвертного надела.

В другом случае при выкупе по требованию помещика крестьяне изъявили желание сохранить только усадебную землю⁴. Однако это желание удовлетворено не было.

Выкуп по требованию кредитных учреждений в двух случаях был осуществлен по требованию Московской сберегательной кассы⁵, в одном случае — Самарского отделения Государственного банка⁶, и, наконец, крестьяне деревни Марьевки были выкуплены в 1865 г. по требованию Самарской казенной палаты⁷.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 33, д. 294.

² Там же, д. 281

³ Там же, д. 275.

⁴ Там же, д. 272.

⁵ Там же, д. 314

⁶ Там же, д. 312

⁷ Там же, д. 306

В Елизаветградском уезде, Херсонской губернии, было заключено 477 выкупных сделок (31 845 душ)¹. При переходе на выкуп наделы были уменьшены у 2968 душ (28 сделок). По одной сделке, заключенной в 1871 г., надел был увеличен до размера высшей нормы².

Из 477 сделок были заключены:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	418	27 998
По одностороннему требованию помещика	31	2 874
После 1881 г.	28	973

Следовательно, преобладающая масса крестьян перешла на выкуп по добровольному соглашению. Подавляющая часть сделок по добровольному соглашению (355 из 418) была заключена до 1865 г.

Из 418 сделок, заключенных по добровольному соглашению, дополнительный платеж не взыскивался лишь по 45 (3827 душ). Полностью взымался он по 326 сделкам, частично — по 47. Погашение по этим сделкам производилось в следующих размерах:

До	25%	по 1 сделке
	30%	» 2 сделкам
	40%	» 3 »
	50%	» 19 »
От 60 до	70%	» 7 »
» 70 »	80%	» 2 »
» 80 »	90%	» 7 »
» 90 »	100%	» 6 »

Необходимо отметить, что в некоторых случаях помещики, стремясь получить с крестьян дополнительный платеж полностью, шли на прямой обман. Так, в выкупных договорах на деревни Елизаветовку, Мишоровку тож, по-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 46, д. 490—951. Отказалось от надела всего 14 душ.

² Там же, д. 849.

мещики А. А. и П. А. Адабаш, обусловливая получение 100% дополнительного платежа, вставили перед суммой слова: «всего только...»¹

По 373 выкупным сделкам, погашение дополнительного платежа производилось следующим образом:

Деньгами	по 323 сделкам	(20 241 душа)
Работой	» 11 »	(554 души)
Частью работой, частью деньгами	» 28 »	(2 653 души)
По особому условию . . .	» 3 »	(94 души)
В компенсацию за перенесение усадеб	» 6 »	(363 души) ²
В компенсацию за пополнение крестьянами хлебного магазина (склада) »	1 сделке	(143 души)

Кроме того, по одной сделке (123 души) — на деревню Веселовку — помещик Исаев дарил крестьянам дополнительный платеж при условии, если они в течение 9 лет не будут открывать «питейных домов»³.

Погашение по 351 сделке, по которой уплата производилась деньгами полностью или частично, осуществлялась в следующие сроки:

В течение 15—17 лет	по 17 сделкам
» » 12 »	» 7 »
» » 10 »	» 42 »
» » 9 »	» 6 »
» » 8 »	» 21 сделке
» » 7 »	» 3 сделкам
» » 6 »	» 102 »
» » 5 »	» 63 »
» » 4 »	» 19 »
» » 3 »	» 53 »
» » 2 »	» 7 »
» » 1 года	» 6 »
Единовременно	» 5 »

Взыскание дополнительного платежа работой, как и в других уездах, производилось весьма разнообразно. Так, в селе Евдокимовка крестьяне вместо 2760 руб. дополни-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 46, д. 497, 498.

² По одной сделке, кроме того, требовалось устройство водопоя (д. 641).

³ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 46, д. 615.

тельного платежа обязывались «снимать ежегодно... в течение 10 лет по указанию и требованию владельца по 50 дес. сена и 90 дес. хлеба»¹, т. е. всего 500 десятин сенокоса и 900 десятин зерновых. В деревне Ставровке крестьяне вместо выплаты 1440 руб. дополнительного платежа обязывались работать таким образом, «чтобы наличные работники и работницы и полурабочие в течение 3 лет работали по одному дню в неделю»². В деревне Любовичевке крестьяне вместо дополнительного платежа в 660 руб. обязывались в течение семи лет скосить 70 десятин хлеба и связать его в снопы. В деревне Надиновке работы в счет дополнительного платежа должны были производиться по существующим ценам⁴. В деревне Ивановке работы оплачивались по 35 коп. в сутки «за рабочего человека»⁵. В одном случае — в деревне Арсеньевке — помещик Горба «дарил» крестьянам 1530 руб. дополнительного платежа, за что они должны были ежегодно в течение трех лет сжинать по 20 десятин хлеба и складывать его в скирды⁶. В некоторых выкупных договорах вовсе не указывался характер работ, которые должны были производить крестьяне. По семи сделкам⁷ предусматривалось взимание процентов за рассрочку, из них по шести — работой, по одной — деньгами. По сделке на деревню Марьевку за рассрочку дополнительного платежа в размере 600 руб. крестьяне обязывались ежегодно по требованию и указанию ротмистра Николая Тарновского убирать с поля и складывать в копны пять десятин хлеба⁸. В случае невыполнения этих работ или плохого их качества назначался штраф в 30 руб.⁹. Крестьяне деревни Мануйловки обязывались «отбывать до выплаты дополнительного платежа по одному сгонному дню»¹⁰.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 46, д. 519.

² Там же, д. 605.

³ Там же, д. 729.

⁴ Там же, д. 672.

⁵ Там же, д. 740.

⁶ Там же, д. 792.

⁷ Там же, д. 503, 516, 542, 670, 682, 765, 784.

⁸ Там же, д. 516.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, д. 670.

Особо кабальный характер носил выкупной договор на село Николаевка помещицы Тарковской, по которому дополнительный платеж, составлявший 1470 руб., рассрочивался на три года. В выкупном договоре значилось следующее обязательство крестьян: «В возмездие за сделанную рассрочку дополнительного платежа мы, крестьяне, обязаны в сем 1864 году посеять и заволочить ярового хлеба ее, Тарковской, боронами и волами 40 десятин, во время же сенокоса по первому требованию владелицы сложить в скирды скошенное ее сено на земле в с. Николаевке, сколько такового окажется, также скосить на грабки хлеба и сложить в полукопы по ее, Тарковской, указанию 6 ланов¹, из них один лан обязаны перевозить своими волами и возами в ее, Тарковской, ток. Также обязываемся вымолотить по первому ее, Тарковской, требованию для озимых посевов 20 четвертей, которые засеять и заволочить ее, Тарковской, волами и боронами. В будущем 1865 и 1866 годах обязываемся только скосить по пять ланов хлеба по первому требованию ее, владелицы. Коску должны делать чисто, вязку снопов аккуратно, сложить в полукопы и не допустить хлеб до перестоя, чтобы он не мог выпастись, в противном случае подвергаемся ответственности»². Необходимо сказать, что проценты с указанной выше суммы из расчета 6⁰/₀ составляли за три года 264 руб. 60 коп.

Проценты деньгами за рассрочку дополнительного платежа, как уже указывалось, взимались по одной сделке — на село Мироновка — в размере 5⁰/₀³.

В заключение остановимся на особенностях некоторых выкупных сделок. В выкупном договоре на село Косогорова помещицы А. П. Косогоровой указывалось, что рыбная ловля в пруде, часть берега которого составляли крестьянские огороды, остается и после выкупа в распоряжении помещицы. В распоряжении помещицы оставались также лозы, вербы и камыши, произраставшие как у пруда, так и на берегу реки Сугаклеи, хотя берега входили в состав крестьянского надела⁴. Главное выкупное учреждение не утвердило сделку с подобным пунктом и согласилось

¹ Лан — по-украински поле.

² ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 46 д. 765.

³ Там же, д. 682.

⁴ Там же, д. 503.

признать ее лишь при условии, если помещик выдаст расписку в том, что он «подчинится тем правилам, которые будут на сей счет приняты»¹. Однако вопрос этот, казалось бы весьма ясный, так и не был разрешен. В 1864 г. Главное выкупное учреждение, требуя от помещика Бородинина аналогичной расписки, в своем отношении указывало, что «вопрос этот не получит еще в скором времени разрешения»². Действительно, уже в 70-х годах Главное выкупное учреждение утверждало подобные сделки, не требуя от владельцев каких-либо обязательств. Всего по Елизаветградскому уезду выкупных договоров с подобными условиями было заключено 8³.

В Александровском уезде, Екатеринославской губернии, на выкуп переходят все крестьяне, числившиеся по уставным грамотам. Изменения в размере наделов при переходе на выкуп произведено также не было. Из 54 выкупных сделок⁴ 52 (3329 душ) заключены на основе добровольного соглашения крестьян с помещиками. По одностороннему требованию помещиков заключена одна сделка (99 душ), и после 1881 г. — одна (51 душа). Почти все выкупные сделки, заключенные по добровольному соглашению, были составлены одновременно с уставными грамотами. Из числа указанных 52 выкупных сделок 30 (1809 душ) были заключены без получения дополнительного платежа. По 22 выкупным сделкам дополнительный платеж взыскивался следующим образом⁵:

Деньгами	по 11 сделкам (1039 душ)
Работой	> 4 > (261 душа)
Обращен в компенсацию расходов по перенесению крестьянских усадеб	> 7 > (220 душ)

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 46, д. 503.

² Там же, д. 523.

³ Там же, д. 503, 523, 534, 593, 670, 675, 744, 761.

⁴ Там же, оп. 11, д. 1—54.

⁵ По двум сделкам дополнительный платеж должен был взиматься частью деньгами, частью — работой.

Из 11 сделок, дополнительный платеж по которым должен был погашаться деньгами, по 9 взимался неполностью, а именно:

От 15 до 20 ⁰ / ₀	по 2 сделкам
> 30 > 40 ⁰ / ₀	> 2 >
> 40 > 50 ⁰ / ₀	> 1 сделке
> 60 > 70 ⁰ / ₀	> 3 сделкам
> 70 > 80 ⁰ / ₀	> 1 сделке

Следовательно, только по двум выкупным сделкам дополнительный платеж должен был быть уплачен полностью. Уплата дополнительного платежа должна была производиться в следующие сроки:

В течение 10 лет	по 1 сделке
> > 8 >	> 1 >
> > 5 >	> 2 сделкам
> > 3 >	> 4 >
> > 2 >	> 2 >
> > 1 года	> 1 сделке

Рассмотрим условия отработок, которые крестьяне должны были выполнять вместо взноса дополнительных платежей. По двум сделкам содержание работ не оговаривается. По двум другим отработка заключалась в предоставлении помещику подвод во время уборки хлебов. По выкупному договору на деревню Синегубовку помещика Синегуба крестьяне обязывались «в течение пяти лет ежегодно... поставлять в экономию во время возовицы экономического хлеба на шесть дней в первых числах августа то количество воловых подвод, которое крестьяне будут иметь в наличности»¹. В другом выкупном договоре — на деревню Вербово того же помещика — крестьяне обязывались в течение пяти лет выставлять во время перевозки хлеба по 13 пар воловых подвод сроком на шесть дней, т. е. всего 65 подвод, и отработать на них по 30 дней². Следовательно, всего крестьяне должны были отработать 1950 подвод-дней. Дополнительный же платеж по этому договору в денежном выражении составлял 2640 руб.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 11, д. 44.

² Там же, д. 45

Из 14 выкупных сделок в Никольском уезде¹, Вологодской губернии, заключено:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	1	265
По одностороннему требованию помещика	12	1 153
После 1881 г.	1	72

По сделке, заключенной по добровольному соглашению, взимался дополнительный платеж в размере 7 тыс. руб. (из общей суммы в 7551 руб.) с рассрочкой на семь лет.

По Тотемскому уезду из 18 выкупных сделок² было заключено:

	Число сделок	Количество душ
По добровольному соглашению крестьян с помещиками	1	93
По одностороннему требованию помещика	10	409
После 1881 г.	7	493

Выкупная сделка по добровольному соглашению предполагала уплату дополнительного платежа в течение 12 лет.

Условия выкупных сделок в уездах окраинных губерний, т. е. районах внутренней колонизации, были весьма различны. За исключением Новоузенского уезда, Самарской губернии, а также двух уездов Вологодской губернии —

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 6, д. 1491—1503

² Там же, д. 1504—1521.

Тотемского и Никольского, во всех остальных преобладали, сделки, заключенные по добровольному соглашению. При этом они, как правило, заключались в первые два года после отмены крепостного права.

Рассмотрим данные о выкупных сделках, осуществленных без содействия правительства. Для этого мы располагали сведениями только по одной Самарской губернии.

По данным Самарского губернского по крестьянским делам присутствия, крестьян этой категории было 3619 ревизских душ, получивших 5858 десятин, или в среднем 1,6 десятины на душу¹. Это были главным образом крестьяне тех помещиков, которые не согласились на предоставление дарственного надела, вследствие чего им и пришлось пойти на выкуп без содействия правительства. Все эти сделки (за небольшим исключением) были вызваны стремлением крестьян отказаться от надела. В силу этого они считали для себя более выгодным выкупать или одну усадьбу, или усадьбу с небольшим наделом земли, с тем чтобы остальную землю приобрести по существующим рыночным ценам либо арендовать ее². Естественно, что на приобретение земли без содействия правительства могли пойти преимущественно зажиточные крестьяне.

Цены на землю по этим сделкам в отдельных случаях были баснословно высокими, что имело место особенно в Бугурусланском уезде³. Так, в Смольковской волости, этого уезда, в деревне Гундуровке, 163 души крестьян выкупили 40 десятин 1800 кв. сажен за 4075 руб., т. е. по 100 руб. за десятину; в деревне Старая Тургеневка 45 душ

¹ ЦГИАЛ, ф. ревизи сенатора Шамшина, № 1391, оп. 1, д. 73, Ведомость о числе крестьян, прекративших обязательные отношения посредством выкупа земельного надела без содействия правительства, по Самарской губернии, № 72—80.

² По данным отчета самарского губернатора «О ходе крестьянского дела за 1863 год», средняя арендная цена за десятину земли составляла 75 коп. (ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, 1863 г., д. 17, л. 478).

³ Все данные о ценах на землю взяты нами из материалов ревизи сенатора Шамшина (ЦГИАЛ, ф. 1391, оп. 1, д. 73, л. 72—80).

выкупили 15 десятин 1392 кв. сажени за 1125 руб., т. е. 72 р. 22 к. за десятину, а в деревне Дмитриевке 43 души, выкупив 7,5 десятины, заплатили по 143 р. 33 к. за десятину. Примерно то же мы имеем и в Смагинской волости, того же уезда, где крестьяне деревни Степановки в количестве 108 душ выкупили 22 десятины 300 кв. сажени за 2700 руб.

Подобные цены при заключении сделок были не только в Бугурусланском уезде. Так, в деревне Красногорье, Таинлинской волости, Бузулукского уезда, 11 душ крестьян за 3 десятины 126 кв. сажени земли уплатили 375 руб., или 120 руб. за десятину. В селе Архангельском, Озерской волости, Ставропольского уезда, 94 души выкупили 18 десятин 900 кв. сажени за 1410 руб., что составило 76 руб. за десятину. Однако в рассматриваемой губернии подобные цены были весьма редки. В среднем здесь по всем сделкам крестьяне заплатили за 5858 десятин 87 631 руб., т. е. по 15 р. 10 к. за десятину. В некоторых случаях продажная цена за десятину земли почти не превышала существующую рыночную. Так, в селе Божедаровка, Бузулукского уезда, 25 душ крестьян приобрели 21 десятину 600 кв. сажени за 204 руб., т. е. по 9 р. 54 к. за десятину¹. В селе Куроедовка, того же уезда, десятина земли обошлась крестьянам по 8 руб., а в селе Камышинка, Ставропольского уезда, — даже по 4 р. 35 к. Таким образом, цены на землю по выкупным сделкам без содействия правительства были весьма разнообразны.

* *
*

В заключение попытаемся сделать некоторые общие выводы, касающиеся хода выкупной операции в целом. Приведем таблицу, характеризующую ход этой операции в 60-е и в начале 80-х годов. Данные эти характеризуют число сделок, утвержденных Главным выкупным учреждением².

¹ При определении цены земли мы принимали в расчет только удобную землю. Количество неудобной земли составляло по всем сделкам 208 десятин 1612 кв. сажени.

² «Ежегодник Министерства финансов», вып. III, Спб. 1872, стр. 278; вып. VII, Спб. 1876, стр. 274—275; вып. XI, Спб. 1881, стр. 286—287; вып. XIII, Спб. 1883, стр. 388—389. Сделки, осуществленные по требованию кредитных учреждений, значатся в одной графе со сделками по требованию владельца.

Губернии	На 1 января							
	1872 г.		1876 г.		1880 г.		1883 г.	
	по добр. согл.	по треб. пом.						
Астраханская .	2	5	2	6	2	6	2	23
Бессарабская обл.	4	—	14	61	17	223	18	340
Владимирская .	309	1 907	342	2 438	359	2 802	396	3 075
Вологодская . .	91	741	102	9 755	113	1 188	127	1 442
Воронежская . .	419	185	448	227	456	268	464	349
Вятская	8	53	8	64	8	70	9	73
Екатеринослав- ская	793	78	808	85	812	87	819	91
Казанская	323	118	335	128	344	137	348	141
Калужская . . .	1 054	1 145	1 186	1 490	1 264	1 789	1 303	1 987
Костромская . .	219	2 461	222	3 067	231	3 523	253	4 130
Курская	790	455	942	513	1 011	597	1 068	787
Московская . . .	287	1 517	335	1 905	345	2 262	354	2 432
Нижегородская	285	655	349	861	405	1 070	460	1 310
Новгородская .	699	3 022	732	3 642	746	3 992	767	4 449
Область Вой- ска Донского	298	176	307	234	313	338	317	417
Олонецкая	7	68	10	77	11	82	12	105
Оренбургская . .	32	17	32	17	32	18	32	18
Орловская	643	930	740	1 095	801	1 299	854	1 710
Пензенская . . .	548	382	580	430	614	451	639	501
Пермская	3	10	150	215	174	349	196	410
Полтавская . . .	1 300	238	1 358	279	1 407	331	1 434	366
Псковская	216	4 046	225	5 139	232	5 649	234	6 126
Рязанская	878	921	982	1 200	1 053	1 413	1 116	1 840
Самарская	203	115	217	122	228	124	229	127
Санкт-Петер- бургская	337	1 297	369	1 691	377	1 826	395	1 980
Саратовская . . .	696	274	723	326	754	345	778	388
Симбирская . . .	589	185	636	228	661	244	684	283
Смоленская . . .	1 897	2 006	1 999	2 539	2 079	3 016	2 123	3 283
Ставропольская	1	2	1	2	1	2	1	2
Таврическая . .	22	15	22	17	22	17	25	19
Тамбовская . . .	982	547	1 055	678	1 096	810	1 119	918
Тверская	522	3 633	540	4 290	555	4 704	563	5 367
Тульская	857	889	1 042	1 152	1 163	1 388	1 248	1 824
Уфимская	142	146	150	151	152	156	153	156
Харьковская . .	1 306	64	1 332	71	1 344	74	1 353	81
Херсонская . . .	999	113	1 037	124	1 053	129	1 067	145
Черниговская . .	1 485	381	1 541	416	1 596	433	1 684	469
Ярославская . .	317	1 975	343	2 770	365	3 354	385	3 937

Анализируя эту весьма несовершенную таблицу¹, можно сделать все же некоторые общие выводы. Сопоставляя эту таблицу с данными 1865 г., приведенными нами выше, во-первых, мы можем констатировать, что основная масса выкупных сделок по добровольному соглашению была заключена в первые годы после издания Положений. Во-вторых, нужно отметить, что в черноземных губерниях процент сделок, заключенных по добровольному соглашению, был выше, нежели в нечерноземных. Наиболее ярко обнаруживается это на примере левобережных украинских и новороссийских губерний. В черноземных губерниях (Рязанской, Тульской, Орловской), примыкавших к нечерноземному центру, процент сделок, заключенных на основе добровольного соглашения, был значительно меньше. Касаясь нечерноземных губерний, необходимо сказать, что исключение среди них представляют Смоленская и Калужская губернии, где процент сделок, заключенных на основе добровольного соглашения, был достаточно велик.

Все эти особенности обуславливались рядом конкретных условий, на основе изучения которых и можно будет сделать более детальные выводы.

¹ Несовершенство этих таблиц заключается в том, что в них отсутствуют данные о количестве душ, заключивших сделки того или иного вида.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РЕФОРМА 1863 г. В ЛИТВЕ, БЕЛОРУССИИ И НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ

В 1863 г. в связи с восстанием в Польше правительство изменило условия реформы 1861 г. в Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской, Киевской, Подольской и Волынской губерниях. Это обуславливалось стремлением Александра II создать себе в лице крестьянства опору в борьбе с польским национально-освободительным движением.

В Белоруссии и Литве в этот период наблюдались массовые крестьянские волнения, руководимые наиболее радикальной частью партии «Красных» (Сераковский, Калиновский) 22 января польское революционное правительство издало манифест, по которому вся земля, находившаяся в пользовании крестьян, переходила в их собственность без выкупа. Крестьяне обязывались лишь в дальнейшем уплачивать особый налог за землю. Помещики же должны были получить компенсацию за земли, отходящие в собственность крестьян. Таким образом, земля передавалась крестьянам фактически на основе выкупа, так как компенсация помещикам могла быть осуществлена лишь за счет широких масс народа, т. е. в первую очередь крестьянства. Именно этим целям и должен был служить земельный налог, вводимый согласно манифесту. Издание этого манифеста и распространение движения на Литву и Белоруссию вызвали серьезное беспокойство правительства Александра II и ускорили проведение реформы в этих районах и на Правобережной Украине. 4 февраля 1863 г. министр внутренних дел П. А. Валуев представил Александру II всеподданнейшую записку с приложением проекта указа об обязательном выкупе земельных

наделов в трех литовских губерниях (Виленской, Ковенской и Гродненской), Минской, а также в четырех так называемых инфляндских уездах Витебской губернии.

В начале этой записки Валуев, анализируя причины неуспеха повстанцев, отмечал, что одной из них являлась индифферентность крестьянства. «Но такой безнадежный для поляков характер задуманной ими борьбы будет продолжаться только до тех пор, пока сельское население будет оставаться верным русскому правительству»¹. Далее он указывал, что «двигатели революции», поняв это, издали упоминавшийся выше манифест, который был быстро распространен среди крестьянства. Это могло в корне изменить положение. «Посему, — продолжал он, — в настоящее время невозможно думать о полумерах, опасно, может быть, гибельно колебаться, каждый день, можно сказать, каждый час дорог; то, что хорошо и своевременно сегодня, может быть поздно и неудобно завтра. Каждое нерешительное распоряжение, каждое промедление поведут за собою пролитие потоков крови...»²

Боясь усиления крестьянского движения, Валуев предлагал принять немедленные меры с тем, чтобы предотвратить участие крестьян в восстании. «Казалось бы, что при таких обстоятельствах, — продолжал он, — остается одно средство: предоставлением новых льгот удержать за собою сельское население северо-западных губерний, которое до сих пор так верило и так было верно правительству. Ныне, — продолжал он, — оно еще поверит более скромным обещаниям законного и твердого правительства, чем шаткому и ненадежному соблазну революционной партии»³. В заключение этой записки Валуев еще раз подчеркивал невозможность какого-либо промедления, могущего вызвать тяжелые осложнения.

Однако, несмотря на столь убедительные аргументы, предложение Валуева встретило внутри правительства сильную оппозицию, усматривавшую во введении обязательного выкупа посягательство на права дворянства, которое хотя

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1181, оп. т. XV, 1863 г., д. 38, л. 2.

² Там же, л. 3.

³ Там же.

и в незначительной своей части по своей национальности являлось русским либо немецким¹.

Как рассказывает в своем дневнике П. А. Валуев, вопрос этот был решен в Совете Министров 9 февраля 1863 г. «Несмотря на сильное сопротивление кн. Гагарина, кн. Горчакова, кн. Долгорукова, гр. Панина, Бахтина и на отрицание гр. Адлерберга и бар Корфа, — заносит в свой дневник Валуев, — вопрос был решен утвердительно. Эта мера, — резюмирует он, — огромной важности и огромных размеров. Считаю ее необходимою ввиду нынешних польских дел»².

Наиболее упорным противником введения обязательного выкупа являлся кн. Горчаков, выступавший против этой меры, как утверждает Валуев, в соединенном присутствии Главного об устройстве сельского состояния и Западного комитетов.

По указу 1 марта³, распространявшемуся на Виленскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую губернии и Динабургский, Дризенский, Люцинский и Режицкий уезды, Витебской губернии, назначалась поверка повинностей, определенных для крестьян по уставным грамотам. С этой целью учреждались особые поверочные комиссии. Вместе с тем для крестьян этих губерний и уездов вводился обязательный выкуп (§ 1), обязательные отношения крестьян к помещикам прекращались с 1 мая 1863 г (§ 2). С этого же времени крестьяне причислялись к разряду крестьян-собственников, при этом вплоть до составления выкупных актов они обязаны были причитающийся с них оброк вносить в уездные казначейства (§ 5). Установленный в уставных грамотах оброк понижался на 20%, крестьяне же, находившиеся на барщине, переводились с этого времени на оброк. Составление выкупных актов возлагалось также на поверочные комиссии (§ 6). Состав, а также порядок действий поверочных комиссий должен был быть разработан министром внутренних дел.

Тотчас же после издания указа 1 марта Валуев направил конфиденциальные письма киевскому генерал-губерна-

¹ Так, по данным Главного комитета об устройстве сельского состояния, процент помещиков-поляков составлял в Виленской губернии 85, в Гродненской — 95, в Ковенской — 78, в Минской — 94 (ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. 2, журнал комитета № 26, 8 июля 1863 г.)

² ЦГИАМ, ф. Валуева, № 908, оп. 1, д. 1 Запись за 9 февраля 1863 г.

³ ПСЗ, 2-е собрание, т. XXXVIII, № 39337

тору, а также могилевскому, черниговскому и псковскому губернаторам. В этих письмах он объяснял причины, вызвавшие подобные меры, а также указывал, что обязательный выкуп не может быть распространен на другие районы. «Двигатели польского направления, — писал он киевскому генерал-губернатору, — всеми мерами стараются привлечь на свою сторону крестьян и возбудить их против правительства. Они... особым революционным манифестом... обещают крестьянам предоставить отведенные им земли в собственность с освобождением их от всех повинностей. Крестьяне остаются верными правительству, но в некоторых местах прекратили отбывание повинностей в пользу помещиков... Через это, — продолжал Валуев, — правительственные власти ставятся в крайне затруднительное положение: они обязываются принимать меры строгости против крестьян, которые содействуют правительству в деле охранения общественного порядка»¹.

Указывая на необходимость издания указа, противоречившего основным принципам Положений 19 февраля, Валуев писал: «...если бы со стороны правительства не было принято решительных мер... можно было бы ожидать самых губительных последствий. Вера крестьян могла бы быть поколеблена, революционная партия усилилась бы и коренные начала права собственности были бы нарушены»². Как указывал Валуев, эта мера, принятая в результате исключительных обстоятельств, не должна была получить дальнейшего распространения. Действительно, указ 1 марта 1863 г. способствовал отрыву крестьянских масс от польского национально-освободительного движения. Однако он не мог, как и следовало ожидать, оказать существенного влияния на состояние классовой борьбы в деревне. Характеризуя крестьянское движение в Ковенской губернии в марте 1863 г., Валуев в одной из своих еженедельных записок писал: «Начальник Ковенской губернии уведомил, что в уездах Новоалександровском (в Дукштанской волости и многих сельских обществах), Вилькомирском (в волостях Судейской, Вижунской, Уцянской, Добейской и одном обществе Трашкунской) и Тельшевском (в волостях Плательской и Шатейковской — в имениях Добряны, Грушловки, Лавкацеме

¹ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, 2-е делопр., оп. 33, 1863 г., д. 21, л. 15.

² Там же, л. 16.

и Корцяны) крестьяне отказались от исполнения повинностей в пользу помещиков и от уплаты в будущем оброка, объясняя, что с 19 февраля 1863 г. они сделались полными собственниками земли. В Судейской волости, Вилькомирского уезда,.. крестьяне угрожали, что надо перерезать всех помещиков. В имении Добряны, Тельшевского уезда, толпа, состоявшая из 100 человек, освободила арестованных крестьян, виновных в беспорядках, а грушиловские крестьяне того же уезда отбили сундук в Экономическом доме и забрали бумаги»¹.

После издания указа 1 марта все мировые посредники польского происхождения, составлявшие большинство в мировых учреждениях, были заменены русскими, присланными из внутренних губерний. Преобладающая часть вновь назначенных мировых посредников принадлежала к числу отставных офицеров и чиновников, проживавших без дела в своих имениях (отставных корнетов, поручиков, штаб-ротмистров, губернских и коллежских секретарей и т. д.). Все они ринулись в Литву, Белоруссию, а позднее и на Правобережную Украину «в видах водворения русского национального элемента»², как они указывали в своих прошениях. Эта публика не могла удовлетворить требований даже Муравьева, который в своем письме к Валуеву просил более тщательно отбирать кандидатов на этот пост³. Издевательства, допускавшиеся в этих районах отдельными мировыми посредниками в отношении крестьян, порой значительно превосходили то, на что отваживались их коллеги во внутренних губерниях. Одновременно с заменой мировых посредников произошла смена большинства волостных старшин. «За малым исключением, старшины в волостях везде избраны новые»⁴, — писал в своем отчете за 1863 г. виленский губернатор.

9 апреля 1863 г. были учреждены поверочные комиссии «для проверки денежных повинностей и составления

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1863 г., д. 181, л. 88.

² ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, 4-е делопр., оп. 52, 1864 г., д. 3, л. 246.

³ Там же, л. 35.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. 1, т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, д. 17, л. 124.

выкупных актов». Поверочные комиссии создавались в каждом уезде¹ из трех членов: представителей Министерства внутренних дел и Министерства финансов и мирового посредника.

Вскоре после своего приезда в Вильно летом 1863 г. генерал-губернатор Муравьев предпринял меры в отношении стимулирования обязательного выкупа в Могилевской губернии, в белорусских уездах Витебской, а также понижения в этих местностях оброка на 20⁰/₀. Его предложение сводилось к тому, чтобы, во-первых, предоставить крестьянам, находившимся на барщине, право перехода на денежный оброк, уменьшенный на 20⁰/₀ против назначенного по уставной грамоте; во-вторых, объявить помещикам, что правом на получение выкупных платежей «без вычета капитализации уменьшенного оброка», т. е. суммы, составляющей капитализацию этих 20⁰/₀ оброка, будут пользоваться только те помещики, которые переведут своих крестьян на выкуп в течение четырех месяцев со дня перевода их на оброк. Однако это предложение, принятое министром внутренних дел и представленное им в Главный комитет об устройстве сельского состояния, вскоре оказалось, по мнению Муравьева, недостаточным. Уже в своем письме к Валуеву от 31 августа Муравьев писал: «Вы пишете мне, что не разделяете мыслей о распространении на Белоруссию указа 1 марта 1863 года (об обязательном выкупе), но признаюсь, что я теперь еще более убедился в необходимости этой меры»². Действительно, Валуев являлся наиболее ярким противником этой меры.

При рассмотрении этого вопроса в Главном комитете 30 сентября мнения разделились: три весьма влиятельных министра — граф Адлерберг, Валуев и Рейтерн — решительно выступали против распространения обязательного выкупа на Могилевскую и белорусские уезды Витебской губернии, указывая, что подобное решение «не согласно с теми основаниями, которые имелись в виду при проведении этой меры в губерниях северо-западных... и в губерниях украин-

¹ 22 октября 1863 г. виленскому генерал-губернатору было предоставлено право в целях скорейшего составления выкупных актов создавать дополнительные поверочные комиссии. При этом содержание их относилось за счет процентного сбора, установленного с помещичьих земель.

² «Русская старина», январь 1883 г., стр. 147.

ских»¹. Далее отмечалось, что как северо-западные, так и украинские, т. е. правобережные губернии, отличаются от всех великороссийских и по хозяйственному быту крестьян и по их отношению к землевладельцам, что и нашло свое отражение в особых Местных положениях, в то время как на белорусские губернии (Могилевскую и Витебскую) распространяется Великороссийское положение. «При таких условиях, — говорили они, — распространить обязательный выкуп на белорусские губернии значило бы вводить начало, допущенное лишь по необходимости и притом только для местностей, находящихся на особом положении, в сферу Великороссийского положения, а это было бы крайне неосторожно, ибо сим могли бы возбудиться хотя и неосновательные, но тем не менее невольные опасения, что обязательный выкуп будет со временем распространен на великороссийские губернии... Соображения эти приобретают особенную важность, если принять во внимание, что предполагаемая мера ни в коем случае не может совершиться без потрясения права собственности и что если можно было бы признать полезным в северо-западных и украинских губерниях предоставить льготы крестьянам за счет бунтующих помещиков, то применение сей же системы... в отношении значительного числа невинных помещиков значило бы вступить решительно на путь политических сделок с крестьянами, а это едва ли может считаться согласным с требованиями здоровой государственной системы»². К тому же Адлерберг, Валуев и Рейтерн указывали, что вводить обязательный выкуп в этих губерниях нет никакой необходимости, так как восстание здесь далеко не достигло тех размеров, какие наблюдались в Литве. Кроме того, — и это, бесспорно, являлось основной причиной возражений против обязательного выкупа — количество польских помещиков в этих губерниях, по утверждению вышеназванных министров, было значительно меньшим, нежели в Литве, Минской губернии и на Правобережной Украине. Так, по приводимым ими данным, процент помещичьих земель, находившихся в руках помещиков русского и немецкого происхождения, составлял

¹ ЦГИАЛ, ф Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1181, оп. 2, журнал № 42, 30 сентября 1863 г. Вопрос о введении обязательного выкупа на Правобережной Украине будет рассмотрен нами ниже.

² Там же.

для Витебской губернии 62, для Могилевской — 28¹. В силу всего этого они считали вполне достаточными те меры, которые предлагались первоначально Муравьевым.

Однако большинство членов Главного комитета (князь Гагарин, барон Корф, Чевкин, Д. А. Милютин, Зеленой, Замятин и Потапов) выступили решительными сторонниками введения обязательного выкупа, ибо, по их мнению, это являлось единственным средством «избавить тамошних крестьян от всяких обязательных отношений к польским помещикам»².

В соответствии с решением большинства членов Главного комитета, утвержденным царем 2 ноября 1863 г., был издан указ о прекращении с 1 января 1864 г.³ обязательных отношений временнообязанных крестьян к помещикам в Могилевской и белорусских уездах Витебской губернии. Размер выкупных платежей понижался на 20% против оброка, установленного по уставным грамотам, за исключением тех имений, где оброк был определен ниже размеров, установленных Местным положением.

Таким образом, на протяжении 1863 г. обязательный выкуп и понижение выкупных платежей на 20% были распространены на Литву и всю территорию Белоруссии.

Политика правительства, рассчитанная на быстрейшее подавление польского национально-освободительного движения и ликвидацию угрозы перерастания его в общероссийское восстание против царизма, что особенно могло произойти в Литве и Белоруссии, привела к дальнейшим уступкам крестьянству. После издания указа 1 марта крестьяне стали обращаться к местным властям с заявлениями о незаконных отрезках у них земель, числившихся за ними по инвентарям. «Вскоре после обнародования высочайшей... воли о прекращении обязательных отношений, — сообщал в своем годовом всеподданнейшем отчете виленский губернатор, — крестьяне объявили множество жалоб на прежних

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1181, оп. 2, журнал № 42, 30 сентября 1863 г.

² Там же.

³ ПСЗ, 2-е собрание, т. XXXVIII, отд. 2, № 40 172.

владельцев за отобрание от них инвентарных земель»¹. Подобное явление наблюдалось и в других губерниях. «Ближайшее исследование сего обнаружило, — указывал виленский губернатор, — что помещики в прежнее время отнимали поземельные участки от таких, которые по малосемейности или недостатку средств не могли исполнять лежавших на сих участках повинностей и передавали оные другим крестьянам: со времени же начатых реформ, — продолжал он, — ...именно с 1857 года, некоторые помещики насильно отнимали от крестьян участки и присоединяли оные к своим фольваркам или отдавали во временное пользование посторонним людям, дабы таким образом при окончательном разверстании оставить за собою возможно большую часть земель»².

Действительно, отобрание крестьянских земель после издания рескриптов получило в Белоруссии и Литве массовое распространение. При этом Местное положение для этих губерний фактически узаконивало этот грабеж, так как оно закрепляло за крестьянами лишь те земли, «коими крестьяне пользовались до утверждения настоящего Положения»³. Именно этим обстоятельством и объяснялся массовый отказ крестьян этих губерний подписывать уставные грамоты. «До 1863 года, — писал в своем отчете гродненский губернатор, — крестьянское дело в здешнем крае находилось в весьма неудовлетворительном состоянии... Уставные грамоты, составленные на основании прежних инвентарей, признанных самим правительством неправильными, не только не выражали действительной стоимости крестьянских земель, но почти не облегчали их прежних повинностей. В иных местах материальный быт крестьян сделался даже худшим, чем в крепостном состоянии»⁴. В связи со всем этим 14 августа 1863 г. генерал-губернатором Муравьевым был издан циркуляр, предоставлявший право поверочным комиссиям разбирать жалобы крестьян на неправильное

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, д. 17, л. 126.

² Там же.

³ «Положение 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», М. 1916, стр. 320, ст. 3.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, д. 17, л. 168.

составление уставных грамот. При этом им было дано право «немедленно исправлять все замеченные неточности, предоставляя крестьянам в собственность следующие им по Местному положению земли»¹. Через несколько дней после издания указанного выше циркуляра, 17 августа, Муравьев издал новое циркулярное предложение «о предоставлении губернским и уездным по крестьянским делам учреждениям принимать к разбирательству жалобы крестьян на отнятие у них помещиками инвентарных земель»². В этом распоряжении вопрос ставился уже значительно шире, а именно о наделении землей крестьян, вовсе обезземеленных помещиками. Эти мероприятия были также вызваны политическими соображениями. Дело в том, что большинство крестьян, принимавших участие в восстании в Литве и Белоруссии, принадлежало именно к обезземеленному крестьянству.

В своем письме к Валуеву Муравьев, характеризуя причины, вызвавшие издание этого циркуляра, писал: «Наделение землею и принятые по этому поводу меры имели целью как устройство быта сельского населения, так и отнятие на будущее время у революции всех средств пользоваться стесненным положением крестьян»³. В одном из отношений к министру внутренних дел в 1865 г. Муравьев более подробно объяснял причину необходимости наделения землей безземельных крестьян. «Безземельные крестьяне, — писал он, — составляя в Северо-Западном крае, и в особенности в Ковенской губернии, многочисленный класс батраков и кутников, представляя собою подвижный элемент, всегда готовый поддаться лживым и заманчивым обещаниям проводников (революционных идей), класс этих людей, ничем не обеспеченный и не связанный, не может воплощать идеи консерватизма, а, напротив того, являлся всегда поборником и участником всех беспорядков, и в настоящее время безземельные первые вербовались в мятежные шайки, тогда как оседлые крестьяне оставались верными своему долгу и являлись опорой правительства.

¹ «Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян-собственников в Северо-Западном крае», Вильно 1864, стр. 64.

² Там же, стр. 64—66.

³ *Миловидов*, Освобождение крестьян Северо-Западного края и поземельное устройство их при графе М. Н. Муравьеве. Виленский календарь на 1902 год, Вильно 1901, стр. 346.

Достаточно, — продолжал он, — одних последних событий, чтобы убедиться в необходимости отстранить этот местный элемент, в котором враждебная нам революционная партия могла бы на будущее время найти опору для возобновления неоднократно повторявшегося в здешнем крае мятежа»¹.

На основе циркуляра 17 августа крестьяне, обезземеленные после составления инвентарей, т. е. с 1846 г. до введения в действие уставных грамот, подлежали наделению землей. Однако в силу того, что «крестьяне эти по совершенному неимению хозяйственного обзаведения весьма легко могут оказаться несостоятельными плательщиками следующих в пользу помещиков повинностей, а впоследствии выкупных платежей»², Муравьев считал необходимым наделить их участками не свыше 3 десятин удобной земли на семью. 18 октября 1863 г. генерал-губернатором был издан новый циркуляр, конкретизировавший порядок наделения обезземеленных крестьян землей³. В этом циркуляре вопрос о наделении обезземеленных крестьян землей рассматривался дифференцированно. Обезземеленные в 1857 г. и позднее должны были получить свои участки в полном объеме. Обезземеленные же с 1846 по 1857 г. получали трехдесятинный семейный участок. При этом понятие семьи уточнялось: женатые дети должны были составлять отдельную семью и соответственно этому получить земельный участок.

8 мая 1864 г. было издано еще одно циркулярное распоряжение о наделении землей обезземеленных крестьян, работавших лесными сторожами. Это распоряжение обуславливалось стремлением привлечь на свою сторону лесных сторожей, оказывавших содействие повстанческим отрядам. Кроме того, был издан ряд распоряжений о сохранении за крестьянами права пользоваться сервитутами (выгонами, сенокосами, рыбной ловлей и т. д.).

Все эти меры принимались Муравьевым без санкции петербургских властей, на основе тех широких полномочий, которые ему были предоставлены Александром II. Надо сказать, что распоряжения Муравьева встречали сильное противодействие со стороны Министерства внутренних дел.

¹ ЦГИА Литовской ССР, ф. Канцелярии генерал-губернатора, № 378, 1865 г., д. 2368, л. 13.

² «Сборник правительственных распоряжений об устройстве быта крестьян-собственников в Северо-Западном крае», стр. 66.

³ См. там же, стр. 77—78.

Так, представляя на утверждение Главного комитета об устройстве сельского состояния распоряжение начальника Северо-Западного края об отводе трехдесятичных участков обезземеленным с 1846 по 1857 г. и о возвращении земель, отобранных после 1857 г., Валуев указывал, что «принятые генерал-губернатором меры для обеспечения и устройства быта безземельных крестьян в северо-западных губерниях не только находятся в прямом противоречии с коренными началами законоположений об устройстве быта. . крестьян в означенных губерниях, но и не достигают своей цели в политическом отношении»¹.

Однако Соединенные комитеты — Главный и Западный, рассматривая этот вопрос 21 мая 1864 г., принуждены были утвердить распоряжения Муравьева, так как уже в течение почти года они проводились в жизнь, а отменить их в условиях тогдашней политической обстановки было невозможно. «Соединенное присутствие — Главный об устройстве сельского состояния и Западный, — указывалось в журнале заседаний, — ...принимая во внимание, что по удостоверению его (Муравьева. — П. З.) о возвращении в сем крае земель, отобранных у крестьян с 1858 года, и наделении 3-десятичными участками тех безземельных крестьян, у коих участки отобраны в период с 1846 по 1857 год, приводятся в исполнение с половины прошлого года и не встречаются на деле никаких затруднений, полагает: означенное распоряжение генерал-губернатора оставить в силе»².

Наряду с наделением земель обезземеленных крестьян Муравьев ставил также вопрос, опять-таки руководствуясь чисто политическими соображениями, о наделении земельными участками батраков и бобылей в Людинском, Режицком, Динабургском, Дризенском уездах, Витебской губернии. Количество батраков и бобылей в этих уездах было весьма значительное, достигая, по данным Министерства внутренних дел, 10 тыс. человек, т. е. около 10% всего населения³.

Направляя в Главный комитет это предложение Муравьева, Валуев указывал, что мера, рекомендуемая генерал-губернатором, не может быть одобрена: «в интересах батраков, но и в политическом отношении она не даст каких-либо

¹ ЦГИАЛ, ф Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп 2, журнал № 15, 21 мая 1864 г

² Там же.

³ Там же, журнал № 5, 14 февраля 1864 г

результатов. «Бесспорно, — продолжал он, — что обеспеченный вполне крестьянин труднее может быть увлечен в мятеж, нежели батрак, не имеющий ни усадебной оседлости, ни земли. Но то устройство, которое предположено генерал-губернатором, обеспечит им кров, но не даст еще средств для прокормления, если не будет к тому приложен с их стороны тяжелый земледельческий труд. Если мятеж может увлекать бездомных крестьян, — заключал Валуев, — то он будет действовать и на батраков-огородников, которые могут желать большего надела и вообще больших средств к жизни»¹. Однако, несмотря на это, Соединенное присутствие Главного комитета об устройстве сельского состояния и Западного комитета одобрило 14 февраля 1864 г.² представление Муравьева и вынесло следующее решение³: 1) предоставить генерал-губернатору право обращаться к помещикам с предложением, не согласятся ли они приписанным к их имениям батракам и бобылям предоставить за выкуп семейные участки в размере не менее 1,5 десятины; получившим эти участки предоставлять лесные материалы из казенных дач, находившихся в распоряжении министра государственных имуществ; 2) тех же батраков и бобылей, которые не получают земли от помещика, необходимо обеспечить землей в счет казенных земель; 3) батракам и бобылям, желающим получить земельный участок, предоставить возможность приписаться к другим обществам; 4) освобождать сроком на шесть лет всех батраков и бобылей от платежей казенных податей и от сборов⁴.

Таковы изменения, внесенные в Положения 19 февраля 1861 г. под влиянием национально-освободительного

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. 2, журнал № 5, 14 февраля 1864 г.

² Это решение Соединенных комитетов утверждено Александром II 29 февраля 1864 г.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. 2, журнал № 5, 14 февраля 1864 г.

⁴ Практически это решение не было претворено в жизнь, так как помещики, за исключением ничтожного числа (29 человек), отказались обеспечить батраков и бобылей землей. К тому же свободных казенных земель в губернии также не оказалось. В связи с этим Главный комитет 23 октября того же 1864 г. принял дополнительное решение — ходатайствовать перед Министерством государственных имуществ о переселении батраков и бобылей, которые не смогут быть устроены внутри губернии.

восстания в Польше. Польское восстание, таким образом, заставило правительство осуществить ряд мероприятий, заметно улучшавших положение крестьян Литвы и Белоруссии.

Муравьев, вынужденный довольно решительно проводить все эти меры, вместе с тем не забывал и об удовлетворении интересов помещиков. В начале 1864 г. им было сделано представление в Главный комитет об устройстве сельского состояния о выдаче пособий помещикам Могилевской и Витебской губерний, вынужденным отказаться от дополнительного платежа по заключенным ими выкупным договорам с крестьянами. В связи с этим Главный и Западный комитеты на совместном заседании приняли решение о предоставлении пособия нуждающимся помещикам этих губерний «русского и остзейского происхождения», а также тем землевладельцам польского происхождения, «которые главным местным начальством будут признаны вполне благонадежными в политическом отношении»¹.

С 1863 г. поверочными комиссиями начали составляться протоколы проверки повинностей и правильности наделения крестьян землей, на основе чего и оформлялись выкупные акты. Результатом этого явилось увеличение существовавших наделов за счет возвращения земель, отрезанных у крестьян до реформы, наделение участками ранее вовсе обезземеленных, а также довольно значительное понижение повинностей, т. е. понижение выкупной суммы. Однако во второй половине 60-х годов местное начальство в лице вновь назначившихся генерал-губернаторов пыталось вновь пересмотреть выкупные акты в целях повышения повинностей и уменьшения крестьянских наделов.

* *
*

Во второй половине 60-х годов генерал-губернатор северо-западных губерний граф Баранов сделал попытку, руководствуясь интересами местного дворянства, пересмотреть те льготы, которые были получены крестьянами в результате восстания 1863 г. В мае 1867 г. им был внесен на рас-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп 2, журнал № 11, 30 марта 1864 г

смотрение Главного комитета об устройстве сельского состояния проект закона, предусматривавший разверстание помещичьих и крестьянских угодий. Этот проект предполагал прекращение права пользования крестьянами пастбищными сервитутами, а также требовал обязательного для крестьян разверстания чересполосных угодий. Главный комитет отклонил этот проект, руководствуясь тем, что крестьяне северо-западных губерний получили землю в собственность, что несовместимо с обязательным разверстанием по требованию помещика. «...выкупленные крестьянами земли, — говорилось в решении, — могут подлежать окончательному отделению или отмежеванию... не иначе как на началах полной в сем отношении равноправности»¹. Относительно же пастбищных сервитутов Главный комитет, отмечая желательность их прекращения, «признал вместе с тем, что по существенной важности этого сервитута для крестьянского хозяйства обязательная отмена одного может быть допущена не иначе, как с полным и справедливым вознаграждением крестьян»². Было предложено подготовить этот вопрос, руководствуясь принципом добровольных соглашений. Главный комитет предложил генерал-губернатору разработать более детально и вопрос об условиях разграничения так называемых полесских имений в Гродненской и Минской губерниях, о чем также настаивал в своем представлении Баранов.

В феврале 1868 г. Баранов представил министру внутренних дел новый проект, содержащий уже более обширную программу удовлетворения помещичьих чаяний. Этот проект предусматривал необходимость исправления ранее уже утвержденных выкупных актов, в которых «показан надел крестьян не согласно с действительным их владением»³. Вместе с тем предлагалось утвердить составленные на основании прежних административных распоряжений дополнительные акты, уточнявшие неверно составленные выкупные акты. Далее в этом проекте ставился вопрос о «незаконно» наделенных землей крестьянах после утверждения первоначальных выкупных актов, а также о так называемых вольных людях и вольноотпущенных, также наделенных землей «несоответственно с представленными им

¹ ЦГИАЛ, ф Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. 2, журнал № 5, 17 и 24 февраля, 10 и 24 марта 1869 г., л. 120—121.

² Там же, л. 122.

³ Там же, л. 125.

правами»¹. Вопросы об обязательном разверстании выкупленных крестьянами земель и об уничтожении пастбищных сервитутов, содержащиеся в первом представлении Баранова, здесь уже не фигурировали.

В связи с тем, что к моменту рассмотрения этого проекта виленским генерал-губернатором был назначен генерал-адъютант Потапов, проект был препровожден к последнему для «предварительных соображений». Потапов, полностью солидаризируясь с Барановым, представил в Министерство внутренних дел в июле 1868 г. новый проект, называвшийся «Дополнительные правила об отграничении крестьянских наделов и поверочных действиях в северо-западных губерниях». В этот проект в несколько измененном виде были включены как первое, так и второе представление Баранова. Новый проект, представлявший в наиболее полной форме требования дворянства северо-западных губерний, по существу ставил своей задачей ликвидировать те уступки, на которые вынуждено было пойти правительство под влиянием польского восстания 1863 г.

В обширном отношении, сопутствовавшем этому проекту, Потапов пытался доказать незаконность действий Муравьева и Кауфмана, игнорировавших «центральное правительство». «Коренной недостаток прежней системы, — писал Потапов, — породивший все остальные, по моему убеждению, заключался именно в том, что местная в крае власть отрешила себя от надлежащей связи с общим государственным управлением империи и... стала к некоторым центральным правительственным органам почти в неприязненные отношения. ...Отрешившись от общего в империи законодательного порядка и заменив его своим административным, так сказать домашним законодательством, местная власть, естественно, не имела в своем распоряжении таких органов, которые могли бы заменить всестороннее и зрелое обсуждение законодательных вопросов в высших государственных учреждениях»². Именно это, по мнению Потапова, и определяло «крайнюю спутанность и замедление крестьянского дела»³. Далее на протяжении 15 страниц излагались «незаконные

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1181, оп. 2, журнал № 5, 17 и 24 февраля, 10 и 24 марта 1869 г., л. 125.

² ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1181, оп. т. XV, 1868 г., д. 61, л. 2.

³ Там же

действия» Муравьева и Кауфмана, приведшие якобы к весьма существенным «затруднениям». Наиболее существенные из них заключались, по мнению Потапова, в следующем:

1. Количество земли, показанное в выкупных актах, не соответствует действительности. При этом, как правило, крестьяне фактически владеют большим количеством земли, нежели это указано в выкупном акте.

2. В силу административных распоряжений генерал-адъютанта Кауфмана составленные и утвержденные выкупные акты пересматривались, причем понижались выкупные платежи и крестьяне получали ряд прав, «в коих при прежней проверке им было отказано»¹.

3. Наделение безземельных и обезземеленных крестьян в Ковенской губернии производилось вне соответствия с законом. При этом в некоторых случаях составлялись дополнительные акты или постановления, а в других отводился безземельным и обезземеленным крестьянам надел по одним лишь словесным распоряжениям мировых посредников или поверочных комиссий, без всякого о том формального постановления.

4. В Ковенской губернии вместо особого сословия вольных людей наделены землей вольноотпущенные крестьяне. Вольные же люди до сих пор не наделены землей. Помимо этого, как указывал Потапов, крестьяне незаконно пользуются до сих пор как топливом из помещичьих лесов, так и пастбищными сервитутами. Все это, по мнению Потапова, вызывало необходимость «признать все доселе произведенные в Северо-Западном крае поверочные работы ничтожными и начать дело сызнова»².

Однако, понимая невозможность признать несостоятельность всей прежней системы деятельности местной администрации, что могло бы иметь и политические последствия, Потапов предложил осуществить это в более завуалированной форме. «В этих видах, — писал он, — я полагал бы всего удобнее соединить необходимое исправление поверочных работ с другим, также неизбежным и неотложным в Северо-Западном крае делом, с заменой временно оставленных за крестьянами прав пользования в землях и угодьях

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1181, оп. т. XV, 1868 г., д. 61, л. 11.

² Там же, л. 13.

помещика (сервитутов) отводом им в надел постоянных угодий с разделом общих владений и с уничтожением некоторых особенно вредных и тягостных видов чересполосности, произведя как то, так и другое совместно с третьим, тоже необходимым и тоже не исполненным в крае делом — с отграничением выкупленного крестьянами надела в натуре. Такое соединение, — продолжал Потапов, — ... доставит возможность придать всему делу более благовидную форму, не ломки, а продолжения и дальнейшего развития правительственных действий по раз принятой системе...»¹ Эта программа, облеченная в столь «благовидную форму», в действительности создавала возможности для самого безудержного ограбления крестьян помещиками, для возврата им с лихвой всего того, что получено было крестьянством в результате восстания 1863 г.

Проект Потапова, одобренный министром внутренних дел Тимашевым и представленный им в Главный комитет об устройстве сельского состояния, заключал в себе следующее:

Администрации предоставлялось право согласования крестьянских наделов в натуре с выкупными актами. Если же оказывалось, что крестьяне владеют большим количеством земли, нежели это указывалось в выкупных актах, то излишек земли отрезался или увеличивалась выкупная сумма. Эта мера предоставляла помещикам широкие возможности для ограбления крестьян: данные о количестве земли при составлении выкупного акта сообщались самим помещиком и нередко сознательно им уменьшались. Имея в виду, что не только по закону 1 марта 1863 г., но и по Положениям 19 февраля 1861 г. за крестьянами в этих губерниях должна была сохраняться вся земля, которой они пользовались до реформы, эта мера явно противоречила закону и создавала возможность для значительного сокращения крестьянского землевладения даже по сравнению с до-реформенным. В отношении безземельных и обезземеленных крестьян, наделенных после составления первоначального выкупного акта, не утвержденного еще Главным комитетом, помещику предоставлялось право требовать перевода их на другие участки по его указанию. Если же эти крестьяне не успели завести свое хозяйство, то в данном случае

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1868 г., д. 61, л. 13—14.

земли подлежали возврату помещикам. При наделении обезземеленных крестьян из так называемых фольварковых земель (определить которые было весьма нелегко) помещик имел право отрезать землю сверх трехдесятичного надела. Ему предоставлялось также право лишать надела обезземеленных и безземельных крестьян, которые получили его «в отмену прежних, вошедших в законную силу решений, коими в домогательстве на вышеупомянутое наделение было отказано»¹. Наконец, помещикам предоставлялось право уменьшить наделы вольноотпущенных людей до 3 десятин, если их выкупные акты не получили еще дополнительного утверждения.

Помимо этого, проект предусматривал утверждение особой секретной инструкции, предоставлявшей право генерал-губернатору производить пересмотр окончательно утвержденных выкупных актов в целях повышения непомерно низкой оценки земель по сравнению с соседними однородными имениями. Проект секретной инструкции содержал и демагогическое по своей сущности положение, предоставлявшее право генерал-губернатору пересматривать выкупные акты в тех случаях, «когда крестьяне во время поверочных действий заявляли свои права на некоторые земли и угодья, но им было в том отказано с явную несправедливостью и расстройством их быта»². Проект инструкции предоставлял генерал-губернатору огромные полномочия — право пересмотра всякого решения губернского по крестьянским делам присутствия, даже единогласно принятого и признаваемого по закону окончательным.

В отношении пастбищных сервитутов проект Потапова предполагал отменить без всякого вознаграждения право крестьян пасти скот по незасаженным полям и скошенным лугам, в отношении же лесных пастбищ — потребовать от помещика выделения части их в собственность крестьян (при условии предоставления помещику права срубить все крупные деревья). Наконец, в отношении разверстания чересполосных угодий проект предполагал проведение в ряде случаев обязательного разверстания *по требованию помещика*, что естественно создавало возможность для

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1181, оп. т. XV, 1868 г., д. 61, л. 21.

² Там же, л. 66.

неэквивалентного обмена земель, т. е. перевода «крестьян на песочек».

Таким образом, этот проект при проведении его в жизнь не только ликвидировал бы льготы, вырванные у правительства польским восстанием 1863 г., но и ухудшил бы условия наделения крестьян землей по Положениям 19 февраля 1861 г. Проект этот, направленный Главным комитетом об устройстве сельского состояния на заключение министрам государственных имуществ и финансов, встретил даже с их стороны резко отрицательную оценку. Так, министр государственных имуществ Зеленой в своем отзыве указывал, что никаких оснований для оспаривания прав крестьян на землю, которой они фактически владеют, нет. «Поверочные комиссии, — писал он, — при обозначении в выкупных актах общего пространства крестьянского надела принуждены были руководствоваться главным образом численными данными, включенными в уставные грамоты по показаниям не крестьян, а самих помещиков... Очевидно, — продолжал он, — что если бы оказалась разница в пространстве надела... с тем, какое исчислено в выкупном акте, составленном по уставной грамоте и по домашним планам помещика, то ошибка в сделанном исчислении числа десятин никак не может поколебать прав крестьян на удержание за собою существующего надела в прежних границах»¹. Вместе с тем он отмечал, что жалобы помещиков на установление поверочными комиссиями чрезвычайно низких оценок крестьянских земель лишены также оснований. «Оценка земель крестьянского надела в помещичьих имениях, — писал Зеленой, — несмотря на значительное понижение оной против оброка, исчисленного по уставным грамотам, *все-таки значительно выше люстрационной оценки*, по коей ныне уплачивают оброк государственные крестьяне. Между тем, — отмечал он, — люстрационной оброк исчислен был сообразно действительной доходности земель»².

Так, по этим данным, выкупные платежи за десятину облагаемых земель были на 30% выше люстрационного оброка, который платили государственные крестьяне³.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1868 г., д. 61, л. 312.

² Там же, л. 317. Подчеркнуто нами. — П. З.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1868 г., д. 61, л. 317.

Министр финансов Рейтерн в своем отзыве отметил, что «составленный ген.-ад. Потаповым проект для устройства крестьянского дела в Северо-Западном крае едва ли может быть приведен в исполнение»¹. Указывая на наличие по северо-западным губерниям огромного количества недоимок², он писал: «Если же платежи будут возвышены, а средства крестьян уменьшены, то возрастание недоимок, без сомнения, усилится»³. Таким образом, с финансовой стороны эти меры не могли привести к каким-либо положительным результатам.

17, 24 февраля, 10 и 24 марта 1869 г. проект, представленный Потаповым, рассматривался в Главном комитете об устройстве сельского состояния. В журнале Главного комитета указывается, что на заседании было решено рассмотреть лишь конкретные предложения Потапова, не касаясь обвинений, предъявлявшихся прежней администрации. «Главный комитет, — говорилось в журнале, — имея в виду, что он пришел к единогласному заключению по настоящему делу, а между тем ожидая, что рассмотрение означенной части представления министра внутренних дел могло бы породить между членами комитета разногласие... признал удобным не входить в рассмотрение первой части представления, относящейся до системы действий прежних начальников края»⁴.

Рассматривая по существу предложения Потапова, Главный комитет отверг их и вынес по затронутым в представленном проекте вопросам следующие решения⁵:

1. По всем утвержденным выкупным актам за крестьянами сохраняется вся земля, находящаяся в их действительном владении, без какого-либо увеличения выкупной ссуды. В случае несоответствия надела количеству земли, обозначенному в выкупном акте, об этом вносятся соответствующие изменения в Данную, выдаваемую крестьянам. Только в случае пропуска в выкупном акте нескольких

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1868 г., д. 61, л. 262.

² По приводимым в этом отзыве данным, по шести губерниям: Витебской, Гродненской, Минской, Ковенской, Могилевской и Виленской — общая сумма недоимок составляла 6 101 102 руб (там же, л. 259).

³ Там же, л. 259.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. 2, журнал № 5, 1869 г., л. 122

⁵ Там же, л. 159—179

дворов с их участками составляется дополнительный выкупной акт, окончательно утверждаемый Главным комитетом об устройстве сельского состояния. Лишь «в тех исключительных случаях, когда... по выкупному акту, не подлежащему более обжалованию, была со стороны местных по крестьянским делам учреждений допущена... явная и вопиющая несправедливость, ему, генерал-губернатору, — указывалось в решении Главного комитета, — предоставляется право, приостановив исполнение такого акта, о подобном исключительном деле представить... с своими о способах восстановления нарушенной справедливости соображениями министру внутренних дел, который по сношению с министром финансов вносит дело в Главный комитет об устройстве сельского состояния»¹.

2. Все земли, отведенные в надел безземельным и обезземеленным крестьянам, вольным людям и вольноотпущенным, сохраняются за ними. Те же обезземеленные или безземельные, которые не получили еще земли, наделяются ею согласно правилам 25 июля 1864 г.

3. Земли, входящие в состав крестьянского надела, не подлежат обязательному разверстанию, и ликвидация чересполосицы может быть устранена только на основе добровольных соглашений.

4. Пастбищные сервитуты могут быть отменены только на основе добровольного соглашения крестьян с помещиком при обязательном вознаграждении первых.

5. Генерал-губернатору поручалось подготовить вопрос для определения способа вознаграждения крестьян в случае обязательной отмены сервитутов, а также собрать необходимые сведения для подготовки вопроса о размежевании земель в так называемых полесских имениях.

Это постановление Главного комитета было утверждено Александром II 26 марта.

Позиция, занятая Главным комитетом, естественно, не определялась симпатиями по отношению к крестьянству, а исходила из стремления предотвратить возможность поддержки им и в будущем польского национально-освободительного движения.

Потапов, однако, игнорировал это решение, он пытался пересматривать выкупные акты с целью уменьшения кре-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. 2, журнал № 5, 1869 г., л. 178—179.

стьянских наделов. Выражением этого явилось, в частности, его предложение виленскому губернатору от 29 августа 1869 г., в котором он, комментируя Положение 26 марта, указывал, что обозначение границ крестьянских наделов должно производиться «согласно действительных владений крестьян, представленных им по утвержденным актам»¹. Таким образом, здесь акцентировалось внимание не на количестве земель, находившихся в фактическом владении крестьян, а на владении их согласно выкупным актам. Вследствие этого Главный комитет об устройстве сельского состояния в конце 1869 г.² снова подтвердил свою первоначальную точку зрения, а Потапов, вызванный на заседание комитета, признал, что несоответствие его предложения от 29 августа решению Главного комитета «было, собственно, последствием редакционной ошибки»³. В действительности же циркуляр Потапова вовсе не являлся таковой.

Позиция Баранова и Потапова, занятая ими в крестьянском вопросе, отражала стремление наиболее оголтелых реакционных кругов, требовавших ликвидации тех уступок, которые были сделаны правительством в период польского восстания. Наиболее полно эти требования выражала реакционно-аристократическая газета «Весть», систематически помещавшая на своих страницах письма помещиков западных губерний, в которых яркими красками рисовалось их «бедственное положение».

В 1868 г. в связи с назначением Потапова на пост виленского генерал-губернатора «Весть» выступила с передовой статьей, в которой намечалась программа вновь назначенного генерал-губернатора. «Могут быть, — писала газета, — введены такие порядки, при которых производительные силы края воспрянут. Может быть положен предел тем грабегам и разбоям, известиями о которых переполнены страницы даже «Виленского вестника». Могут быть приняты, — продолжала «Весть», — энергические меры, которые обуздывают всякое посягательство на чужую собственность»⁴.

Несмотря на категорическое запрещение Главного комитета производить пересмотр выкупных актов, местные

¹ «Виленские губернские ведомости», 20 сентября 1869 г.

² Заседания Главного комитета проходили 27 октября, 10 и 17 ноября 1869 г (см журнал № 28, 1869 г)

³ ЦГИАЛ, ф Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп т XV, 1869 г, д 172, л 133

⁴ «Весть» № 34, 1868 г.

власти пытались в отдельных случаях проводить это в жизнь. Воспользовавшись возвращением для уточнения из губернского по крестьянским делам присутствия или Главного выкупного учреждения отдельных выкупных актов, поверочные комиссии начинали производить перепроверку наделов и пересмотр величины повинностей. Наиболее широкие размеры это приняло в Минской губернии. Как сообщал в III отделение в январе 1869 г. начальник минского губернского жандармского управления, среди крестьян ряда уездов — Бобруйского, Мозырского, Слуцкого, Речицкого — «замечены ропоты и недовольствие на действия поверочных комиссий»¹. «Поверочные работы, — указывалось в этом сообщении, — направлены... главным образом на повышение ценности выкупных наделов, назначенных прежними поверочными комиссиями, и оценка не только удваивается, но даже утраивается»². Наибольшее распространение получило это в Речицком уезде, где в ряде деревень, принадлежавших помещице Прозоровой, поверочная комиссия под председательством мирового посредника отставного поручика Гедеонова вызывала крестьян и объявляла им об уменьшении их надела и увеличении повинностей. Гедеонов составил по этому поводу акты добровольных соглашений и, несмотря на несогласие крестьян, «оформлял» их³. В результате подобных «добровольных соглашений» крестьянам этой помещицы были увеличены платежи с 5 р. 80 к. до 13 р. за надел при одновременной отрезке значительного количества земли⁴.

Резюмируя изложенное, начальник Минского губернского жандармского управления, обращаясь к управляющему III отделением Мезенцову, писал: «Из всего вышеизложенного... извольте усмотреть характер деятельности новых поверочных работ, возбуждающий ропот и недовольствие крестьян»⁵.

¹ ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, IV экспедиция, оп. 209, 1869 г. д. 229, л. 1.

² Там же

³ Сей деятель мировых учреждений в короткий срок, как указывалось в цитированном нами донесении, приобрел себе в Речице, естественно, за счет взяток, полученных им с помещиков, собственный дом и составил капитал в 40 тыс. руб.

⁴ ЦГИАМ ф. III отделения, № 109, IV экспедиция, оп. 209, 1869 г. д. 229, л. 2.

⁵ Там же, л. 4—6.

Особенно больших размеров достигло недовольство крестьян в селе Лоеве, Речицкого уезда, в 1871 г. Поверочная комиссия под председательством опять-таки Гедеонова в связи с жалобой владельцев по указанию Министерства внутренних дел пересмотрела выкупной акт и, отрезав из предоставленных крестьянам 14 369 десятин земли около 2 тыс., увеличила ежегодный выкупной платеж с 2658 руб. до 7983 руб., т. е. более чем в 3 раза. В результате этого крестьянам было предложено уплатить разницу с момента составления первого выкупного акта в 33 773 руб.¹ Для подавления волнения крестьян потребовалось два батальона пехоты и сотня казаков².

Интересно отметить, что донесение по этому поводу начальника Минского губернского жандармского управления полковника Гильдебранта встретило со стороны III отделения весьма своеобразное отношение. На полях этого донесения управляющий III отделением Мезенцов наложил следующую резолюцию, характеризующую сочувствие его домогательствам виленского генерал-губернатора Потапова. «Обращаю внимание графа Николая Васильевича³, — писал Мезенцов, — на последние донесения из Минской губернии, где возникали неоднократно крестьянские беспорядки. Эти случаи приписываются начальником жанд[армского] упр[авления] или проискам владельцев, или действиям мировых учреждений, тогда как г.-а. Бажан в разговоре со мной усматривает в них избалованность крестьян, до того щедро наделенных, что они, как говорится, «бесятся от жира». Был бы крайне удивлен, если [бы] п[ол]. Гильдебрант оказался поклонником деятелей времени г.-а. Кауфмана и разделял их взгляды»⁴. III отделение целиком разделяло точку зрения «Вести», требовавшей возвращения помещикам их «законной» собственности.

Однако изменение выкупных актов все же не получило широкого распространения в силу того, что к концу 60-х

¹ ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109 IV экспедиция, оп 209, 1869 г., д. 229, л. 79—80.

² Наряду с этим были сделаны и некоторые уступки: выкупные платежи были уменьшены на 30%, а недоимка рассрочена на шесть лет.

³ Графа Левашова

⁴ ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, IV экспедиция, оп 209, 1869 г., д. 229, л. 41.

годов подавляющая часть их была уже утверждена, а пересмотр их требовал специального решения Главного комитета об устройстве сельского состояния.

* *
*

Составление выкупных актов, связанных с поверкой размера надела и повинностей в северо-западных губерниях (Литве и Белоруссии), производилось на протяжении всего периода 60-х годов, а в некоторых закончилось даже позднее. В наиболее короткий срок это было закончено в Виленской губернии. Так, по данным отчета виленского губернатора, на 1 января 1867 г. поверочными комиссиями было составлено и представлено в губернское по крестьянским делам присутствие 2188 выкупных актов¹ из общего числа 2223². В связи с этим поверочные комиссии были в этой губернии в конце 1866 г. упразднены.

По другим губерниям, за исключением Минской, составление и утверждение выкупных актов было закончено к концу 60-х годов. В Минской же губернии этот процесс несколько затянулся. К 1 января 1870 г. Главным выкупным учреждением и губернским по крестьянским делам присутствием были окончательно утверждены 1604³ выкупных акта из общего количества 2998⁴.

В результате составления выкупных актов количество земли, полученной крестьянами, увеличилось, а повинности, т. е. выкупная цена за землю, были значительно снижены.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, 1866 г., д. 19, л. 41.

² ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, 1877 г., д. 27, л. 47.

По данным же статьи Д. Рихтера «Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России» («Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 60) общее количество выкупных актов по Виленской губернии составляло 2194.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, 1869 г., д. 22, л. 119.

⁴ См. Д. Рихтер, Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго-и северо-западных губерниях России («Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 601).

По данным Д. Рихтера, анализировавшего 8472 выкупные сделки¹, наделная земля увеличилась с 3 154 143 до 3 913 754 десятины, т. е. крестьянам было прирезано 759 611 десятин², или 24⁰%. По отдельным губерниям этот процент составил:

По Ковенской	19	По Минской	41
» Виленской	16	» Витебской	17 ³
» Гродненской	12		

По отдельным уездам, по тем же данным, процент был еще выше. Так, по Бобруйскому уезду, Минской губернии, он составлял 52, по Мозырскому уезду, той же губернии, — 92, а по Речицкому — 98⁴. Однако эти цифры не могут рассматриваться как абсолютно точные, так как количество земли, отводимой крестьянам по уставным грамотам, определялось помещиками далеко не точно, что обнаруживалось при измерении земли, произведенном по распоряжению поверочных комиссий. К тому же нередко неудобные земли включались по уставным грамотам в состав крестьянского надела как удобные, а при составлении выкупных актов исключались из его состава. Основание для подобного вывода дает нам анализ 103 выкупных актов Виленского уезда, Виленской губернии, и 52 актов Игуменского уезда, Минской губернии⁵. Из 103 выкупных актов Виленского уезда по 38 количество земли, отведенной крестьянам в надел, по сравнению с уставной грамотой не увеличивается, а, наоборот, абсолютно уменьшается, хотя, как известно, никаких отрезок земли не производилось⁶. Это номинальное

¹ «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 590. Как указывает Рихтер, общее количество выкупных актов составляло по Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и Витебской губерниям 9288 (там же, стр. 589). Данные по Могилевской губернии авгором не приводятся.

² Там же, стр. 590.

³ Там же.

⁴ См. Д. Рихтер, Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России, «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 590.

⁵ Отбор указанных выше актов из общего количества производился нами на основе порядка расположения их в архивной описи

⁶ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 3, д. 354, 355, 358, 360, 370, 372, 374 на селение Солечники, 377, 379, 380, 384, 394, 395, 401, 402, 404, 405, 412, 414, 415, 419, 424, 427, 432, 438, 449, 450, 453. Сажени до 1200 кв сажен отбрасывались, свыше — принимались за десятину

уменьшение являлось большей частью результатом дополнительного измерения, производившегося по указанию поверочных комиссий. Например, в имении Ловмяны помещицы Е. Границкой по уставной грамоте числились 52 десятины земли, а по выкупному акту — 50¹. При этом указывалось, что «разница в количестве земли произошла вследствие измерения крестьянского надела и наделения четверых крестьян»². Принимая во внимание, что указанные крестьяне получили 12 десятин земли, нетрудно видеть, что в действительности по уставной грамоте крестьянский надел составлял не 52 десятины, а всего 38. В имении Каменный Лог помещицы Гриневицкой³ по уставной грамоте числилось 567 десятин земли, по выкупному же акту — 515, при этом было наделено вновь пять батраков трехдесятичными участками. Следовательно, по уставной грамоте крестьяне фактически получили не 567, а только 500 десятин земли. В имении Стырня помещика Завадзского⁴ по уставной грамоте числилось 375 десятин, по выкупному же акту — 371, к тому же безземельные получили дополнительно 46 десятин. Таким образом, фактически крестьяне получили по уставной грамоте не 375, а 325 десятин. В трех случаях (из рассматриваемых нами 38 актов) уменьшение надела по сравнению с уставной грамотой произошло из-за перевода поверочной комиссией части земли в разряд неудобной⁵. Так, в имении Верки князя Витгенштейна по уставной грамоте числились предоставленными в надел 1440 десятин, а по выкупному акту — 1334. При этом указывалось, что часть земли, числившейся как удобная, по жалобе крестьян перечислена поверочной комиссией в разряд неудобной⁶.

По остальным 65 рассматриваемым нами выкупным актам Виленского уезда количество отведенной крестьянам земли превышает размеры ее по сравнению с уставными грамотами. Однако это отнюдь не говорит о том, что в этих случаях размеры наделов по уставным грамотам соответствовали их реальной величине. Наоборот, в 12 актах ука-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 3, д. 412

² Там же.

³ Там же, д. 415.

⁴ Там же, д. 449.

⁵ Там же, д. 358, 383, 395.

⁶ Там же, д. 383.

зывается, что изменение величины надела произошло в результате дополнительного измерения его¹. При этом в 5 случаях из 12 отведенный по уставной грамоте надел фактически был больше, чем это значилось². Так, например, в селении Бодбржезь помещика Еленского по уставной грамоте числилось 326 десятин, а в результате дополнительного измерения оказалось 358 десятин и 1711 кв. сажень³.

Помимо этих 12 выкупных актов, по 3 актам часть земли, числившейся по уставной грамоте как удобная, перечислена в разряд неудобных⁴. Следовательно, из 103 рассмотренных выкупных актов в 53 (38 + 12 + 3) изменение размера надела произошло вследствие того, что в уставной грамоте он был указан неверно.

Изучение выкупных актов по Виленскому уезду дает основание еще для одного вывода: увеличение размера крестьянских земель по сравнению с уставными грамотами происходит исключительно за счет наделения безземельных, а не за счет увеличения существующих наделов.

Обратимся к данным 52 выкупных актов по Игуменскому уезду, Минской губернии. Так же как и по Виленской губернии, выкупные акты по Игуменскому уезду указывают, что определение в уставных грамотах количества земли, отведенного в надел крестьянам, далеко не всегда соответствовало тому, что дано им было в действительности. Так, по 13 выкупным актам крестьяне получили земли меньше того, что значилось за ними по уставным грамотам, хотя, как известно, никакого уменьшения надела не производилось⁵. Более того, в 10 из этих актов указывается о дополнительном наделении безземельных крестьян, произведенном после составления уставных грамот. Так, например,

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 3, д. 369, 376, 377 на селение Заржеце, д. 387, 390, 398, 400 на селение Геймишки, д. 418, 442, 444, 448

² Там же, д. 377 на селение Заржеце, д. 387, на селения Поповщазне и Соленики, д. 388, 442 По другим восьми актам нельзя установить, в какую сторону произошло изменение в результате измерения, так как количество крестьян, наделенных землей, в выкупных актах не указано

³ Там же, д. 442.

⁴ Там же, д. 374, 392, 433

⁵ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 18, д. 380, 392, 399 на селения Журавское и Корзуновское, 405, 410, 423, 424, 426, 434, 439, 442, 444.

в селении Журавском помещика Ваньковича по уставной грамоте числились предоставленными крестьянам 484 десятины земли, по выкупному же акту количество ее определяется в 468 десятин, при этом 13 крестьян были вновь наделены полевыми участками¹. В имении Замостье помещика Ельского по уставной грамоте за крестьянами числились 694 десятины, а по выкупному акту — 623, к тому же после составления уставной грамоты 10 крестьян были вновь наделены землей².

Причина такого явления заключалась большей частью в том, что действительные размеры наделов не соответствовали тому количеству земли, которое указывалось в уставных грамотах. Это обнаруживалось при дополнительном измерении, производившемся, как и в Виленской губернии, поверочными комиссиями. В других случаях это, опять-таки так же как и в Виленском уезде, объяснялось отводом крестьянам неудобных земель, которые потом исключались из состава надела. В имении Дудзичи помещика Ельского по уставной грамоте числилось 812 десятин земли, а по выкупному акту — 650; 156 десятин были перечислены в разряд неудобных земель³.

Несоответствие между действительными размерами отведенной крестьянам по реформе земли и фиксацией этого в уставных грамотах можно обнаружить и при анализе других выкупных актов. Так, в селении Городище помещика Ваньковича по уставной грамоте числилось 1120 десятин земли, а по выкупному акту — 1122, в то время как после составления уставной грамоты было вновь наделено землей 19 крестьян⁴. В другом случае по проверке оказалось земли больше, чем указывалось в уставной грамоте. В селе Поречье, принадлежавшем помещику Витгенштейну, числилось 587 десятин, а в действительности оказалось 600 десятин⁵. Таким образом, из 50 выкупных актов Игуменского уезда в 15 (13 + 2) действительный размер земли, отведенной крестьянам, не соответствовал тому, что было указано в уставных грамотах. Все это говорит о том, что

¹ ЦГИАЛ, ф Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 18, д. 399.

² Там же, д. 423.

³ Там же, д. 424.

⁴ Там же, д. 393.

⁵ Там же, д. 407.

голько на основе изучения выкупных актов можно точно установить действительные размеры наделов, которые крестьяне получили в результате реформы 1863 г.

Второй вывод, вытекающий из данных выкупных актов по Игуменскому уезду, противоположен сделанному нами по Виленскому. Если в Виленском уезде увеличение крестьянской земли производилось исключительно за счет наделения безземельных, то в Игуменском наряду с этим наблюдается также увеличение существующих наделов, порой весьма существенное. Так, из 52 актов по 12 были увеличены крестьянские наделы¹. При этом в отдельных случаях увеличение надела составляло более 50%. В селе Заозерье помещика Ваньковича по уставной грамоте числилось 740 десятин, а по выкупному акту — 1122². В селе Рудня-Черневская помещика Веренько по уставной грамоте числилось 310 десятин, по выкупному акту — 498 (наделение вновь не производилось)³, в селе Замосточе того же помещика по уставной грамоте — 385, по выкупному акту — 600 десятин (при этом безземельные получили 44 десятины)⁴. Наконец, в селе Самуелево князя Витгенштейна по уставной грамоте числилось 1059 десятин, а по выкупному акту — 1804⁵. Из 12 указанных выше выкупных актов по 5 увеличение достигало свыше 50%⁶.

По данным Д. Рихтера, в результате реформы 1863 г. были вновь наделены землей как бывшие крепостные, так и другие категории безземельного крестьянства. Общее количество этих дворов по отдельным губерниям составило⁷.

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 18, д. 394, 396, 400, 402, 413, 428, 432, 433 Увеличение существующих наделов могло иметь место и в других селениях, однако определить это при условии незначительного увеличения земельной площади и одновременного наделения безземельных довольно трудно

² Там же, д. 394.

³ Там же, д. 400

⁴ Там же

⁵ Там же, д. 402

⁶ Там же, д. 394, 400, 402, 428

⁷ См. Д. Рихтер, Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России, «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 603, 605 В эту таблицу, в графу «Крестьяне других категорий», включены нами данные не только о «перешедших в крестьянство из других сословий», но и о «вольных людях» и прочих некрепостных лицах (отставных солдатах, мещанах), также получивших земельный надел

Губернии	Бывшие безземельные крепостные	Крестьяне других категорий
Виленская	10 023	1
Гродненская	5 298	—
Ковенская	14 275	643
Минская	9 419	72
Витебская (по 4 инфляндским уездам)	600	14
	39 615	730

Наиболее точную картину распределения надельной земли по шести так называемым северо-западным губерниям дает следующая таблица (см. табл. на стр. 397, 398).

Помимо надельной земли, за крестьянами по выкупным актам сохранялось право пользования сервитутами (правом выпаса скота на общем с помещиком выгоне, а также в лесах помещика, правом пользоваться лесными покосами, топливом и т. д.). По данным Рихтера, на основе анализа им 8961 сделки (96% общего числа заключенных в Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и так называемых инфляндских уездах Витебской губернии) сервитутами пользовались 129 442 двора из общего количества 236 576 дворов¹, а именно:

Правом выпаса скота на общем с помещиком выгоне пользовались	71 854 двора
Правом выпаса скота в лесах помещиков пользовались	73 436 дворов
Лесными покосами пользовались	443 двора
Лесными материалами »	13 дворов
Топливом »	71 двор
Бортневым промыслом занимались	487 дворов
Рыбной ловлей »	9 540 »
Правом мочить лен и пеньку пользовались	104 двора
» держать мельницы »	190 дворов
» добывать гипс на земле помещика пользовались	56 »

¹ См. Д. Рихтер, Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России, «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 590—591.

**Распределение наделной земли между бывшими помещичьими крестьянами литовских
и белорусских губерний**

(По данным «Статистики поземельной собственности и населенных мест Европейской России»
вып. V, Спб. 1882)

Губерния	Получили земли (в дес.)											
	всего		до 1		от 1 до 1,5		от 1,5 до 2		от 2 до 3		от 3 до 4	
	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ
397 Виленская . . .	50 992	193 059	—	—	65	209	258	1 284	6 765	28 562	21 120	82 166
Ковенская . . .	41 287	180 087	138	1 032	257	1 728	1 046	6 583	6 232	33 989	9 821	42 802
Гродненская . .	46 997 ¹	178 271	114	640	849	3 588	2 107	9 476	12 287	49 812	15 777	59 663
Минская	87 712 ²	286 054	229	690	212	500	840	3 568	12 223	43 209	19 708	70 178
Витебская . . .	66 282 ³	211 363	44	132	55	345	92	501	5 728	21 701	23 755	83 438
Могилевская . .	110 865 ⁴	264 441	330	652	256	854	577	1 717	3 286	8 609	13 227	33 677
Итого .	411 920	1 313 275	855	3 146	1 694	7 224	4 920	23 129	46 551	185 881	103 408	371 924

¹ Из них 705 дворов на общинном землевладении.

² Из них 3 342 двора на общинном землевладении.

³ Из них 35 349 дворов на общинном землевладении.

⁴ Из них 106 666 дворов на общинном землевладении.

Губерния	Получили земли (в дес.)											
	от 4 до 5		от 5 до 6		от 6 до 7		от 7 до 8		от 8 до 10		свыше 10	
	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ
Виленская . . .	17 165	61 074	3 738	13 235	1 578	5 438	215	708	79	341	9	42
Ковенская . . .	9 464	39 742	7 187	29 075	3 058	11 641	1 534	6 252	1 799	5 471	751	1 772
Гродненская . .	9 635	33 882	4 314	14 831	1 220	4 165	555	1 767	110	387	29	60
Минская	17 860	60 617	13 418	44 563	6 254	17 969	4 468	12 659	5 023	13 823	7 477	18 278
Витебская . . .	26 647	77 648	8 017	22 010	1 415	3 480	235	1 347	217	576	77	185
Могилевская . .	53 134	127 248	27 517	64 025	9 382	20 885	2 117	4 551	810	1 790	229	433
Итого .	133 905	400 211	64 191	187 739	22 907	63 578	9 124	27 284	8 038	22 488	8 572	20 770

Из общего числа дворов, пользовавшихся сервитутами, 22 719 пользовались одновременно двумя и более сервитутами.

Как видно из вышеизложенного, крестьяне пользовались в основном пастбищным сервитутом. Некоторое распространение имело также право рыбной ловли. Что касается остальных видов сервитутов, то они имели весьма незначительное распространение.

Наряду с увеличением земельных наделов в результате реформы были понижены повинности. По уставным грамотам средний размер повинностей был равен 2 р. 14 к. за десятину, по выкупным актам — 77 коп.¹ Таким образом, повинности были понижены на 64⁰/₁₀₀. По отдельным губерниям процент понижения был различный²:

По Ковенской	43
» Виленской	65
» Витебской	59
» Минской	75
» Гродненской	69

В абсолютных цифрах по губерниям это понижение было следующим³:

По Виленской	с 2 р. 11 к. до 74 к.
» Гродненской	с 2 р. 15 к. до 67 к.
» Ковенской	с 2 р. 25 к. до 1 р. 49 к.
» Минской	с 1 р. 99 к. до 48 к.
» Витебской (4 уезда)	с 2 р. 51 к. до 1 р. 4 к.

По отдельным уездам процент колебания был весьма значительный⁴. Так, в Виленской губернии по уставным грамотам наивысшие платежи (2 р. 67 к.) были в Дисненском уезде, низшие — в Лидском (1 р. 79 к.), по выкупным платежам высший — в Виленском уезде (87 к.), низший — в Ошмянском (66 к.); в Гродненской губернии по уставным грамотам наивысший — в Гродненском уезде (2 р. 45 к.), наименьший — в Белостокском (1 р. 26 к.), по выкупным же актам наивысший — в Кобринском уезде

¹ См. Д. Рихтер, Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России, «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 590.

² См. там же. Как и в вопросе о наделах, не приводятся сведения по Могилевской губернии и по белорусским уездам Витебской губернии.

³ См. там же, стр. 601.

⁴ См. там же.

(83 к.), наименьший — в Слонимском (51 к.); в Ковенской губернии по уставным грамотам наивысший — в Поневежском уезде (3 р. 13 к.), наименьший — в Тельшевском (1 р. 94 к.), по выкупным платежам наивысший — в Поневежском уезде (1 р. 91 к.), наименьший — в Новоалександровском (1 р. 3 к.); в Минской губернии по уставным грамотам наивысший — в Новогрудском уезде (2 р. 57 к.), наименьший — в Мозырском (1 р. 28 к.), по выкупным актам наивысший — в Слуцком уезде (72 к.), наименьший — в Мозырском (27 к.); наконец, в Витебской губернии (по четырем так называемым инфляндским уездам) по уставным грамотам наивысший — в Люцинском и Двинском уездах (2 р. 62 к.), наименьший — в Режицком (2 р. 42 к.), по выкупным актам наивысший — в Дризенском и Двинском уездах (1 р. 7 к.), наименьший — в Люцинском (94 к.).

Колебания внутри уездов были также значительны. На основе анализа 103 выкупных актов Виленского уезда средний размер повинностей за 1 десятину земли¹ по уставным грамотам составлял 2 р. 15 к., наивысший — 3 р. 5 к.², наименьший — 1 р. 8 к.³ Средний размер повинностей по выкупным актам составлял за десятину земли 98 к.⁴ Однако по отдельным имениям размер повинностей был весьма различен. Так, по селению Буйки повинности за десятину земли составляли 61 к.⁵, а по селению Гельванки — 1 р. 49 к.⁶ В силу всего этого и процент понижения был в разных селениях также различный. По Игуменскому уезду, Минской губернии, анализ 52 выкупных актов дает средний размер повинностей за десятину земли по уставным грамотам в 2 р. 1 к.⁷ Наивысший размер повинностей по уставной грамоте составлял 2 р. 95 к.⁸ (по селению Зазерье), и наименьший — 1 р. 15 к. (по селению Щитковичи)⁹. По выкупным

¹ Установлено на основе анализа выкупных актов по Виленскому уезду (ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 3, д. 354—453).

² Там же, д. 446 на селение Вилейкишки.

³ Там же, д. 449 на селение Стырня.

⁴ Там же, д. 354—453.

⁵ Там же, д. 414.

⁶ Там же, д. 429.

⁷ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 18, д. 378, 380, 384, 385, 388—390, 392—394, 396, 397, 399, 400, 402, 405, 407, 410, 411, 413, 414, 423, 424, 426—428, 432—435, 438—446.

⁸ Там же, д. 394.

⁹ Там же, д. 407.

же актам повинности за десятину земли равнялись в среднем 61 к.¹ При этом по отдельным селениям повинности колебались от 1 р. 6 к. (селение Вендежа)² до 44 к. (селение Щитковичи)³.

Несмотря на столь значительное понижение повинностей, выкупная цена земли на основе капитализации этих повинностей не соответствовала ее действительной стоимости. По данным Министерства государственных имуществ, выкупные платежи государственных крестьян в северо-западных губерниях, соответствовавшие существующим ценам на землю, были ниже, нежели у помещичьих крестьян.

По сравнению со средними выкупными платежами помещичьих крестьян выкупные платежи государственных крестьян были ниже⁴ в Виленской губернии на 0,1—40,9%, в Гродненской — на 13,3—82,4%, в Минской — на 19,5—56,5%, в Ковенской — на 4,1—42,9%. По Могилевской губернии выкупные платежи помещичьих крестьян составляли от 79 к. до 1 р. 96 к., в то время как в «однохарактерных» селениях государственных крестьян они составляли от 14,5 к. до 1 р. 88,5 к.; по Витебской губернии в помещичьих селениях — от 82 к. до 2 р. 21 к., в «однохарактерных» же казенных — от 21,75 к. до 1 р. 80,25 к.⁵

Все это говорит о том, что помещичьи интересы отнюдь не были ущемлены, а наоборот: цена земли по выкупу включала в себя не только стоимость земли, но и в некоторой степени стоимость феодальных повинностей.

В результате реформы 1863 г. белорусское и литовское крестьянство увеличило свои земельные наделы, главным образом за счет тех земель, которые были отрезаны у них в 1857—1861 гг., т. е. в период от опубликования рескриптов до утверждения Положений 19 февраля. «Это обезземливание, — указывалось в отчете Главного комитета об устройстве сельского состояния, — приняло особенно широкие размеры по воследованию в 1857 году высочайших

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 18, д. 378, 380, 384, 385, 388—390, 392—394, 396, 397, 399, 400, 402, 405, 407, 410, 411, 413, 414, 423, 424, 426, 428, 432—435, 438—446.

² Там же, д. 389.

³ Там же, д. 407.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1869 г., д. 172, л. 5, 21, 22, 32.

⁵ Там же, л. 70, 88.

рескриптов, возвестивших предстоящее преобразование земельных отношений»¹.

В результате польского национально-освободительного движения крестьянам Белоруссии и Литвы были возвращены отрезанные у них земли и значительно облегчены условия выкупа земель. В отличие от внутренних губерний феодальные производственные отношения здесь были ликвидированы в 1863 г.

* *
*

Вопрос о введении обязательного выкупа возник и в отношении Правобережной Украины. Однако киевский генерал-губернатор Анненков не являлся сторонником подобной меры. Это видно из его письма, написанного им, по-видимому, до 1 марта 1863 г. и предназначавшегося кому-то из представителей высшей петербургской администрации, возможно министру внутренних дел. В этом письме он, касаясь предположений о введении обязательного выкупа в литовских губерниях, указывал, что эта мера не сможет быть полезной «потому уже, что прямо нарушает права собственности, как всякая мера несправедливая будет иметь в нравственном отношении последствия вредные»². Позднее, когда вопрос о введении обязательного выкупа в литовских и белорусских губерниях был решен положительно, он аргументировал свою точку зрения иначе, т. е. пытался доказать, что введение обязательного выкупа не улучшит положения крестьянства.

В секретном письме министру внутренних дел в июне 1863 г. Анненков, говоря о большой роли, которую сыграло крестьянство в деле подавления польского восстания, отмечал, что это привело к ненормальным отношениям между помещиками и крестьянами. «...с одной стороны, — писал он, — крестьяне стали уклоняться от возвращения к прежнему порядку, отказываясь от отработывания издельной повинности и даже от платежа оброка в некоторых оброчных имениях, а, с другой, поляки, увидя дело свое здесь проиг-

¹ «Отчет Главного комитета об устройстве сельского состояния за девятилетие с 19 февраля 1861 года по 19 февраля 1870 года» Спб. 1870, стр. 49.

² ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, оп. т. XV, 1863 г., д. 38, л. 45.

ранным, стали усиленно жаловаться на неисполнение крестьянами следуемых... повинностей и настойчиво домогаться исправного отбывания таковых»¹. Указывая, что восстанавливать нормальные отношения между помещиками и крестьянами путем «принудительных мер и содействием войск» было бы нецелесообразно, он полагал что обязательный выкуп представлял бы собою самое удобное средство для достижения этой цели, если бы эта мера не содержала в себе «важные неудобства». По мнению Анненкова, эта мера не решает важнейшей задачи реформы — улучшения положения крестьян, так как основной вопрос заключается в обеспечении крестьян землей в должном количестве, а не в способах ее выкупа. Далее он указывал, что помещики и в настоящее время различными путями стремятся уменьшить количество земли, которой крестьяне пользуются. «Ко мне, — писал он, — непрерывно поступают от крестьянских обществ жалобы на перемену у них помещиками лучших земель на худшие и даже на уменьшение в натуре поземельных наделов против того количества, которым они пользовались прежде, а равно на несоответствующую действительной стоимости оценку земли и тягость оброка... Помещики под влиянием мысли, что земли эти рано или поздно отойдут от их владения, старались почти повсеместно произвести обмен угодий в свою пользу и лучшие крестьянские поля заменяют худшими, а нередко в меньшем количестве против прежнего»².

Исходя из того, что к моменту издания Положений 19 февраля в пользовании крестьян находились отнюдь не те земли, которые числились за ними по инвентарям, и что оценки их не соответствовали действительной стоимости, так как производились по этим инвентарям, Анненков полагал более целесообразным вместо обязательного выкупа дать такое направление крестьянской реформе, «которое облегчило бы крестьянам приобретение достаточной для обеспечения их благосостояния поземельной собственности на наиболее выгодных для них условиях, в чем наилучшими судьями могут быть сами крестьяне. В этой цели, — продолжал он, — необходимо содействие правительства к совершению добровольных выкупных сделок с отстранением по

¹ ЦГИАЛ, ф Земского отдела, № 1291, оп 33, 1863 г, д 53
л 10

² Там же. л 13

возможности препятствий, которые могли бы встретиться к тому в недоброжелательстве в сословных интересах и политических расчетах польских землевладельцев в крае»¹. С этой целью он предлагал создать особые поверочные или посреднические комиссии, которые должны были бы обеспечить «соглашение помещиков и крестьян к немедленному заключению выкупных сделок и обеспечения за крестьянами возможно выгодных поземельных угодий»². Поверочные комиссии должны были бы осуществить поверку крестьянских наделов в целях определения действительного качества и ценности их, а также разграничить помещичьи и крестьянские угодья. Состав поверочных комиссий, по мнению Анненкова, должен был определяться выборными в равном количестве от помещиков и крестьян под председательством «нейтрального члена от правительства, назначенного от лиц православного исповедания»³.

Итак, мы видим, что Анненков выступал решительным противником обязательного выкупа. Противопоставление им обязательного выкупа «иному направлению крестьянской реформы» являлось не чем иным, как демагогическим приемом, так как введение обязательного выкупа отнюдь не противоречило тем мерам, которые рекомендовал киевский генерал-губернатор. Точка зрения Анненкова не встретила, однако, поддержки ни в Министерстве внутренних дел, ни в Главном комитете об устройстве сельского состояния.

В своем докладе от 4 июля министр внутренних дел Валуев, выражая свое несогласие с точкой зрения Анненкова, указывал на необходимость введения обязательного выкупа, распространив его на имения как польских, так и русских помещиков. При этом Валуев указывал, что в имениях, принадлежащих русским помещикам, «крестьяне подстрекаются к беспорядкам еще более, чем в польских...»⁴ По мнению Валуева, создание поверочных комиссий в таком виде, как это предполагалось Анненковым, замедлит ход крестьянского дела и усилит раздражение крестьян против помещиков. Сведения же, поступающие с мест, указывал он, «требуют немедленной и быстрой развязки дела: для укрепления в крестьянах той преданности к правительству,

¹ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, оп. 33, 1863 г., д. 53. л. 14.

² Там же.

³ Там же, л. 15.

⁴ Там же, л. 48

которую они до сих пор постоянно оказывали, для устранения от администрации необходимости принуждать крестьян силой к исполнению повинностей к ненавистным для них помещикам-полякам, для отнятия у сих последних возможности подстрекать крестьян...»¹ В силу всего этого Валуев решительно настаивал на немедленном введении обязательного выкупа в губерниях Правобережной Украины². Главный комитет об устройстве сельского состояния 8 июля принял решение о необходимости введения обязательного выкупа в Юго-Западном крае.

В соответствии с этим 23 июля 1863 г. Валуев сделал представление в Главный комитет об устройстве сельского состояния, о введении обязательного выкупа. В этом представлении он подробно останавливался на положении в юго-западных губерниях, подчеркивая отличие существовавшей здесь обстановки от обстановки в северо-западных губерниях к моменту введения обязательного выкупа. Действительно, в северо-западных губерниях к 1 марта 1863 г., т. е. к моменту введения обязательного выкупа, было заключено всего лишь 10 выкупных сделок, касавшихся 1165 душ³. При этом ни одна из этих сделок не была утверждена Главным выкупным учреждением. В губерниях же Правобережной Украины к июлю 1863 г. были заключены 1052 сделки и требования, касавшиеся 220 802 душ крестьян, при этом 119 сделок уже были утверждены Главным выкупным учреждением⁴. Процент крестьян по утвержденным сделкам по отношению к общему числу помещичьих крестьян этих губерний составлял немногим более 3, а по всем — более 15⁵.

Как указывал Валуев, по проекту закона все сделки, утвержденные к моменту издания его Главным выкупным учреждением и губернским по крестьянским делам присутствием, остаются в силе. Следовательно, не менее 100—150 тыс. крестьян должны были сохранить прежние условия выкупа, т. е. уплатить помещику дополнительный платеж. «Крестьяне эти, — писал Валуев, — вероятно, будут недо-

¹ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, оп. 33, 1863 г., д. 53, л. 55.

² Там же, л. 57—58. Валуев при этом ссылался на мнение киевского и волынского губернаторов, считавших необходимым введение обязательного выкупа.

³ Там же, л. 65.

⁴ Там же, л. 66.

⁵ Там же.

вольны, что они поторопились прекратить (обязательные отношения) и через то вовлеклись в такие для себя траты, от которых будут освобождены остальные крестьяне»¹. Однако, по его мнению, это не представляет какой-нибудь угрозы. Так, «сравнительно незначительное число крестьян (может быть, немногим более 10⁰/о), которое подвергнется невыгодам прекращения обязательных отношений по выкупным сделкам, не может возбудить опасения важных беспорядков»².

25 июля Главный комитет об устройстве сельского состояния принял единогласное решение распространить на Киевскую, Волынскую и Подольскую губернии указ 1 марта 1863 г. о прекращении обязательных отношений крестьян к помещикам в северо-западных губерниях со следующими изменениями: 1) в северо-западных губерниях перевести крестьян с барщины на оброк, уменьшенный на 20⁰/о, в украинских же губерниях — на уменьшенные против оброка в том же размере выкупные платежи; 2) оставить в силе все сделки и требования, утвержденные Главным выкупным учреждением, а также губернским по крестьянским делам присутствием (если они будут признаны правильными Главным выкупным учреждением)³.

30 июля это решение Главного комитета было утверждено Александром II. 8 октября 1863 г. были утверждены также «Правила о порядке обращения по именным Киевской, Волынской и Подольской губерний уставных грамот в выкупные акты»⁴.

Согласно этим правилам обращение уставных грамот в выкупные акты должно было производиться мировыми посредниками «по указанию и при ближайшем руководстве уездных мировых съездов»⁵. В связи с этим в состав мирового съезда вводился особый член от правительства, который до утверждения всех выкупных актов председательствовал на съезде вместо прежнего председателя — уездного предводителя дворянства. Член от правительства опреде-

¹ ЦГИАЛ, ф Земского отдела, № 1291, оп 33, 1863 г, д 53 л 67.

² Там же

³ ЦГИАЛ, ф Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп 2, журнал № 30, 25 июля 1863 г

⁴ ЦГИАЛ, ф Земского отдела, № 1290, оп 33, 1863 г, д 53 л 164—177

⁵ Там же, л 164

лялся министром внутренних дел по согласованию с министром финансов.

Мировым съездам предлагалось производить поверку правильности составления уставных грамот «с правом исправления неправильно составленных грамот как относительно надела, так и относительно выкупных платежей»¹

Как только мировые съезды приступили к поверке уставных грамот и обращению их в выкупные акты, к ним начали поступать массовые жалобы от крестьян на несоответствие выкупных платежей стоимости земель. Действительно, земля по выкупу обходилась крестьянину значительно дороже ее стоимости, в силу чего требовалось дополнительное понижение выкупных платежей. Данный вопрос достаточно подробно освещается в письме вице-президента Временной комиссии, созданной при киевском генерал-губернаторе для поверки уставных грамот, Г. П. Галагана, сообщавшего об этом С. М. Жуковскому, являвшемуся управляющим делами Главного комитета об устройстве сельского состояния. «Дело не в том, — сообщал он в своем письме от 30 июня 1864 г., перлюстрированном III отделением, — что в известных имениях или в целых группах имений качество земли и прочие условия нисколько не соответствуют платежу (это само по себе требует исправления), а дело в том, что... требуется в крае общее понижение повинностей. Иначе крестьянин будет или вечным недоимщиком, если с него и сдерут платежи, то его быт не улучшится, а ухудшится.. Может ли быть иначе, — продолжал он, — когда во многих местностях Волынской и Подольской губерний после указа 30 июля крестьяне отказались от дополнительных наделов и потом эти же наделы берут у помещиков в аренду за полцены»².

Об этом же мы находим сведения и в материалах Главного комитета об устройстве сельского состояния. «Средняя оценка земель крестьян-собственников, выведенная из сложности средних цен в 9 местностях края, — указывалось в журнале Главного комитета, — превышает люстрационную оценку слишком на 153% и продажную более чем на 84%, что во всех помещичьих имениях, где только есть вольные

¹ ЦГИАЛ, ф Земского отдела, № 1290 оп. 33, 1863 г., д 53, л 166

² ЦГИАМ, ф III отделения, № 109, секретный архив, оп 3 д 2095, л 7—8

съемщики земли — так называемые чиншевики, они везде платят оброк помещикам значительно ниже определенного для крестьян-собственников»¹.

Как сообщал Галаган в цитированном выше письме, с февраля месяца во Временной комиссии обсуждался вопрос о необходимости общего понижения выкупных платежей. Однако это вызывало сильное противодействие со стороны президента комиссии — генерал-губернатора Анненкова. «Мы, — писал Галаган, — предлагаем: 1-е — исправление линий (границ. — П. З.) местностей, которые во многих местах неверны до нелепости; 2-е — общее понижение платежей на 20% сверх обыкновенной сбавки дополнительного платежа и 3-е — в исключительных случаях по отдельным имениям сбавка может быть и более чем на 20%...»²

Если Анненков выступал противником этого проекта в целом³, то Валуев поддерживал его частично, не соглашаясь на общее понижение выкупных платежей. Этот вопрос обсуждался в августе 1864 г. в Главном комитете об устройстве сельского состояния, причем восторжествовала точка зрения Валуева. Главный комитет вынес решение, предоставляющее право губернским по крестьянским делам присутствиям при утверждении выкупных актов понижать выкупные платежи в размере до 15%. «...если же окажется необходимым сделать понижение более чем на 15%, — указывалось в решении комитета, — то губернские присутствия обязаны представлять о том на разрешение Киевской временной комиссии, которая по особо уважительным причинам допускает понижение в высшем против 15% размера»⁴. Одновременно с этим выкупные сделки и требования, рассмотренные губернскими по крестьянским делам присутствиями до 30 июля 1863 г. и не утвержденные Главным выкупным учреждением, приостанавливались дальнейшим утвержде-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. 2, журнал № 26, 24 августа 1864 г.

² ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, секретный архив, оп. 3, д. 2095, л. 9.

³ В цитированном выше письме Анненкова, относящемся к началу 1863 г., он, говоря об оброке, установленном Положением 19 февраля 1861 г. для юго-западных губерний, писал, что этот оброк «по превосходному качеству почвы и по удобству сбыта произведений легок и удобен» (ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1863 г., д. 38, л. 45).

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. 2, журнал № 26, 24 августа 1864 г.

нием и подлежали пересмотру. В случае же поступления жалоб от крестьян на обременительность выкупных платежей по окончательно утвержденным и приведенным в исполнение сделкам Киевской временной комиссии предоставлялось право «входить в соображения о возможности облегчения крестьян и предоставлять свое заключение по каждому отдельному случаю министру внутренних дел для надлежащих сношений с Министерством финансов или для внесения дела в Главный комитет об устройстве сельского хозяйства»¹.

В течение 1863—1864 гг. реализация реформы 1863 г. проводилась весьма медленно из-за противодействия генерал-губернатора Анненкова, являвшегося, как указывалось выше, противником обязательного выкупа. В начале 1865 г. на пост киевского генерал-губернатора и командующего войсками округа был назначен генерал-адъютант Безак, которому были даны в Петербурге указания в отношении скорейшего завершения реформы и проведения русификаторской политики на Правобережной Украине.

Характеризуя состояние крестьянского дела на Правобережье, Безак вскоре после своего назначения писал Александру II: «Вашему величеству известно, в каком шатком положении находилось здесь это дело в начале нынешнего года. Высшая администрация, состоящая из генерал-губернатора и Временной комиссии, страдала от несогласия во взгляде на предмет, а губернские присутствия не пользовались предоставленными им правами. Через это мировые деятели, направляемые не одною властью и мыслию, поступали до чрезвычайности разнообразно, причем самый состав мировых учреждений оставлял многого желать... В прошедшем году, — продолжал он, — совершенно выкупных актов весьма мало, чему можно радоваться, потому что поверка грамот съездами производилась в то время без применения вновь изданных постановлений, вследствие чего все работы 1864 года потребовали пересмотра»².

¹ ЦГИАЛ, ф Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1181, оп 2, журнал № 26, 24 августа 1864 г

² Отдел рукописей ГБЛ, ф Д А Милютин, № 169, д 58/5, копия всеподданнейшей записки генерал-адъютанта Безака, представленной 18 сентября 1865 г., л 31—32

В целях успешной реализации реформы Главный комитет об устройстве сельского состояния принял весной 1865 г. ряд решений, обеспечивавших эту меру. 26 марта был увеличен состав мировых посредников на 30 человек. В результате этого возросло и число мировых участков, а также были созданы наряду с уездными мировыми съездами специальные поверочные отделения, которые должны были заниматься «исключительно поверкою уставных грамот и обращением их в выкупные акты»¹. Создание этих отделений ускоряло процесс проверки уставных грамот, так как благодаря этому в уезде поверкой грамот занимался не один уездный мировой съезд, а одновременно два органа.

Наряду с этим 26 марта Главный комитет принял решение, по которому за крестьянами неразмежеванных имений Юго-Западного края сохранялось право пастбы скота на помещичьих землях, «как находившихся в пару, так... и по снятию с них хлебов вплоть до окончательного отделения крестьянских земель от помещичьих»². Кроме того, одновременно с этим были приняты еще два решения: «Об устранении затруднений, встречаемых при изыскании и восстановлении границ инвентарного надела крестьян в помещичьих имениях Юго-Западного края»³, «О крестьянских фруктовых садах в помещичьих лесах Юго-Западного края»⁴, по которому эти сады должны были быть включены в состав крестьянских наделов, хотя бы они и не числились в инвентарных описях.

Наконец, 8 апреля того же 1865 г. Главный комитет об устройстве сельского состояния принял весьма важное решение «О ведомстве и порядке разбора дел, возникающих в Юго-Западном крае, по прежним выкупным договорам и объявлениям и по новым выкупным актам»⁵. Принципиально новым в этом решении являлось то, что оно предоставляло крестьянам право обжалования и тех выкупных договоров и объявлений, которые были утверждены Главным выкупным учреждением до 30 июля 1863 г., в то время как ранее эти сделки не подлежали ни при каких обстоятельствах пересмотру. В случае обжалования этих сделок миро-

¹ ПСЗ, 2-е собрание, т. XL, № 41978.

² Там же, № 41979.

³ Там же, № 41980

⁴ Там же, № 41981

⁵ ПСЗ, № 42043

вой съезд обязан был установить, «не было ли употреблено при этом принуждения, обмана или подлога»¹.

Это решение было вызвано тем, что при заключении выкупных сделок, оформленных до 30 июля 1863 г., были допущены различного рода злоупотребления. «Неправильный отвод наделов, самовольное разграничение, отобраение инвентарной земли, ложное показание пространства и границ ее, отобраение у крестьян пастбищ, — указывалось в отчете Главного комитета, — повсеместное явление в этих договорах»². Далее указывалось, что эти договоры нередко заключались «от имени крестьян лицами, назначенными помещиком, что при этом употреблялись насилия и угрозы и что в договоры включались условия, на которые крестьяне заявляли свое несогласие»³.

Вполне естественно, что все эти принятые Главным комитетом меры способствовали более быстрой реализации реформы. К концу 60-х годов проверка уставных грамот и обращение их в выкупные акты была в значительной степени выполнена. Так, по данным отчета киевского генерал-губернатора, к 1 июля 1869 г. 83,3% выкупных актов было утверждено Главным выкупным учреждением. По данным этого же отчета, положение в отдельных губерниях было следующим⁴:

Губернии	Число выкупных актов, подлежащих составлению	Из них утверждено Главным выкупным учреждением	Оставалось в производстве	
			в Главном выкупном учреждении	в местных мировых учреждениях
Киевская	1 870	1 645	192	33
Подольская	2 026	1 712	227	87
Воынская	3 505	2 813	382	310
	7 401	6 170	801	430

¹ ПСЗ, 2-е собрание, т. XI, № 42043.

² «Отчет Главного комитета об устройстве сельского состояния за девятилетие с 19 февраля 1861 года по 19 февраля 1870 года», стр. 37

³ Там же.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, д 21, л. 548.

Однако в действительности картина была менее благоприятна, так как общее количество составленных впоследствии выкупных актов было несколько выше указанных в первой графе. Так, в Киевской губернии общее число актов составляло не 1870, а 2259; в Подольской — не 2026, а 2166; в Волынской — не 3505, а 3723¹. Вследствие этого процент окончательно утвержденных актов на 1 июля 1869 г. составлял не 83,3, а 70,3. В силу этого поверка и утверждение выкупных актов производились и на протяжении 70-х годов. По данным за 1878 г., в Подольской губернии из 2169 актов² в Главное выкупное учреждение было представлено 2146³. По Волынской губернии из 3723 актов не было утверждено 48⁴.

Характеризуя деятельность мировых учреждений в 1878 г., волынский губернатор писал в отчете, что эта деятельность «состояла преимущественно в составлении выкупных актов по имениям, в коих выкупные договоры уничтожены, укреплении за крестьянами выкупленных ими по основным и дополнительным актам земель и т. д.»⁵ Таким образом, даже к концу 70-х годов работа по поверке и утверждению выкупных договоров не была еще полностью закончена. По данным Рихтера, анализировавшего 7639 выкупных сделок из общего числа 7994⁶, количество земли увеличилось у крестьян в общей сложности на 18% (с 3 396 533 до 4 016 604 десятин)⁷. Это увеличение про-

¹ Данные по Киевской и Подольской губерниям заимствованы из работы Д. Рихтера «Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России», «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 592; по Волынской губернии — из отчета волынского губернатора за 1878 г. (ЦГИАЛ, ф. № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, д. 28, л. 186).

² По данным Рихтера — 2166 (см. Д. Рихтер, «Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России», «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 592).

³ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, д. 28, л. 138.

⁴ Там же, л. 186.

⁵ Там же.

⁶ По нашим же данным, общее количество их составило 8128

⁷ См. Д. Рихтер, «Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России», «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 597.

изошло за счет восстановления наделов в инвентарных границах. По отдельным губерниям увеличение земельной площади бывших помещичьих крестьян было следующим¹:

Губернии	Земли до перехода на выкуп (в дес.)	Земли после перехода на выкуп (в дес.)	% увеличения
Киевская	1 071 114	1 300 356	21
Подольская	960 412	1 142 251	18
Волынская	1 365 008	1 573 996	15

По отдельным уездам средний процент прирезок колебался весьма сильно: так, по Киевской губернии — от 51% (Сквирский уезд) до 5 (Черкасский уезд); по Подольской — от 9% (Ушицкий уезд) до 27 (Балтский уезд); по Волынской губернии — от 10% (Островский, Дубенский уезды) до 24 (Ковельский уезд)².

Эти данные об увеличении крестьянских наделов совпадают с данными на 1 июля 1869 г., приведенными в отчете киевского генерал-губернатора. Отчет был составлен на основе обработки заключенных к этому времени выкупных актов по Киевской и Подольской губерниям, которые составляли 70,3% общего количества. По этим данным, наделы по Киевской губернии увеличились с 955 467 до 1 199 226 десятин, т. е. на 21%; по Подольской — с 752 217 до 951 649 десятин³, т. е. на 26%. Таким образом, по Киевской губернии данные об увеличении крестьянских земель полностью совпадают, по Подольской же губернии они превышают общие данные на 8%. По поводу этого прироста генерал-губернатор писал в приводимом выше отчете: «В выкупных производствах значит, что такое увеличение количества земли произошло от включения в акты согласно закону выпусков, выгонов, пустопорожних мест, незанятых пространств, пропущенных усадеб, садов и левад, вакансов⁴ и вообще

¹ См *Д. Рихтер*, Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России. «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 597

² Там же, 593, 597.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, д. 21, л. 548

⁴ Или вакантов, т. е. выморочных земель.

инвентарных земель, а преимущественно сенокосов, которые в Подольской губернии были при составлении грамот повсеместно отобраны»¹.

Приведенные данные, характеризующие увеличение крестьянских земель, нельзя рассматривать как абсолютно точные. Рихтер, приводя данные о надельной земле, указывает, что количество этой земли «не всегда точно определено»², так как в части выкупных актов не выделена неудобная земля, вследствие чего определить точно размер прирезок довольно трудно. Об этом же говорит и анализ 104 выкупных актов: 54 — по Уманскому уезду, Киевской губернии, и 50 — по Ямпольскому уезду, Подольской губернии. Обрабатывая их, мы, правда, не встречали такого количества несообразностей, какие имели место в выкупных актах Белоруссии и Литвы, однако и здесь имеется ряд неточностей. Так, например, в селе Ягубец, Уманского уезда, по уставной грамоте крестьянам была предоставлена 791 десятина земли и прирезано 228 десятин. Следовательно, по выкупному акту должно было числиться 1019 десятин. В действительности же в выкупном акте значатся 993 десятины³, т. е. расхождение на 26 десятин. В селе Талаевка, того же уезда, по уставной грамоте числилось 407 десятин, прирезано 28, что должно было составить в общей сложности 435 десятин. В выкупном же акте значится только 416 десятин⁴. В селе Кислина, того же уезда, по уставной грамоте значилось 478 десятин, прирезано 108, следовательно, должно было числиться в выкупном акте 586 десятин. В действительности же значится 565 десятин⁵. Подобных случаев по Уманскому уезду на 54 выкупных акта имеется 11⁶. То же имеет место и в Ямпольском уезде, Подольской губернии, где на 50 вы-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, № 1181, оп т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, д. 21, л. 549.

² Д. Рихтер, Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России, «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 585.

³ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 14, д. 2090 При расчете менее 1200 кв. сажен не принималось во внимание, более — принималось за одну десятину.

⁴ Там же, д. 2091.

⁵ Там же, д. 2059.

⁶ Там же, д. 2042, 2025, 2036, 2055, 2059, 2069, 2070, 2074, 2090, 2091, 2099.

купных актов имеется 7 подобных случаев¹. При этом в двух в результате повторного измерения оказалось земли более, чем значилось в одном случае в уставной грамоте, в другом — по выкупному акту. Так, в селе Еланец, этого уезда, по измерению в 1865 г. оказалось не 771 десятина, как значилось по уставной грамоте, а на 282 десятины больше². В селе Янкулово по выкупному акту числилось 585 десятин, а при измерении в 1873/74 г. оказалось 650 десятин³.

Все это говорит о том, что данные о количестве земли не могут рассматриваться как абсолютно точные.

Переходя к вопросу об обеспеченности бывших помещичьих крестьян землей, необходимо иметь в виду, что на Правобережной Украине распределение земли внутри крестьянства было весьма неравномерно. Крестьяне этих губерний подразделялись на три группы: тяглых, пеших и огородников. Пешие имели так называемый нормальный надел, тягловые — примерно двойной по сравнению с пешим наделом, огородники — лишь приусадебные участки. И пеший, и тягловый наделы по отдельным селениям были различны. Так, в Уманском уезде, Киевской губернии (на основе изучения 54 выкупных актов), размер тягловых наделов составлял от 14 десятин (селение Росохваты)⁴ до 8 десятин 1623 кв. сажен (селение Лезезин)⁵. Размер пешего участка колебался от 8 десятин (Росохваты)⁶ до 3 десятин 2019 кв. сажен (селение Сычевка)⁷. В Ямпольском уезде, Подольской губернии (опять-таки на основе обработки выкупных актов) надел тягловых колебался от 13 десятин 973 кв. сажен (селение Дахтолия)⁸ до 7 десятин 1469 кв. сажен (селение Иваньковец)⁹; пеших — от 9 десятин 637 кв. сажен (селение Пелиновка)¹⁰ до 2 десятин 2114 кв. сажен (селение Телелинец)¹¹; наделы огородников, как правило,

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 29, д. 1855, 1857, 1872, 1882, 1891, 1904, 1924 д. 1891.

² Там же, д. 1891.

³ Там же, д. 1904.

⁴ Там же, оп. 14, д. 2029

⁵ Там же, д. 2097

⁶ Там же, д. 2029.

⁷ Там же, д. 2099.

⁸ Там же, оп. 29, д. 1888

⁹ Там же, д. 1915.

¹⁰ Там же, д. 1892.

¹¹ Там же, д. 1895

были менее десятины и лишь в отдельных случаях несколько превышали эту цифру. По данным Рихтера, в трех губерниях из 504 844 дворов тягловых было 92 255, пеших — 342 710 и огородников — 69879¹. Для более подробной характеристики землевладения бывших помещичьих крестьян этих губерний приведем данные «Статистики поземельной собственности и населенных мест Европейской России»² (см. табл. на стр. 417).

Анализируя эту таблицу, мы видим, что немногим более 70% крестьян имело надел до 3 десятин на душу. Таким образом, обеспеченность крестьян землей в правобережных губерниях была даже и после реформы 1863 г. весьма незначительной. Вторым вывод, который необходимо сделать, анализируя как данные Рихтера, так и «Статистики поземельной собственности», — это известное несоответствие между ними в части, касающейся огородников. Как указывалось выше, по данным Рихтера, дворов огородников насчитывалось 69 879, в то же время, по данным «Статистики», дворов, имевших до 1,5 десятин, насчитывалось лишь 22 239. Это могло явиться следствием того, что при переписи в 1877—1878 гг. не все огородники могли быть включены в разряд крестьян, так как фактически многие из них не занимались сельским хозяйством. Точное количество огородников может быть установлено только на основе обработки всех выкупных актов по отдельным губерниям.

Наряду с надельной землей крестьяне на Правобережной Украине пользовались также сервитутами. По данным Рихтера, на основе изучения им основной массы выкупных сделок из 492 456 учтенных им дворов сервитутами пользовалось 283 088 дворов, что составляло в Киевской губернии 54% всех учтенных дворов, в Волынской — 71, в Подольской — 54%³.

¹ См. *Д. Рихтер*, Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России, «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 585.

² Вып. III, Спб. 1874, стр. 144, 179, 213.

³ См. *Д. Рихтер*, Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России, «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 587

Распределение наделной земли в губерниях правобережной Украины

Губернии	Всего		Получили земли (в дес.)									
	дворов	душ ¹	до 1		от 1 до 1,5		от 1,5 до 2		от 2 до 3		от 3 до 4	
			дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ
Киевская	215 323 ²	546 048 ³	1 412	2 625	7 435	18 194	42 242	104 776	125 029	322 188	23 458	62 468
Подольская . . .	196 310	510 374	1 201	3 375	9 813	29 227	54 093	152 212	100 386	258 682	17 965	42 123
Волынская . . .	139 377	419 358	1 223	3 712	1 155	4 182	6 825	20 723	45 234	136 693	39 064	116 902
	551 010	1 475 780	3 836	9 712	18 403	51 603	103 160	277 711	270 649	717 563	80 487	221 493

¹ В Киевской губернии 80 186 душ пользовались землей на основе общинного владения; в Подольской — 32 492 души, в Волынской — 96 988 душ.

² Итог по поуездным графам дает цифру 215 023.

³ Итог по поуездным графам дает цифру 545 948.

Продолжение

Губернии	Получили земли (в дес.)											
	от 4 до 5		от 5 до 6		от 6 до 7		от 7 до 8		от 8 до 10		свыше 10	
	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ	дворов	душ
Киевская	7 676	16 044	3 076	6 792	2 474	6 942	643	1 837	597	1 629	981	2 453
Подольская . . .	6 399	12 658	3 698	7 091	1 779	3 252	808	1 398	166	353	2	3
Волынская . . .	19 037	56 700	9 837	29 681	6 850	20 292	4 103	12 276	3 631	10 809	2 418	7 388
	33 112	85 402	16 611	43 564	11 103	30 486	5 554	15 511	4 394	12 791	3 401	9 844

Более всего крестьяне пользовались следующими сервитутами¹:

Толокою	162 707	дворов
Общим выгоном	137 858	»
Покосом и выпасом скота в лесах	28 374	двора
Рыбной ловлей	35 104	»
Топливом из леса владельца	16 157	дворов
Остальными сервитутами	16 036	»

Всего 396 236 »

Так как общее число дворов, пользовавшихся сервитутами, составило, как указывалось выше, 283 088, то, следовательно, некоторые из них пользовались одновременно двумя и более сервитутами. По данным Рихтера, это число составляло 90 772 двора.

16 036 дворов, пользовавшихся так называемыми «остальными сервитутами», распределялись следующим образом²:

Общее пользование с помещиком земельными угодьями, остающими в владении первого	1 395	дворов
Бесплатное пользование земельными угодьями до смерти помещика	328	»
Право пользования растущим лесом	1 742	двора
» пользования лесом на постройки и топливо	5 274	»
» пользования камышом и тростником	726	дворов
» разводить фруктовые сады на земле помещика	37	»
» бортного промысла в лесах владельца	646	»
» охоты	861	двор
» устройства плотин	1 178	дворов
» ловить пиявок	24	двора
» мочить лен и пеньку в водах владельца	3 611	дворов
» добывать песок	52	двора
» ломки камня	123	»
» добывания глины	39	дворов

Переходя к вопросу о понижении повинностей, необходимо сказать, что общий процент его был несколько ниже,

¹ Д. Рихтер, Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России, «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 587.

² См. там же, стр. 587—588.

нежели в Литве и Белоруссии. По данным Д. И. Рихтера, этот процент по отдельным губерниям составлял ¹:

По Киевской	41
» Подольской	45
» Волынской	58

В абсолютных цифрах годовые выкупные платежи составляли в среднем ²:

По Киевской	1 р. 64 к.
» Волынской	78 коп.
» Подольской	1 р. 71 к.

По отдельным уездам выкупные платежи были довольно различными. Так, по Киевской губернии наивысший размер платежа был в Чигиринском уезде и составлял 2 р. 24 к., низший — в Радомысльском уезде (70 коп.); в Подольской наивысший — в Каменецком уезде (2 р. 17 к.), низший — в Балтском (1 р. 23 к.); в Волынской губернии высший — в Заславском уезде (1 р. 10 к.), низший — в Овручском (33 коп.) ³. По отдельным селениям того или иного уезда выкупные платежи были также неодинаковы, даже и в тех случаях, если они принадлежали к одной и той же местности. В Уманском уезде, Киевской губернии, принадлежавшем целиком к одной местности, размер выкупных платежей на одну десятину земли составлял от 2 р. 44 к. (селение Сычевка) ⁴ до 1 р. 80 к. (селение Текучи) ⁵. При этом средний платеж по уезду составлял 2 р. 6 к. ⁶ Согласно 50 выкупным актам по Ямпольскому уезду, Подольской губернии, наивысший выкупной платеж с десятины колебался

¹ См. Д. Рихтер, Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих земель и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России, «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 587.

² См. там же, стр. 586.

³ См. там же, стр. 593, 597.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 14, д. 2099.

⁵ Там же, д. 2040.

⁶ См. Д. Рихтер, Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих земель и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России, «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 39, 1900 г., стр. 593.

от 2 р. 77 к. (селение Ивановоц) ¹ до 1 р. 18 к. (селение Ветровка) ². Средний же платеж составил 1 р. 69 к. ³

Несмотря на значительное снижение платежей, составлявшее по всем трем губерниям в среднем 48%, они все же превышали действительную стоимость земли, на что указывают данные Министерства государственных имуществ. На основе этих данных, представленных в Главный комитет об устройстве сельского состояния, по Киевской губернии в близлежащих казенных однохарактерных селениях выкупные платежи были ниже, нежели в бывших помещичьих, на 22 коп. — 2 р. 15 к. ⁴; в Подольской губернии на 70 коп. — 2 р. 19 к. ⁵; в Волынской губернии на 20 коп. — 2 р. 4,5 к. ⁶ «Дабы убедиться, в какой мере жалобы помещиков относительно чрезмерных понижений справедливы, — писал генерал-губернатор Безак Александру II в записке от 18 сентября 1865 г., — я приказал сравнить выкупные платежи, остающиеся на крестьянах Киевской губернии в 400 уже утвержденных актах, с существующими в Полтавской, Черниговской и Херсонской губерниях, и оказалось, что после сделанных понижений киевские крестьяне будут все еще платить более, чем платят крестьяне в двух малороссийских и Херсонской губерниях» ⁷.

Однако понижение выкупных платежей вызывало повсеместные жалобы помещиков. Так, некий помещик Критский из Киева в своем письме редактору реакционной газеты «Весть» В. Д. Скарятину, перлюстрированном III отделением, писал: «Наехавшее в Юго-Западный край чиновничество, не желая с законной строгостью взыскивать с крестьян выкупные платежи, стало доказывать несостоятельность крестьян ко взносу таковых. Наконец, оно добилось, что ему поручено уменьшить повинности крестьян... до неопределен-

¹ ЦГИАЛ, ф. Главного выкупного учреждения, № 577, оп. 29, д. 1915.

² См. там же, д. 1886.

³ См. Д. Рихтер, Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России, «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 3, 1900 г., стр. 593.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, 1869 г., д. 172, л. 56.

⁵ Там же, л. 64.

⁶ Там же, л. 80, 95.

⁷ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, № 169, д. 58/5, л. 33.

ных размеров. В некоторых уездах, — продолжал Критский, — повинности уменьшались на 50%, 65%, даже на 80% независимо от сбавленных 20% по указу 30 июля 1863 года»¹. Подобные жалобы в перлюстрированных письмах встречаются весьма часто. Жалобы помещиков находили нередко поддержку у местных властей. В 1869 г. назначенный вместо Безака киевский генерал-губернатор Чертков в своем отчете опять указывал, что помещики разоряются от «чрезмерного» понижения выкупных платежей².

В действительности же разорялись не помещики, а крестьяне. Количество земли, предоставленное крестьянам в надел в губерниях Правобережной Украины, несмотря на некоторое увеличение его в результате реформы 1863 г., не обеспечивало даже их минимальных потребностей. В одном из самых богатых уездов Правобережной Украины — Староконстантиновском, Волинской губернии, — указывалась в материалах «высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», семья, состоящая из трех ревизских душ при наделе в 6,5 десятины, даже при хорошем урожае не досчитывала в своем бюджете 50 руб., а при среднем урожае — 120 руб.³

Относительно положения крестьян Подольской губернии в докладе этой комиссии говорилось следующее: «При настоящем наделе крестьянин доходом от земли может покрыть все сборы, а для содержания семьи должен зарабатывать вне своего надела... Или, наоборот: надел даст крестьянину возможность при среднем урожае прокормить и одеть свою семью и прокормить скот, но для уплаты всех повинностей и для ремонта скота, построек должен прибегать к заработку»⁴. Эта характеристика еще достаточно оптимистически определяла положение крестьян Подольской губернии, если учесть, что более 80% их получило надел до 3 десятин земли.

¹ ЦГИАМ, ф. III отделения, № 109, секретный архив, оп. 3, д..., л. 14.

² ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, № 1181, оп. т. XV, опись дел, не вошедших в контрольные реестры, 1868 г., д. 21, л. 552.

³ См. «Доклад «высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», Приложение к т. I, отд. III, стр. 148, 149.

⁴ Там же, стр. 137.

В заключение можно сделать следующие выводы относительно результатов реформы 1863 г. на Правобережной Украине. Земельные наделы крестьян были несколько увеличены за счет восстановления инвентарных наделов. Однако полученная земля не обеспечивала минимальных потребностей основной массы крестьянства, в достаточно сильной степени обезземеленного еще до издания инвентарной реформы 1847 г.

Несмотря на понижение выкупных платежей, цена земли по выкупу была выше ее действительной стоимости. Тем самым выкупалась не только земля, но и феодальные повинности.

Большое положительное значение реформы заключалось во введении обязательного выкупа, ликвидировавшего феодальные производственные отношения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Положения 19 февраля 1861 г. создали условия для утверждения в России капитализма как господствующей формации. Несмотря на грабительский характер реформы и сохранение феодально-крепостнических пережитков, она обеспечивала в основном то, что было необходимо для победы капитализма. Главным условием этого явилось личное освобождение крестьян, явившееся основой для появления свободного рабочего, имевшего право «свободно» продавать свой труд. Вместе с этим условием для развития капитализма необходимо и второе — освобождение непосредственного производителя от средств производства. И в этом отношении отмена крепостного права имела большое значение, положив начало процессу разложения крестьянства — возникновению в деревне антагонистических классов: сельскохозяйственной буржуазии и сельскохозяйственного пролетариата. «Содержание крестьянской реформы было буржуазное, — писал В. И. Ленин, — и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем меньше урезывались крестьянские земли, чем полнее отделялись они от помещичьих, чем ниже был размер дани крепостникам (т. е. «выкупа»), чем свободнее от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности. Поскольку крестьянин вырывался из-под власти крепостника, постольку он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала. И после 61-го года, — продолжал В. И. Ленин, — развитие капитализма в России пошло с такой быстротой,

что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»¹.

В результате отмены крепостного права устанавливается относительное соответствие между производительными силами и производственными отношениями, что и обусловило быстрое развитие капитализма. Однако это развитие, как указывал В. И. Ленин, могло бы быть в значительной степени более быстрым, если бы не сохранились феодально-крепостнические пережитки. «Если же, — указывал он, — сравнивать данную быстроту развития с той, которая была бы возможна при современном уровне техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма в России действительно придется признать медленным. И оно не может не быть медленным, ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие...»²

Сохранение на основе Положений 19 февраля на неопределенный срок временнообязанного состояния, означавшего в свою очередь сохранение внеэкономического принуждения, т. е. феодальных производственных отношений, отрезка от крестьян необходимых им земель, условия выкупной операции — все это, естественно, тормозило развитие капитализма, культивируя крепостнические пережитки.

Правительство Александра II прекрасно понимало, что грабительский характер Положений 19 февраля вызовет массовый протест крестьянства, ввиду чего были приняты весьма детально разработанные меры для подавления не только «крестьянских беспорядков», но и ожидавшихся народных восстаний в Петербурге и Москве.

Опубликование Положений и составление уставных грамот протекало в обстановке обостренной классовой борьбы в деревне, принявшей весьма крупные размеры особенно весной 1861 г. Массовые экзекуции, создание органов крестьянского общественного управления, представлявшего собою своеобразную правительственную агентуру в деревне, и, наконец, распространение легенды о «слушном часе» — все это способствовало ослаблению крестьянских волнений.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 95—96.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 527.

С лета 1861 г. крестьянское движение приобретает более локальный характер.

Составление уставных грамот, являвшееся основным этапом проведения в жизнь реформ, встретило серьезное сопротивление крестьянства, большая половина грамот не была подписана ими.

Проведенное нами изучение уставных грамот, относящихся к различным экономическим районам страны, вскрывает весьма разнообразные стороны ограбления крестьян, изменяя в отдельных случаях традиционно сложившееся представление о ходе реализации Положений 19 февраля. Реформу 1861 г., являвшуюся величайшим актом ограбления крестьян, нельзя рассматривать изолированно от предшествующего процесса обезземеливания их, протекавшего весьма интенсивно на протяжении первой половины XIX в. Крестьянские земли были отрезаны главным образом там, где процесс обезземеливания крестьян до реформы протекал медленно. Наиболее интенсивно сбезземеливание крестьян до реформы проходило в юго-западной части Центрально-черноземного района. Отношение крестьян к получению земельного надела определялось в первую очередь соотношением установленного Положением оброка и существующих арендных и продажных цен на землю. Там, где оброк значительно превышал их, крестьяне стремились получить дарственный надел (Саратовская, Самарская, Екатеринославская и другие губернии) либо отказывались от дополнительных участков (Полтавская губерния), предпочитая приобретение либо аренду земли по дешевым ценам. Для основной части крестьян этот расчет оказался явно ошибочным: массовый спрос на землю вызвал быстрый рост как арендных, так и продажных цен. Однако для некоторой части их получение дарственного надела было выгодно. Эта часть крестьянства, получив четвертной надел и располагая деньгами, приобрела по более дешевым ценам землю, что обусловило довольно быстрый рост сельской буржуазии из числа данной категории дарственников.

Ход выкупной операции определялся в значительной степени также соотношением оброка и существующих продажных и арендных цен. Там, где разрыв между ценой земли по выкупу, представлявший собою капитализированный оброк, и существующими арендными ценами был

невелик, заключение выкупных сделок осуществлялось по добровольному соглашению с помещиком. При этом крестьяне в некоторых случаях весьма охотно шли даже на уплату дополнительного платежа. Там же, где этот разрыв был велик, помещики, дабы обеспечить себе дополнительный платеж, вынуждены были идти на различного рода ухищрения в виде предоставления земли «в дар» сверх высшего надела либо на оказание других льгот. Наконец, там, где выкупная цена на землю была особенно высока, помещики считали для себя выгодным переводить своих крестьян на выкуп и без получения дополнительного платежа (Московская, Владимирская губернии).

Под влиянием начавшегося в 1863 г. национально-освободительного движения в Польше правительство вынуждено было пойти на изменение Положений 19 февраля в литовских, белорусских губерниях, а также на Правобережной Украине. Введение в этих губерниях обязательного выкупа, понижение размера оброка и увеличение наделов — все это явилось непосредственным результатом влияния манифеста 22 января, изданного Польским революционным правительством, и последующей борьбы повстанцев.

Изучение этой проблемы указывает, что, несмотря на понижение размера оброка, он по-прежнему превышал существовавшие арендные цены. Увеличение надела далеко не всегда компенсировало те отрезки, которые были сделаны помещиками на Правобережной Украине после 1847 г., а в Литве и Белоруссии — со времени опубликования рескриптов.

Размеры крестьянских наделов в губерниях Правобережной Украины были даже немного ниже, нежели в Воронежской, где процент уменьшения находившейся в пользовании крестьян земли в результате реформы составлял более 20.

* *

*

Отмена крепостного права не ликвидировала противоречий между помещиками и крестьянами, а лишь несколько ослабила их.

Ограбление крестьянства в результате реформы явилось исходным пунктом деградации деревни во второй половине XIX в., происходившей при одновременном развитии сель-

ской буржуазии. Эта деградация находила свое выражение в общем упадке крестьянского хозяйства (уменьшении как посевных площадей, так и поголовья скота), в периодических голодовках сотен тысяч крестьян. Сохранение феодально-крепостнических пережитков обуславливало борьбу крестьянства за землю.

Выразителями интересов крестьянства выступают революционные народники, вступившие в героическое единоборство с царизмом. Эта борьба горстки «героев «Народной воли»» вызвала на рубеже 70—80-х годов «кризис верхов». «Благодаря этой борьбе и только благодаря ей, — писал В. И. Ленин, — положение дел еще раз изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки, и либеральное общество еще раз доказало свою политическую незрелость, неспособность поддерживать борцов и оказать настоящее давление на правительство»¹. Эти уступки нашли свое выражение во введении в начале 80-х годов обязательного выкупа и в понижении выкупных платежей. Однако существенного влияния на дальнейшие судьбы крестьянства это не оказало. Более того, используя благоприятную для себя обстановку, правительство в 80-х годах устанавливает открыто реакционный курс, стремясь сколько можно усилить роль и значение дворянства.

Введение института земских начальников, концентрировавшего в руках дворянина-помещика как административную, так и судебную власть над крестьянами, законы, затруднявшие выход из общины и проведение семейных разделов, — все это ставило своей целью сохранить феодальные пережитки.

Стремление дворянства к усилению политического влияния в стране было обусловлено желанием укрепить свои позиции в деревне. Это было вызвано ослаблением экономической мощи помещного дворянства в связи с процессом развития капитализма.

Однако, несмотря на все предпринимаемые царизмом меры, колесо истории нельзя было повернуть вспять. В результате развития капитализма возникает новый общественный класс — пролетариат, выступивший на борьбу с царизмом. Именно только пролетариат явился тем единственным классом, который в тот период мог возглавить борьбу

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 36.

крестьянских масс за ликвидацию феодально-крепостнических пережитков. Основой этого союза явилась общность интересов пролетариата и крестьянства. И те и другие были заинтересованы в решительном уничтожении остатков крепостничества, цитаделью которых являлся царизм.

Впервые этот боевой союз выступил на арену революционной борьбы во всероссийском масштабе в революции 1905—1907 гг., явившейся прямым порождением 1861 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

•

В приложение не включены данные по следующим уездам: Велижскому, Витебской губ.; Овручскому, Волынской губ.; Радомысльскому, Киевской губ.; Череповскому, Новгородской губ.; Городищенскому, Пензенской губ.; Оханскому, Пермской губ.; Балтскому, Подольской губ.; Царицынскому, Саратовской губ.

Сведения

**о количестве помещицъей и надельной земли
(бывших помещицъихъ крестьян), по данным 1877—1878 гг. ¹**

Губернии, уезды	У помещиков		У крестьян	
	число владений	число десятин	число ревизских душ	число десятин
1	2	3	4	5
<i>Астраханская</i>				
Астраханский	15	49 918	2 694	20 452
Енотаевский	3	6 080	592	7 276
Красноярский	4	219 681	1 010	12 209
Черноярский	5	16 677	920	9 606
Царевский	76	42 466	346	2 555
<i>Виленская</i>				
Вилейский	486	194 503	33 941	130 167
Виленский	643	246 724	27 509	112 354
Дисненский	495	252 078	36 174	131 533
Лидский	1 280	210 881	25 493	105 962
Ошмянский	955	246 454	34 851	133 381
Свенцянский	535	161 105	22 446	88 086
Трокский	747	129 191	12 645	50 329
<i>Витебская</i>				
Витебский	401	122 247	18 079	74 780
Городокский	80	76 975	8 095	37 447
Динабургский	111	178 474	26 655	105 506
Дризенский	150	138 036	19 155	72 121
Лепельский	411	148 508	25 661	95 584
Людинский	95	256 309	20 201	84 007
Невельский	276	128 009	20 501	92 901

¹ Данные проводятся по тем губерниям, на которые распространялось Положение 19 февраля 1861 г. («Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России»), вып. I—VIII, Спб. 1880—1885 гг.). Приводимые нами данные о помещицъемъ землевладении несколько уменьшены, так как в них, естественно, не включено то количество земель, которое было продано дворянами другим сословиям после 1861 г. Эта часть помещицъихъ земель перешла в руки купцов, мещан и различных категорий крестьянства.

Губернии, уезды	У помещиков		У крестьян	
	число владений	число десятин	число ревизских душ	число десятин
1	2	3	4	5
Полоцкий	302	159 213	14 381	53 667
Режецкий	131	132 965	25 120	89 321
Себежский	146	115 006	16 735	65 092
<i>Владимирская</i>				
Александровский	184	60 496	15 970	54 531
Владимирский	161	29 898	21 197	63 485
Вязниковский	141	24 960	20 494	72 392
Гороховецкий	133	61 677	32 537	141 746
Ковровский	152	39 018	23 968	93 771
Меленковский	114	115 866	27 934	91 034
Муромский	110	56 342	32 851	95 702
Переславский	210	58 711	16 648	67 003
Покровский	131	58 361	28 202	107 984
Судогодский	235	143 680	18 600	77 454
Суздальский	177	38 536	16 517	62 420
Шуйский	127	41 190	33 744	109 273
Юрьевский	161	81 018	25 388	93 938
<i>Вологодская</i>				
Вельский	1	26	—	—
Вологодский	155	58 272	33 342	147 220
Грязовецкий	112	50 835	13 859	61 821
Кадниковский	442	453 246	46 679	278 690
Никольский	16	33 983	1 279	9 420
Тотемский	12	40 915	978	6 826
Сольвычегодский	9	1 065	—	—
Усть-Сысольский	3	124 004	208	294
Устюжский	71	11 805	8	56
Яренский	5	100	498	3 479
<i>Волынская</i>				
Владимирский	226	189 393	31 704	126 463
Дубенский	183	138 926	27 702	104 058
Житомирский	346	318 943	50 792	191 074
Заславский	135	130 268	42 412	131 107
Ковельский	176	129 331	23 906	149 953
Кременецкий	211	99 655	39 648	112 776
Луцкий	294	263 383	26 715	161 346
Новоград-Волынский	165	211 663	48 772	182 837
Острогский	213	100 587	28 887	92 900
Ровенский	149	445 702	36 824	149 012
Старо-Константиновский	262	89 967	40 444	99 974

Губернии, уезды	У помещиков		У крестьян	
	число владений	число десятин	число ревизских душ	число десятин
1	2	3	4	5
<i>Воронежская</i>				
Бирюченский	204	121 802	52 501	102 413
Бобровский	81	296 848	26 288	59 003
Богучарский	201	106 719	9 398	27 193
Валуйский	215	107 595	26 581	69 911
Воронежский	275	111 724	13 791	35 759
Задонский	147	52 065	15 119	33 809
Землянский	282	101 912	17 442	46 199
Коротоякский	119	22 558	8 136	24 618
Нижедевицкий	249	37 914	5 215	10 594
Новохоперский	83	127 832	12 450	42 784
Острогожский	195	215 614	32 335	78 917
Павловский	41	76 354	20 705	41 665
<i>Вятская</i>				
Вятский	29	909	—	—
Глазовский	22	90 777	2 797	14 039
Елабужский	28	62 027	3 272	12 971
Котельнический	1	198	—	—
Малмыжский	10	30 716	1 662	6 292
Нолинский	1	13	138	753
Орловский	2	441	—	—
Сарапульский	5	2 101	544	1 901
Слободской	9	221 118	2 855	1 907
Уржумский	19	64 923	3 111	5 666
Яранский	21	18 002	10 956	34 722
<i>Гродненская</i>				
Белостокский	158	83 852	18 650	79 690
Бельский	686	75 893	11 337	33 563
Брестский	175	132 818	30 972	106 091
Волковыский	269	126 317	18 681	67 938
Гродненский	407	85 827	24 075	76 647
Кобринский	329	215 611	27 144	100 665
Пружанский	203	75 551	19 820	69 010
Слонимский	255	224 004	24 434	98 547
Сокольский	125	23 928	3 158	10 174
<i>Екатеринославская</i>				
Александровский	221	328 687	9 834	20 598
Бахмутский	316	401 802	19 593	56 269
Верхнеднепровский	342	351 609	15 654	45 584

Губернии, уезды	У помещиков		У крестьян	
	число владений	число десятин	число ревизских душ	число десятин
1	2	3	4	5
Екатеринославский	163	286 178	11 203	31 172
Мариупольский	121	60 511	2 002	4 874
Новомосковский	202	270 212	17 594	41 586
Павлоградский	337	439 032	20 488	59 499
Славяносербский	196	239 801	18 857	62 662
Ростовский	85	86 955	7 019	1 370
<i>Казанская</i>				
Казанский	139	43 388	9 389	32 766
Козьмодемьянский	4	1 739	308	806
Лаишевский	197	155 124	26 600	72 142
Мамадышский	14	32 399	1 727	2 694
Свияжский	80	59 805	11 408	37 396
Спасский	122	138 559	20 970	53 299
Тетюшский	52	27 208	6 651	17 201
Царевококшайский	10	11 223	699	1 513
Цивильский	16	9 801	1 913	2 666
Чебоксарский	29	8 413	2 218	4 202
Чистопольский	95	101 232	12 533	27 970
Ядринский	11	1 626	929	2 624
<i>Калужская</i>				
Боровский	132	37 689	13 109	45 370
Жиздринский	154	173 546	49 772	178 923
Калужский	195	63 053	19 330	61 531
Козельский	171	48 840	31 029	93 376
Лихвинский	115	48 351	20 962	63 864
Малоярославецкий	154	29 655	10 956	31 405
Медынский	205	94 675	34 021	120 468
Мещовский	218	67 581	32 043	101 564
Мосальский	163	114 268	39 583	150 650
Перемышльский	192	41 831	15 170	45 966
Тарусский	104	37 393	20 222	62 342
<i>Киевская</i>				
Бердичевский	285	149 510	42 756	110 780
Васильковский	39	113 646	52 088	142 516
Звенигородский	73	113 946	47 914	101 742
Каневский	86	99 358	60 602	138 375
Киевский	124	173 262	34 023	104 084
Липоведкий	177	128 084	47 535	99 986
Сквирский	152	162 122	49 784	130 679
Таращанский	110	119 078	50 448	126 913
Черкасский	65	146 711	43 502	91 585

Губернии, уезды	У помещиков		У крестьян	
	число владений	число десятин	число ревизских душ	число десятин
1	2	3	4	5
Чигиринский	119	108 512	30 701	57 664
Уманский	111	144 752	45 117	107 928
<i>Ковенская</i>				
Вилькомирский	721	191 247	29 024	120 730
Ковенский	1 097	145 235	16 335	46 368
Новоалександровский	427	154 003	29 376	128 686
Поневежский	656	223 492	30 246	130 082
Россиенский	892	287 116	33 452	126 353
Тельшевский	772	185 880	15 449	92 381
Шавельский	768	303 067	26 205	139 640
<i>Костромская</i>				
Буйский	362	95 525	17 293	78 558
Варнавинский	68	282 217	23 020	133 723
Ветлужский	77	478 240	17 603	106 825
Галичский	645	150 837	28 286	135 174
Кинешемский	206	87 368	28 923	115 521
Кологривский	252	423 429	25 985	166 204
Костромской	229	58 464	25 218	104 662
Макарьевский	165	120 255	13 691	75 801
Нерехотский	277	44 530	46 985	175 971
Солигаличский	427	146 548	14 111	83 423
Чухломский	299	86 884	15 042	89 219
Юрьевецкий	96	28 768	20 194	77 335
<i>Курская</i>				
Белгородский	210	64 157	16 740	27 928
Грайворонский	177	70 454	33 424	64 537
Дмитриевский	376	106 732	28 550	80 195
Корочанский	192	36 552	8 782	16 291
Курский	683	76 937	10 922	26 059
Львовский	288	100 546	25 753	61 487
Новооскольский	230	69 764	25 366	47 851
Обоянский	254	58 799	11 978	26 333
Путивальский	434	109 578	31 515	70 285
Рыльский	548	109 996	32 924	76 663
Старооскольский	279	70 946	16 222	33 941
Суджанский	358	59 561	12 997	25 510
Тимский	560	79 989	11 245	30 521
Фатежский	360	49 677	9 763	21 838
Щигровский	763	101 756	17 263	43 452

Губернии, уезды	У помещиков		У крестьян	
	число владений	число десятин	число ревизских душ	число десятин
1	2	3	4	5
<i>Минская</i>				
Бобруйский	331	413 834	23 619	174 772
Борисовский	511	373 813	34 567	151 064
Игуменский	662	580 185	34 079	156 098
Минский	804	243 748	28 888	116 626
Мозырский	236	684 029	19 103	179 297
Новогрудский	493	247 665	47 658	149 828
Речицкий	134	476 903	28 284	220 010
Пинский	337	632 231	31 489	158 457
Слуцкий	462	331 314	38 367	164 623
<i>Могилевская</i>				
Быховский	123	175 870	21 195	115 694
Гомельский	119	226 166	38 985	187 842
Горецкий	82	97 434	19 332	80 041
Климовичский	276	183 801	24 317	110 835
Могилевский	267	136 387	18 142	79 618
Мстиславский	363	97 684	14 215	59 910
Оршанский	358	241 158	28 944	127 602
Рогачевский	592	296 526	33 306	194 077
Сеннинский	303	230 378	27 330	120 722
Чаусский	142	81 021	11 893	64 225
Чериковский	542	209 932	26 782	122 425
<i>Московская</i>				
Богородский	75	51 856	35 911	88 606
Бронницкий	120	43 086	35 700	80 975
Верейский	105	63 658	13 435	47 847
Волоколамский	104	68 532	22 394	74 055
Дмитровский	170	56 557	15 285	48 844
Звенигородский	125	54 824	16 009	47 464
Клинский	195	87 152	20 177	68 336
Коломенский	197	31 402	29 225	76 718
Можайский	128	50 302	16 478	55 504
Московский	216	49 805	19 338	48 878
Подольский	164	63 778	21 334	66 673
Рузский	193	72 921	17 467	60 723
Серпуховской	153	44 022	25 502	88 848
<i>Нижегородская</i>				
Ардатовский	59	216 666	41 207	108 807
Арзамасский	164	72 105	33 798	103 449
Балахнинский	97	100 049	26 033	80 223

Губернии, уезды	У помещиков		У крестьян	
	число владений	число десятин	число ревизских душ	число десятин
1	2	3	4	5
Васильский	102	117 752	22 425	71 464
Горбатовский	68	114 521	40 007	111 809
Княгининский	136	78 244	33 332	103 802
Лукояновский	79	69 645	31 446	88 660
Макарьевский	97	181 195	25 378	100 028
Нижегородский	147	69 631	41 503	156 656
Семеновский	48	58 646	15 168	78 259
Сергачский	167	90 387	34 032	79 886
<i>Новгородская</i>				
Белозерский	330	436 083	13 722	94 212
Боровичский	264	245 444	34 519	181 184
Валдайский	175	144 517	13 820	77 954
Демянский	236	119 201	12 715	74 346
Кирилловский	147	83 223	4 976	34 258
Крестецкий	144	112 395	15 411	86 981
Новгородский	144	114 207	17 041	98 814
Старорусский	71	43 772	11 783	60 613
Тихвинский	374	619 585	17 990	105 439
Устюжский	388	441 259	20 183	115 973
<i>Олонецкая</i>				
Вытегорский	67	56 482	2 198	21 009
Каргопольский	5	268	—	—
Лодейнопольский	125	61 511	2 575	19 237
Олонецкий	6	731	—	—
Петрозаводский	7	1 434	200	1 404
Повенецкий	3	13 020	—	—
Пудожский	1	93	—	—
<i>Оренбургская</i>				
Верхнеуральский	12	372 423	10 362	1 846
Оренбургский	47	224 226	8 364	65 060
Орский	88	245 623	3 330	721
Троицкий	5	849	1 844	3 852
Челябинский	11	18 297	1 215	10 185
<i>Орловская</i>				
Болховской	220	78 900	33 671	93 398
Брянский	255	141 929	28 686	105 932
Дмитровский	126	84 605	30 327	97 307
Елецкий	404	118 831	29 638	75 372

Губернии, уезды	У помещиков		У крестьян	
	число владений	число десятин	число ревизских душ	число десятин
1	2	3	4	5
Карачевский	240	101 864	26 136	78 851
Кромский	155	51 027	23 137	66 480
Ливенский	462	127 261	26 867	71 588
Малсархангельский	498	105 586	31 649	83 219
Мценский	328	88 260	27 601	72 584
Орловский	195	76 777	31 807	86 759
Севский	74	123 025	20 141	74 162
Трубчевский	119	133 038	10 925	38 710
<i>Пензенская</i>				
Инсарский	127	98 808	27 746	67 223
Керенский	149	70 120	19 623	46 894
Краснослободский	217	34 690	12 244	27 697
Мокшанский	160	134 374	33 883	82 649
Наровчатский	105	33 513	8 401	20 125
Нижнеомовский	137	76 594	20 550	52 720
Пензенский	192	154 688	28 206	77 355
Саранский	157	105 140	31 374	58 549
Чембарский	231	159 670	35 947	96 708
<i>Пермская</i>				
Верхотурский	4	1 331 627	33 045	76 067
Екатеринбургский	18	1 481 281	49 038	52 398
Ирбитский	2	236 161	—	—
Камышловский	—	—	—	—
Красноуфимский	5	232 375	29 418	70 681
Кунгурский	4	120 254	3 592	20 118
Осинский	6	125 033	14 384	36 336
Пермский	5	1 204 607	55 220	277 764
Соликамский	5	1 420 716	55 408	326 005
Шадринский	6	4 276	210	1 443
Чердынский	—	—	599	1 659
<i>Подольская</i>				
Брацлавский	93	83 228	45 818	120 029
Винницкий	110	119 758	37 362	83 986
Гайсинский	81	112 161	45 397	105 088
Каменец-Подольский	200	136 667	43 220	74 089
Летичевский	255	81 271	21 820	51 686
Литинский	281	141 711	37 948	94 592
Могилевский	235	112 462	44 140	98 537
Проскуровский	152	112 143	49 119	101 584

Губернии, уезды	У помещиков		У крестьян	
	число владений	число десятин	число ревизских душ	число десятин
1	2	3	4	5
Ольгопольский	64	156 330	54 765	123 453
Ущицкий	184	108 222	38 018	70 676
Ямпольский	232	141 287	50 913	119 005
<i>Полтавская</i>				
Гадячский	385	60 015	18 143	32 905
Зеньковский	727	71 583	9 262	7 527
Золотоношский	1 077	133 392	25 654	46 723
Кременчугский	584	107 769	15 885	22 831
Кобелякский	847	107 961	13 669	16 160
Константиноградский	382	291 738	30 489	72 598
Лохвицкий	632	79 709	17 568	27 470
Лубенский	667	76 431	12 096	15 799
Миргородский	918	85 057	16 751	22 256
Переяславский	841	120 990	17 703	32 701
Пирятинский	581	140 021	31 376	60 820
Полтавский	725	134 583	19 187	23 519
Прилуцкий	563	108 021	31 800	58 871
Роменский	609	73 570	19 147	30 938
Хорольский	649	135 933	22 667	34 015
<i>Псковская</i>				
Великолуцкий	306	169 123	21 269	90 948
Новоржевский	233	101 953	21 906	102 751
Опочецкий	267	130 615	17 044	79 228
Островский	219	87 723	16 607	77 706
Порховский	240	189 899	43 602	202 478
Псковский	170	71 546	13 630	55 820
Торопецкий	431	235 748	17 531	95 382
Холмский	324	231 029	17 005	100 991
<i>Рязанская</i>				
Данковский	220	78 365	25 519	65 260
Егорьевский	120	27 499	32 423	115 021
Зарайский	304	50 320	31 455	70 759
Касимовский	214	144 115	43 621	160 032
Михайловский	540	76 447	26 419	67 768
Пронский	708	76 227	25 490	64 812
Раненбургский	210	80 568	31 278	75 353
Рязский	476	95 361	30 796	73 044
Рязанский	503	150 500	40 758	114 807
Сапожковский	376	134 322	31 419	64 154
Скопинский	392	51 875	14 724	39 450
Спасский	322	87 877	31 918	93 225

Губернии, уезды	У помещиков		У крестьян	
	число владений	число десятин	число ревизских душ	число десятин
1	2	3	4	5
<i>Самарская</i>				
Бугурусланский	169	409 162	13 301	47 626
Бугульминский	94	169 786	5 943	32 830
Бузулукский	202	335 950	13 899	42 583
Николаевский	168	499 083	14 443	52 061
Новоузенский	46	174 553	3 339	22 736
Самарский	267	245 407	17 535	60 147
Ставропольский	136	199 192	19 771	54 982
<i>Санкт-Петербургская</i>				
Гдовский	216	237 678	22 144	115 873
Лужский	452	358 669	29 535	161 434
Новоладожский	198	219 652	14 771	74 104
Петергофский	89	92 315	11 727	45 200
Санкт-Петербургский	265	82 465	8 529	27 946
Царскосельский	81	92 957	8 323	34 456
Шлиссельбургский	74	164 237	10 390	62 108
Ямбургский	85	170 421	17 010	76 587
<i>Саратовская</i>				
Аткарский	261	474 285	50 905	160 178
Балашовский	257	359 056	45 723	141 556
Вольский	81	181 568	24 625	53 900
Камышинский	14	102 639	14 941	38 594
Кузнецкий	250	154 232	25 882	67 716
Петровский	164	227 056	33 294	88 341
Саратовский	285	285 058	31 187	64 202
Сердобский	276	269 561	45 404	155 052
Хвалынский	111	100 836	17 360	53 056
<i>Симбирская</i>				
Алатырский	108	46 250	20 621	45 764
Ардатовский	204	101 989	21 942	47 141
Буинский	56	33 715	5 690	15 039
Корсунский	218	241 682	43 671	118 210
Курмышский	193	71 592	19 328	55 358
Сенгелеевский	177	148 365	23 033	67 729
Симбирский	171	164 136	25 674	89 195
Сызранский	208	365 323	38 588	91 710

Губернии, уезды	У помещиков		У крестьян	
	число владений	число десятин	число ревизских душ	число десятин
1	2	3	4	5
<i>Смоленская</i>				
Бельский	073	395 001	37 768	173 260
Вяземский	232	114 020	26 205	104 712
Гжатский	102	103 878	36 364	140 915
Дорогобужский	199	147 234	20 740	92 065
Духовщинский	376	107 057	18 118	78 338
Ельнинский	559	195 110	35 902	143 433
Краснинский	494	101 776	18 294	70 379
Рославльский	991	231 647	36 064	136 318
Поречский	318	179 225	13 991	61 153
Смоленский	558	129 248	19 787	62 406
Сычевский	83	77 561	27 278	104 205
Юхновский	227	133 723	36 467	142 523
<i>Таврическая</i>				
Бердянский	8	16 319	1 635	7 799
Днепровский	47	326 592	4 928	24 749
Евпаторийский	135	220 193	268	690
Мелитопольский	205	46 064	—	—
Перекопский	105	193 353	123	662
Симферопольский	511	272 338	508	1 218
Феодосийский	196	289 695	1 041	7 545
Ялтинский	24	221 203	7 802	40 494
<i>Тамбовская</i>				
Борисоглебский	149	99 964	18 830	53 059
Елатомский	346	119 003	41 802	107 958
Кирсановский	420	260 259	47 955	115 732
Козловский	360	136 125	30 629	73 990
Лебединский	179	40 518	11 263	27 440
Липецкий	158	40 569	7 583	16 390
Моршанский	119	204 446	46 449	111 447
Спаский	73	42 836	9 446	18 481
Тамбовский	340	249 054	44 313	113 363
Темниковский	267	155 265	22 172	43 953
Усманский	158	75 166	12 987	33 250
Шацкий	168	170 098	44 753	111 724
<i>Тверская</i>				
Бежецкий	183	127 826	35 358	143 324
Весьегонский	277	150 249	22 256	100 864
Вышневолоцкий	303	148 909	29 874	133 637

Губернии, уезды	У помещиков		У крестьян	
	число владений	число десятин	число ревизских душ	число десятин
1	2	3	4	5
Зубцовский	172	77 513	22 208	84 395
Калязинский	163	46 191	23 803	86 846
Кашинский	115	32 181	33 296	118 318
Корчевской	194	78 807	26 329	100 713
Новоторжеский	300	86 296	34 276	149 817
Осташковский	310	228 273	22 541	126 909
Ржевский	263	109 545	34 969	149 482
Старицкий	212	86 396	26 203	107 351
Тверской	246	83 475	23 714	86 323
<i>Тульская</i>				
Алексинский	287	65 813	26 620	76 544
Белевский	177	47 523	18 985	53 324
Богородицкий	234	104 865	50 227	121 259
Веневский	295	79 654	29 979	77 625
Ефремовский	400	120 955	33 436	87 599
Грифанский	184	94 590	37 726	90 601
Каширский	339	70 475	26 842	73 985
Крапивинский	284	81 619	29 063	79 397
Новосильский	216	97 812	26 013	68 979
Одоевский	252	75 487	25 678	70 646
Тульский	277	61 727	25 483	61 239
Чернский	357	126 384	34 396	96 839
<i>Харьковская</i>				
Ахтырский	334	54 113	13 031	27 078
Богодуховский	301	87 262	14 863	32 645
Валковский	273	68 426	10 544	20 179
Волчанский	172	114 136	22 909	61 357
Змиевский	422	128 422	8 408	18 478
Изюмский	459	313 743	28 269	73 991
Купянский	337	133 019	10 121	34 042
Лебединский	379	98 556	23 436	48 760
Старобельский	194	179 596	13 692	42 160
Сумской	334	104 548	30 954	66 678
Харьковский	198	63 215	15 033	32 445
<i>Херсонская</i>				
Александровский	495	315 005	25 556	84 000
Ананьевский	382	478 242	19 767	74 690
Елизаветградский	733	567 077	39 295	111 271

Губернии, уезды	У помещиков		У крестьян	
	число владений	число десятин	число ревизских душ	число десятин
1	2	3	4	5
Одесский	291	343 994	11 066	48 475
Тираспольский	445	281 900	8 541	30 023
Херсонский	301	562 936	23 315	102 646
<i>Черниговская</i>				
Борзенский	543	58 834	10 630	16 829
Глуховский	447	97 840	15 950	40 524
Городнянский	381	119 369	17 675	49 039
Козелецкий	466	90 619	13 826	25 569
Конотопский	703	72 936	13 383	23 061
Кролевецкий	495	58 056	11 688	34 769
Мглинский	339	107 785	19 455	80 387
Нежинский	576	85 675	14 949	23 733
Новгород-Северский	403	117 769	19 234	72 461
Новозыбковский	272	94 395	26 302	109 463
Остерский	330	36 793	3 829	7 551
Сосницкий	557	124 631	18 085	47 500
Стародубский	616	101 888	19 708	70 192
Суражский	143	76 118	28 027	117 108
Черниговский	931	109 152	11 505	28 913
<i>Уфимская</i>				
Белебейский	391	216 282	8 167	31 872
Бирский	54	137 480	2 742	12 525
Златоустский	5	174 725	5 279	1 177
Мензелинский	160	138 727	11 940	41 609
Стерлитамакский	98	395 759	14 844	58 214
Уфимский	280	788 146	28 460	75 744
<i>Ярославская</i>				
Даниловский	218	42 096	20 381	76 170
Любимский	333	71 145	15 363	63 220
Моложский	220	179 515	30 219	118 243
Мышкинский	166	36 257	26 261	92 930
Романово-Борисоглебский	345	76 331	24 299	89 147
Ростовский	140	62 669	26 665	89 536
Рыбинский	191	48 068	15 843	58 397
Пошехонский	348	142 588	27 254	145 662
Угличский	182	65 671	23 231	86 405
Ярославский	232	62 430	33 717	106 253

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОВЕДЕНИЕ В ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 г.¹

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Энгельс Ф. Эмигрантская литература. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 15, стр. 215—264. Гл. 5 — Социальные отношения в России, стр. 251—264.

«Архив Маркса и Энгельса», т. 11, Госполитиздат, 1948, 203 стр.

«Архив Маркса и Энгельса», т. 12, Госполитиздат, 1952, 183 стр.

Ленин В. И. «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — Сочинения, т. 1, стр. 111—313.

Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. — Сочинения, т. 1, стр. 315—484.

Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся? — Сочинения, т. 2, стр. 459—501.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Сочинения, т. 3, стр. 1—535.

Ленин В. И. Рабочая партия и крестьянство. — Сочинения, т. 4, стр. 394—401.

Ленин В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма. — Сочинения, т. 5, стр. 19—65.

Ленин В. И. К деревенской бедноте. — Сочинения, т. 6, стр. 325—392.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. — Сочинения, т. 13, стр. 195—396.

Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX в. — Сочинения, т. 15, стр. 53—125.

Ленин В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права. — Сочинения, т. 17, стр. 64—67.

Ленин В. И. По поводу юбилея. — Сочинения, т. 17, стр. 84—92.

Ленин В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. — Сочинения, т. 17, стр. 93—101.

Ленин В. И. Памяти Герцена. — Сочинения, т. 18, стр. 9—15.

¹ Настоящая библиография не является исчерпывающей. В библиографию не включены популярная литература, газетные статьи, а также работы и статьи, вошедшие позднее в отдельные монографии.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

а) Официальные документальные материалы

Положения 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. — Полное собрание законов, 2-е собр., т. 36, отд. 1, № 36650, 36652, 36657—36675.

То же — Отд. изд., Спб. 1861 или М. 1916.

Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. Сост. сборника и автор предисловия К. А. Софроненко. Госюриздат, М. 1954, 499 стр.

О распространении статьи 67-й Положения о выкупе на выкупные ссуды, назначаемые без согласия крестьян по требованию одного помещика. 10 мая 1862 г. — Полное собрание законов, 2-е собр., т. 37, отд. 1, № 38262.

О распространении на крестьян, состоящих на издельной повинности, содействия правительства к приобретению ими в собственность поземельного их надела. 27 июня 1862 г. — Полное собрание законов, 2-е собр., т. 37, отд. 1, № 38407.

Жуоналы Главного комитета об устройстве сельского состояния, т. 1, с 5 марта 1861 г. по 28 декабря 1862 г., Пг. 1918, XXVII, 813 стр. (Архив законодательных дел).

О мерах к облегчению и ускорению прекращения обязательных отношений между помещиками и поселенными на их землях временнообязанными крестьянами посредством выкупа сими последними земель их надела содействием правительства, по губерниям Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской, а также в Динабургском, Дризенском, Люцинском и Режицком уездах. Витебской губернии. 1 марта 1863 г. — Полное собрание законов, 2-е собр., т. 38, отд. 1, № 39337.

О мерах к ускорению в губерниях Киевской, Подольской и Волынской прекращения обязательных отношений между помещиками и поселенными на их землях временнообязанными крестьянами посредством выкупа сими последними земель их надела по распоряжению правительства. 30 июля 1863 г. — Полное собрание законов, 2-е собр., т. 38, отд. 1, № 39928.

Об ускорении прекращения обязательных отношений между помещиками и поселенными на их землях временнообязанными крестьянами произведением выкупа сими последними земельного надела во всех тех сельских обществах временнообязанных крестьян губернии Могилевской и уездов: Витебского, Велижского, Городецкого, Лепельского, Невельского, Полоцкого, Себежского, Суражского, Витебской губернии, которые еще не воспользовались выкупом угодий. 2 ноября 1863 г. — Полное собрание законов, 2-е собр., т. 38, отд. 2, № 40172.

О выкупе наделов остающимися еще в обязательных отношениях к помещикам крестьянами в губерниях, состоящих на Велико-русском и Малороссийском местных положениях 19 февраля 1861 года. 28 декабря 1881 г. — Полное собрание законов. 3-е собр., т. 1, № 575.

О понижении выкупных платежей 28 декабря 1881 г. — Полное собрание законов, 3-е собр., т. 1, № 576.

О выкупе наделов крестьянами, остающимися еще в обязательных отношениях к помещикам, и о понижении выкупных платежей:

28 декабря 1881 г. — Полное собрание законов, 3-е собр., т. 1, № 577.

Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости (с 1 января 1857 г. по 1 января 1873 г.), т. 1—13, Спб. 1861—1876.

Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян за 1857—1875 гг., Спб. 1885, 1546 стр.

Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян-собственников в Северо-Западном крае, Вильно 1864, 150 стр.

Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян Юго-Западного края, Спб. 1865, 120, VIII стр.

Обзор действий Министерства внутренних дел по крестьянскому делу с января 1861 по 19 февраля 1864 года, Спб. 1864, [6], 201 стр.

Реформа 1861 г. и крестьянское движение. — «Красный архив» № 2(75), 1936 г., стр. 62—82. Из обзора действий Министерства внутренних дел по Земскому отделу с 1 января 1861 г. по 19 февраля 1863 г. Предисловие М. Лурье.

Отчет по Главному комитету об устройстве сельского состояния за девятилетие с 19 февраля 1861 по 19 февраля 1870 г., Спб. 1870, 93 стр.

Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861—1862. М. — Л. 1950, 311 стр. (АН СССР. Ленинградское отделение Ин-та истории АН СССР. Центральный государственный исторический архив в Ленинграде).

О мерах по духовному ведомству и сохранению народного спокойствия при обнародовании в 1861 году Положения о крестьянах. Сообщил А. Попельницкий. — «Русская старина» № 2, 1912 г., стр. 351—356. Переписка гр. Панина с обер-прокурором Синода.

Церковь и реформа 1861 года. Сообщила З. Гурская. — «Красный архив», т. 5(72), 1935, стр. 182—191. Официальная переписка Синода и воззвания духовенства по поводу реформы.

Два документа к истории 19 февраля 1861 года. — «Киевская старина» № 3, 1901 г., стр. 132—140. Циркулярные письма Синода епархиальным архиереям и киевского генерал-губернатора с резолюцией митрополита по вопросу об опубликовании манифеста и Положения 19 февраля 1861 г. Семьдесят пять лет назад (19 февраля 1861 г.). — «Красный архив», т. I (74), 1936, стр. 5—36. Выписки из перлюстрированных писем, касающихся опубликования Манифеста, крестьянских волнений в 1861 г. и деятельности мировых посредников.

О правительственных мерах для подавления народных волнений в период отмены крепостного права. Вводная статья П. А. Зайончковского. — «Исторический архив» № 1, 1957 г., стр. 151—193.

Крестьянское движение 1827—1869 годов. Подготовил к печати Е. А. Мороховец, вып. 1—2, Соцэкгиз, М. 1931.

Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права, ч. 1—2. Донесения свитских генералов и флигель-адъютантов, губернских прокуроров и уездных стряпчих, М. — Л. 1949 (АН СССР. Ин-т истории).

Бездинское восстание 1861 года. Сборник документов. Общая редакция А. И. Ямпольской и Д. С. Гутмана, Казань 1948, 160 стр.

Восстание в Бездне. — «Красный архив», т. 4 (35), 1929, стр. 176—208. Публикация документов с предисловием М. В. Нечкиной.

Безднинское восстание 1861 г. — «Красный архив», т. 5 (36), 1929, стр. 180—191. Публикация документов.

Кандеевское восстание в 1861 г. — «Красный архив», т. 1 (92), 1939, стр. 91—132. Публикация документов, подготовленных к печати Е. Седовой.

Из истории крестьянских восстаний против «воли» 1861 г. — «Красный архив», т. 5 (36), 1929, стр. 201—204. Публикация документа по истории кандеевского восстания с введением М. В. Нечкиной.

Толстой Л. Н. Деловые бумаги и официальные документы, № 285—303, июль 1861 г. — февраль 1862 г. — В кн.: Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений, т. 60, М. 1949, стр. 481—506. Переписка Л. Н. Толстого в его бытность мировым посредником Крапивенского уезда, Тульской губернии.

Осмотр губерний начальником Юго-Западного края (с 15 июня по 9 июля 1866 г.), Киев 1866, 86 стр. Содержатся данные о ходе составления выкупных актов по отдельным уездам Волынской губернии.

Проделки и подделки властей. — «Былое» № 11, 1906 г., стр. 128—130. Образцы речи мировых посредников к крестьянам и всеподданнейший адрес царю от крестьян, составленный в Министерстве внутренних дел.

Из переписки по освобождению крестьян Северо-Западного края. Сообщил А. Миловидов. — «Русская старина» № 8, 1904 г., стр. 369—384. Официальная переписка генерал-губернатора М. Н. Муравьева с Министерством внутренних дел и разными лицами.

Из эпохи освобождения крестьян (по неизданным материалам). Сообщил С. Я. Штрайх. — «Русская старина» № 2, 1911 г., стр. 401—418. Всеподданнейший отчет новороссийского генерал-губернатора за 1857—1861 гг.

Всеподданнейший адрес тверского дворянства 1862 г. — В кн.: Лемке М. К. Очерки освободительного движения шестидесятых годов, Спб. 1908, стр. 447—449.

Распоряжения одного из мировых посредников. Сообщение П. Н. Вереха. — «Русская старина» № 8, 1902 г., стр. 288.

Уставные грамоты по Авзянопетровским заводам, ныне принадлежащим Уральско-Волжскому металлургическому обществу, Уфа 1899, 98 стр.

Историческая справка к вопросу об освобождении крепостных в Ставропольской губернии и Черномории и документы, относящиеся к этому вопросу. Составил В. С. Шамрай. — Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета, т. 9, 1903, стр. 1—61.

Доклад высочайше утвержденной [26 мая 1872 г.] комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. С семью приложениями в четырех томах. [Т. 1—5], Спб. 1873, [2272] стр.

Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России, вып. 1—8, Спб. 1880—1885.

Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии, вып. 1. Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде, Спб. 1882, 105 стр. Гл. 6 — Отрезные земли, стр. 53—57.

Материалы по статистике сельского хозяйства в С.-Петербургской губернии, вып. 2. Крестьянское хозяйство в Шлиссельбургском уезде, Спб. 1885, 150 стр. Гл. 5 — Крестьянские наделы до 1861 г. и в настоящее время, стр. 40—44.

Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии, вып. 3. Крестьянское хозяйство в Ямбургском уезде, Спб. 1885, 302 стр. Гл. 6 — Землевание, стр. 87—99. Данные о прирезке и отрезке земель в результате реформы 1861 г.

Материалы по статистике сельского хозяйства в С.-Петербургской губернии, вып. 4. Крестьянское хозяйство в Гдовском уезде, Спб. 1886, 425 стр. Гл. 6 — Отрезные земли, стр. 73—75.

Материалы по статистике сельского хозяйства в С.-Петербургской губернии, вып. 5. Крестьянское хозяйство в С.-Петербургском уезде. Ч. 2. Очерки крестьянского хозяйства, Спб. 1887, 320 стр. Данные о землепользовании крестьян по уставным грамотам, стр. 63—71.

Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии, вып. 6. Крестьянское хозяйство в Лужском уезде, ч. 2. Очерки крестьянского хозяйства, Спб. 1891, 218, 29 стр. Гл. 7 — Отрезные земли, стр. 72—74.

Материалы по статистике сельского хозяйства в С.-Петербургской губернии, вып. 7. Крестьянское хозяйство в Царскомсельском уезде, Спб. 1892, 276, 176 стр. Данные об отрезках и прирезках, стр. 55—57.

Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии, вып. 8. Крестьянское хозяйство в Новоладожском уезде, ч. 2. Очерк крестьянского хозяйства, Спб. 1896, 328 стр. Данные об отрезках и прирезках, стр. 40—42.

Материалы для оценки земель Саратовской губернии, вып. 1, ч. 1. Землевание, Саратов 1906, 205 стр. Данные о землепользовании крестьян после реформы на основе анализа данных уставных грамот, дарственных договоров и пр. документов, предпринятого В. И. Серебряковым, стр. 154—175.

6) П у б л и ц и с т и к а

Белов И. Д. Путевые письма [Рязанская губерния], Спб. 1862, 200 стр.

Герцен А. И. Непроизнесенная речь о 19 февраля 1861 г. Публикация Я. И. Линкова. — В кн.: Литературное наследство, т. 63. Герцен и Огарев. III, М. 1956, стр. 59—60.

Головин К. Ф. Выкупные платежи. — «Русский вестник» № 5, 1881 г., стр. 282—304.

Грыцько [Елисеев]. Крестьянская реформа. — «Отечественные записки» № 1, 1874 г., стр. 141—186; № 2, стр. 443—484.

Жуковский Ю. Крестьянское дело и общественная инициатива. — «Современник» № 3, 1863 г., стр. 175—202; № 5, стр. 23—54.

Известия из Полтавской губернии. — «Современник» № 1—2, 1863 г., Современное обозрение, стр. 47—62; № 3, Современное обозрение, стр. 173—174; № 5, Современное обозрение, стр. 158.

Лавриченко К. Новый порядок в Южной России (Александрийский уезд). — «Библиотека для чтения» № 3, 1863 г., стр. 413—452.

[Потемкин А.] Об уставной грамоте села Вакина, Спб. 1863, 19 стр.

Самарин Ю. Ф. Сочинения, т. 4. Крестьянское дело с июня 1859 по апрель 1864 года, М. 1911, 559 стр. Статьи, написанные после обнародования Положения 19 февраля 1861 г., стр. 385—516.

Семенов Н. Освобождение крестьян в России и Пруссии. — «Русский вестник» № 8, 1862 г., стр. 821—840.

Серно-Соловьевич Н. Окончательное решение крестьянского вопроса, Берлин 1861, 84 стр.

Сумароков П. И. Деревенские письма. Письма X—XXI. — «Отечественные записки» № 5, 1861 г., стр. 201—236; № 10, стр. 491—520; № 11, стр. 135—178; № 12, стр. 639—664; № 4, 1862 г., стр. 139—180; № 6, стр. 119—163; № 9, стр. 55—94; № 12, стр. 109—144; № 9, 1863 г., стр. 83—109; № 1, 1864 г., стр. 1—24; № 3, стр. 1—36; № 4, стр. 129—154. Письмо XXII. — «Библиотека для чтения» № 1, 1865 г., стр. 19—52.

Скалдин. В захолустье и в столице, Спб. 1870, 451 стр.

Чернышевский Н. Г. Письма без адреса. — В кн.: Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений, т. 10, М. 1951, стр. 90—116.

Чернышевский Н. Г. Барским крестьянам от их доброжелателей поклон. — В кн.: Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений, т. 7, М. 1950, стр. 517—525.

Шапов А. П. Речь после панихиды по убитым в с. Бездне крестьянам. — «Красный архив», т. 4, 1923, стр. 407—410.

Энгельгардт А. Н. Из деревни 12 писем. 1872—1887, Сельхозгиз, М. 1956, 491 стр.

Якушкин П. И. Велик бог земли русской! — В кн.: Якушкин П. И. Сочинения, Спб. 1884, стр. 1—42.

* *
*

«Век». Журнал общественный, политический и литературный, 1861—1862.

«Вестник мировых учреждений», 1863.

«День». Еженедельная газета, 1862—1865.

«Колокол». Издание А. И. Герцена и Н. П. Огарева, 1861—1867.

«Мировой посредник», 1862.

«Отечественные записки». Разд. «Современная хроника России» № 5, 1861 г., стр. 26—29; № 6, стр. 33—43. 55—59; № 8, стр. 40—47; № 10, стр. 67—78; № 11, стр. 33—35; № 8, 1862 г., стр. 74—78; № 9, стр. 5—7, 12—20; № 11, стр. 11—28; № 1, 1863 г., стр. 22—31; № 2, стр. 85—89; № 8, стр. 54—55; № 10, стр. 136—151.

«Современная летопись», 1861—1862.

в) Воспоминания, дневники, переписка

Березин Н. Восемь лет в Северо-Западном крае. Воспоминания бывшего мирового посредника. — «Русский вестник» № 1, 1896 г.,

стр. 139—157; № 3, стр. 170—180; № 4, стр. 149—175; № 7, стр. 185—204; № 11, стр. 211—250.

Броневский Д. Д. Из служебных воспоминаний мирового посредника в Юго-Западном крае [Ямпольский уезд, Подольской губернии] (1865—1866). — «Русский архив», кн. 3, 1897, стр. 497—522.

Волк-Карачевский Н. Сорок лет назад (Из воспоминаний мирового посредника первого призыва) [Борзенский уезд, Черниговской губернии]. — «Киевская старина» № 4, 1901 г., стр. 26—41.

Воропонов Ф. Ф. Крестьянская реформа в Юго-Западном крае. По личным воспоминаниям. — «Вестник Европы», кн. 8, 1900, стр. 754—804; кн. 9, стр. 63—89.

Воропонов Ф. Ф. Крестьянское дело в Юго-Западном крае 1865—1868 гг. — «Вестник Европы», кн. 1, 1902, стр. 289—318; кн. 2, стр. 733—771.

Воропонов Ф. Ф. Страница крестьянского дела на юго-западе. По личным воспоминаниям. — «Вестник Европы», кн. 7, 1901, стр. 93—156.

Демсрт Н. А. Новая воля (Из записок служившего когда-то по крестьянскому делу). — «Отечественные записки» № 9, 1869 г., стр. 1—54; № 10, стр. 369—398; № 11, стр. 211—256.

Добротворский П. Крестьянские движения в Грайворонском уезде, Курской губернии, в 1861—62 гг. — «Киевская старина» № 4, 1884 г., стр. 667—680.

Дренякин А. М. О беспорядках в Пензенской губернии. Весна 1861 года. Записка генерал-майора Дренякина. — «Русский архив», кн. 3, 1896, стр. 313—326.

Дренякин А. М. Сказание о волнении крестьян в Кандеевке в 1861 г. — «Русская старина» № 4, 1885 г., стр. 139—160.

Записки современника о 1861 г. — «Красный архив», т. 16, 1926 г., стр. 118—164. Об опубликовании Манифеста и Положении 19 февраля 1861 г. в Петербурге. Предисловие А. Санина.

Захарьин И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии. 1864—1870 гг. (Из записок мирового посредника [Могилевской губернии]). — «Исторический вестник» № 3, 1884 г., стр. 538—565; № 4, стр. 56—95.

Из дневника и частного письма сельского конторщика (Владимирской губернии). — «Русский архив», кн. 3, 1897, стр. 134—138.

Из памятных заметок старого гвардейца (О дне раскрепощения крестьян). — «Русский архив», кн. 1, 1892, стр. 139—141.

Из эпохи освобождения крестьян. Рассказ ген.-лейт. М. Л. Дубельта. 1861 г. — «Русская старина» № 2, 1891 г., стр. 469—474. Воспоминания флигель-адъютанта, командированного весной 1861 г. в Ярославскую губернию.

Кошелев А. И. Записки (1812—1883 годы). С семью приложениями, Berlin 1884, [504] стр.

Крестьянское дело в Главном комитете об устройстве сельского хозяйства. 1861—1882. — «Русская старина» № 2, 1884 г., стр. 277—287.

Крылов Н. А. Воспоминания мирового посредника первого призыва о введении в действие Положений 19-го февраля 1861 г. [в Чистопольском, Спасском и Лемешевском уездах, Казанской губернии]. — «Русская старина» № 4, 1892 г., стр. 81—102; № 6, стр. 615—636.

Куломзин А. Н. Воспоминания мирового посредника [Кинешемский уезд, Костромской губернии]. Подготовил И. Г. Яшунский. — В кн.: Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, вып. 10, М. 1941, стр. 2—32.

Кусков П. А. Воспоминания. — «Исторический вестник» № 12, 1910, стр. 918—936. О деятельности главного выкупного учреждения.

Лазарев Е. Е. Воспоминания об освобождении крестьян, «Сеятель», М. 1918, VI, 91 стр. Воспоминания крестьянина

Луцкий В. Н. Из записок. — «Русская старина» № 2, 1904 г., стр. 303—323; № 3, стр. 557—575; № 4, стр. 137—150; № 5, стр. 320—336. Служебная деятельность, в том числе в роли мирового посредника Ставропольского уезда, Самарской губернии.

Мировые посредники первого призыва. (Личные воспоминания.) — «Исторический вестник» № 7, 1904 г., стр. 88—100. Подпись: Н. А. К. Автор — мировой посредник одной из средневожских губерний.

Минх А. Н. Из записок мирового посредника [Аткарского уезда, Саратовской губернии]. 1861—1866 годы. — В кн.: Материалы по крестьянскому праву. Саратовская губерния, Саратов 1911, стр. 1—29.

То же. — Отд. изд., Саратов 1911, 29 стр.

Могол К. Крестьянские беспорядки в одном из сел Кременецкого уезда (1862—1863 гг.). — «Русский вестник» № 2, 1868 г., стр. 659—692.

Носович С. И. Крестьянская реформа в Новгородской губернии. Записки С. И. Носовича. 1861—1863 гг. С предисловием В. И. Семевского, Спб. 1899, IV, 197 стр.

Обнинский П. Н. Из воспоминаний юриста. — «Русский архив», кн. 1, 1892, стр. 98—138. Воспоминания мирового посредника Калужской губернии.

Обнинский П. Н. Калужское губернское по крестьянским делам присутствие при В. А. Арцимовиче (1861—1863). — «Русская мысль», кн. 4, 1896, стр. 45—78; кн. 5, стр. 1—22; кн. 6, стр. 21—53.

Отрывки из Черниговских воспоминаний (1861—1863 гг.). — «Киевская старина» № 2, 1901 г., стр. 352—367; № 5, стр. 282—300. Подпись: А. Л. Автор — член от правительства мировых съездов Кролевецкого, Борзинского и Конотопского уездов.

Пивин П. А. Мои воспоминания. — «Русская старина» № 8, 1910 г., стр. 237—239. О волнении крестьян в Лаишевском уезде, Казанской губернии, в 1861 г.

Полевой Н. Два года. 1864—1865. Из истории крестьянского дела в Минской губернии [Бобруйский уезд] — «Русская старина» № 1, 1910 г., стр. 47—63; № 2, стр. 247—270; № 4, стр. 3—25.

Половцев А. А. Дневник мирового посредника Александра Андреевича Половцева (Петербургской губернии, Лужского уезда). — «Русская старина» № 1, 1914 г., стр. 95—104; № 2, стр. 297—305; № 3, стр. 642—649; № 4, стр. 170—171; № 9, стр. 408—411.

Половцев Ф. А. Из воспоминаний 1859—1861 годов. — «Исторический вестник» № 10, 1907 г., стр. 100—123; № 11, стр. 462—486.

Пономарев Н. К. Воспоминания мирового посредника первого призыва [Лебединский уезд, Харьковской губернии]. 1861—1863. — «Русская старина» № 2, 1891 г., стр. 303—328.

Решетов Н. Эпизоды при введении Положения 19-го февраля 1861 года [в Новоскольском уезде, Курской губернии]. — «Русский архив», кн. 3, 1885, стр. 273—282.

Рошаховский К. А. Мемуары времени освобождения крестьян [Бобринецкий уезд, Херсонской губернии]. — «Киевская старина» № 6—7, 1887 г., стр. 369—450.

Славутинский С. Т. Волости первого моего участка (Из отрывочных воспоминаний) [Вилькомирский уезд, Ковенской губернии]. — «Русский вестник» № 8, 1879 г., стр. 748—807; № 9, стр. 36—65; № 10, стр. 494—547.

Странички из истории освобождения крестьян. — «Русская старина» № 5, 1904, стр. 451—454. Воспоминания о событиях в селе Бездна.

Толстой Л. Н. Письмо к М. Н. Каткову 29/VI 1861 г. — В кн.: *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений, т. 60, М. 1949, стр. 395. В письме имеется характеристика мировых посредников Крапивенского уезда, Тульской губернии.

Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского, т. 1, кн. 2, М. 1904, [584] стр. Часть 4, 1861—1863 гг. Введение в действие нового положения. Кн. В. А. Черкасский — мировой посредник.

Филлипов К. Заметки мирового посредника, Спб. 1867, 241 стр. Хвалебная песнь мировому посреднику. Сообщил Л. Мациевич. — «Русская старина» № 5, 1878 г., стр. 190—191.

То же. Сообщил В. А. Роткирх. — «Русский архив», кн. 1, 1909, стр. 277—278.

К. Д. Хрущев и бывшие его крепостные. — «Русская старина» № 3, 1888 г., стр. 785—790. Составление уставных грамот в Ахтырском уезде, Харьковской губернии.

Худеков С. Бунт в Кандеевке в 1861 году. — «Исторический вестник» № 12, 1881 г., стр. 773—793.

Худеков С. Н. Усмирение крестьян в Черной Слободе, Шацкого уезда, в 1861 году. — «Исторический вестник» № 6, 1881 г., стр. 415—418.

Царевщенские бунтовщики (Из воспоминаний о 60-х годах). — «Русская старина» № 3, 1908 г., стр. 553—562. Подпись: А. А-х. Из истории проведения реформы в Самарском уезде, Самарской губернии.

Эвальд А. В. Воспоминания. Служба первая. Главное выкупное учреждение. — «Исторический вестник» № 11, 1902 г., стр. 454—474.

Якунин Ив. Два эпизода из эпохи освобождения крестьян. — «Древняя и Новая Россия», т. 1, 1877, № 3, стр. 304—307.

ИССЛЕДОВАНИЯ

а) Работы до 1917 года

Анисимов В. И. Наделы. — В кн.: Великая реформа, т. 6. М. 1911, стр. 76—103.

Боков В. Е. Об освобождении горнозаводского населения Урала от обязательного труда. — «Русский архив», кн. 1, 1916, стр. 235—255.

Василенко Н. Первые шаги по введению Положения 19 февраля 1861 года в Черниговской губернии (К 40-летию со дня освобождения

ния крестьян). — «Киевская старина» № 3, 1901 г., стр. 396—423; № 4, стр. 97—125; № 11, стр. 303—327.

Великая реформа (19 февраля 1861—1911). Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание, т. 1—6, М. 1911.

Вильсон И. Выкупные за земли платежи крестьян-собственников бывших помещичьих. 1862—1876. Статистическое исследование. — Записки Русского географического общества по отделению статистики, т. 5, 1878, стр. 259—380.

То же: Отд. оттиск, Спб. 1878, [120] стр.

Воропонов Ф. Ф. Результаты поверки уставных грамот. Из Могилевского уезда, Подольской губернии, [Киев] 1867, 27 стр.

Джанишев Г. А. Эпоха великих реформ. Исторические справки, изд. 9, доп., Спб. 1905, [954] стр.

Дружинин Н. Итоги крестьянского освобождения. — «Наблюдатель» № 7, 1890, стр. 118—155; № 8, стр. 81—95; № 9, стр. 95—113.

Еврешнов В. А. Крестьянское дело по Положению 19 февраля 1861 г. Исторический обзор, т. 1—3, Спб. 1913.

Зарудный М. И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов, Спб. 1874, 224 стр.

Из эпохи крестьянской реформы на юге России (Народные слухи и толки о воле и земле). — «Киевская старина» № 1, 1886 г., стр. 91—110. Подпись: П. Е. Слухи о «второй воле» 1861—1862 гг. среди крестьян Харьковской губернии.

Иванюков И. Падение крепостного права в России, изд. 2, Спб. 1903, 400 стр.

Игнатович И. И. Бездна. — В кн.: Великая реформа, т. 5, М. 1911, стр. 211—219.

Игнатович И. И. Волнения помещичьих крестьян от 1854 по 1863 г. — «Минувшие годы» № 5—6, 1908 г., стр. 93—127; № 7, стр. 45—92; № 8, стр. 181—208; № 9, стр. 152—173; № 11, стр. 189—211.

Игнатович И. И. Встреча на местах. — В кн.: Великая реформа, т. 5, М. 1911, стр. 172—178.

Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения, изд. 3, доп., Л., «Мысль», 1925, 405 стр.

Кованько П. Л. Реформа 19 февраля 1861 года и ее последствия с финансовой точки зрения (Выкупная операция 1861 г. — 1907 г.), Киев 1914, 484, 81 стр.

Корнилов А. А. Деятельность мировых посредников. — В кн.: Великая реформа, т. 5, М. 1911, стр. 237—252.

Корнилов А. А. Крестьянская реформа, Спб. 1905, 271 стр. (Великие реформы 60-х годов в их прошлом и настоящем).

Корнилов А. А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В. А. Арцимовиче, Спб. 1904, 276 стр.

Корнилов А. А. Крестьянское самоуправление по Положению 19 февраля. — В кн.: Великая реформа, т. 6, М. 1911, стр. 137—157.

Крестьянское дело в Северо-Западном крае. — «Русский вестник» № 10, 1868, стр. 713—773; № 12, стр. 606—653. Подпись W.

Леонтовский В. Начальные моменты введения крестьянской реформы в Полтавской губернии. — «Чтения в историческом обществе Нестора-летописца», кн. 18, 1904, вып. 2, отд. 5, стр. 13—29.

Лосицкий А. Е. Выкупная операция, Спб. 1906, 56 стр.

Лосицкий А. Е. Надел и выкуп. К характеристике раскрепощения крестьянства. — «Современный мир» № 3, 1911 г., стр. 228—239.

Лосицкий А. Е. Хозяйственные отношения при падении крепостного права. — «Образование» № 11а, 1906 г., стр. 192—220.

Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России, т. I. Разложение натурального строя и условия образования сельскохозяйственного рынка, изд. 4, Л., «Прибой», 1925, 278 стр.

Маркевич А. И. Освобождение крестьян в Таврической губернии (По архивным материалам). — «Известия Таврической ученой архивной комиссии» № 47, 1912 г., стр. 1—65.

Мельгунов С. П. 5 марта 1861 г. — В кн.: Великая реформа, т. 5, М., 1911, стр. 164—171.

Мигулин П. П. Выкупные платежи. К вопросу о их понижении, Харьков 1904, 59 стр.

Миловидов А. И. Освобождение крестьян Северо-Западного края и поземельное устройство их при графе М. Н. Муравьеве. — В кн.: Виленский календарь на 1902 г., Вильно 1901, стр. 308—361.

То же: Отд. оттиск, Вильно 1901, 56 стр.

Миловидов А. И. Устройство общественного быта крестьян Северо-Западного края при графе М. Н. Муравьеве. — В кн.: Виленский календарь на 1903 год, Вильно 1902, стр. 218—250.

Плеханов Г. В. «Освобождение» крестьян (Справка к пятидесятилетию). — В кн.: Плеханов Г. В. Сочинения, т. 24, М. — Л., 1927, стр. 3—33.

Повалишин А. Рязанские помещики и их крепостные. Очерки из истории крепостного права в Рязанской губернии в XIX столетии, Рязань 1903, [443] стр.

Покровский М. Н. Крестьянская реформа. — В кн.: История России в XIX веке, т. 3, Спб., стр. 68—179.

То же: Отд. изд., [Харьков] 1926, 148 стр.

Попельницкий А. Как принято было Положение 19 февраля 1861 года освобожденными крестьянами. — «Современный мир» № 2, 1911 г., стр. 211—235. № 3, стр. 167—187.

Попельницкий А. Первые шаги крестьянской реформы. По донесениям свитских генерал-майоров и флигель-адъютантов с марта по июнь 1861 г. — В кн.: Великая реформа, т. 5, М., 1911, стр. 179—211.

Попельницкий А. Специальная цензура книг и статей по крестьянскому вопросу в 1861—1862 гг. — «Русская старина» № 2, 1916 г., стр. 294—309.

Ребрин И. А. Крестьянская реформа в Екатеринославской губернии (Исторический очерк). — В кн.: Екатеринославская губерния, вып. 3. Памятная книжка и адрес-календарь 1903 года, Екатеринослав 1903, стр. 1—312.

То же: Отд. оттиск, Екатеринослав 1903, 312 стр.

Рихтер Д. Материалы по вопросу о земельных наделах бывших помещичьих крестьян, — «Вестник финансов» № 39, 1900 г., стр. 584—605. Литва, Белоруссия и Правобережная Украина.

Сахаров Н. Объявление воли в Калужской губернии (Из материалов к биографии В. А. Арцимовича). — «Русская мысль», кн. 9, 1899, стр. 1—33.

Сваричовский Вл. К истории освобождения крестьян. — «Журнал Юридического общества при Санкт-Петербургском университете», кн. 6, 1897, стр. 63—74. К вопросу о ходе проведения в жизнь реформ в Киевской, Подольской и Волынской губерниях.

Святловский В. В. Мобилизация земельной собственности в России (1861—1908), изд. 2, пересмотр. и доп., Спб. 1911, 151 стр.

Семенов Н. Проекты манифеста 19 февраля 1861 года. — «Русский вестник» № 6, 1891 г., стр. 45—66.

Спешневский В. Крепостные крестьяне Нижегородской губернии накануне реформы 19 февраля и в первые годы после нее. — В кн.: Действия Нижегородской губернской архивной комиссии. Сборник статей, сообщений, описей и документов, т. 3, Спб. 1898, стр. 57—86.

Степанов Н. Наделение землей горнозаводского населения Урала, Спб. 1914, 91 стр.

Сухомлинов М. И. Два эпизода из эпохи освобождения крестьян. — «Исторический вестник» № 1, 1885 г., стр. 72—79. По поводу составления проекта манифеста 19 февраля 1861 года.

Ходский А. В. Земля и земледелец. Экономическое и статистическое исследование, т. 2, Спб. 1891, 109 стр.

Ходский А. В. Экономические принципы крестьянской реформы и их возможное развитие. — «Русская мысль», кн. 7, 1881, стр. 1—41. Преимущественно о выкупных платежах.

Шаховский Д. И. Выкупные платежи. — В кн.: Великая реформа, т. 6, М. 1911, стр. 104—136.

Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. Спб. 1877, 194 стр.

Ястремский Ф. Поземельное устройство крестьян Минской губернии, Минск 1902.

б) Работы после 1917 года

Айзенберг Л. К трагедии горнозаводских крестьян в Оренбургском крае (По освобождению от крестьянской зависимости). — «Архив истории труда в России», кн. 6—7, 1923, стр. 137—154.

Ашурков В. И. Освобождение тульских оружейников. — В кн.: «Исторические записки», вып. 6, М. 1940, стр. 215—234.

Балагуров Я. А. Проведение реформы 1861 г. на Кажимских горных заводах. — Ученые записки Карело-Финского гос. университета, т. 1, 1946, стр. 5—26.

Белан М. И. Крестьянская реформа 1861 года и крестьянское движение в Черниговской губернии. Автореферат диссертации, Киев 1952, 14 стр.

Белан Ю. Я. Крестьянское движение в Киевской губернии в 1863—1870 гг. — Наукові записки Київського державного університету, т. 8, 1949, вип. 1, стр. 123—138.

Білан Ю. Я. Селянський рух на Київщині в період проведення уставних грамот в 1862 році. — Наукові записки Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка, т. 6, 1947, вип. 1, стр. 127—142.

Бочкарев В. Н. Из истории помещичьего хозяйства в России середины XIX века (По семейной переписке Елагиных). — «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. 4, 1929, стр. 206—217. Краткие данные о проведении реформы в Болховском уезде, Орловской губернии, и Белевском уезде, Тульской губернии, стр. 212—217.

Будаев Д. И. К вопросу о надельном землевладении крестьян Смоленской губернии после 1861 года (По уставным грамотам Ель-

нинского, Дорогобужского, Сычевского и Красинского уездов). — В кн.: Сборник научных работ, посвященных 25-летию Смоленского краеведческого научно-исследовательского института, Смоленск 1957, стр. 298—335.

Бычкаускас-Гентвала Л. Н. Крестьянская реформа и восстание 1863 года в Литве. Автореферат диссертации, М. 1955, 24 стр.

Вульфсон Г. и Бушканец Г. Безднинское восстание в освещении «Современника» Н. Г. Чернышевского и «Колокола» А. И. Герцена, Татгосиздат, Казань 1951, 16 стр.

Вульфсон Г. Н. Борьба вокруг реформы 1861 года в Казанской губернии. Автореферат диссертации, М. 1950, 18 стр.

Горовой Ф. С. Введение уставных грамот в помещичьих имениях Пермской губернии. — Ученые записки Пермского гос. университета им. А. М. Горького, т. 8, 1953, вып. 2, стр. 94—154.

Горовой Ф. С. Волнения крестьян Пермского Предуралья в 60-х годах XIX века, Облиздат, Пермь 1951, 154 стр.

Горовой Ф. С. О причинах задержки обнародования манифеста 19 февраля 1861 года. — «Вопросы истории» № 5, 1952 г., стр. 97—102.

Горовой Ф. С. Проведение выкупной операции в Пермской губернии. — Ученые записки Пермского гос. университета им. А. М. Горького, т. 8, 1953, вып. 2, стр. 155—214.

Горовой Ф. С. Реформа 1861 года на казенных заводах Урала. — Ученые записки Пермского гос. университета им. А. М. Горького, т. 7, 1955, вып. 2, стр. 3—104.

Григорьев Т. Г. Крестьянское движение в Чувашии в период подготовки и проведения отмены крепостного права. Автореферат диссертации., М. 1952, 15 стр.

Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России, Госполитиздат, М. 1954, 291 стр.

Зимина В. Г. Крестьянская реформа во Владимирской губернии. Автореферат диссертации, М. 1956, 15 стр.

Игнатов П. Г. Реформа 19 февраля 1861 г. (По материалам уставных грамот Тверского, Бежецкого и Осташковского уездов, Тверской губернии). Автореферат диссертации., М. 1951, 11 стр.

Ильин Г. В. Аграрная реформа 1861 года в Московской губернии. Автореферат диссертации, М. 1950, 15 стр.

Катаев И. Крестьянская реформа 1861 г. в вотчине Орловых-Давыдовых (По материалам усольского вотчинного архива). — «Коммунист» (Куйбышев) № 4, 1941 г., стр. 72—78.

Козьменко И. В. Архив кн. В. А. Черкасского. Обзор материалов по крестьянскому делу и переписки. — Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, вып. 10, М. 1941, стр. 43—58.

Койстинен Г. С. Проведение крестьянской реформы 1861 г. в Петербургской губернии. Автореферат диссертации, Махачкала 1953, 18 стр.

Колесников А. И. Реформа 1861 года на юге Украины. — Труды исторического факультета Одесского гос. университета, т. 1, 1939, стр. 131—161.

Короткевич А. Т. Отмена крепостного права в Витебской губернии. Автореферат диссертации, М. 1954, 18 стр.

Корсаков И. Крестьянская реформа 1861 г. в Мордовии. — Записки Мордовского научно-исследовательского института языка,

литературы и истории при Совете Министров Мордовской АССР, т. 15, 1952, стр. 139—154.

Крикунов В. П. Из истории крестьянского движения на Северном Кавказе. Борьба крестьян Воронцово-Александровки против введения уставной грамоты. — Ученые записки Кабардинского гос. педагогического института, вып. 9, 1956, стр. 31—65.

Крикунов В. П. Крестьянская реформа 1861 года в Ставропольской губернии, Кн. изд., Ставрополь 1949, 83 стр.

Крутиков В. И. Отмена крепостного права в Тульской губернии. Общ. ред. доктора исторических наук проф. П. А. Зайончковского, Тула 1956, 124 стр.

Левашов В. Реформа 1861 года в Самарской и Симбирской губерниях, Кн. изд., Куйбышев 1940, 72 стр.

Лившиц Э. А. «Реформа» 1861 г. и горнозаводские рабочие Урала. — «Исторические записки», вып. 30, 1949, стр. 140—171.

Линков Я. И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг., Учпедгиз, М. 1952, 278 стр.

Литвак Б. Г. Уставные грамоты Московской губернии как источник по истории реализации «Положений» 19 февраля 1861 г. Автореферат диссертации, М. 1956, 16 стр.

Максимова К. Ф. Крестьянская реформа 1861 года в Тамбовской губернии. Автореферат диссертации, М. 1951, 18 стр.

Маханек К. С. Восстание крестьян коми-пермяков 1861—1862 гг. (Егвинский расстрел крестьян). — Ученые записки Пермского гос. педагогического института, вып. 11, 1948, стр. 3—19.

Маханек К. С. Восстание крестьян коми-пермяков в 1861 году. Автореферат диссертации, Пермь 1951, 26 стр.

Мороховец Е. А. Крестьянская реформа 1861 г. Научно-популярный очерк. Соцэкгиз, М. 1937, 164 стр.

Найденев М. Е. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863), М. 1955, 327 стр.

Орлов В. С. Отмена крепостного права в Смоленской губернии, Смоленск 1947, 180 стр.

Осват А. Б. Материалы архива флигель-адъютанта Корсакова как источник для истории реформы 1861 г. в Курской губернии. — В кн.: Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, вып. 10, М. 1941, стр. 72—90.

Писарев В. И. Крестьянская «реформа» 1861 г. на Дону и ее социально-экономические итоги. — «Известия Северо-Кавказского гос. университета», т. 1 (13), 1928, стр. 34—41.

Писарев В. И. Ликвидация крепостного права в Приазовье. 1857—1863 гг. (На основании неизданных материалов), Ростов-на-Дону 1924, 124 стр.

Пойда Д. П. К вопросу о подготовке и ходе реформы 1861 года в Екатеринославской губернии. — Научные записки Днепропетровского гос. университета, т. 42, 1953, стр. 85—106.

Полосин И. И. Шуваловщина в 1858—78 гг. (Из истории аграрной реформы в Верейском уезде, Московской губернии). Очерк 1. — Труды общества изучения Московской области, вып. 6, 1930, стр. 7—50.

Потетенькин П. М. Крестьянские волнения в Саратовской губернии в 1861—1863 гг. Под ред. А. М. Панкратовой, Облиздат, Саратов 1940, 72 стр.

Савельев Н. Крестьянская реформа 1861 года на Алтае, Барнаул 1950, 63 стр.

Сикорский Н. М. Журнал «Современник» и крестьянская реформа 1861 г. Из истории русской революционно-демократической журналистики, М. 1957, 196 стр. (АН СССР. Научно-популярная серия).

Синотов И. П. Аграрная реформа 19 февраля 1861 года в Ярославской губернии (Бурмакинская волость, Ярославского уезда). — Труды Ярославского педагогического института, т. 3, 1929, вып. 3, стр. 83—110.

Терешкина М. И. Крестьянская реформа в Марийских районах. Автореферат диссертации, Йошкар-Ола 1951, 26 стр.

Токарева А. Крестьянская реформа 1861 г. в Вятской губернии, Облиздат, Киров 1941, 74 стр.

Устюжанин Е. И. Крестьянское движение в Казанской губернии в период реформы 1861 г. — В кн.: Материалы по истории Татарии, вып. 1, Казань 1948, стр. 414—487.

Филиппов Р. В. Проведение реформы 1861 года в Олонецкой губернии. Автореферат диссертации, Петрозаводск 1953, 28 стр.

Филиппова С. С. Осуществление реформы 19 февраля 1861 года в Московской губернии (По материалам Бронницкого и Рузского уездов). Автореферат диссертации, М. 1953, 18 стр.

Фильгус Е. Крестьянский вопрос и русская армия в период подготовки и проведения крестьянской реформы. — Ученые записки Астраханского педагогического института, т. 4, 1955, стр. 39—66.

Флоровский А. В. «Воля панская и воля мужицкая». Страницы из истории аграрных волнений в Новороссии. 1861—1863. Одесса 1921, 76 стр.

Флоровский А. В. Крестьянская реформа и высшая администрация Новороссийского края. — В кн.: Посев. Одесса — Поволжье. Литературно-критический и научно-художественный альманах. Одесса 1921, стр. 143—154.

Фридман М. Б. «Крестьянская реформа» 1861 г. в Минской губернии. — Ученые записки Белорусского гос. университета, вып. 16, 1953, стр. 137—164.

Фридман М. Б. Крестьянское движение в Минской губернии после реформы 1861 года. — Ученые записки Белорусского гос. университета, вып. 10, 1950, стр. 35—59.

Чебаевский Ф. Движение нижегородского крестьянства во время подготовки и проведения реформы 1861 года. — «Вопросы истории» № 11, 1950, стр. 91—100.

Чернышов Е. И. Крестьянская реформа в Казанской губернии. — В кн.: Материалы по истории Татарии, вып. 1, Казань 1948, стр. 366—413.

Шевченко М. М. Помещичьи крестьяне Воронежской губернии накануне и в период падения крепостного права. Автореферат диссертации, Воронеж 1956, 23 стр.

Яшунский И. Г. Из переписки Н. А. Елагина. — В кн.: Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, вып. 10, М. 1941, стр. 64—72.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

Авалиани С. Л. Библиографический указатель юбилейной литературы о крепостном праве и крестьянской реформе. 1861, Одесса 1911, 21 стр.

Зайончковский П. А. Библиография (Основные источники и литература). — В кн: *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России, М. 1954, стр. 278—291.

Кизеветтер А. А. Обзор юбилейной литературы 1911 г. по истории крестьянской реформы 1861 г — «Научный исторический журнал», т. 1, 1913, вып. 2, стр. 71—80.

«Колокол». Издание А. И. Герцена и Н. П. Огарева 1857—1867 гг. Систематизированная роспись статей и заметок, М. 1957 (Гос. публичная историческая библиотека).

[*Ламбины П. П.* и *Б. П.*] Русская историческая библиография [Т. 7—10.] 1861—1864. Спб. 1870—1884. Раздел VIII. История русского права и крестьянского вопроса.

Межов В. И. Земский и крестьянский вопросы Библиографический указатель книг и статей, Спб. 1873, 79 стр.

Межов В. И. Крестьянский вопрос в России. Полное собрание материалов для истории крестьянского вопроса на языках русском и иностранных, напечатанных в России и за границей. 1764—1864. Спб. 1865, VIII, 421 стр.

Межов В. И. Русская историческая библиография за 1865—1876 включительно, т. 1—8, Спб. 1882.

Мороховец Е. Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России. Крестьянское движение 1861—1900. — «Вестник Социалистической академии», кн. 5, 1923, стр. 276—287.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹

А

- Архангельская губ.* — 137.
Астраханская губ. — 107, 137,
 296, 299, 316, 363.

Б

- Белоруссия* — 5, 32, 149, 365,
 369, 370, 372—374, 378,
 390, 402, 414, 419, 426.
Бессарабская область — 137, 363.
Кишинев — 56.

В

- Виленская губ.* — 25, 27, 43, 66,
 74, 108, 132, 304, 365—367,
 390, 391, 396—399, 401.
Вильно — 370.
Виленский уезд — 25, 391—
 393, 394, 395, 399, 400.
Бодбржезь — 393.
Буйки — 400.
Гельванки — 400.
Верки — 392.
Каменный Лог — 392.
Ловмяны — 392.
Стырня — 392.
Дисненский уезд — 75, 399.
Лидский уезд — 399.
Ошмянский уезд — 75, 399.
Ивье — 75.
Свенцянский уезд — 75.

- Витебская губ.* — 21, 65, 95,
 107, 132, 139, 148, 304,
 365—367, 370—372, 376,
 378, 391, 396—401.
Двинский уезд — 400.
Динабургский уезд — 139,
 367, 376.
Дризенский уезд — 139, 367,
 376, 400.
Люцинский уезд — 139, 367,
 376, 400.
Режицкий уезд — 139, 367,
 376, 400.
Владимирская губ. — 3, 4, 11, 23,
 63, 89, 104, 107—109, 112,
 132, 136, 148, 182, 190,
 195—199, 296, 299, 305,
 306, 316, 317, 325, 363, 426.
Александровский уезд — 108,
 190, 191.
Владимирский уезд — 108,
 148, 191.
Владимир — 56, 93.
Вязниковский уезд — 148,
 191.
Гороховецкий уезд — 109,
 190, 191.
Ковровский уезд — 148, 191.
Меленковский уезд — 108,
 190, 191.
Муромский уезд — 190, 191.
Переславский уезд — 190,
 191.
Покровский уезд — 4, 23, 109,
 112, 148, 182, 190—196,
 198, 199.

¹ В данный указатель не включены названия рек и пустошей.

- Амафорово — 196.
 Бережки — 195.
 Глубоково — 196.
 Марково — 196.
 Пекоцкий Ям — 196.
 Ситниково — 198.
 Судогодский уезд — 190, 191, 195.
 Быково — 195.
 Суздальский уезд — 191, 196, 198.
 Жадинское — 198.
 Шуйский уезд — 191, 195, 197, 316, 317, 325—328.
 Ананкино — 197, 327.
 Богородское — 327.
 Булатово — 327.
 Голенищево — 326.
 Клинцово — 327.
 Ожерелово — 326.
 Пелгусово — 195.
 Рылаково — 197, 327.
 Семеновское — 197, 327.
 Сергиевское — 327.
 Тамарово — 195.
 Ширяево — 326.
 Юрьевский уезд — 4, 23, 104, 108, 112, 182, 191—194, 196, 198, 199.
 Васильевское — 196.
 Дубровка — 192.
 Кузьминское — 104.
 Некормно — 198.
 Стряпково — 104.
 Танково — 196.
 Федоровское — 198.
 Шельбово — 192.
 Вологодская губ. — 5, 47, 107, 137, 265, 289, 291, 306, 316, 360, 360, 363.
 Никольский уезд — 5, 137, 289, 290, 291, 293, 360, 361.
 Борисово — 290.
 Горки — 290.
 Дмитрово — 290.
 Легитово — 290.
 Погорелово — 290.
 Тотемский уезд — 5, 137, 289, 291, 360, 361.
 Андреева Починка — 292.
 Аниково — 292, 293.
 Дьяково — 292.
 Зубориха — 293.
 Княжево — 292.
 Матвеевка — 292, 293.
 Рослово — 293.
 Фетиньино — 293.
 Фетьино — 293.
 Фролово — 292.
 Волынская губ. — 14, 65, 107, 132, 304, 365, 406, 407, 411—413, 416, 417, 419—421.
 Дубенский уезд — 413.
 Заславский уезд — 419.
 Ковельский уезд — 413.
 Овручский уезд — 419.
 Островский уезд — 413.
 Староконстантиновский уезд — 421.
 Воронежская губ. — 5, 35, 103—105, 107, 110, 111, 117, 126, 132, 136, 138, 200, 220, 238, 294, 296, 299, 300, 301, 307, 315, 316, 337, 340, 341, 349, 363, 426.
 Валуйский уезд — 5, 35, 103, 200, 220, 232—235, 239, 341, 348, 426.
 Алексеевское — 234.
 Деминское — 234.
 Кочережское — 234.
 Красная — 233.
 Ладомировка — 235.
 Любвин — 233.
 Новопетровка — 342.
 Петровское — 236, 342.
 Погромец, Петровское тож — 235.
 2-е Самарино — 234.
 Сторцево — 235, 342.
 Федоровка — 342.
 Фощеватое — 235.
 Чичерово — 235.
 Нижнедевицкий уезд — 5, 103, 111, 200, 220—225, 239, 337—339, 349.
 Александровка — 222.
 Андреевка — 222.
 Бекетово — 338.
 Березовый Колодец — 225.
 Богородицкое — 339.
 Быстрик — 226.
 Городище — 225, 339.
 Заячье — 225.
 Змеевка — 225.
 Максимовка — 226.
 Марьино — 223.

Норово, Ратаево тож — 111, 225, 339.

Отрада — 222.

Петровское — 221.

Покровское — 226.

Предтечевка — 221, 225

Новохоперский уезд — 5, 103—105, 110, 200, 220, 226—230, 239, 340, 349.

Алений Кут — 110, 226, 230.

Алферовка — 232.

Знаменское — 230.

Ивановка — 341.

Кирсановка — 226.

Красная — 105, 227, 230—232.

Новоспасовка — 230.

Петровское — 228, 232, 340, 341.

Печерский — 227.

Поганки — 230, 340.

Подосиновка — 104, 227.

Тихвинское — 230.

3-е Ярославское Общество — 228.

Вятская губ. — 47, 96, 107, 132, 148, 306, 316, 363.

Елабужский уезд — 96.

Сарапульский уезд — 96.

Г

Гродненская губ. — 65, 95, 96, 108, 132, 304, 365—367, 379, 391, 396—399, 401.

Белостокский уезд — 399.

Бельский уезд — 95.

Гродненский уезд — 399.

Кобринский уезд — 399.

Слонимский уезд — 400.

Е

Европа — 9, 424.

Европейская Россия — 4, 14, 34, 36, 137, 397.

Екатеринославская губ. — 5, 27, 102, 107, 126, 127, 132, 137, 139, 265, 286, 287, 294, 296, 297, 299, 300, 307, 315, 316, 358, 363, 425.

Александровский уезд — 5, 286—288, 294, 358.

Антоновка — 288.

Богдановка — 288.

Васильевка — 289.

Вербово — 359.

Максимовка — 288.

Миролюбовка — 288.

Мирополь — 289.

Синегубовка — 359.

Павлоградский уезд — 126.

Ростовский уезд — 297.

Шабельск — 297.

З

Земля Войска Донского (Область Войска Донского) — 107, 137, 139, 226, 316, 363.

К

Казанская губ. — 66, 69, 86, 107, 127, 132, 134, 136, 148, 266, 296, 299, 307, 316, 363.

Казань — 68—70.

Спасский уезд — 66, 67, 70.

Бездна — 66—71.

Калужская губ. — 65, 95, 96, 107, 132, 136, 296, 299, 306, 316, 363, 364.

Киевская губ. — 14, 35, 107, 126, 127, 129, 130, 132, 304, 365, 406, 411—417, 419, 420.

Киев — 79, 420.

Звенигородский уезд — 126, 127, 130.

Каневский уезд — 130.

Радомысльский уезд — 419.

Сквирский уезд — 413.

Таращанский уезд — 130.

Уманский уезд — 414, 415, 419.

Кислина — 414.

Легезин — 415.

Росохваты — 415.

Сычевка — 415, 419.

Талаевка — 414.

Текучи — 419.

Ягубец — 414.

Черкасский уезд — 130, 413.

Чигиринский уезд — 130, 419.

Ковенская губ. — 43, 65, 66, 75, 95, 108, 132, 304, 365—368, 374, 381, 391, 396—401.

- Вилькомирский уезд — 368, 369.
 Вижунская вол — 368
 Дубейская вол — 368
 Судейская вол — 368, 369.
 Трашкунская вол. — 368.
 Уцянская вол. — 368.
 Новоалександровский уезд — 368, 400.
 Дукштанская вол. — 368
 Поневежский уезд — 95, 400
 Биржи — 95.
 Тельшевский уезд — 368, 369, 400.
 Грушловка — 368.
 Добряны — 368, 369
 Корцяны — 369.
 Лавкацем — 368
 Плательская вол. — 368
 Шатейковская вол — 368
 Костромская губ. — 107, 118, 132, 136, 296, 306, 316, 363
 Крым — 101.
 Курляндская губ. — 132.
 Курская губ. — 31, 66, 89, 107, 117, 118, 132, 136, 220, 232, 296, 299, 307, 315, 316, 363.
 Грайворонский уезд — 66.
 Путивльский уезд — 66.
 Рыльский уезд — 66
- Л**
- Левобережная Украина — 25, 240, 264
 Литва — 5, 32, 149, 365, 369, 371—374, 378, 390, 402, 414, 419, 426.
- М**
- Минская губ. — 19, 20, 25, 27, 43, 75, 106, 108, 109, 132, 304, 365—367, 371, 379, 388—391, 393, 396—398, 400, 401.
 Бобруйский уезд — 388, 391
 Игуменский уезд — 25, 391, 393—395, 400.
 Вендежа — 401.
 Городище — 394.
 Дудзичи — 394.
 Журавское — 394.
 Замостье — 394
 Замосточе — 395
 Заозерье — 395, 400
 Поречье — 394.
 Рудня-Черневская — 395
 Самуелево — 395
 Щитковичи — 400, 401
 Мозырский уезд — 388, 391, 400.
 Новогрудский уезд — 43, 400.
 Речицкий уезд — 388, 389, 391
 Лоево — 389.
 Слуцкий уезд — 388, 400.
 Могилевская губ. — 42, 65, 107, 128, 132, 139, 148, 365, 370—372, 378, 397, 398, 401.
 Любавичи — 128
 Московская губ. — 3, 4, 18, 19, 23, 95, 99, 107, 110, 132, 136, 148, 157, 182—184, 186—189, 198, 199, 296, 299, 304—307, 316, 328, 363, 426.
 Архангельское — 52.
 Богородский уезд — 99, 183—189, 199, 304, 305, 307.
 Сенкинская вол. — 99
 Авсютино — 185.
 Бронницкий уезд — 182, 184
 Верейский уезд — 18, 183—186, 188, 189, 199, 305.
 Вышгородская вол. — 18.
 Волоколамский уезд — 183—189, 317, 328.
 Владычино — 187.
 Дмитровский уезд — 99, 183—186, 188, 189.
 Ивлевская вол. — 99.
 Звенигородский уезд — 183—186, 188, 189.
 Клинский уезд — 95, 110, 183—186, 188, 189.
 Круговская вол. — 110.
 Коломенский уезд — 182, 184, 305.
 Можайский уезд — 183—186, 188, 189, 199.
 Можайск — 76.
 Московский уезд — 182, 184.
 Москва — 33, 37, 38, 52, 56—58, 60—62, 76, 90, 106, 150, 297, 424.

Подольский уезд — 183—186,
188, 189.

Рузский уезд — 182, 184.

Серпуховской уезд — 183—
189, 199.

Н

Нижегородская губ. — 21, 22,
107, 127, 132, 136, 148,
296, 299, 306, 316, 363.

Новгородская губ. — 4, 50, 107,
110, 118, 132, 136, 157, 158,
170, 181, 296, 299, 306, 316,
363.

Новгородский уезд — 110.

Старорусский уезд — 4, 157—
159, 161, 163, 164—168, 181,
182, 316, 317, 329.

Веретье — 162.

Вознесенки — 318.

Дорогани — 162.

Запрудно — 159.

Заречье — 164.

Красиково — 162.

Кулики — 161.

Кутилиха — 158.

Лазинцы — 163, 166.

Латовни — 317.

Любынь — 318.

Малое Волосково — 160.

Малое Токарево — 161.

Маслино — 317.

Мясницы — 162.

Налючи — 167.

Нижние Будоницы — 161.

Новоборье — 159.

Обши — 317.

Рамушево — 159.

Сельцо — 317.

Сорокопен — 164.

Старицы — 164.

Степаново — 317.

Теляткино — 161, 318.

Токарево — 164.

Щечково — 160.

Ярцево — 160.

Новороссийских губ. — 280.

О

Олонецкая губ. — 107, 148, 296,
306, 316, 363.

Оренбургская губ. — 66, 107,
132, 137, 140, 295, 296, 299,
307, 316, 363.

Орловская губ. — 35, 107, 118,
132, 136, 148, 220, 296, 299,
307, 316, 363, 364.

П

Париж — 38, 58.

Пензенская губ. — 66, 71—73,
86, 91, 96, 107, 118, 123, 125,
127, 132, 136, 148, 294, 296,
299, 307, 316, 363.

Инсарский уезд — 91.

Керенский уезд — 71.

Кандеевка — 73, 79.

Мокшанский уезд — 125.

Назарьевка — 125.

Наровчатский уезд — 123.

Никольское — 123.

Чембарский уезд — 71—73.

Высокое — 72.

Покровское — 72, 73.

Студенки — 72.

Черногай — 73.

Пермская губ. — 36, 42, 47, 76,
105, 108, 109, 128, 129, 132,
295, 296, 299, 306, 316,
363.

Осинский уезд — 105.

Оханский уезд — 128.

Подольская губ. — 14, 35, 95, 96,
107, 126, 128, 132, 304,
365, 406, 407, 411—417,
419—421.

Балтский уезд — 413, 419.

Каменецкий уезд — 419.

Литинский уезд — 126.

Новоушицкий уезд — 96.

Крушеновка — 96.

Ушицкий уезд — 128, 413.

Отроковка — 128.

Ямпольский уезд — 414, 415,
419.

Ветровка — 420.

Дактолия — 415.

Еланец — 415.

Иваньково — 415, 420.

Пелиновка — 415.

Телелинец — 416.

Полтавская губ. — 5, 28, 32, 91,
101—103, 107, 113, 123, 132,
134, 136, 154, 155, 157, 240,
242, 245, 251, 254—256,
259, 261, 296, 299, 301, 307,

316, 342, 349, 363, 420, 425.
Полтава — 134.
Гадячский уезд — 5, 155, 240—242, 251—254, 257, 259, 261, 342, 344, 348.
Броворк — 252.
Веприк — 254.
Голенковщина — 254, 346.
Городище — 254, 345.
Дубровная — 241.
Загребелье — 254, 345.
Красная Лука — 345.
Лютенка — 242.
Максимовка — 345, 346.
Митрофановка — 345, 346.
Нагаиха — 254.
Орабцовщина — 254.
Петровка — 252.
Подставок — 254, 258, 346.
Рашевка — 258.
Ручек — 155, 241.
Рымаровка — 242, 345, 346.
Кобелякский уезд — 259.
Лубенский уезд — 259.
Миргородский уезд — 5, 103, 154, 155, 240—243, 245, 248, 249, 251, 252, 254, 256—259, 261, 342, 348.
Барановка — 243.
Березово-Лукское — 250.
Бологово — 250.
Васильевка — 248.
Врублевская — 250.
Жабокрик — 245.
Зубовка — 244.
Зувец — 242, 245, 246.
Косановщина — 343.
Купчин — 242.
Малодиковщина — 344.
Малые Сорочинцы — 244.
Марьинское — 245.
Миргород (имение) — 241, 344.
М. Хомутец — 154, 155.
Обуховка — 343.
Остаповка — 241.
Патеевская — 250.
Переяславский уезд — 259.
Пирятинский уезд — 123.
Лозовой Яр, — 123.
Хорольский уезд — 134.
Польша — 305, 365, 378, 426.

Варшава — 86.
Правобережная Украина — 5, 14, 29, 32, 138, 365, 369, 371, 402, 405, 409, 415, 416, 421, 422, 426.
Псковская губ. — 107, 118, 132, 136, 148, 296, 299, 306, 316, 363.

Р

Рига — 95.
Рязанская губ. — 95, 96, 103, 107, 117, 118, 132, 136, 137, 295, 296, 299, 307, 316, 363, 364.
Егорьевский уезд — 103.

С

Самарская губ. — 4, 5, 27, 31, 32, 37, 64, 68, 77, 89, 98, 100, 103, 104, 107, 118, 132, 137, 140, 265, 266—268, 272, 294, 296, 299, 307, 316, 349, 360, 361, 363, 425.
Бугульминский уезд — 103, 265.
Благовещенское — 104.
Екатериновка — 104.
Михеевка — 103.
Бугурусланский уезд — 4, 5, 265, 268, 269, 271, 272, 294, 349, 361, 362.
Гундуровка — 361.
Дмитриевка — 362.
Дмитриевское — 351.
Екатериновка — 271.
Измаил — 350.
Николаевка — 270.
Н. Никольское, Похвистнево тож — 272.
Ново-Никольское — 273.
Ново-Петровка — 269.
Новый Городок — 271.
Подкольская — 271.
Седеково — 271.
Смагинская вол. — 362.
Смольковская вол. — 361.
Старая Тургеневка — 361.
Степановка — 362.
Тимашево — 350.
Троицкое — 271.

- Троицкое, Смольково
тож — 350.
- Чесноковка — 271.
- Юматовка — 350.
- Бузулукский уезд — 266, 362.
- Божедаровка — 362.
- Красногорье — 362.
- Куроедовка — 362.
- Таинлинская вол. — 362.
- Николаевский уезд — 265.
- Новоузенский уезд — 5, 27,
104, 265, 267, 273, 351,
360.
- Александрово — 273.
- Балашево — 273.
- Большеузенская — 104.
- Головинщина — 274.
- Камышево — 274.
- Кирилловское — 273.
- Марьино — 104.
- Перелаз — 274.
- Самарский уезд — 5, 98, 266,
274—277, 294, 352.
- Алакаевка — 277.
- Александровка — 277.
- Андреевка — 277.
- Аннино — 277.
- Б. Потуловка — 353.
- Васильевское — 277.
- Горки — 352.
- Дубровка — 352.
- Екатериновка — 275.
- Костливцево — 353.
- Краснояриха — 277.
- Марьевка — 353.
- Михайловка — 275.
- Николаевка — 276.
- Новая — 353.
- Н. Поляны — 275.
- Павловка — 98.
- Спасское — 277.
- Ст. Буян — 352.
- Степановка — 277.
- Супонево — 276.
- Федоровка — 275.
- Царевщина — 353.
- Ставропольский уезд — 265,
268, 362.
- Архангельское — 362.
- Камышинка — 362.
- Озерская вол. — 362.
- Санкт-Петербургская губ. — 22,
65, 107, 115, 132, 136, 148,
157, 296, 299, 306, 316, 363.
- Санкт-Петербург (Петербург,
Ленинград) — 25, 30, 33,
34, 37, 38, 44, 52, 53, 56—
59, 62, 78, 80—81, 148,
150, 297, 306, 409, 424.
- Царскосельский уезд — 115.
- Царское Село — 46.
- Саратовская губ. — 15, 37, 66,
95, 106, 107, 118, 126, 127,
132, 136, 140, 226, 294,
296, 299, 300, 307, 316, 363,
425.
- Аткарский уезд — 95, 126,
127.
- Балашовский уезд — 226.
- Камышинский уезд — 127.
- Сибирь — 74, 83, 120, 126, 139.
- Симбирская губ. — 5, 68, 78, 100,
106, 107, 118, 132, 136, 200,
214, 215, 266, 294, 296, 299,
300, 307, 316, 335, 363.
- Буинский уезд — 78.
- Сенгелеевский уезд — 5, 200,
214, 216—218, 220, 238,
239, 335, 348.
- Архангельское — 219.
- Белое Лебяжье — 337.
- Ивановское, Собакино
тож — 219, 335.
- Карповское — 217.
- Кобелевка — 218.
- Коромысловка — 217.
- Лелоключье — 220.
- Лукино — 214.
- Михайловка — 219.
- Мольнь — 220.
- Мошино — 218.
- Назайкино — 335.
- Н. Измайловка — 214, 216.
- Никифоровская — 220.
- Никольское — 218.
- Платоновка — 335.
- Подъячевка — 220.
- Покровское — 215.
- Поляковское — 217.
- Преображенское — 220.
- Скрипино — 214.
- Скрыпино — 215, 219, 336.
- Сретенские Выселки — 220.
- Уваровка — 215, 218.
- Чекалино — 215, 337.
- Чертановка — 215, 218,
219.

Смоленская губ. — 3, 4, 21, 27,
42, 66, 74, 75, 92, 96, 107,
113, 118, 132, 136, 148, 157,
167, 173, 174, 181, 306, 315,
316—318, 319, 329, 363, 364

Вяземский уезд — 174.

Гжатский уезд — 75, 174.

Самуйлово — 75, 76.

Дорогобужский уезд — 27.

Ельнинский уезд — 4, 157,
167, 174, 177, 178, 181,
316, 323, 329.

Бибирево — 175

Блашевицы — 324.

Б. Тесное — 181.

Вязовка — 325.

Гавринка — 180

Городок — 178.

Дубовежье — 325.

Заборье — 177.

Замостье — 181.

Ивановка — 176.

Каменец — 178

Камешки — 174.

Коханы — 180

Куракино — 174.

Лейкино — 324.

Линевка — 178

Луки — 175.

Лучеса — 178

Мальцево — 179.

Масалово — 181.

Матюшково — 179.

Митино — 178, 325.

М. Тесное — 181.

Мурашкино — 175.

Наталино — 177.

Невесели — 176.

Нижняя Нежода — 176.

Никольское — 181.

Новгородчина — 178.

Острово — 178.

Павлово — 178.

Передельниково — 175

Починок — 178.

Провержинка — 178.

Сазоново — 178.

Светилово — 175

Яковлевичи — 177.

Краснинский уезд — 4, 21, 92,
157, 167—169, 171, 173,
174, 181, 316, 318, 319, 321,
324, 329.

Авдотьино — 172.

Алфимково — 170.

Бараново — 322.

Берносочье, Высокое тож —
321.

Большие Остроги — 168,
172.

Васильево — 170, 319

Гололобово — 168.

Гостилино — 173.

Дуравки — 170.

Зафидово — 320.

Кисели — 169.

Ковали — 173.

Кожино — 169

Копыловка — 319.

Кузнецово — 169

Кузьминичи — 168.

Лядицы — 320.

Малое Щелканово — 173

Макарово — 170, 322.

Морачево — 321.

Морозовка — 168

Морозово — 322.

Н. Михайловское — 319.

Плотники — 173.

Усохи — 168.

Хильчичи — 323.

Ходнево — 169.

Щелбаново — 173.

Сычевский уезд — 174, 329

Юхновский уезд — 174.

Среднее Поволжье — 69.

Ставропольская губ. — 107, 126,
139, 265, 363.

Воронцово-Александров-
ка — 126.

Т

Таврическая губ. — 106, 107,
132, 137, 139, 286, 295, 296,
299, 307, 316, 363.

Тамбовская губ. — 5, 22, 39, 66,
71, 73, 90, 107, 109, 132,
136, 137, 148, 149, 200, 236,
294, 296, 299, 300, 307, 316,
363.

Кирсановский уезд — 5, 22,
39, 200, 236—238.

Усманский уезд — 149.

Тверская губ. — 11, 91, 96, 107,
132, 136, 296, 299, 306, 316,
363.

Бежецкий уезд — 91

Тобольская губ. — 47.

Тульская губ. — 3, 5, 92, 107,
108, 115, 118, 132, 136,
200, 209, 296, 299, 307,
316, 330, 349, 363, 364.
Белевский уезд — 108.
Богородицкий уезд — 108.
Веневский уезд — 5, 200,
209—213, 239.
Асаново — 212, 213.
Богдановка — 210.
Есипово — 212.
Кослево — 213.
Ново-Ивашково — 210.
Ефремовский уезд — 200.
Епифанский уезд — 108.
Каширский уезд — 108.
Крапивинский уезд — 92, 108.
Новосильский уезд — 5, 200—
202, 204—207, 209, 238,
239, 330, 349.
Агибалово — 331.
Александрова слобода —
203.
Бараново — 330.
Барыши — 334.
Безобразовка — 332.
Бетьково — 207.
Бешенцово — 208.
Богоявленское — 330.
Большие Поганые Озер-
ки — 201.
Верхнее Скворче — 204.
Верхний Рог — 204.
Власово — 202.
Волково — 208.
Голунь — 332.
Горенки — 205.
Грязная Зушица — 201.
Домна — 208, 332.
Жердево — 202.
Знаменское — 204.
Золотухино — 202.
Зуши — 208.
Княгиньки — 209.
Козловка — 333.
Красное — 333.
Кулеши — 203.
Лебедевка — 209.
Ломинолозово — 207.
Любавши — 334.
Малая и Большая Раков-
ка — 334.
Малиново — 208.
Мамоновка — 208.

Марьино — 201.
Наречье — 202, 334.
Николаевка — 334.
Ново-Никольское — 333.
Новоселки — 208.
Новоуспенское — 209.
Ольховка — 203.
Петровка — 204, 205.
Плессево — 202.
Подвысокое — 208.
Подгореловка — 208.
Пониковец — 204, 208.
Покровское — 201.
Потаповка — 332.
Прилепы — 209.
Раевка — 334.
Саричевка — 332.
Севрюково — 334.
Сергиевка — 209.
Спасское — 331.
Судбищи — 205.
Троицкое — 200, 205, 334.
Фироновка — 334.
Чулково — 202.
Чернский уезд — 200.
Ясная поляна — 90.

У

Украина — 149, 240, 265.
Уфимская губ. — 42, 295, 296,
299, 307, 363.

Х

Харьковская губ. — 107, 114,
118, 122, 126, 132, 136,
139, 154, 155, 157, 232,
295, 296, 299, 307, 315,
316, 363.
Ахтырский уезд — 126, 295.
Гребеньковский — 295.
Трудолюбовка — 295.
Изюмский уезд — 296.
Ольховатка — 296.
Лебединский уезд — 295.
Лантаровка — 295.
Старобельский уезд — 297.
Анновка — 297.
Сумский уезд — 114, 122.
Херсонская губ. — 5, 27, 103,
107, 127, 128, 132, 137, 139,
265, 279, 280, 282, 287, 294,

296, 299, 307, 315, 316, 354,
363, 420.

Елизаветградский уезд (до
1865 г. — Бобринецкий) —
5, 27, 103, 279—283, 286,
294, 354, 358.

Елизаветград — 280.

Александровка — 284.

Ареповка — 282.

Арсеньевка — 356.

Беловка — 282.

Богдановка — 285.

Босная — 284.

Веселовка — 355.

Владимировка — 283.

Евдокимовка — 355.

Елизаветовка, Мишоровка
тож — 354.

Ивановка — 356.

Колмаковка — 284.

Константиновка — 284.

Корлюговка — 284.

Косогоровка — 357.

Лозоватка — 281, 283.

Любовичевка — 356.

Мануйловка — 285, 356.

Марьевка — 356.

Маслов Буерак — 282.

Мигей — 285.

Мироновка — 285, 357.

Михайловка — 282.

Монастырище — 283.

М. Осичка — 286.

Надиновка — 356.

Никанорка — 280.

Николаевка — 285, 357.

Обозновка — 286.

Осоковатое — 284.

Павловка — 285.

Рыстачевка — 284.

Скопиевка — 284.

Ставровка — 356.

Сухолеговка — 285.

Триполье — 282.

Фурмановка — 285.

Юрьевка — 284.

Одесский уезд — 281.

Августовка — 281.

Дорофеевка — 281.

Тираспольский уезд — 128.

Васильевка — 128.

Осиповка — 128.

Ч

Черниговская губ. — 2, 5, 20, 28,
42, 65, 66, 76, 103, 105, 107,
127, 128, 132, 136, 154, 155,
157, 240, 259, 260, 296,
299, 301, 307, 315, 316, 342,
346, 363, 420.

Борзненский уезд — 259.

Глуховский уезд — 154.

Козелецкий уезд — 259.

Конотопский уезд — 259.

Мглинский уезд — 127, 128,
154.

Кульнево — 128.

Нежинский уезд — 5, 76, 103,
105, 240, 259—264, 342,
346, 348.

Безугловка — 76.

Галицы — 348.

Колесники — 261, 262.

Крапивна — 264.

Кукушкин — 262.

Кукшино — 105.

Леонидовка — 348.

Макиевка — 348.

М. Макеевка — 348.

Монастырищина — 347.

Мрин — 262, 264.

Мыльников — 261.

Носовка — 264.

Панский Колодезь — 347.

Плоское — 262.

Тамашевка — 347.

Хотиновка — 261, 262.

Шпаковка — 347.

Новгород-Северский уезд —
76, 154.

Каменская — 76.

Новозыбковский уезд — 154.

Стародубский уезд — 154.

Суражский уезд — 128, 154.

Казаричи — 128.

Э

Эстлянская губ. — 132.

Я

Ярославская губ. — 18, 107, 132,
136, 148, 149, 296, 299,
306, 316, 363.

Бурмакинская вол. — 18.

Ростовский уезд — 149.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
ВВЕДЕНИЕ	7
<i>Глава первая.</i> ОБНАРОДОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ 19 ФЕВРАЛЯ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЕСНОЙ 1861 г.	43
<i>Глава вторая.</i> СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВНЫХ ГРАМОТ (1861—1863 гг.)	88
<i>Глава третья.</i> УСТАВНЫЕ ГРАМОТЫ	136
1. Общие замечания	—
2. Уставные грамоты центральных нечерноземных губерний	157
3. Уставные грамоты центрально-черноземных губерний	200
4. Уставные грамоты окраин — района внутренней колонизации	265
<i>Глава четвертая.</i> ВЫКУПНЫЕ СДЕЛКИ	302
<i>Глава пятая.</i> РЕФОРМА 1863 г. В ЛИТВЕ, БЕЛОРУССИИ И НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ	365
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	423
ПРИЛОЖЕНИЯ	429
БИБЛИОГРАФИЯ	444
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	460

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
«СОЦЭКГИЗ»**

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫПУСКАЕИ
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

Греков Б Д, **Краткий очерк истории русского крестьянства**, 10 л.,
100 тыс экз., цена 4 руб

Тарле Е. В., **Северная война**, 30 л., 100 тыс экз., цена 10 руб.

Ключевский В О, **Сочинения**, т IV, 25 л., 75 тыс экз., цена 11 руб

«**Очерки экономической истории России первой половины XIX в.**»,
28 л., 10 тыс. экз., цена 12 руб

Рашин А Г, **Формирование рабочего класса России**, 40 л., 20 тыс.
экз., цена 15 руб.

Федосов И А., **Революционное движение в России во второй чет-
верти XIX в.**, 22 л., 15 тыс экз., цена 13 руб

Шутой В. Е., **Борьба народных масс против нашествия армии
Карла XII**, 24 л., 20 тыс экз., цена 13 руб.

Серова Н. В., **Василий Серов**, 4 л., 100 тыс. экз., цена 70 коп.
Цены на книги указаны ориентировочно.

В настоящее время Соцэкгиз готовит первое советское издание
«Истории России с древнейших времен» С М Соловьева, труды
которого по обилию собранного в них фактического материала до
сих пор сохранили свое значение

Издание будет распространяться по подписке.

*Продажа книг Соцэкгиза производится
во всех книжных магазинах*

Зайончковский Петр Андреевич

ПРОВЕДЕНИЕ В ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНСКОЙ
РЕФОРМЫ 1861 г.

Редактор *А. Белявский*

Оформление художника *Н. Пешкова*

Технический редактор *А. Данилина*

Сдано в набор 24 октября 1957 г. Подписано в печать
19 апреля 1958 г. Формат 84 × 103¹/₃₂. Бум. л. 7,375.
Физ. печ. л. 14,75. Учетн.-печ. л. 24,2. Учетно-изд. л.
27,12. Тираж 20 тыс. экз. А01294. Цена 15 руб.
Заказ 942.

Издательство социально-экономической литературы.
Москва, В-71. Ленинский проспект, 15.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление
полиграфической промышленности. Типография № 1
«Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

ОПЕЧАТКИ

№№ пп	Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
1	55	5 снизу	Сухезант	Сухозанет
2	184	26 снизу	59396	59336
3	299	5 снизу	29944	29244
4	308	1 сверху	умышленного	уменьшенного
5	344	7—8 снизу	платеж предус-	платеж не пре-
			матривался	дусматривался
6	436	15—16 сверху	перевести крестьян	крестьяне переводились

Заказ 942. П. А. Зайончковский